

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика
 Агрохимия
 Азия и Африка сегодня
 Акустический журнал
 Алгебра и анализ
 Астрономический вестник
 Астрономический журнал
 Биологические мембраны
 Биология внутренних вод
 Биология моря
 Биоорганическая химия
 Биофизика
 Биохимия
 Ботанический журнал
 Вестник РАН
 Вестник древней истории
 Вестник Южного научного центра
 Водные ресурсы
 Вопросы истории естествознания и техники
 Вопросы ихтиологии
 Вопросы философии
 Вопросы языкознания
 Восток
 Вулканология и сейсмология
 Высокмолекулярные соединения (Сер. А, В, С)
 Генетика
 Геология рудных месторождений
 Геомагнетизм и аэрономия
 Геоморфология
 Геотектоника
 Геохимия
 Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокириология
 Государство и право
 Дефектоскопия
 Дискретная математика
 Дифференциальные уравнения
 Доклады Академии наук
 Журнал аналитической химии
 Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова
 Журнал вычислительной математики и математической физики
 Журнал неорганической химии
 Журнал общей биологии
 Журнал общей химии
 Журнал органической химии
 Журнал прикладной химии
 Журнал технической физики
 Журнал физической химии
 Журнал эволюционной биохимии и физиологии
 Журнал экспериментальной и теоретической физики
 Записки Российского минералогического общества
 Земля и Вселенная
 Зоологический журнал
 Известия РАН. Механика жидкости и газа
 Известия РАН. Механика твердого тела
 Известия РАН. Серия биологическая
 Известия РАН. Серия географическая
 Известия РАН. Серия литературы и языка
 Известия РАН. Серия математическая
 Известия РАН. Серия физическая
 Известия РАН. Теория и системы управления
 Известия РАН. Физика атмосферы и океана
 Известия РАН. Энергетика
 Известия русского географического общества
 Исследование Земли из космоса
 Кинетика и катализ
 Коллоидный журнал
 Координационная химия
 Космические исследования
 Кристаллография
 Латинская Америка
 Лесоведение
 Лёд и Снег
 Литология и полезные ископаемые
 Математические заметки
 Математический сборник
 Математическое моделирование
 Микология и фитопатология
 Микробиология
 Микроэлектроника
 Мировая экономика и международные отношения
 Молекулярная биология
 Наука в России
 Научное приборостроение
 Нейрохимия
 Неорганические материалы
 Нефтехимия
 Новая и новейшая история
 Общественные науки и современность
 Общество и экономика
 Океанология
 Онтогенез
 Оптика и спектроскопия
 Палеонтологический журнал
 Паразитология
 Петрология
 Письма в Астрономический журнал
 Письма в Журнал технической физики
 Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики
 Поверхность
 Почвоведение
 Приборы и техника эксперимента
 Прикладная биохимия и микробиология
 Прикладная математика и механика
 Природа
 Проблемы Дальнего Востока
 Проблемы машиностроения и надежности машин
 Проблемы передачи информации
 Программирование
 Психологический журнал
 Радиационная биология. Радиоэкология
 Радиотехника и электроника
 Радиохимия
 Расплавы
 Растительные ресурсы
 Российская археология
 Российская история
 Российский иммунологический журнал
 Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
 Русская литература
 Русская речь
 Сенсорные системы
 Славяноведение
 Социологические исследования
 Стратиграфия. Геологическая корреляция
 США. Канада. Экономика - политика - культура
 Теоретическая и математическая физика
 Теоретические основы химической технологии
 Теория вероятностей и ее применение
 Теплофизика высоких температур
 Труды Математического института имени В.А. Стеклова
 Успехи математических наук
 Успехи современной биологии
 Успехи физиологических наук
 Физика Земли
 Физика и техника полупроводников
 Физика и химия стекла
 Физика металлов и металловедение
 Физика плазмы
 Физика твердого тела
 Физикохимия поверхности и защита материалов
 Физиология растений
 Физиология человека
 Функциональный анализ и его применение
 Химическая физика
 Химия высоких энергий
 Химия твердого топлива
 Цитология
 Человек
 Экология
 Экономика и математические методы
 Электрохимия
 Энергия, экономика, техника, экология
 Этнографическое обозрение
 Энтомологическое обозрение
 Ядерная физика

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ
<http://www.naukaran.com>

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2018

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.А. Тишкин, акад. РАН В.Л. Янин,
проф. А. Буко (Польша), докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуль (Франция), чл.-корр. НАН Украины Г.Ю. Ивакин, проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
д.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов, д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон (499)124-34-42
E-mail: ra@iaran.ru

Москва
Издательство “Наука”

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2018

Геохронологические данные и археологические представления о времени существования опорных памятников восточного граветта на Русской равнине <i>Зарецкая Н. Е., Гаврилов К. Н., Панин А. В., Нечушкин Р. И.</i>	3
К изучению социальной структуры позднеантичного Азиатского Боспора <i>Строков А. А.</i>	17
Поминальные обряды раннесредневекового могильника Ревда 5 в Западной Сибири <i>Матвеева Н. П.</i>	36
Керамика среднеазиатского ремесла IX–XI вв. из Хульбука (столицы Хутталя) <i>Симеон П.</i>	47

Новые данные по археологии скифской культуры Среднего Дона (к 80-летию В. И. Гуляева)

К юбилею В.И. Гуляева	59
Тяжеловооруженная конница в войске Восточной Скифии <i>Копылов В. П., Янгулов С. Ю.</i>	61
Погребальные традиции на Среднем Дону в скифскую эпоху: к вопросу об интерпретации бескурганых захоронений <i>Володин С. А.</i>	69
Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2005 г.) <i>Березуцкий В. Д., Золотарев П. М.</i>	82
Новые поселенческие материалы начала раннего железного века на Верхнем Дону <i>Разуваев Ю. Д.</i>	93
Богиня Кибела – владычица зверей – в скифском искусстве <i>Гуляев В. И.</i>	105

Публикации

“Шуба” эпохи ранней бронзы из дольмена у станицы Царская (1898 г.) на Северо-Западном Кавказе: методика и результаты комплексного исследования <i>Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Чернова О. Ф., Севастьянов С. В., ван дер Плихт Й., Голенищев Ф. Н.</i>	118
Погребальные комплексы святилища эпохи бронзы Шайтанское Озеро II на Среднем Урале <i>Корочкова О. Н., Мосунова А. В., Спиридонов И. А., Стефанов В. И.</i>	135
Клад позднебоспорских статов из окрестностей Гермонассы (2016 г.) <i>Абрамзон М.Г., Сударев Н.И.</i>	150
Первая берестяная грамота из Вологды <i>Кукушкин И.П., Гиппиус А.А., Зализняк А.А.</i>	164

Критика и библиография

Р.М. Мунчаев, Ш.Н. Амиров. Тель Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. Т. 2. М., 2016 <i>Авилова Л. И.</i>	173
Археологическая карта Республики Калмыкия. Ч. I (Ики-Бурульский, Приютненский, Целинный, Черноземельский районы). Элиста, 2016 <i>Каргин Ю. Ю.</i>	177
Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М., 2013 <i>Андреева М. В.</i>	187

Contents

Number 1, 2018

Geochronological data and the archaeological ideas about the duration of the major Eastern Gravettian sites on the Russian plain <i>Zaretskaya N. E., Gavrilov K. N., Panin A. V., Nechushkin R. I.</i>	3
Towards studying the social structure of the Asian Bosphorus in Late Antiquity <i>Strokov A. A.</i>	17
Wake rituals at Revda 5 Early Medieval cemetery in Western Siberia <i>Matveeva N. P.</i>	36
Central Asian pottery of the 9 th –11 th centuries from Hulbuk, the capital of Huttal <i>Siméon P.</i>	47

New data on the archaeology of Scythian culture on the Middle Don (to the 80th anniversary of V.I. Gulyaev)

To the jubilee of V.I. Gulyaev	59
Armoured heavy cavalry troops of Eastern Scythia <i>Kopylov V. P., Yangulov S. Yu.</i>	61
Middle Don burial traditions in the Scythian period: on the interpretation of flat graves <i>Volodin S. A.</i>	69
Barrows of the Scythian period near Dubovoy Khutor on the Middle Don (the 2005 excavations) <i>Berezutsky V. D., Zolotarev P. M.</i>	82
New materials from the Upper Don settlements of the beginning of the early iron age <i>Razuvaev Yu. D.</i>	93
The goddess Cybele, Mistress of animals, in Scythian art <i>Gulyaev V. I.</i>	105

Publications

Early Bronze Age “fur coat” from the dolmen near Tsarskaya Stanitsa (1898) in Northwest Caucasus: methods and results of an integrated study <i>Trifonov V. A., Shishlina N. I., Chernova O. F., Sevastyanov S. V., Van der Plicht J., Golenishchev F. N.</i>	118
Burial assemblages from Shaitanskoe Lake II Bronze-Age sanctuary in the Middle Urals region <i>Korochkova O. N., Mosunova A. V., Spiridonov I. A., Stefanov V. I.</i>	135
A hoard of late Bosporan staters from the outskirts of Hermonassa (2016) <i>Abramzon M. G., Sudarev N. I.</i>	150
The first birchbark letter from Vologda <i>Kukushkin I. P., Gippius Al. A., Zaliznyak An. A.</i>	164

Critics and Bibliography

R.M. Munchaev, Sh.N. Amirov. Tell Hazna I. A Religious and Administrative Center in North-East Syria in IV – III mil. BC. V. 2. M., 2016 <i>Avilova L. I.</i>	173
An archaeological map of Kalmykia Republic. Part I. (Iki-Burul, Priyutnoe, Tselinny and Chernozemelsky regions). Elista, 2016 <i>Kargin Yu. Yu.</i>	177
Mimokhod R. A. The Lola culture. The North-Western Caspian Sea maritime region at the turn of the Middle and the Late periods of the Bronze Age <i>Andreeva M. V.</i>	187

ГЕОХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОПОРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО ГРАВЕТТА НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

© 2018 г. Н. Е. Зарецкая*, К. Н. Гаврилов**,
А. В. Панин***, Р. И. Нечушкин*

* Геологический институт РАН, Москва, Россия
(n_zaretskaya@inbox.ru; nechrom@yandex.ru)

** Институт археологии РАН, Москва, Россия (k_gavrilov.68@mail.ru)

*** Институт географии РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (a.v.panin@yandex.ru)

Поступила в редакцию 10.01.2017 г.

Статья посвящается памяти Л.Д. Сулержицкого

В статье представлены история развития представлений о соотношении радиоуглеродной и археологической хронологий, а также результаты проведенной впервые статистической обработки больших массивов радиоуглеродных дат, полученных в течение длительного времени в разных лабораториях для следующих стоянок восточного граветта: Костенки 1 (слой 1), Авдеево, Зарайск и Хотылево 2. Выделены хронологические эпизоды заселения памятников, отражающие, по-видимому, многоступенчатое (или поэтапное) накопление культурного слоя. Установлено, что применение статистической обработки массивов радиоуглеродных дат целесообразно вместе с изучением микростратиграфии и в целом пространственной структуры изучаемого памятника, так как в этом случае может проводиться и взаимная верификация результатов.

Ключевые слова: геохронология, археология, радиоуглеродный и календарный возраст, стоянки, восточный граветт, костенковско-авдеевская культура.

Проблема соотношения геохронологических данных (полученных в результате инструментальных измерений возраста тех или иных геологических отложений, в которые входит и материал культурных слоев археологических памятников) и археологических представлений о хронологии и периодизации эпох, культур и времени существования отдельных памятников палеолита является одной из “наболевших” проблем современных наук о Земле и человеке. Увеличение количества определений радиоуглеродного возраста верхнепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины, произошедшее за последние полвека, привело в ряде случаев к ситуации, когда представления археологов о времени существования того или иного поселения вошли в противоречие с данными, полученными в результате радиоуглеродного датирования. Как только серия дат приближалась к первому десятку, разброс значений выходил за рамки статистической погрешности и давал исследователю основания для определенной их хронологической группировки. Эта ситуация вызвала

дискуссию относительно природы данного явления.

Очевидно, что камнем преткновения в данном случае стал именно вопрос о существовании одного и того же поселения на протяжении времени до нескольких тысяч лет. Зачастую это приводило к тому, что из массива радиоуглеродных дат, полученных для какого-либо памятника, выбрасывались даты “неправильные” (археолог А.В. Волокитин даже придумал специальный термин для таких дат – “невменяемые даты”), т.е. не соответствовавшие представлениям археологов о возрасте памятника, и, наоборот, оставались “правильные даты”, этому возрасту соответствовавшие. Критерии отбора дат, таким образом, были в большей степени интуитивными, нежели опирались на логические построения. В то же время вместе с продолжавшимся накоплением и разрастанием массива радиоуглеродных дат шло поступление новых данных о стратиграфии и микростратиграфии памятников. В результате учет археологического контекста приводил к пересмотру “неправильных” дат,

которые неожиданно вдруг оказывались “правильными”, укладываясь в новые схемы, выстроенные археологами.

В последние десятилетия дискуссия между археологами и геохронологами то утихала, то активизировалась. По-видимому, это было связано как с определенными этапами накопления археологической информации, так и увеличением количества радиоуглеродных дат, сначала для определенного памятника, потом для определенного слоя каждого памятника и даже отдельного объекта. Сейчас дискуссия вступает в очередной период активизации, и эта публикация – закономерное тому подтверждение.

История вопроса. Одной из первых обратилась к обсуждению этого вопроса Л.В. Грехова (1990), отметив, что наиболее интересные результаты дают анализы серий дат, и предложив детально проанализировать растянутый во времени массив из 11 дат со стоянки Елисеевичи I, объединив их в три хронологические группы, сопоставляющиеся с конкретным археологическим материалом. Были выдвинуты следующие объяснения хронологических hiatus внутри массивов дат: 1) существование на одной площадке разновременных поселений; 2) использование более древних предметов в более позднее время. В своей последней статье Л.В. Грехова предприняла попытку вычленив этапы накопления культурного слоя/слоев Елисеевичской стоянки, опираясь уже на сугубо археологические и стратиграфические критерии (Грехова, 2014).

Другой взгляд на данную проблему был предложен Н.А. Кренке и Л.Д. Сулержицким в работе “Археология и реальная точность радиоуглеродного метода” (1992). Здесь рассматривались полученные к тому времени серии дат со стоянок Авдеево и Костенки I (верхний слой), о возрасте и времени существования которых уже имелись независимые археологические представления. Было показано, что разброс дат для позднепалеолитических стоянок может превышать доверительный интервал измерений в 2.4–3.5 раза и составлять 2200–2600 лет. Авторы предположили, что если разброс дат превышает 2–3 тыс. лет для стоянок позднего палеолита, то можно говорить о нескольких этапах функционирования памятника, смешивании разновозрастного материала, если не превышает – то нет. Однако при отборе серий дат для анализа не анализировался ни сам характер их разброса, ни археологический контекст.

Дискуссию продолжили А.А. Сеницын с соавторами (Сеницын и др., 1997) в коллективной монографии, посвященной радиоуглеродной хронологии палеолита. Касательно хронологии палеолита

бассейна Среднего Дона отмечалось, что “разброс радиоуглеродных датировок всех без исключения стоянок значительно превышает допустимые представления о длительности обитания человека на одном поселении” (Сеницын и др., 1997. С. 33). При этом авторы признают, что сами поселения достигали огромных размеров; кроме того, планиграфическое распределение радиоуглеродных дат стоянки Костенки I (сл. 1) (Сеницын и др., 1997. С. 32. Рис. 3) давало основание для постановки вопроса о длительном существовании этого памятника.

Следует отметить, что с течением времени А.А. Сеницын изменил подходы к интерпретации результатов радиоуглеродного датирования Костенок. В одной из недавних работ он отмечает, что калиброванные серии дат более наглядно могут фиксировать этапы заселения стоянок, чем некалиброванные (Сеницын, 2014). Тем не менее автор продолжает считать недостоверным существующий разброс дат для одного культурного слоя.

Л.Д. Сулержицкий высказывал идею о том, что палеолитические стоянки являлись местами, по тем или иным причинам предпочтительными для древних людей, могли заселяться неоднократно в течение длительного времени, и в закономерностях распределения дат прослеживаются определенные этапы (Сулержицкий, 1997, 2004; Праслов, Сулержицкий, 1999). В работах Л.Д. Сулержицкого массивы обсуждаемых дат приводились целиком: «Представляется, что в массиве могли бы присутствовать невалидные даты, полученные по образцам, спутанным при отборе, хранении, на стадиях прохождения лабораторной подготовки, измерения и т.п. Однако обнаружить их пока не удается, кроме... “спутанных” еще древними людьми» (Сулержицкий, 2004. С. 107).

В то же время предпринята математическая обработка массивов некалиброванных дат со стоянок Авдеево, Сунгирь и Мальта (Соколов и др., 2004). По результатам проведенного анализа выделено сравнительно короткое время “расцвета” стоянок и сравнительно длительное “время активности”. Подобная интерпретация полученных результатов может рассматриваться как некий компромисс между подходами Л.В. Греховой и А.А. Сеницына.

Со стороны археологов на близких к Л.Д. Сулержицкому методологических позициях стоит Х.А. Амирханов. В монографии о Зарайской стоянке (Амирханов, 2000) им детально изложен подход к интерпретации большого массива разновременных дат, накопленного к моменту ее написания. Особо подчеркивается, что при интерпретации дат во главу угла ставятся собственно

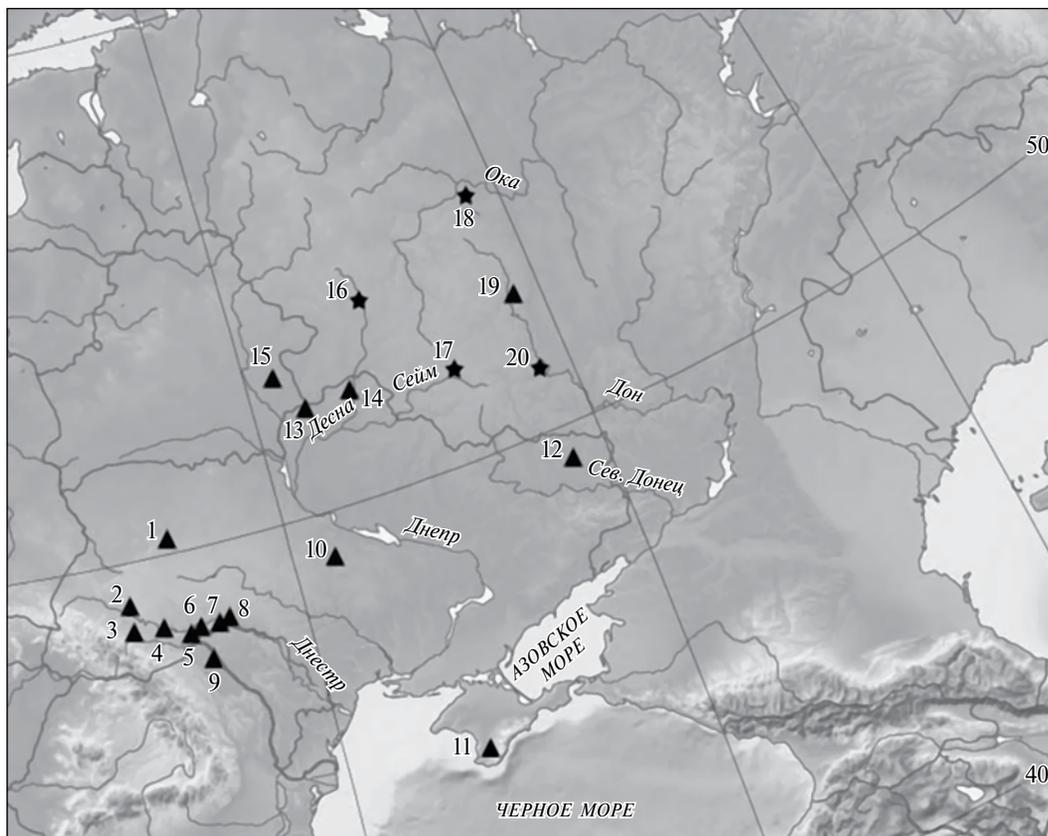

Рис. 1. Распространение памятников восточного граветта на территории Восточной Европы. 1 – Збитенка; 2 – Межгорцы; 3 – Замостье I; 4 – Дорошиовци III; 5 – Оселивка I; 6 – Вороновица 1, Бабин 1; 7 – Молодова 1, 5; 8 – Кормань 4; 9 – Миток-Малу Галбен; 10 – Трояново 4; 11 – Сюрень 1; 12 – Ямы; 13 – Ключы; 14 – Пушкари I; 15 – Бердыж; 16 – Хотылево 2; 17 – Авдеево; 18 – Зарайск; 19 – Гагарино; 20 – Костенки 1, сл. 1, Костенки 4, Костенки 8, сл. 2, Костенки 13, Костенки 18, Костенки 21, сл. 3, Борщево 5. Звездочками отмечены стоянки, массивы радиоуглеродных дат которых анализируются в статье, в том числе № 20 – Костенки 1, сл. 1.

Fig. 1. East Gravettian sites in Eastern Europe. Marked with an asterisk are the sites the arrays of radiocarbon dates from which are analyzed in the present article, including № 20 – Kostenki, layer 1

стратиграфические показатели и в целом археологический контекст, а не даты. Группы дат дифференцируются по выделяемым слоям и более дробным культурно-стратиграфическим уровням. Исследования Зарайской стоянки позволили показать, что пространственная организация этого памятника радикально менялась с течением времени, фактически отражая смену одного типа поселения другим (Амирханов, 2000, 2009), и становилась допустимой длинная хронология.

Г.П. Григорьев и вслед за ним Е.В. Булочникова, опираясь на материалы стоянки Авдеево (Булочникова, Григорьев, 2005; Булочникова, 2008), придерживались диаметрально противоположной точки зрения, сходной с мнением А.А. Синицына. Она состояла в утверждении относительной одновременности всех структурных элементов стоянок костенковско-авдеевского типа (при разбросе дат до первых тысяч ^{14}C -лет), подтвержденной не только

археологическими, но и стратиграфическими данными. Тем не менее на профиле западной стенки траншеи, разрезавшей в 1972 г. новый комплекс Авдеевской стоянки в поперечном направлении, можно видеть, что культурный слой расслаивается на прослойки (Гвоздовер, 1972. Л. 40). По мнению авторов раскопок, они имеют локальное распространение и не позволяют вычлнить разные уровни (или этапы) накопления, за исключением заполнения ям. Однако на уже упомянутом профиле можно видеть и ямы, перекрытые несколькими слоями.

Таким образом, часть исследователей считает, что группы дат отражают различные этапы заселения и/или жизнедеятельности людей на том или ином участке поселений. Сторонники этой точки зрения полагают, что существует определенное соответствие между данными радиоуглеродного датирования изучаемых ими памятников, с одной

стороны, и данными о стратиграфии и планиграфии культурного слоя или слоев этих же памятников – с другой. Сторонники другой точки зрения считают, что разброс радиоуглеродных дат в ряде случаев входит в противоречие с их археологическим контекстом и, возможно, связан с особенностями метода определения возраста образцов.

В последние годы существенно дополнились серии дат для стоянки Хотылево 2 – памятника со сложно структурированным в пространстве культурным слоем. Новые радиоуглеродные даты заставили пересмотреть принятую в 1990-е годы точку зрения о более раннем возрасте Хотылевской стоянки по сравнению с памятниками костенковско-авдеевской культуры (ср. Аникович, 1998; Гаврилов, 2005). Поэтому целесообразно “вернуться к вопросу” и провести сравнительный анализ массивов дат Хотылево 2, а также других стоянок восточного граветта – Зарайска, Авдеево и Костенки 1, сл. 1 (рис. 1). Поскольку собственно археологические данные о контексте имеющихся в нашем распоряжении определений радиоуглеродного возраста неоднократно рассматривались в разных публикациях, в данной работе акцент сделан на статистической обработке дат и дана оценка возможностям таких исследований для археологии и хронологии позднего палеолита.

Объект исследований. Памятники восточного граветта на Русской равнине имеют длительную историю изучения. Для большинства из них получены небольшие массивы радиоуглеродных дат. Почти все стоянки, кроме второго слоя Костенок 8, относятся к пост-брянскому времени, период их бытования – первая половина позднего валдая. Культурное разнообразие восточного граветта велико, как и разнообразие пространственной организации конкретных стоянок и поселений; характерная черта поселений костенковско-авдеевской культуры – присутствие нескольких типов углубленных объектов: глубоких очагов так называемой основной линии, “землянок” и “краевых ям”. Наоборот, для Хотылево 2 характерны неглубокие и достаточно крупные по диаметру ямы блюдцеобразной в плане формы. На этом же памятнике зафиксированы специфические группы преднамеренно уложенных костей мамонта: черепов, лопаток и тазовых.

Здесь проводится сопоставление хотылевского и костенковско-авдеевского массивов данных. С одной стороны, эти памятники отличаются друг от друга технико-типологическими характеристиками основных категорий материальной культуры, пространственной организацией поселений и, что особенно важно в данном случае, мощностью

и стратиграфической сложностью культурных слоев. С другой стороны, массивы радиоуглеродных дат, полученные для этих стоянок, достаточны для их статистической обработки и могут быть проанализированы с учетом археологического контекста датированных образцов.

Методика. Радиоуглеродные даты, использованные для статистической обработки, собраны в основном из уже имеющихся публикаций (Гвоздовер, Сулержицкий, 1979; Сеницын и др., 1997; Амириханов, 2000; Сулержицкий, 2004; Гаврилов, 2008, 2015). Затем все данные, имевшиеся для полученных дат, были проверены по журналам радиоуглеродной лаборатории (подразделение лаборатории геохимии изотопов и геохронологии) Геологического института РАН.

Статистическая обработка дат проводилась в программе OxCal 4.2 (Bronk Ramsey, 2009) с помощью модуля SUM, позволяющего выполнять сложение массивов калиброванных дат. Использовалась калибровочная кривая IntCal13 (Reimer et al., 2013). Методологическое основание для этой процедуры заключено в статистической природе ^{14}C -даты, представляющей собой случайную величину с так называемым нормальным распределением. Эта величина задается математической функцией, которую можно изобразить в виде графика, где по оси X отложено время, а по оси Y – так называемая функция плотности вероятности (ФПВ). При калибровке ^{14}C -даты, т.е. при приведении ее к календарной шкале времени, ФПВ, график которой изначально имеет правильную колоколообразную форму, приобретает сложный, неправильный вид. Если имеется несколько калиброванных ^{14}C -дат, их ФПВ можно сложить, что и делает модуль SUM программы OxCal.

Одной из методических проблем описанного подхода является наличие самопроизвольных флуктуаций суммарных ФПВ, связанных со сложной формой калибровочной кривой. Для смягчения этого эффекта применен способ учета флуктуаций искусственно генерируемого ряда ^{14}C -дат с регулярным шагом (Johnstone et al., 2006; Панин, 2008; Jones et al., 2015). При выборе стандартного отклонения σ для этого ряда учитывается, что чем больше величина σ , тем более сглаженной получается суммарная функция. Для соблюдения подобия необходимо, чтобы значение σ для регулярного ряда было близким к типичному σ для анализируемого массива. В нашем случае выбрано медианное для анализируемого массива значение σ , равное 260 годам. Сумма регулярного ряда с шагом 100 лет и $\sigma = 260$ лет показана на рис. 2, А. Среднее значение суммарной плотности вероятности (СПВ) оказалось равным

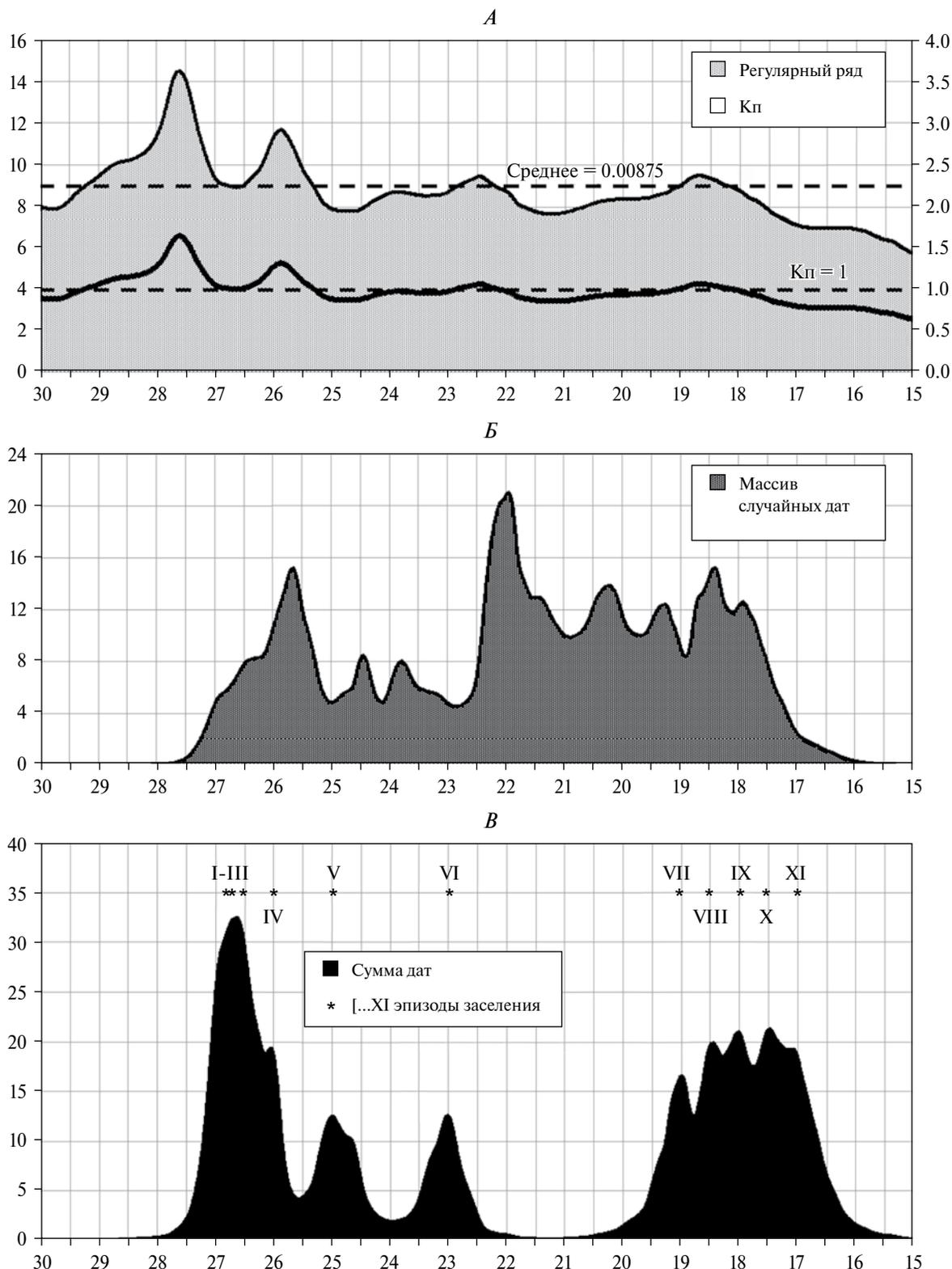

Рис. 2. Суммы искусственно сгенерированных рядов дат, используемые в методических целях. *A* – регулярный ряд с шагом 100 лет и $\sigma = 260$ лет; *B* – массив из 100 дат, полученных генератором случайных чисел в том же диапазоне, что и массив на рис. 1, *B*; *B* – массив из 110 дат, моделирующих 11 эпох заселения. По оси абсцисс – время, тыс. л. (кал.); по оси ординат – скорректированная суммарная плотность вероятности (СПВк $\times 10^3$); *A* – по оси ординат справа – поправочный коэффициент Кп.

Fig. 2. Sums of artificially generated rows of dates used for methodological purposes

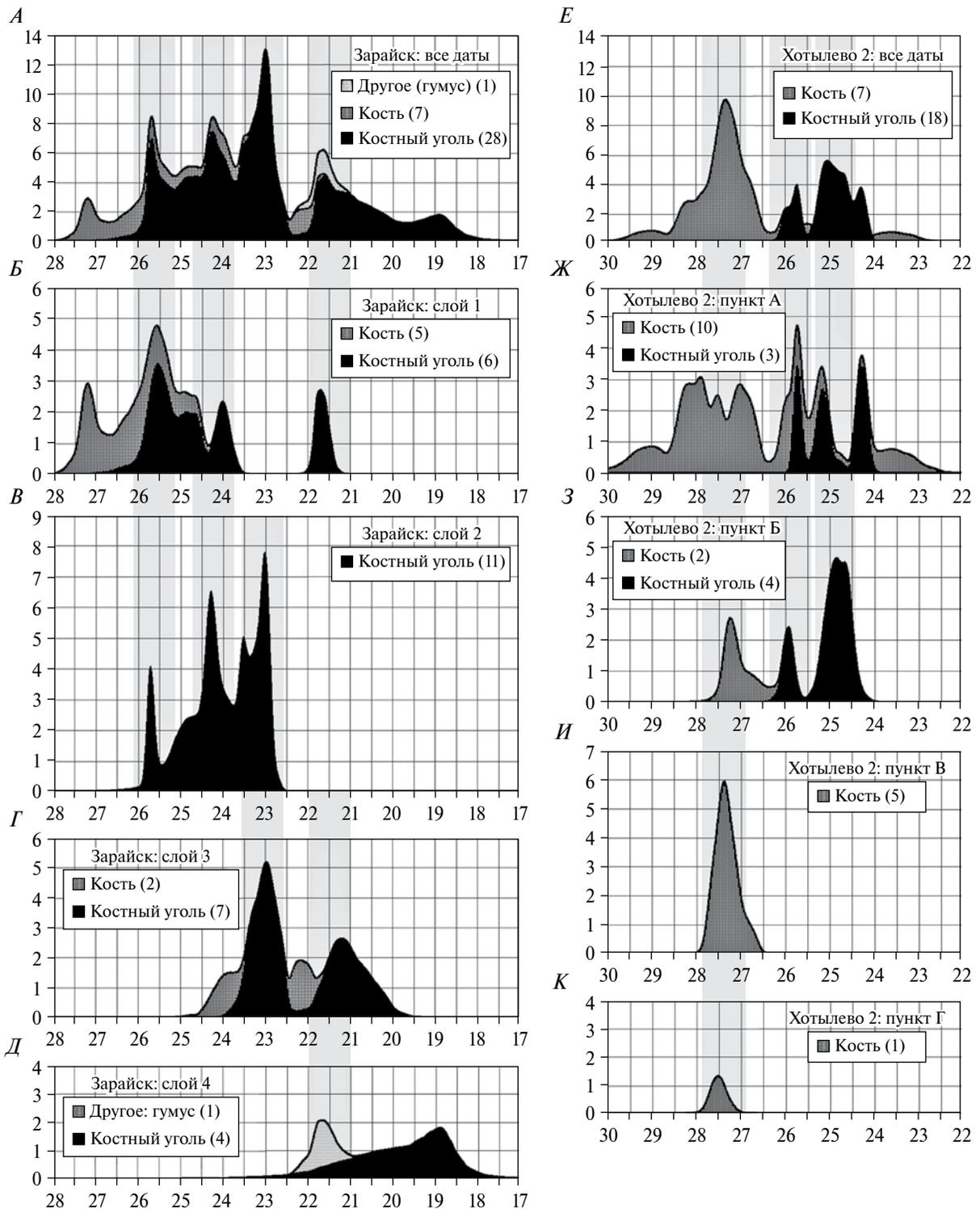

Рис. 3. Суммированные массивы дат по стоянкам, для которых выполнена стратиграфическая (А–Д: Зарайск) либо планиграфическая (Е–К: Хотылево 2) группировка дат. Вертикальными серыми полосами показаны 1000-летние интервалы, содержащие эпохи заселения памятников (для рис. 3, 4). Оси абсцисс и ординат – см. рис. 2.

Fig. 3. Summed dates for the sites for which stratigraphic (A–D: Zaraysk) or planigraphic (E–K: Khotylevo 2) groups of dates are available. The vertical grey columns indicate the 1000-year intervals which contain the periods of settlement at the sites (for figures 3 and 4)

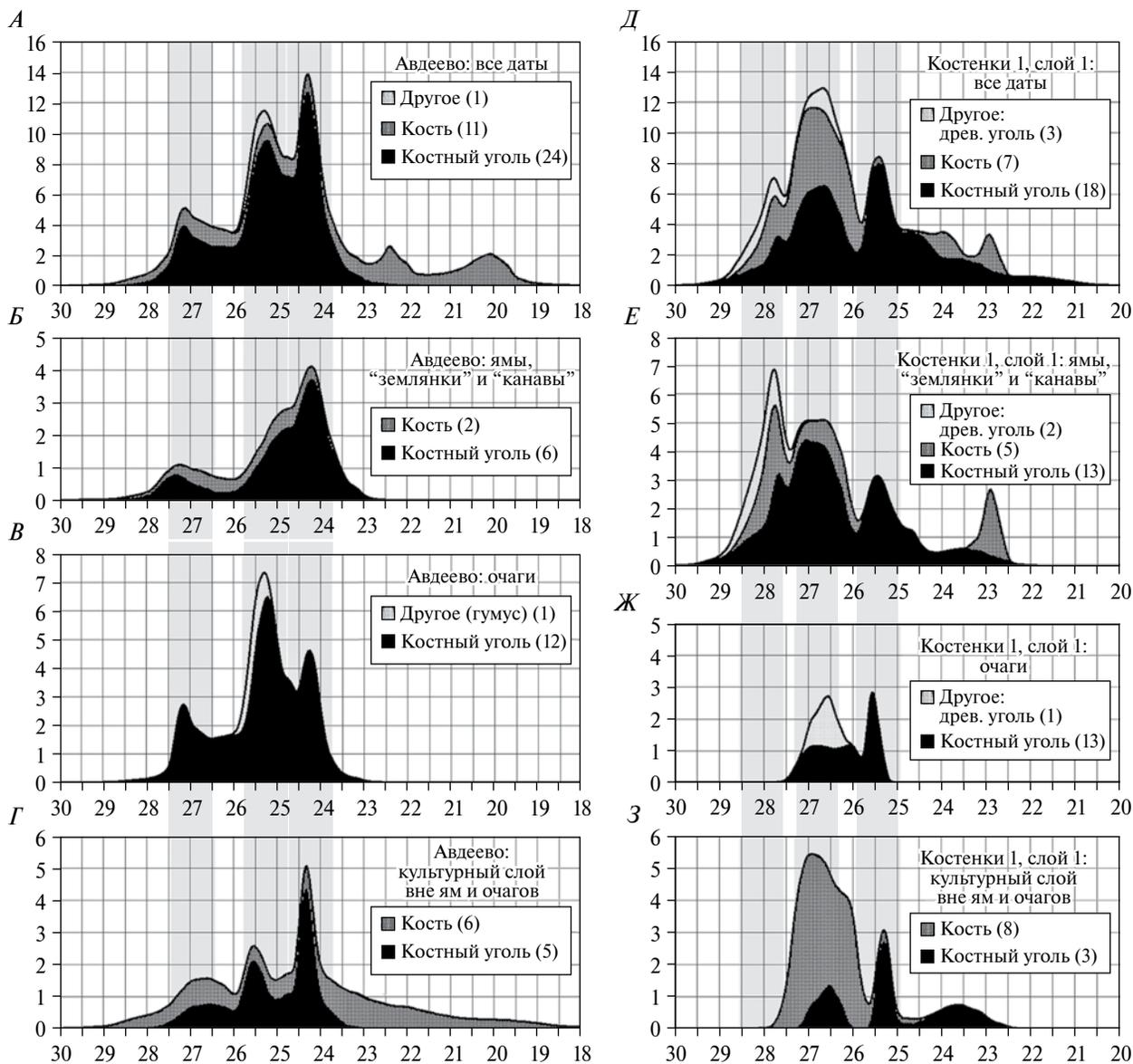

Рис. 4. Суммированные массивы дат по стоянкам, где выполнено подразделение дат согласно археологическому контексту: Авдеево (А–Г) и Костенки 1, сл. 1 (Д–З). Оси абсцисс и ординат – см. рис. 2.

Fig. 4. Summed dates for the sites where the dates have been grouped in accordance with archaeological context: Avdeevo (A–G) and Kostenki 1, layer 1 (D–Z)

0.00876. Далее путем деления СПВ (программа выдает ее значения с шагом в 5 календарных лет) на среднюю СПВ рассчитан поправочный коэффициент K_p (показан жирной линией на рис. 2, А). Значения $K_p < 1$ показывают, что форма калибровочной кривой предопределяет занижение СПВ при калибровке, $K_p > 1$ – завышение. В дальнейшем для удаления флуктуаций, связанных с формой калибровочной кривой, значения СПВ каждой выборки дат делились на K_p . Корректированная СПВ обозначена на графиках индексом СПВк (рис. 2–4). Благодаря этой процедуре достигается уверенность, что все

пики на полученных графиках СПВ представляют не артефакты, генерированные калибровочной кривой, а реальные сгущения дат в соответствующих интервалах шкалы времени.

Результаты. Всего по литературным и собственным материалам авторов собрано около 140 радиоуглеродных дат. Из статистического анализа исключены даты со стандартными отклонениями, превышающими 10%. В итоге анализ проведен для 137 дат: 36 – по Зарайской стоянке; 25 – Хотылево 2; 36 – Авдеево; 40 – Костенки 1, сл. 1. Суммирование плотностей вероятности проведено отдельно

по трем видам датированного материала: костному углю, кости и прочим материалам (древесный уголь, гумус). Кроме того, на каждой стоянке общий массив дат разделен на группы по стратиграфическому или археологическому контексту.

Для стоянок Авдеево и Костенки 1 разделения дат по заведомо разновозрастным стратиграфическим слоям выполнить не удалось, так как изначально эти памятники изучались как однослойные. Для этих стоянок проведен отдельный анализ дат в зависимости от археологического контекста: 1) даты из ям, “землянок” и “канав”; 2) даты из очагов; 3) даты из культурного слоя вне пределов ям и очагов (рис. 4). Общие суммы для стоянок (рис. 4, А, Д) включают также даты, для которых археологический контекст определить не удалось.

Для Зарайской стоянки суммирование ^{14}C -дат проведено по четырем группам в соответствии с выделяемыми здесь культурными слоями (рис. 3, А–Д). Сумма по всему массиву дат занимает широкий диапазон от 27.5 до 18.0 тыс. калиброванных (кал.) лет назад (л.н.) (рис. 3, А). Суммы по отдельным культурным слоям занимают более узкие непрерывные диапазоны шириной 3.5–5.5 тыс. лет, которые демонстрируют общую тенденцию в согласии со стратиграфией: в направлении от слоя 1 к слою 4 происходит последовательный сдвиг в сторону меньших возрастов (рис. 3, Б–Д). При этом, однако, суммарные диапазоны соседних слоев взаимно пересекаются не менее чем наполовину. На стоянке Хотылево 2 также выделено четыре группы дат, однако разделение проводилось по пунктам раскопок (рис. 3, Е–К).

Для сопоставления с реальными массивами дат создано также два искусственно генерированных массива. Первый моделирует ситуацию непрерывного заселения в интервале времени 27.0–17.0 тыс. кал. л.н., для которого имеется 100 радиоуглеродных дат. Корректированная сумма случайного массива СПВк показана на рис. 2, Б. Второй моделирует стоянку с несколькими короткими (годы – первые десятилетия) эпизодами заселения, по каждому из которых имеется 10 радиоуглеродных дат. Корректированная сумма этого массива из 110 дат показана на рис. 2, В.

Обсуждение результатов. Зависимость от датированного материала. Анализ хронологии памятников необходимо предварить обсуждением вопроса о возможной ее зависимости от происхождения образцов (материала для датирования). В частности, в литературе часто поднимается вопрос о том, как при датировании памятников по костному материалу и его производным (костному углю) учесть возможность присутствия в культурном

слое несинхронного ему привнесенного материала за счет собирательства костей в качестве топлива и для постройки жилищ (подробный анализ историкогеографии и проблематики данного вопроса см. Аникович и др., 2011).

Зависимость от датированного материала присутствует в результатах по Зарайску и особенно по Хотылево 2: на графиках (рис. 3) совокупности дат по кости сдвинуты влево относительно дат по костному углю, т.е. кости оказываются древнее костного угля. Однако объяснение этой закономерности с позиций “гипотезы собирательства костей” заставляет предположить, что в качестве топлива систематически использовались кости объектов охоты, в то время как собранные древние кости накапливались на стоянке. Среди датированных костей преобладают зубы мамонта, присутствуют кости мелких животных – волка, песца, птиц, непригодные для постройки жилищ. Цели такого собирательства рациональному объяснению не поддаются.

Можно, напротив, предположить, что костный материал синхронен времени обживания стоянок, а даты по костному углю это время систематически занижают. В этом случае необходимо предложить механизм систематического загрязнения костного угля молодым углеродом. Подобные механизмы в литературе неизвестны, а очистка образцов в радиоуглеродных лабораториях такова, что все постседиментационные загрязнения удаляются. Кроме того, систематическое омоложение дат по костному углю не подтверждается результатами по двум другим стоянкам – Авдеево и Костенки 1, где никакой зависимости результатов датирования от материала не прослеживается (рис. 4). Напротив, даты по кости и костному углю хорошо соответствуют датам по древесному углю, который считается одним из наиболее надежных объектов для ^{14}C -датирования с точки зрения возможных постседиментационных изменений.

Таким образом, полученные результаты не дают оснований считать, что даты по кости и костному углю имеют систематический сдвиг друг относительно друга и относительно времени обживания стоянок. Возможность единичных “выбросов” дат, связанных с процессами собирательства, полностью отвергать нельзя, но систематического искажения целых массивов дат не прослеживается. Различия в датах по кости и костному углю в Зарайске и Хотылево 2 могут указывать на изменения в бытовой культуре населения: возможно, на ранних этапах обживания стоянок кость еще не

использовалась в качестве топлива¹. Как в Зарайске, так и в Хотылево 2 костный уголь появляется ~26 тыс. кал. л.н. В Авдеево и Костенках 1 это происходит на 2–3 тыс. лет раньше.

Календарная хронология памятников. Главный вопрос хронологии изучаемых памятников – отражают ли широкие диапазоны совокупностей ¹⁴C-дат по отдельным стоянкам и/или культурным слоям непрерывное или, наоборот, прерывистое заселение человека в течение нескольких тысячелетий, либо это один или несколько коротких эпизодов заселения, а большая ширина датированных интервалов объясняется методическими причинами.

При оценке по радиоуглеродным данным продолжительности формирования культурных слоев или конкретных событий заселения стоянок необходимо учитывать статистическую природу ¹⁴C-даты. При стандартном отклонении $\sigma = 200$ лет (модальное значение для изучаемого массива дат) калиброванный интервал $\pm 2\sigma$, содержащий истинный возраст с вероятностью 95.4%, расширяется до 800–1000 лет и более. У нескольких дат одновозрастного объекта центральные точки дат могут различаться в диапазоне 100–200 лет, и 2σ -интервал суммы будет еще шире. Поэтому даже серия достаточно кучно лежащих дат, как в случае с пунктом “В” в Хотылево 2 (рис. 3, *И*), сама по себе не позволяет различить, формировался культурный слой в течение 2, 20 или 200 лет. Однако сгущения дат на шкале времени, выраженные в виде пиков суммарной плотности вероятности, могут свидетельствовать об индивидуальных эпизодах обживания. Можно предположить, что при наличии достаточно большого числа дат их суммарное распределение при непрерывном обживании стоянки будет достаточно равномерным. Если же существуют кластеры дат в относительно узких интервалах времени, разделенные значительно более длительными интервалами отсутствия дат (или единичных дат, которые могли попасть туда за счет погрешностей датирования), их можно интерпретировать как эпизоды обживания стоянок, разделенные периодами отсутствия людей.

Для проверки этого предположения обратимся к результатам моделирования массива дат с заданными эпизодами заселения (рис. 2, *В*). Нетрудно видеть, что эпизоды I–IV, отстоящие друг от друга на 100–200–500 лет, на суммарной кривой неразличимы по отдельности и сливаются в единый широкий пик. Такой пик с большой вероятностью будет интерпретирован как единый этап заселения

стоянки длительностью 1000–1500 лет. Хорошо отделяются от остального массива дат эпизоды V и VI, отстоящие на 1000 и 2000 лет соответственно. По вершинам этих пиков достоверно определяется наиболее вероятная дата эпизодов заселения, однако заложенную изначально кратковременность пребывания человека (годы – первые десятилетия) определить по этим пикам невозможно: даже если оценивать ее по верхней зауженной части пиков, длительность эпизода может оцениваться не менее чем в 500 лет.

Поскольку эпизод IV (500 лет от эпизода III) все же образует небольшой пик в районе 26 тыс. л.н., смоделирована вторая группа эпизодов заселения VII–XI, равномерно отстоящих на 500 лет. Они также сливаются в один широкий пик между 16.5–19.5 тыс. л.н. (рис. 2, *В*). На его фоне выделяются небольшие вторичные пики, соответствующие заложенным в модель эпизодам. Однако массив случайных дат (рис. 2, *Б*) демонстрирует аналогичные по величине пики, т.е. диагностировать по таким пикам отдельные события заселения стоянки, заранее не зная об их существовании, нельзя: эти пики могут иметь и случайную природу. Таким образом, отдельные эпизоды, разнесенные друг от друга в 500 лет и менее, разделить невозможно, можно лишь обозначить период, в который было неопределенное число эпизодов заселения, не исключая непрерывное заселение в течение всего периода. Надежно разделить отдельные эпизоды можно, если интервал между ними достигает и превышает 1000 лет (эпизоды V, VI на рис. 2, *В*), но и в этом случае сгенерированный случайным образом массив дат содержит пики похожей ширины и амплитуды (пики 25.7 и 22.0 тыс. л.н. на рис. 2, *Б*).

Наличие “перемычек” между пиками неизбежно ввиду больших значений стандартных отклонений: почти половина дат имеет $\sigma > 300$, а четверть – $\sigma > 500$ лет с шириной калиброванных интервалов 95.4% вероятности > 1200 и > 2000 лет соответственно. Такие даты могут создавать “перемычки” между дискретными интервалами сгущения дат, формируя общую непрерывную кривую суммарной плотности вероятности, что не может служить показателем непрерывности заселения. Кроме того, при радиоуглеродном датировании случаются “отскоки”, когда полученные даты явно не соответствуют стратиграфическому контексту и противоречат другим данным. Для таких отскоков не всегда удается найти уверенные объяснения, и их существование просто приходится принимать как данность. Наконец, не исключено случайное занесение датированного материала в результате процессов, не имеющих отношения

¹ Это объяснение может рассматриваться лишь как один из вариантов рабочих гипотез (К.Н. Гаврилов).

к заселению стоянки (например, животными). Поэтому пики, образованные единичными датами, не могут достоверно свидетельствовать об отдельных эпизодах обживания стоянок.

Более или менее достоверное выделение эпизодов обживания возможно на основе пиков, образованных серией дат. Однако, учитывая сказанное выше о возможности образования пиков за счет случайного сгущения дат, необходимы дополнительные критерии для более уверенной интерпретации таких пиков как изолированных эпизодов заселения. В качестве критериев предлагается считать наличие одинаковых пиков в выборках дат из разных планиграфических элементов памятника и разных археологических контекстов. В случае непрерывного заселения или случайных повторных посещений в течение длительного времени (оба варианта дадут широкую по времени сумму дат) каждую такую выборку можно считать независимым случайным массивом дат. Повторение одинаковых пиков в двух-трех случайных массивах — событие маловероятное. Следовательно, повторяющиеся пики с большой вероятностью относятся к изолированным эпизодам обживания стоянок.

Базируясь на принципе повторяемости пиков в разных стратиграфических, планиграфических и археологических контекстах, на рис. 3 и 4 выделены тысячелетние интервалы, внутри которых с достаточной достоверностью могут содержаться отдельные эпизоды заселения стоянок. Продолжительность самих эпизодов заселения не определена. Наиболее вероятный возраст (НВВ) оценивается по положению максимумов плотности вероятности на интегральных суммах для каждой стоянки (верхние графики на каждом рисунке).

Три фазы заселения выделено и на стоянке Костенки 1, слой 1: НВВ 27.8, 26.6 и 25.4 тыс. кал. л.н. Первая из этих фаз проявляется только в одном археологическом контексте — “ямы, землянки, канавы”, однако он обеспечен не менее чем шестью датами по разнородному материалу — кости, костному и древесному углю (рис. 4, *Е*). Две другие эпохи проявляются во всех трех археологических контекстах, что повышает надежность их идентификации (рис. 4, *Д–Ж*). В отдельных контекстах и на общей СПВ для всего памятника имеются также преимущественно пологие подъемы в интервале 24.5–22.5 тыс. кал. л.н. Они формируются четырьмя датами в интервале длительностью не менее 1.5 тыс. лет (центральные точки лежат между 19.6–18.2 тыс. ¹⁴С л.н.), включая три даты по костному углю с низкой точностью ($\sigma = 460–620$). На основании такого геохронологического материала выделить единую эпоху заселения не представляется

возможным, хотя не исключено, что эта подвыборка дат отражает периодическое посещение стоянки человеком в течение длительного времени.

На стоянке Авдеево выделено три эпохи заселения с НВВ 27.1, 25.3 и 24.3 тыс. кал. л.н. (рис. 4, *А*). Наиболее надежным представляется выделение последней из них: пики между 24.0–24.5 тыс. л.н. имеются во всех выделенных археологических контекстах, причем в двух из них он формируется датами с высокой точностью, о чем говорит узкая форма пиков (рис. 4, *В, Г*). По-видимому, эта эпоха заселения может соответствовать выделенному периоду активности 20100–21200 ¹⁴С-лет назад в работе (Соколов и др., 2004. С. 101). Уверенно можно говорить и о существовании первой эпохи, которая также проявляется во всех археологических контекстах, однако датировка ее менее надежна, так как большинство относящихся к ней дат имеет низкую точность; подъемы СПВ растягиваются в широком интервале времени между 26.0–28.0 тыс. кал. л.н. (рис. 4, *Б–Г*). Вторая эпоха выражена в двух из трех археологических контекстов, особенно четко — в выборке дат из очагов (рис. 4, *В*).

На Зарайской стоянке выделено четыре эпизода заселения с НВВ 25.7, 24.3, 23.0 и 21.6 тыс. кал. л.н. Каждый эпизод заселения проявляется в двух соседних культурных слоях: первые два — в слоях 1 и 2, третий — в слоях 2 и 3, последний — в слоях 3 и 4. Это показывает, что отмечавшееся выше значительное пересечение интервалов дат соседних слоев не вызвано недостаточной точностью датирования и может указывать, что индикаторы одних и тех же эпизодов обживания могли быть отнесены к разным культурным слоям. Последний эпизод, помимо слоев 3 и 4, проявляется также единичной датой в слое 1, но она значительно “отскакивает” от остального массива, что вызывает сомнение либо в принадлежности этой даты к данному культурному слою, либо в ее надежности. Незначительной высоты пики около 27.2 и 19.0 тыс. кал. л.н. обеспечены пока недостаточным числом дат, чтобы достоверно выделять их в качестве эпизодов обживания, однако нельзя исключать, что возможность для их выделения появится при дальнейшем накоплении дат по стоянке.

На стоянке Хотылево 2 достоверно выделяется три эпизода заселения с НВВ 27.3, 25.8 и 25.0 тыс. кал. л.н. Первый пик в пункте “А” растянут на 2 тыс. лет с 26.5 до 28.5 тыс. кал. л.н. (рис. 3, *Ж*). Интерпретацию этому факту без дополнительных данных дать затруднительно. Такой широкий интервал, прослеживающийся лишь на одном из участков памятника, может быть следствием как преимущественного обживания

именно этого участка, где культурный слой может рассматриваться как гиперпалимпсест, в котором в узком стратиграфическом интервале запечатлены многие эпизоды заселения памятника. Или же здесь могут проявляться “загрязняющие” эффекты, такие как собирательство, с учетом того, что пик получен исключительно по костному материалу. В пункте “А” присутствуют еще три узких пика, соответствующие трем датам по костному углю. Из них лишь самый старый подтвержден здесь же датой по кости и еще одной датой по костному углю из пункта “Б”. Это дало основание выделить эпизод заселения с НВВ = 25.8 тыс. кал. л.н. Второй пик в совокупности с серией из трех дат по костному углю в пункте “Б” дает основание для выделения эпизода заселения с МВВ 25.0 тыс. кал.л.н. Третий, самый молодой пик не подтвержден другими датами. Следует сказать, однако, что надежность выделения двух последних эпизодов как отдельных событий заселения невысока. Вполне вероятно, что весь интервал 26.0–24.0 тыс. кал.л.н. в Хотылево 2 следует выделять как время многократных посещений людьми без продолжительных эпох обживания.

Представляет интерес анализ взаимного соответствия наиболее достоверных эпох заселения. При совмещении их на единой шкале времени (рис. 5) можно найти совпадающие эпохи, как около 24.5 тыс. кал.л.н. в Авдеево и Зарайске или около 25.5 тыс. кал.л.н. в Авдеево и Костенках 1, однако систематической синхронности в обживании и запустении всех четырех стоянок не прослеживается. Тем не менее, можно отметить тренд в “омоложении” времени как первоначального заселения, так и окончательного запустения стоянок в направлении от Костенок 1 к Хотылево 2, далее к Авдеево и к Зарайску. Возможно, это свидетельствует о расселении носителей костенковско-авдеевской культуры в направлении с востока на запад и север. Эти же данные могут рассматриваться как маркер направлений культурных импульсов внутри восточного граветта на территории Русской равнины. В период между 27–26 кал. тыс. л.н. достоверные следы пребывания человека имеются только в Костенках 1; в следующем тысячелетии, 26–25 тыс. кал.л.н., эпохи заселения отмечаются на всех четырех стоянках. Вероятно, это время наибольшего пространственного распространения данной культурной общности, после которого ее география стала сокращаться за счет исчезновения ее памятников в южных и восточных районах центра Русской равнины.

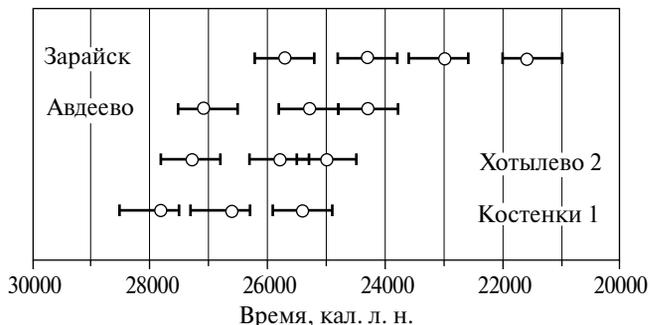

Рис. 5. Сводная хронология эпох заселения стоянок костенковско-авдеевской культуры.

Fig. 5. Summary chronology of settlement at Kostenki-Avdeevo sites

Итак, подведем итоги.

1. Проводящиеся в последние годы археологические исследования на стоянках Зарайск А и Хотылево 2 показали, что культурный слой памятников восточного граветта — сложная полигенная (и полихронная) структура. По-видимому, накопление культурных слоев на археологических памятниках происходило не в “единое мгновение” даже в геологическом масштабе времени; на это четко указывают результаты микростратиграфических исследований. Формирование культурного слоя в эпоху, синхронную максимуму последнего оледенения, шло очень медленно; поэтому то, что можно видеть в результате раскопок, — это палимпсест, вмещающий в себя длительный промежуток времени и насыщенный событиями. Вследствие этого полученные для граветтийских памятников большие массивы радиоуглеродных дат, распадаясь на группы, могут отражать его многоступенчатое (или поэтапное) накопление.

2. Статистическая обработка массивов радиоуглеродных дат позволяет предположительно разделить общее время существования стоянок на отдельные, наиболее ярко выраженные эпизоды заселения и локализовать эти эпизоды в рамках тысячелетних интервалов. Продолжительность самих эпох заселения остается при этом неизвестной. В любом случае точность радиоуглеродного анализа не позволяет в настоящее время уверенно оценивать продолжительность коротких эпизодов заселения (годы — первые десятилетия), а также и отличать длительные периоды заселения от серий коротких эпизодов.

3. Большую помощь в решении этой проблемы может оказать детальное стратиграфическое расчленение культурных слоев и группировка данных датирования в соответствии с этим расчленением, как это сделано для Зарайской стоянки.

Статистическая обработка массива радиоуглеродных дат – не панацея, а вспомогательный инструмент в археологических исследованиях, который необходимо применять вместе с изучением микростратиграфии и, в целом, пространственной структуры изучаемого памятника², который можно использовать для выявления последовательных этапов его освоения. В этом случае может проводиться и взаимная верификация результатов.

Авторы благодарят С.Ю. Льва за подборку дат по Зарайской стоянке.

Исследование выполнено в рамках темы ГИН РАН № 0135-2018-0037, при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00380. Статистический анализ – в рамках темы ИГ РАН по Программе фундаментальных исследований гос. АН (р. 9, подр. 127).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А.* Зарайская стоянка. М.: Научный мир, 2000. 248 с.
- Амирханов Х.А.* Стоянка Зарайск А: характеристика объектов третьего культурного слоя // Амирханов Х.А., Ахметгалеева Н.Б., Бужилова А.П., Бурова Н.Д., Лев С.Ю., Машенко Е.Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Ред. Х.А. Амирханов. М.: Палеограф, 2009. С. 15–36.
- Аникович М.В.* Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт / Ред. Х.А. Амирханов. М.: Науч. мир, 1998. С. 35–66.
- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Платонова Н.И.* Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы. Вып. 1: Историография, методология, основные проблемы. СПб.: Нестор-История, 2011. 128 с.
- Булочникова Е.В.* Хронология верхнепалеолитических стоянок в системе археологических и естественнонаучных данных // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008 (Замятнинский сб.; вып. 1). С. 63–73.
- Булочникова Е.В., Григорьев Г.П.* Возможности радиоуглеродного метода: взгляд археолога // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: мат-лы IV Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 53–55.
- Гаврилов К.Н.* О периодизации восточнограветтских стоянок Днепро-Деснинского бассейна // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: ACADEMIA, 2005. С. 29–45.
- Гаврилов К.Н.* Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.: Таус, 2008. 256 с.
- Гаврилов К.Н.* Археологический контекст новых радиоуглеродных датировок стоянки Хотылёво 2, пункт В // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015 (Замятнинский сб.; вып. 4). С. 103–112.
- Гвоздовер М.Д.* Отчет об исследованиях Авдеевской палеолитической стоянки в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1972. № 4923а.
- Гвоздовер М.Д., Сулержицкий Л.Д.* О радиоуглеродном возрасте Авдеевской палеолитической стоянки // Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода. 1979. № 49. С. 144–146.
- Грехова Л.В.* Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянки Елисеевичи // Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода. 1990. № 59. С. 111–116.
- Грехова Л.В.* Структура культурного слоя стоянки Елисеевичи по материалам раскопок 1970–1980 гг. // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 188–209.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д.* Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // Геохронология четвертичного периода / Ред. О.А. Чичагова, Я.-М.К. Пуннинг, Н.В. Кинд. М.: Наука, 1992. С. 169–174.
- Панин А.В.* Хроноструктура эрозии в центре Восточно-Европейской равнины за последние 5000 лет // Докл. Акад. наук. 2008. Т. 423. № 2. С. 251–256.
- Праслов Н.Д., Сулержицкий Л.Д.* Новые данные по хронологии палеолитических стоянок в Костенках на Дону // Докл. Акад. наук. Серия геология. 1999. Т. 365. № 2. С. 236–240.
- Синицын А.А.* Прерывистость и преемственность в палеолите Костенок // Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы / Ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та, 2014 (Верхнедонской археол. сб.; вып. 6). С. 66–76.

² Такие стоянки костенковско-авдеевской культуры, как Костенки 1 (сл. 1) и Авдеево, исследовались как однослойные. Масштабные работы на этих стоянках в настоящее время закончены. Для того чтобы получить новый археологический источник, сопоставимый по объему и информационному потенциалу с накопленным материалом, необходимо найти в Авдеево новый комплекс, аналогичный уже изученным. В то же время для первого и второго комплексов Авдеевской стоянки накоплены полноценные и представительные массивы радиоуглеродных дат. В сложившейся ситуации статистическая обработка имеющихся дат является пока единственным инструментом, с помощью которого можно выделить этапы заселения памятников (или развития поселений). Этот вывод останется в силе до тех пор, пока не будут заново пересмотрены архивные материалы о раскопках этих поселений, которые позволяют реконструировать их археологическую стратиграфию.

- Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 21–66.
- Соколов Д.Д., Сулержицкий Л.Д., Тутубалин В.Н. Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования // РА. 2004. № 3. С. 99–102.
- Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродная хронология мамонтов Сибири и Севера Восточной Европы (как субстрата для расселения человека) // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид: материалы симп. “Первичное расселение человечества” (1993 г.) / Ред. А.А. Величко, О.А. Соффер. М.: Ин-т географии РАН, 1997. С. 184–200.
- Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднепалеолитических поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3. С. 103–112.
- Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. V. 51. P. 337–360.
- Johnstone E.C., Macklin M.G., Lewin J. The development and application of a database of radiocarbon-dated Holocene fluvial deposits in Great Britain // Catena. 2006. V. 66. P. 14–23.
- Jones A.F., Macklin M.G., Benito G. Meta-analysis of Holocene fluvial sedimentary archives: A methodological primer // Catena. 2015. V. 130. P. 3–12.
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., van der Plicht J., Hogg A. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. V. 55. P. 1869–1887.

GEOCHRONOLOGICAL DATA AND THE ARCHAEOLOGICAL IDEAS ABOUT THE DURATION OF THE MAJOR EASTERN GRAVETTIAN SITES ON THE RUSSIAN PLAIN

Natalia E. Zaretskaya*, Konstantin N. Gavrilov**, Andrey V. Panin***, Roman I. Nechushkin*

* Geological Institute RAS, Moscow, Russia

(n_zaretskaya@inbox.ru; nechrom@yandex.ru)

** Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (k_gavrilov.68@mail.ru)

*** Institute of Geography RAS, Lomonosov MSU, Moscow, Russia (a.v.panin@yandex.ru)

The paper gives a historical outline of the views on the correlation between radiocarbon and archaeological chronology and presents the results of the first statistical analysis of large arrays of radiocarbon dates obtained over a long period of time in different laboratories for the East Gravettian campsites of Kostenki 1 (layer 1), Avdeevo, Zaraysk and Khotylevo 2. Chronological episodes of populating the campsites have been identified, and appear to reflect a multistage (or stepwise) accumulation of the cultural layer. The studies have shown the feasibility of conducting statistical analysis alongside with investigating the microstratigraphy and overall spatial structure of a site, since that allows cross-validation of the results.

Keywords: geochronology, archaeology, radiocarbon and calendar age, campsites, East Gravettian, Kostenki-Avdeevo culture.

REFERENCES

- Amirkhanov Kh.A., 2000. Zarayskaya stoyanka [Zaraysk site]. Moscow: Nauchnyy mir. 248 p.
- Amirkhanov Kh.A., 2009. Zaraysk A site: a characteristic of the objects from the third cultural layer. Amirkhanov Kh.A., Akhmetgaleeva N.B., Buzhilova A.P., Burova N.D., Lev S. Yu., Mashchenko E.N. *Issledovaniya paleolita v Zarayske [Paleolithic studies in Zaraysk]*, 1999–2005. Kh.A. Amirkhanov, ed. Moscow: Paleograf, pp. 15–36. (In Russ.)
- Anikov M.V., 1998. The Dnieper-Don historical and cultural region of mammoth-hunters: from “East Gravettian” to “East Epigravettian”. *Vostochnyy gravett [East Gravettian]*. Kh.A. Amirkhanov, ed. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 35–66. (In Russ.)
- Anikov M.V., Anisyutkin N.K., Platonova N.I., 2011. Chelovek i mamont v paleolite Evropy: podkhody i gipotezy [Man and mammoth in the Paleolithic of Europe: approaches and hypotheses], 1. *Istoriografiya, metodologiya, osnovnye problemy [Historiography, methodology, basic problems]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 128 p.

- Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, vol. 51, iss. 1, pp. 337–360.
- Bulochnikova E.V., 2008. Chronology of Upper Paleolithic sites in the system of archaeological and natural science data. *Khronologiya, periodizatsiya i kross-kul'turnye svyazi v kamennom veke [Chronology, periodization and cross-cultural relations in the Stone Age]*. G.A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Nauka, pp. 63–73. (Zamyatninskiy sbornik, 1). (In Russ.)
- Bulochnikova E.V., Grigor'ev G.P., 2005. Possibilities of the radiocarbon method: an archaeologist's view. *Fundamental'nye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy: mat-ly IV Vseross. soveshch. po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Fundamental problems of the Quaternary: results of research and main areas of future study: materials of the 4th all-Russian conference on Quaternary research]*. Syktyvkar: Geoprint, pp. 53–55. (In Russ.)
- Gavrilov K.N., 2005. On the periodization of East Gravettian sites in the Dnieper-Desna basin. *Kamennyy vek lesnoy zony Vostochnoy Evropy i Zaural'ya [The Stone Age of the Forest Zone of Eastern Europe and the Trans-Urals]*. Moscow: ACADEMIA, pp. 29–45. (In Russ.)
- Gavrilov K.N., 2008. Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Khotylevo 2 [Khotylevo 2 Upper Paleolithic site]. Moscow: Taus. 256 p.
- Gavrilov K.N., 2015. Archaeological context of new radiocarbon dates from Khotylevo 2, locality V. *Drevnie kul'tury Vostochnoy Evropy: etalonnnye pamyatniki i opornye komplekсы v kontekste sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy [Ancient cultures of Eastern Europe: type sites and assemblages in the context of present-day archaeological research]*. G.A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 103–112. (Zamyatninskiy sb., 4). (In Russ.)
- Grekhova L.V., 1990. Archaeological aspect of radiocarbon dates from Elisseevichi site. *Byulleten' komissii po izucheniyu Chetvertichnogo perioda [Bulletin of the commission for Quaternary studies]*, 59, pp. 111–116. (In Russ.)
- Grekhova L.V., 2014. Structure of the cultural layer at Elisseevichi site based on materials from the 1970–1980 excavations. *KSIA [Brief communications of the Institute of Archaeology]*, 235, pp. 188–209. (In Russ.)
- Gvozdover M.D. Otchet ob issledovaniyakh Avdeevskoy paleoliticheskoy stoyanki v 1972 g. [Report on studies at Avdevo Paleolithic site in 1972]. *Arkhiv IA RAN [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, 1972, № 4923a. (Unpublished).
- Gvozdover M.D., Sulerzhitskiy L.D., 1979. On the radiocarbon age of Avdevo Paleolithic site. *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of the commission on Quaternary studies]*, 49, pp. 144–146. (In Russ.)
- Johnstone E.C., Macklin M.G., Lewin J., 2006. The development and application of a database of radiocarbon-dated Holocene fluvial deposits in Great Britain. *Catena*, vol. 66, iss. 1–2, pp. 14–23.
- Jones A.F., Macklin M.G., Benito G., 2015. Meta-analysis of Holocene fluvial sedimentary archives: A methodological primer. *Catena*, vol. 130, pp. 3–12.
- Krenke N.A., Sulerzhitskiy L.D., 1992. Archaeology and the real accuracy of the radiocarbon method. *Geokhronologiya chetvertichnogo perioda [Geochronology of the Quaternary]*. O.A. Chichagova, Ya.-M.K. Punning, N.V. Kind, eds. Moscow: Nauka, pp. 169–174. (In Russ.)
- Panin A.V., 2008. The chronostructure of erosion in the center of the East European Plain in the last 5000 years. *Doklady Akademii nauk [Reports of the Academy of Sciences]*, vol. 423, no. 2, pp. 251–256. (In Russ.)
- Praslov N.D., Sulerzhitskiy L.D., 1999. New data on the chronology of Paleolithic sites at Kostenki on the Don. *Doklady Akademii nauk. Seriya geologiya [Reports of the Academy of Sciences. Geology series]*, vol. 365, no. 2, pp. 236–240. (In Russ.)
- Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S., van der Plicht J., Hogg A., 2013. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, vol. 55, iss. 4, pp. 1869–1887.
- Sinityn A.A., 2014. Discontinuity and continuity in Kostenky Paleolithic. *Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: poiski, nakhodki, problemy [Archaeology of the East European forest-steppe: search, finds and problems]*. A.N. Besudnov, ed. Lipetsk: Izd-vo Lipetsk. GPU, pp. 66–76. (Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sb., 6). (In Russ.)
- Sinityn A.A., Praslov N.D., Svezhentsev Yu.S., Sulerzhitskiy L.D., 1997. Radiocarbon chronology of East European Upper Paleolithic. *Radiouglerodnaya khronologiya paleolita Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii. Problemy i perspektivy [Radiocarbon chronology of the East European and North Asian Paleolithic. Problems and perspectives]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 21–66. (In Russ.)
- Sokolov D.D., Sulerzhitskiy L.D., Tutubalin V.N., 2004. Time of human activity at Paleolithic sites based on data from radiocarbon dating. *Ros. arkheologiya [Russian Archaeology]*, 3, pp. 99–102. (In Russ.)
- Sulerzhitskiy L.D., 1997. Radiocarbon chronology of Siberian and Northeast European mammoth (as background of human dispersal). *Chelovek zaselyaet planetu Zemlya. Global'noe rasselenie gominid: materialy simpoziuma "Per-vichnoe rasselenie chelovechestva" (1993 g.) [Peopling the planet Earth. Global dispersal of hominids: materials of the symposium "Early human dispersion" (1993 г.)]*. A.A. Velichko, O.A. Soffer, eds. Moscow: IG RAN, pp. 184–200. (In Russ.)
- Sulerzhitskiy L.D., 2004. The time of existence of some Late Paleolithic dwelling-sites based on data from radiocarbon dating of megafauna bones. *Ros. arkheologiya [Russian Archaeology]*, 3, pp. 103–112. (In Russ.)

К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО АЗИАТСКОГО БОСПОРА

© 2018 г. А. А. Строков

*Институт археологии РАН, Москва, Россия
(anton-strokov@yandex.ru)*

Поступила в редакцию 15.12.2016 г.

Статья посвящена попытке выделения социальных групп Таманского п-ова в позднеантичную эпоху с помощью методов кластерного и корреспондентного анализов погребальных комплексов. Рассмотрены 27 мужских и 28 женских захоронений. Среди мужской выборки выделяются пять кластеров, которые можно объединить в три социальные группы. Группировка женских погребений не столь очевидная: выделяются престижные захоронения (аналогично мужским погребениям) в больших склепах; остальные образуют аморфную группу, лишь предварительно дробящуюся на подгруппы. По деталям ременных гарнитур, фибулам и краснолаковой посуде захоронения датируются IV – первой половиной V в. н.э.

Ключевые слова: Таманский п-ов, грунтовые погребения, социальная структура, кластерный анализ, поздняя античность.

В последнее время эпохи поздней античности и раннего Средневековья на территории Таманского п-ова, условно называемого Азиатским Боспором, начали привлекать пристальное внимание исследователей. В конце 1980 – начале 1990-х годов историки и археологи пришли к выводу о том, что в конце IV в. н.э. античная культура и Боспорское государство продолжили свое существование, хотя, возможно, и в несколько иной форме. Исследователи начали уделять все больше внимания этому времени, благодаря чему в научный оборот были введены новые материалы IV–V вв. н.э. (Ворошилова, 2013; Кондрашов, Пьянков, 2002; Медведев, 2009а; б; 2013; Чхаидзе, 2007; Шавырина, Ворошилова, 2013). Однако аналитических работ, рассматривающих вновь опубликованные и уже известные с советских времен находки, происходящие с Тамани, в отличие от работ, посвященных памятникам Керчи (Засецкая, 1993), до сих пор практически нет. Данная статья – попытка реконструировать вертикальную социальную структуру населения Таманского п-ова в IV–V вв. н.э.

При подготовке работы были использованы опубликованные комплексы IV–V вв. н.э., происходящие с Таманского п-ова, на данный момент их известно 128, из которых 109 приходятся на некрополь Фанагории (Ворошилова, 2012. С. 20); 7 – на некрополь Кеп; 7, использовавшихся с I в. н.э.

вплоть до начала VI в., – могильник Красноармейский (Чхаидзе, 2007); еще 3 захоронения – на некрополе на мысе Тузла и по одному – на некрополи у ст. Тамань и Фонталовская. Такое неравномерное распределение объясняется как масштабными работами, проводимыми в последние десятилетия в Фанагории (более половины использованных в работе комплексов происходят из раскопок последних 10 лет), так и неудовлетворительным состоянием отчетной документации и публикаций советского времени: это всего лишь краткие описания погребальных сооружений и находок, сопровождаемые фотографиями или прорисовками низкого качества отдельных предметов, которые, зачастую, и вовсе отсутствуют.

Все захоронения выполнены по обряду ингумации. Преобладает северная ориентировка погребенных. Выделяются 3 типа погребальных сооружений: грунтовые ямы – 44 (55% от общего числа погребений), грунтовые склепы – 31 (38%), из них 6 – двухкамерные (погр. 21/1937, 50/1937, 97/1938, склеп 2011 г. в Фанагории, 3/1951 в Тузлинском некрополе и погр. 92 в Красноармейском), и подбойные могилы – 3 (4%). В склепах встречены от 1 до 6 захоронений. Большинство погребений бескурганые.

Методика работы. Для выделения социальных связей были применены как традиционные

приемы, так и методы многомерной статистики, прежде всего, кластерный и корреспондентный анализы. Их эффективность в археологических исследованиях прекрасно продемонстрировали еще в 1970–1980-е годы работы британских и американских исследователей Ф.Р. Ходсона, Э.-Дж. Пэдер и Дж. Тэйнтера (Hodson, 1970; Pader, 1982; Tainter, 1975), а в отечественной науке, как раз применительно к социальной проблематике, – Г.Е. Афанасьева (1993) и Д.С. Коробова (2003).

Большинство ученых сходятся во мнении, что конструкция погребального сооружения, трудовые и временные затраты, необходимые для его постройки, положение умершего в могиле, а также количество и характер погребального инвентаря могут служить индикаторами социального положения данного индивида в обществе. Тем не менее не все ученые признают возможным исследование социальной стратификации по традиционному критерию – инвентарю захоронений. Это, прежде всего, британо-американские археологи-постпроцессуалисты (Харке, Савенко, 2000. С. 216–218). Они считают, что необходимо рассматривать захоронения с учетом мельчайших деталей погребального обряда. К сожалению, при работе с таманскими комплексами IV–V вв. в силу практически тотального ограбления склепов (в этом случае инвентарь был перемещен, поэтому не всегда возможно установить принадлежность находки к определенному погребению) и отсутствия необходимых данных в публикациях такой возможности просто нет, поэтому для исследования использовались два традиционно рассматриваемых критерия – категории инвентаря и типы погребальных сооружений.

Прежде всего, была проведена половозрастная дифференциация материала. К сожалению, и здесь имеются значительные трудности: лишь для материалов последних 10 лет исследований имеются антропологические определения погребенных. На их основе была предпринята попытка выделить группы погребального инвентаря, характерные только для мужских или женских захоронений. Для первых наиболее характерны находки оружия (мечи, наконечник копья, наконечники стрел – встречены в 33% погребений), элементов конской упряжи (удила, 2 случая) и ременных наборов (в подавляющем большинстве захоронений – 85% – пряжки или другие элементы ременных гарнитур). Женские захоронения определяются находками бус (78% случаев), фибул (36%), серег (39%), зеркал (29%), а также различных украшений (перстни, браслеты, элементы одеж-

ды из золотой фольги, подвески и т.п.), шкатулок, пиксид, пинцетов, фрагментов охры. На порядок реже, чем в мужских захоронениях, здесь встречаются ременные наборы (25% случаев) и совсем нет находок оружия. Также использовались данные нескольких комплексов без определений антрополога, где авторы делали такое заключение на основании размеров гробов (длиной до 1 м), что кажется справедливым (Блаватский, 1941. С. 45, 47; Шавырина, Ворошилова, 2013. С. 454–460). В итоге удалось выделить 27 мужских и 28 женских захоронений.

Для каждой из половозрастных групп были выделены такие категории находок и особенностей погребального обряда, которые могут играть роль при реконструкции социальной организации. Кроме разных категорий погребального инвентаря это, прежде всего, типы погребальных сооружений. Очевидно, что трудовые затраты при сооружении погребальных конструкций вроде больших двухкамерных склепов должны отражать определенно более высокий социальный уровень погребенного в этой могиле (Tainter, 1975. P. 4) или, как минимум, степень его богатства, которое в большинстве развитых обществ в значительной мере совпадает с понятием высокого социального статуса. Затем были рассчитаны “весы признаков” – среднее количество категорий предметов, встречаемых с рассматриваемым признаком. Впервые данная процедура была применена Д.С. Коробовым (2003. С. 19)¹.

Мужские погребения. Сложившаяся ситуация представлена в таблице 1.

Стоит отметить, что категории находок выделялись не по типологическому принципу, а по функциональному. Керамические сосуды не делились на кувшины, кружки и т.п. Прежде всего, это обусловлено фрагментарностью источниковой базы – отнюдь не во всех случаях по краткому описанию можно установить тип сосуда. Отдельно рассматривались только краснолаковые чаши, которые могли служить признаком богатства и статуса. Специально не выделялись поясные и обувные наборы, так как многие склепы были ограблены и предметы в захоронении перемещены либо же такая информация отсутствовала в описании. Золотые имитации пряжек и наконечников ремней, обнаруженные в склепах 1 и 3 раскопок 1991–1992 гг. в Фанагории (рис. 1, 5–7;

¹ Для необходимых вычислений использовался пакет статистических приложений *WinBASP* и более современное приложение *Past3*, разработанное норвежским палеонтологом Э. Хаммером (Hammer, 2016).

Таблица 1. Вес признаков в мужских погребениях**Table 1.** Weight of attribute in the men's burials

Признак	Вес
Яма	3.0
Подбойная могила	4.0
Оселок	4.0
Керамика местная (серо- и красноглиняная)	4.14
Бронзовые пряжки	4.16
Ножи	4.29
Железные пряжки	4.33
Украшения	4.33
Стеклянные сосуды	5.0
Склеп	5.14
Двухкамерный склеп	5.33
Оружие (мечи, наконечники стрел и копья)	5.33
Пряжки из серебра или золота	5.75
Другие детали ременных наборов (наконечники, распределители ремней)	6.4
Детали конской упряжи (удила)	6.5
Краснолаковая керамика	6.67

Ворошилова, 2011а. Рис. 1) и склепа 3/1951 некрополя Тузлы (Зеест, 1953. Рис. 63, 3, 4), датирующиеся IV в., были отнесены к элементам ременных гарнитур, хотя фактически они таковыми не являются. Можно утверждать, что в погребальной практике они символизировали именно эту категорию вещей.

В результате кластеризации мужских захоронений выделяются пять кластеров (рис. 2, 1). Кластер I включает в себя два захоронения фанагорийского некрополя: склеп 1/1991, гроб 4 (рис. 1, 1) и 118/2007 (Медведев, 2011. Рис. 3, 6). Это воинские погребения в однокамерных склепах, среди сопровождающего инвентаря – оружие (меч в склепе 1, наконечники стрел в склепе 118), бронзовые пряжки и другие детали ременных гарнитур (накладки), имитации пряжек и наконечников ремней из золотой фольги, индикация монеты (рис. 1, 3–10). Объединяет эти захоронения наличие остатков конской упряжи – железных кольчатых удил (рис. 1, 2).

Кластер II представлен тремя захоронениями воинов в двухкамерных склепах – гроб 1 в западной и гроб 2 в восточной камере фанагорийского склепа 50 из раскопок В.Д. Блаватского (рис. 3) и склеп № 3 Тузлинского некрополя (Зеест, 1953). В трех погребениях встречены длинные мечи-спа-

ты (рис. 3, 2, 3), также здесь были найдены серебряные пряжки и наконечники ремней, в том числе инкрустированные красными камнями, краснолаковые чаши (рис. 3, 4–9), сероглиняные кувшины, стеклянные стаканы с каплями синего стекла (Фанагория 50), золотые имитации пряжек (Тузла, склеп 3), аналогичные находке в склепе 1/1991.

Кластеры I и II объединяют наиболее богатые захоронения IV–V вв. на Тамани. В каждом из них были найдены предметы вооружения, стеклянные и краснолаковые сосуды, детали ременных гарнитур из золота или серебра, в кластере I – конская упряжь. Судя по описанию В.Д. Блаватского, мечи в склепе 50 имели богато украшенные ножны, изготовленные из дерева, украшенные бархатом и разными накладками. Погребальные сооружения, в которых были совершены эти захоронения, отличаются особенной монументальностью. Для кластера II – это большие двухкамерные склепы. Фанагорийский склеп 50 имел длину около 10 м, а входной дромос был глубиной 6 м (рис. 3, 1). Чуть меньшими размерами обладал склеп 3 некрополя Тузлы (длина сохранившейся части погребального сооружения – около 6 м, большая часть одной из камер разрушена). Размер камеры составил около 2.5 × 2.5 м. Схожие размеры имели камеры склепов 1/1991 и 118/2007 некрополя Фанагории.

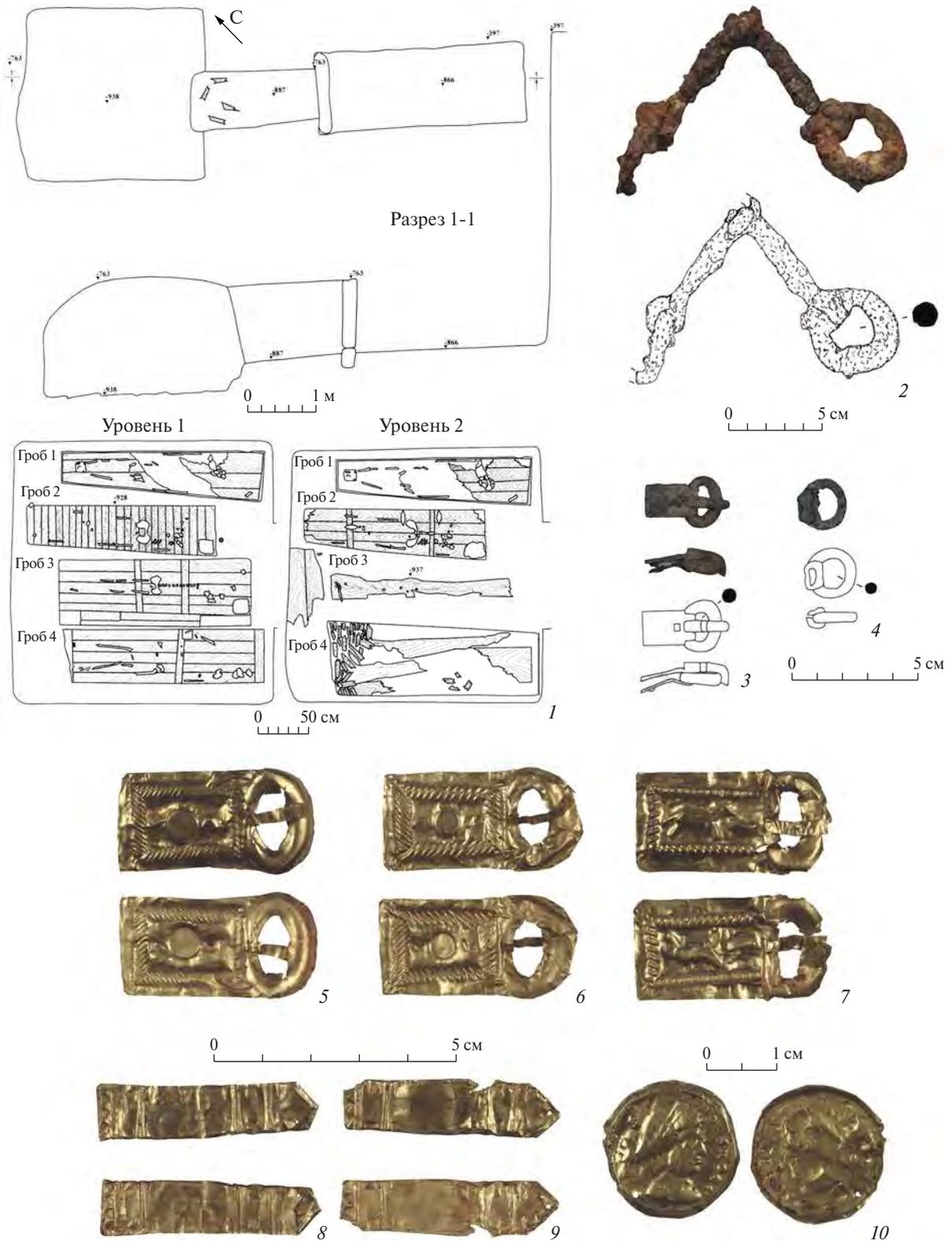

Рис. 1. Мужское захоронение. Фанагория 1/1991, гроб 4 (по: Шавырина, Ворошилова, 2013). 1 – план склепа; 2 – железо; 3, 4 – бронза; 5–10 – золотая фольга.

Fig. 1. The men's burials. Phanagoria 1/1991.

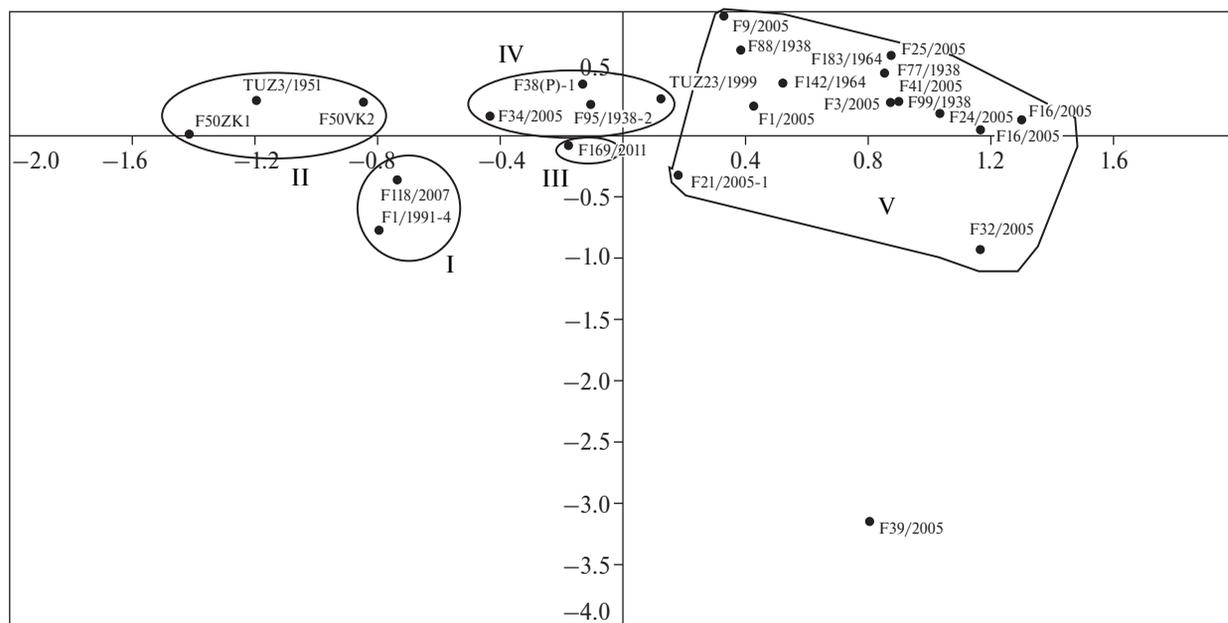
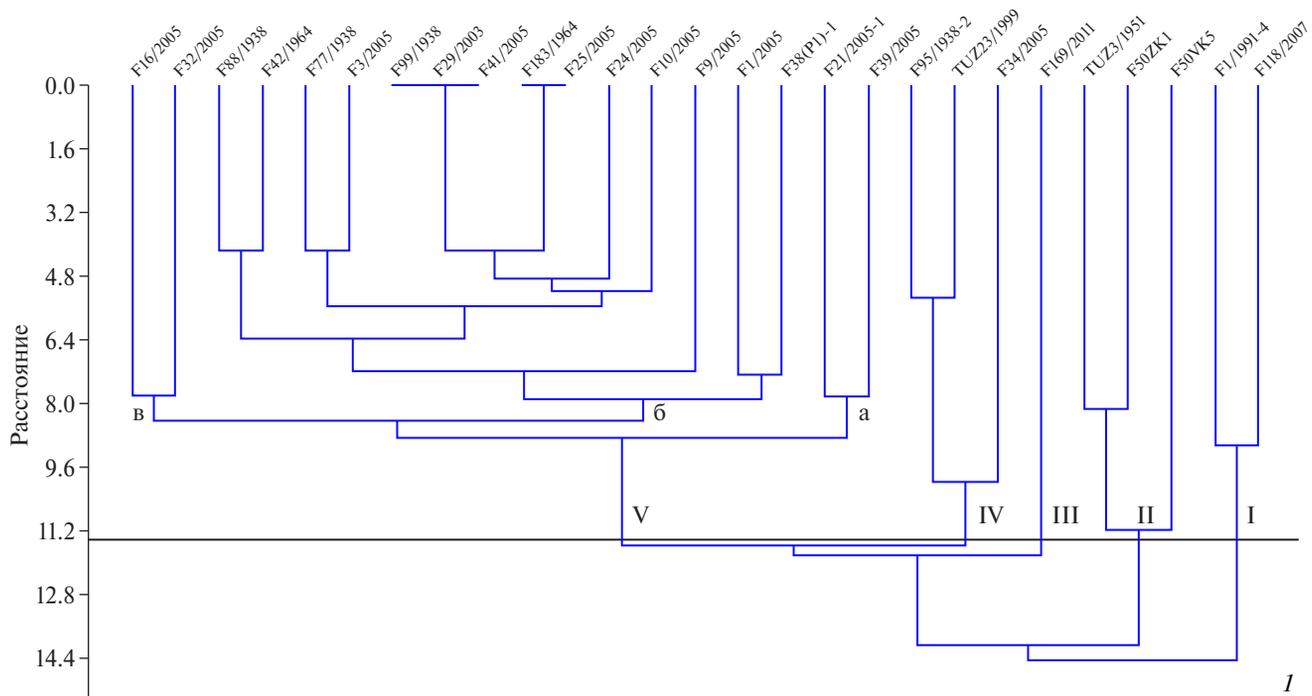

Рис. 2. Группировка мужских погребений. 1 – кластерный анализ; 2 – корреспондентный анализ.
 Fig. 2. The assemblages of men’s burials. 1 – cluster analysis; 2 – correspondent analysis.

Кластер IV объединил в себя 3 склеповые гробницы – Фанагория 95/1938 гроб 2 (Блаватский, 1951. С. 203. Рис. 8, 4; 9, 9), 34/2005 и склеп Тузла 23/1999 (рис. 4). В погребениях этой группы были найдены предметы вооружения – наконечник копья (рис. 4, 8), меч и, возможно, наконечники стрел, железные ножи (рис. 4, 6, 11), стеклянные

сосуды (рис. 4, 2, 10), бронзовые пряжки, в том числе инкрустированные красными камнями и элементы ременных гарнитур (распределитель ремней, накладки) (рис. 4, 3–5, 12, 15–20), а также краснолаковая миска (рис. 4, 9) и жертвенные ребра барана в склепе 34 фанагорийского Восточного некрополя. Инвентарь их несколько беднее,

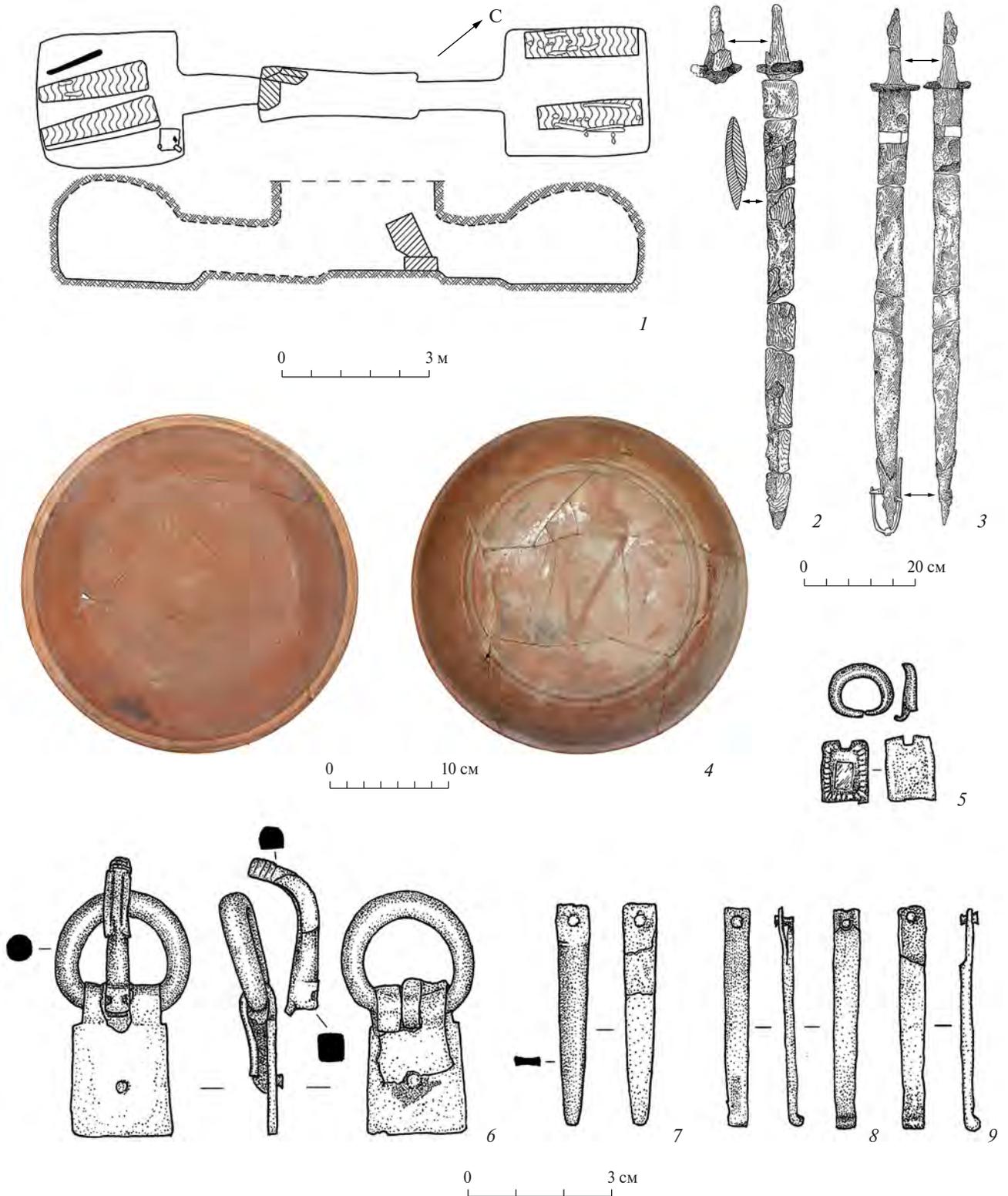

Рис. 3. Мужские захоронения. Фанагория 50/1937. 1 – план склепа; 3, 5–7 – западная камера, гроб 1; 2, 4, 8, 9 – восточная камера, гроб 2; 2, 3 – железо (по: Сокольский, 1954); 4 – глина; 5 – серебро со вставкой красного камня; 6–9 – серебро.

Fig. 3. The men's burials. Phanagoria 50/1937ю

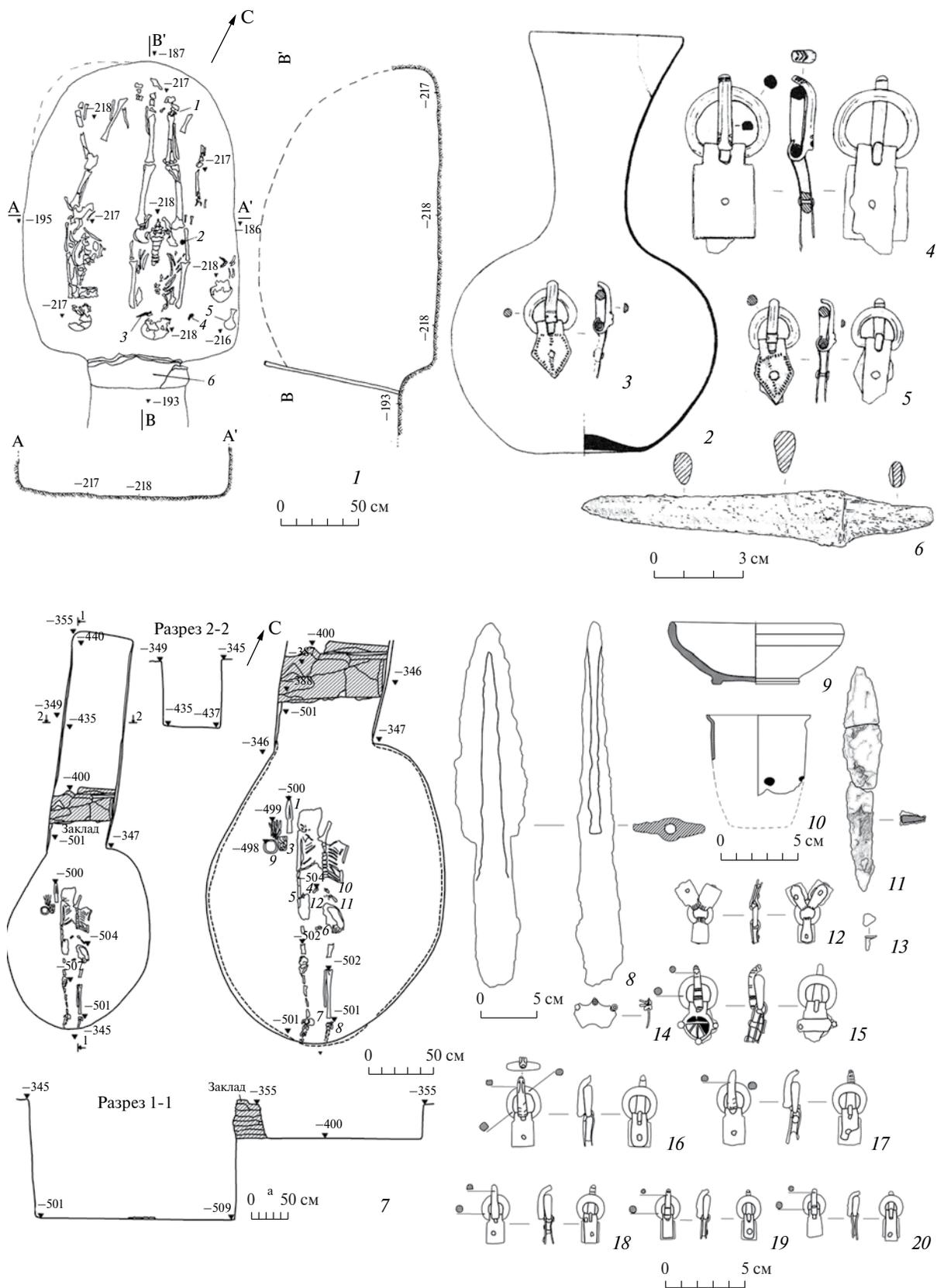

Рис. 4. Мужские захоронения. 1–6 – Тузла 23/1999 (по: Кондрашов, Пьянков, 2002); 7–20 – Фанагория, 34/2005 (по: Медведев, 2013). 2, 10 – стекло; 3–5, 12, 15–20 – бронза; 6, 8, 11 – железо; 9 – глина.

Fig. 4. The men's burials.

чем в погребениях первых двух кластеров. Отличаются и размеры камер склепов — около 2×1.5 м (рис. 4, 1, 7). Возможно, о невысоком богатстве и социальном статусе захороненного воина в склепе 34/2005 Восточного некрополя Фанагории косвенно говорит тот факт, что он не был ограблен. Склепы первых двух кластеров, даже после почти тотального ограбления, имеют на порядок более богатый инвентарь.

Промежуточное положение занимает склеп из Фанагории 169/2011 (Ворошилова, 2013. Рис. 2), образующий кластер III. Здесь в гробу 2 был обнаружен скелет мужчины 40–49 лет; среди сопровождающего инвентаря были бронзовая пряжка, крупная бусина синего стекла с волнистым орнаментом, сероглиняный кувшин с зооморфной ручкой и краснолаковая тарелка *PRSW* формы 3 по К. Домжальскому (Arsen`eva, Domzalski, 2002. Fig. 9, 285). По сравнению с более богатыми склепами № 1, 50, 118 в Фанагории или 3 в некрополе Тузла захоронение мужчины в этом склепе кажется несколько бедным. Однако в данном случае в анализ с самого начала была заложена неточность — в склепе 169 между тремя гробами была найдена группа находок (несколько краснолаковых тарелок и стеклянных сосудов), которую автор публикации не смогла (и вполне справедливо) приписать какому-либо из погребений, поэтому они были исключены из матрицы (Ворошилова, 2013. Рис. 5; 6). Вполне возможно, что захоронение мужчины в этом склепе тяготеет к наиболее богатым захоронениям первых кластеров. Отличие заключается в отсутствии среди погребально-инвентаря предметов вооружения.

Наиболее бедные по инвентарю и размерам погребальных сооружений могилы объединены в кластер V. Среди них выделяются три подгруппы: “а” включает два захоронения — фанагорийские склеп 21/2005, гроб 1 и подбойную могилу 39/2005. В первом случае у гроба мужчины 25–30 лет стояли лишь два грубых сосуда красной глины местного производства. Кроме него, в склепе были захоронены еще три подростка. Камера имела размеры 2.15×1.5 м. В подбойной могиле 39 был захоронен мужчина, в головах у которого стояла серолощенная кружка, а в районе шеи было зафиксировано украшение, состоявшее из золотых рубчатых пронизок и бляшек, аналогичное, например, находкам в могильнике Лучистое. В данном случае половозрастная атрибуция антропологов вызывает некоторые сомнения, так как такие украшения хорошо известны по всей Европе и характерны они для женщин (Медведев, 2009а. С. 242). Тем не менее случаи находок в захоронениях мужчин (с антропологическим определением) типичного женского инвентаря известны

в эпоху Великого переселения народов, к примеру, в погр. № 20 курганного могильника у с. Новая Чигла, датируемого последней третью V — первой половиной VI в. (Березуцкий, Мастыкова, 2016. Рис. 3, 6). Тем не менее эти погребения, несмотря на некоторые экстраординарные черты (склеповое захоронение, золотое украшение), не могут быть отнесены хотя бы к могилам среднего уровня, не говоря уже о самых богатых.

То же самое можно сказать о погребениях фанагорийского некрополя 1/2005 (рис. 5, 1–5) и 38 (P1)/2012 (Сударев, Ахмедов, 2012), где были зафиксированы остатки оружия, однако в первом случае фрагменты меча были сильно корродированны, и автор публикации не приводит какой-либо другой информации и изображения вещи. Во втором случае, кроме наконечников стрел, в ямном захоронении мужчины не было найдено каких-либо иных предметов. Таким образом, эти могилы попали в наиболее скудную по инвентарю подгруппу Vб. Она характеризуется захоронениями в ямах, среди инвентаря — серолощенные сосуды, бронзовые или железные пряжки, ножи. Подгруппа Vв включает в себя погр. 32/2005, совершенное в подбойной могиле, без какого-либо примечательного инвентаря — в захоронении были обнаружены серолощенный сосуд с зооморфной ручкой, железная и бронзовая пряжки и нож (рис. 5, 6–10). В могиле 16/2005 найдены пряжка, нож и оселок.

Важно отметить, что все захоронения в склепах были совершены в деревянных гробах, некоторые из которых имели следы инкрустации и украшений, в то время как подавляющее большинство захоронений в ямах и подбоях не имели следов использования гробов.

Данное деление мужских захоронений подтвердил и корреспондентный анализ (рис. 2, 2). Довольно хорошо заметно обособление богатых склепов I и II кластеров, в то время как захоронения V кластера группируются на другом краю оси первой компоненты. Промежуточное место заняли склепы IV кластера.

Женские погребения. Инвентарь женских захоронений более разнообразен, чем мужских: кроме обычных находок керамики и пряжек, это находки разных туалетных принадлежностей (пинцетов, пиксид), фибул, серег, перстней и зеркал. Как показала практика применения кластерного анализа, захоронения женщин с трудом поддаются какому-либо разбиению (Коробов, 2013. С. 205–211). Первоначально была предпринята кластеризация по всему списку признаков, характерных для женских погребений, однако при большом их количестве каждое захоронение при нерепрезентативной выборке стремится к обособлению от другого,

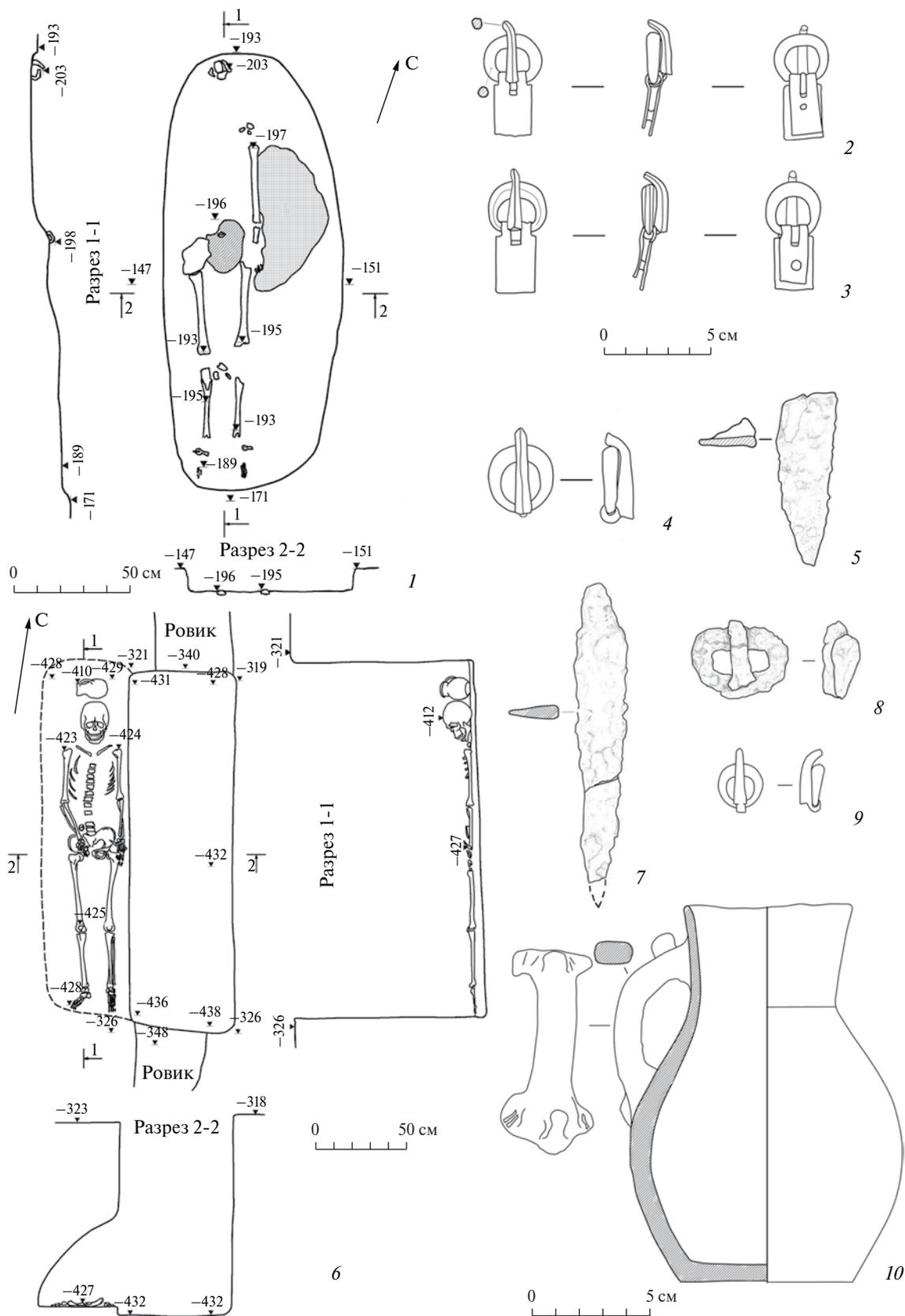

Рис. 5. Мужские захоронения некрополя Фанагории (по: Медведев, 2013). 1–5 – погр. 1/2005; 6–10 – погр. 32/2005. 2–4, 9 – бронза; 5, 7, 8 – железо; 10 – глина.

Fig. 5. The men's burials from Phanagoria.

Таблица 2. Вес признаков в женских погребениях**Table 2.** Weight of attribute in women's burials

Признак	Вес
Яма	2.89
Подбойная могила	3.0
Склеп	3.8
Украшения (подвески, пронизки, нашивные эл-ты одежды)	4.0
Фибулы	4.2
Серьги	4.27
Браслеты	5.0
Стеклянные сосуды	5.0
Ножи	5.17
Перстни	5.33
Зеркала	5.63
Туалетные принадлежности (пинцеты, пиксиды, фрагменты охры)	5.67
Ременные наборы (пряжки, наконечники ремней, распределители)	5.71
Монеты	6.0
Краснолаковая керамика	6.33
Двухкамерные склепы	7.33
Прясло	7.33
Шкатулки	8.0

и картина получается размытой. Был разработан новый, более укрупненный список признаков (табл. 2). В него не вошли бусы и сосуды местного производства серой или красной глины, встреченные практически в каждом захоронении.

Была получена следующая картина (рис. 6, 1): женские захоронения распались на два кластера: I включил в себя три захоронения в двухкамерных склепах в Фанагории (гроб 2 в западной камере и гроб 1 в восточной камере склепа 50/1937 и захоронение в южной камере склепа 21/1937). Выделению данной группы как раз способствовал тип погребального сооружения, имеющий довольно большой вес признака, но и инвентарь данных захоронений отличается представительностью — это серебряные пряжки, серебряная двупластинчатая фибула с пальметовидными накладками, краснолаковая посуда, стеклянные сосуды, зеркала, ножи и шкатулки (рис. 3, 1; 7, 1–5). Склеп 21 был практически полностью ограблен, В.Д. Блаватский смог зафиксировать остатки лишь одного гроба, однако захоронение женщины обладало маркерами высокого социального статуса — при нем были обнаружены зеркало и фрагменты шкатулки. Находки в заполнении склепа, среди кото-

рых были золотая индикация и удила, свидетельствующие о наличии мужского погребения, также указывают на высокий социальный уровень захороненных в данном склепе.

Все остальные погребения формируют кластер II, но в нем выделяется ряд подгрупп, которые показывают неоднородность данной группировки: прежде всего, подгруппа IIб, в которую вошли два женских захоронения из упоминавшегося ранее склепа 1/1991 Западного некрополя Фанагории. В обоих из них встречен довольно богатый инвентарь — золотые серьги, перстни со вставками граната и украшенные зернью, золотые рубчатые пронизки (рис. 1, 1; 7, 6–10), пинцет, зеркало, монета. В гробу 3 данного склепа были встречены лепестки от погребального венка из золотой фольги (рис. 7, 12). Два листка другой (листовидной) формы были обнаружены также в дромосе склепа (рис. 7, 11). Такие аппликации также могли использоваться и в качестве нашивных украшений на одежду, которые А.В. Мастыкова считает атрибутами высшего, “княжеского” социального статуса (2014; Мастыкова, Земцов, 2014). Таким образом, женские захоронения в склепе 1/1991 фанагорийского не-

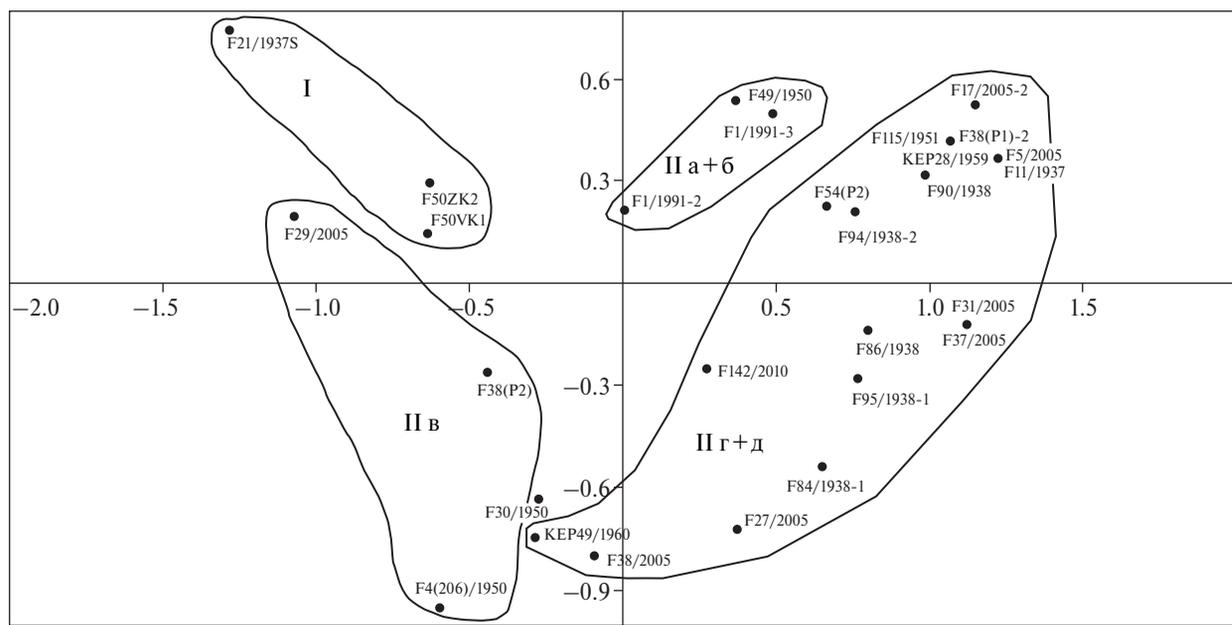
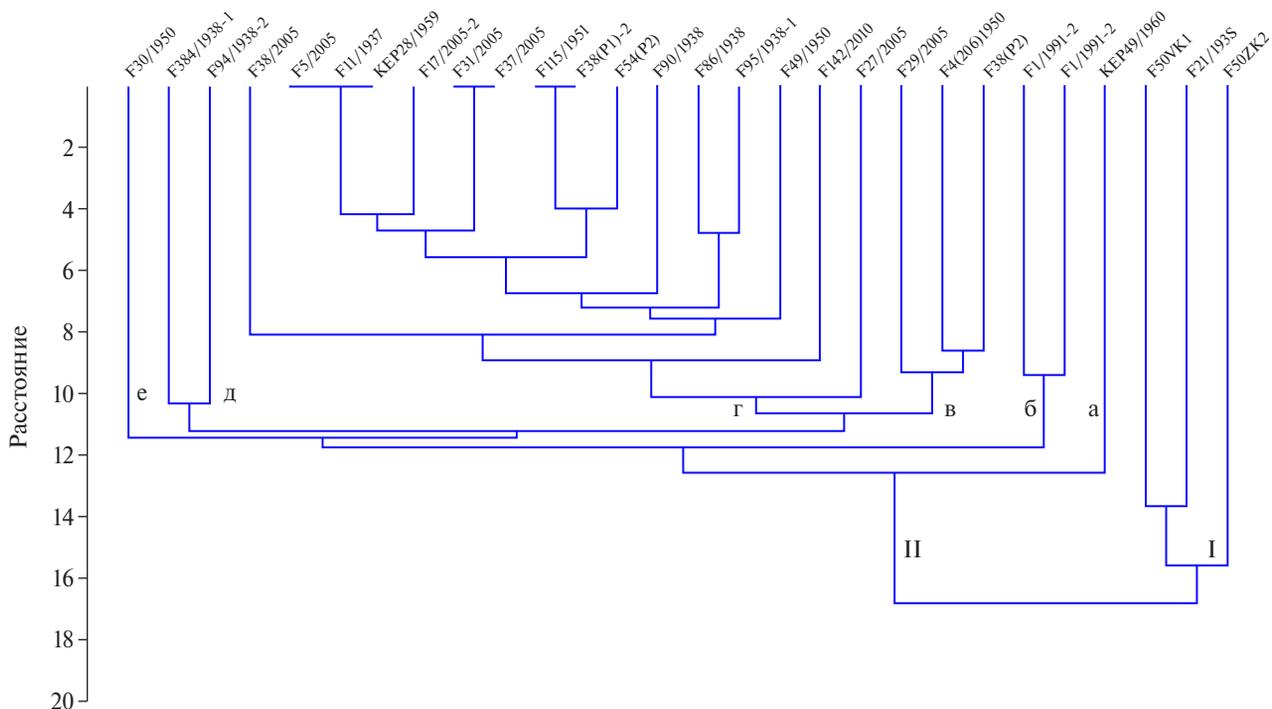

Рис. 6. Группировка женских погребений. 1 – кластерный анализ; 2 – корреспондентный анализ.
Fig. 6. The assemblages of women’s burials. 1 – cluster analysis; 2 – correspondent analysis.

крополя следует относить к группе наиболее статусных погребений.

Для женских захоронений не так четко выделяются богатством инвентаря склеповые захоронения. Многочисленный инвентарь встречен в ямных могилах Фанагории 30(232)/1950, 142/2010, 38(P2)/2012, Кепы 49/1960, в подбойной могиле

29/2005 в Фанагории (рис. 8, 1–6) – в этих захоронениях были найдены фибулы, монеты, использовавшиеся в качестве подвесок, зеркала, краснолаковая посуда. В захоронении 142/2010 в Фанагории женщина также была погребена в гробу, которые не встречаются в мужских могилах в грунтовых ямах (Ворошилова, 2011. Рис. 1–3).

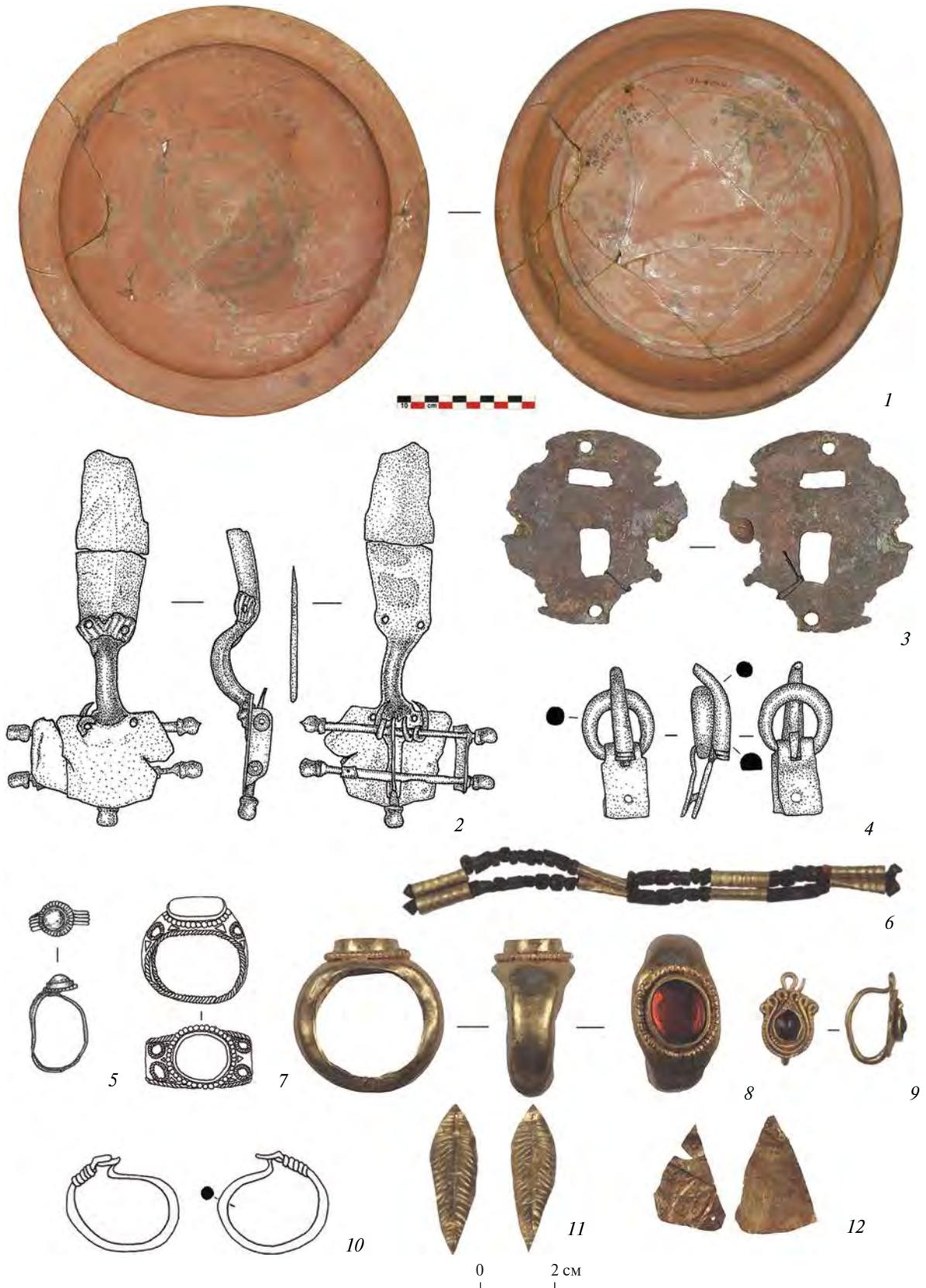

Рис. 7. Женские захоронения некрополя Фанагории. 1–5 – погр. 50/1937; 6–12 – погр. 1/1991 (по: Шавырина, Ворошилова, 2013). 1 – глина; 2, 4 – серебро; 3 – железо; 6, 10–12 – золото; 5, 7–9 – золото со вставками красных камней.

Fig. 7. The women's burials from Phanagoria.

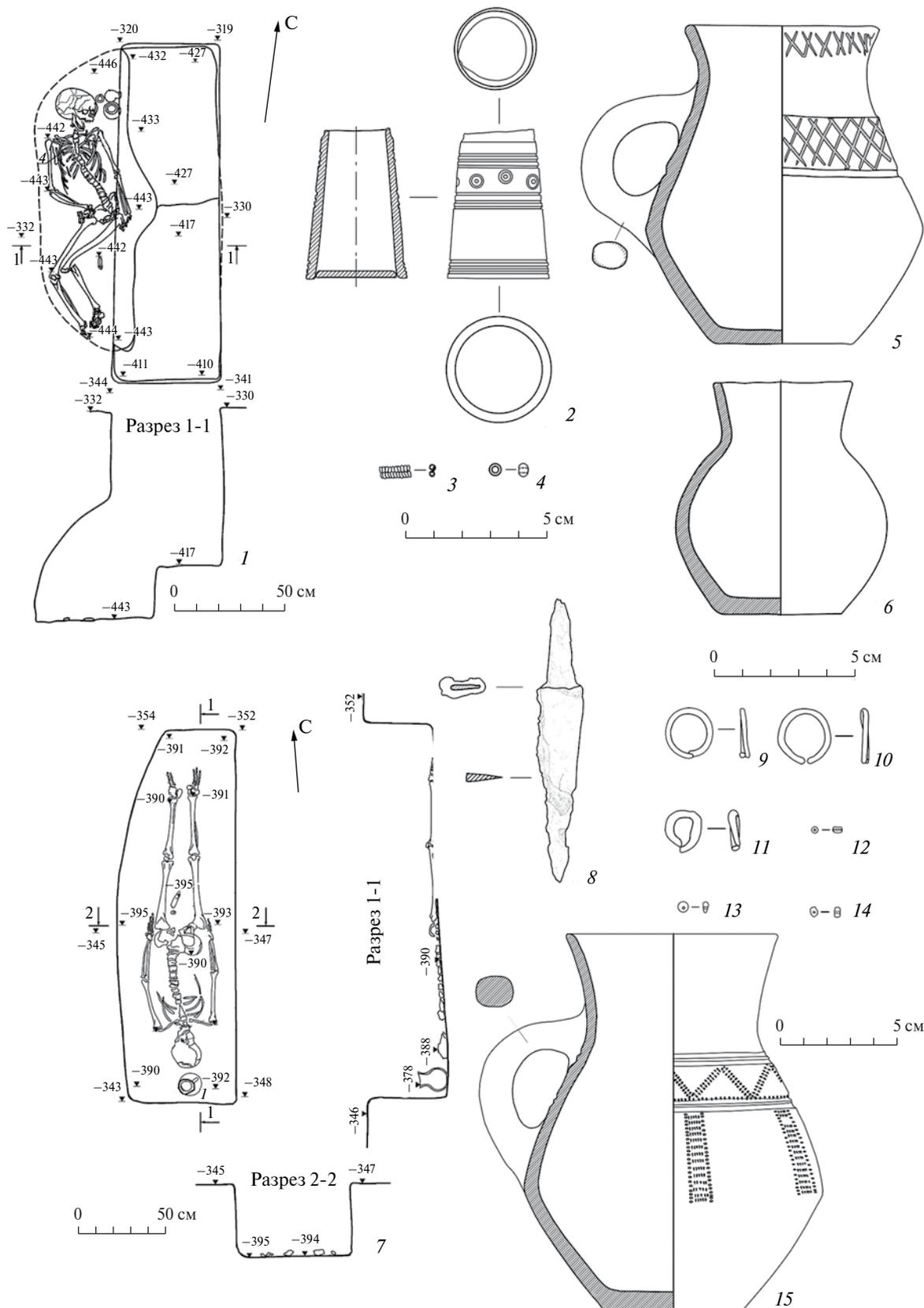

Рис. 8. Женские захоронения некрополя Фанагории. 1–6 – погр. 29/2005; 7–15 – погр. 38/2005 (по: Медведев, 2013). 2 – кость; 3 – золото; 4, 12–14 – стекло; 5, 6, 15 – глина; 8 – железо; 9–11 – бронза.

Fig. 8. The women's burials from Phanagoria.

Тем не менее в большинстве женских захоронений в ямах инвентарь довольно беден, хотя и более разнообразен, чем в аналогичных погребениях мужчин. Это бронзовые фибулы, серьги, бусы, керамические сосуды, изредка встречаются стеклянная посуда, иногда — пряжки (например, погр. 38/2005 в Фанагории: рис. 8, 7–15). В эту же группу входят и два безинвентарных погребения (Фанагория 31 и 37/2005), а также несколько склепов (Фанагория 84, 94 и 95/1938, гроб 1 склепа 169/2011), однако немногочисленность и скудность инвентаря данных захоронений может быть объяснена почти полным ограблением и разрушением данных гробниц. Для склепа 169/2011, как уже упоминалось выше, часть инвентаря вовсе была исключена из работы. Однако находка здесь золотой серьги указывает на более высокий уровень данного захоронения.

Таким образом, для женских захоронений при использовании кластерного анализа отмечается нечеткая картина в связи с разнообразием инвентаря и немногочисленностью выборки. Проверка корреспондентным анализом также показала их аморфность, но подтвердила выделение в отдельные группы наиболее богатых и престижных захоронений кластеров I и IIб (рис. 6, 1). Интересно отметить, что результат сериации на графике имеет форму параболы или подковы. Это может говорить о хронологических, а не социальных различиях в рассматриваемой выборке (Høilund Nielsen, 1991. P. 343; Theune, 2001. Abb. 3, 4), однако на нынешнем этапе исследования информации недостаточно для подтверждения данного вывода.

На основе кластерного анализа можно выделить три группы захоронений, судя по всему, обладавших разными уровнями богатства и, соответственно, занимавших разные позиции в социальной иерархической структуре. Выделяется ряд элитных могил (кластеры I и II мужской группировки и I — женской) — склеп 50 некрополя Фанагории, который у большинства исследователей фигурирует в выборках наиболее богатых захоронений эпохи Великого переселения народов на территории Восточной Европы, и склеп 3 из Тузлы (Казанский, 2010. С. 309). Здесь, судя по всему, были захоронены воины высшего уровня, о чем говорят находки длинных мечей-спат в инкрустированных ножнах, серебряные детали ременных гарнитур или золотых имитаций пряжек и наконечников ремней, стеклянных сосудов. По ряду признаков (удила, оружие, золотые имитации пряжек) к этой же группе тяготеют захоронения в склепах 1/1991 и 118/2007. Отличает эти захоронения и монументальность погребальной архитектуры.

Интересно сопоставить выделенные кластеры женских и мужских захоронений. Как и следовало ожидать, наиболее богатые женские захоронения кластера I встречены вместе с наиболее богатыми захоронениями в двухкамерных склепах мужских захоронений кластера II. То же самое касается и склепа 1/1991 в Фанагории — богатый инвентарь мужского захоронения в гробу 4 сочетается с представительными находками в погребениях женщин в гробах 2 и 3. Интересно отметить, что, если говорить о некрополе Фанагории, из которого мы имеем представительную выборку, все захоронения высшего ранга известны с западного участка могильника, в том числе два самых больших двухкамерных склепа — с небольшого участка (некрополь С), исследованного в 1937 г.

Для остальных кластеров более или менее четкой картины не вырисовывается. Какого-либо кластера среднего уровня достатка для женских погребений не выделяется. Однако к нему условно могут быть причислены склеповые захоронения из Фанагории 84, 94 и 95/1938. В них был обнаружен представительный инвентарь — браслеты, зеркала, несколько стеклянных сосудов, бусы и разные категории посуды, в склепе 94 — серебряная серьга с полиэдрическим окончанием. Мужской кластер V, в который вошли наиболее рядовые захоронения в ямах, в общем-то более или менее согласуется с основной массой женских захоронений второго кластера.

Представляется интересным сопоставить полученные результаты с другими методами социального анализа захоронений эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. В свое время Ф. Бирбрауэр (который в значительной степени основывался на разработках “качественных групп” Р. Кристляйна: Christlein, 1975) занимался социальным анализом германских захоронений римского времени и эпохи Великого переселения народов и объединил погребения высшего социального статуса в категорию I. Самые богатые памятники попали в подгруппу Ia, для которой характерны большое количество золотых изделий в могилах, в том числе золотых византийских Т-образных шарнирных фибул, золотая или серебряная столовая посуда имперского производства, для женских захоронений также выделяется костюм с роскошными фибулами и золотыми нашивными бляшками (Bierbrauer, 1989. S. 75–83). На Тамани наблюдаются лишь отдельные элементы из данного списка, по крайней мере, в том инвентаре, который остался после грабителей. Следует упомянуть те самые находки оружия и конской узды (которая была изготовлена не из драгоцен-

ных металлов, как у группы Ia по Ф. Бирбрауэру, а из железа), стеклянные стаканы, нашивные элементы одежды из золота. В фанагорийском склепе 50 в заполнении западной камеры был найден золотой перстень со вставкой сердолика (рис. 7, 5; Трейстер, 2015. Табл. 3, 9, 10), который, скорее всего, принадлежал женскому захоронению в этой камере, аналогичный перстню из могилы в Унтерзибенбрунне (Tejral, 2011. Abb. 85, 6). Скорее всего, данные могилы можно отнести к группе Ib женских захоронений, для которой характерны находки серебряных или, реже, золотых ременных гарнитур и фибул, иногда – со вставками камней, браслетов, серег, иногда – костюм, украшенный нашивными бляшками. Все это мы находим в рассматриваемых захоронениях. Примечательно, что и М.М. Казанский относит склепы 50 в Фанагории и 3 в Тузле не к самым богатым “вождеским” захоронениям (2010. С. 309).

Однако этих находок недостаточно, чтобы отнести рассматриваемые погребения к какому-либо “княжескому” слою. В пользу данной точки зрения говорит тот факт, что в позднеантичном некрополе Керчи известен ряд намного более богатых захоронений, изобилующих предметами роскоши, в том числе золотыми ременными гарнитурами, фибулами и византийскими сервизами (Засецкая, 1993). В случае азиатской части Боспора более уместно говорить о высшей городской аристократии (или чиновничестве?).

Погребения “княжеского” уровня все же присутствовали на территории Тамани. В основном это отдельные случайные находки и покупки (Gürçay Damm, 1988; Werner, 1961). В 1912 г. в Тамани было найдено воинское захоронение со скелетом коня, а также меч с инкрустированным перекрестьем и серебряные удила (Menghin, 1994/95. Abb. 37). Разграбленное захоронение известно у станицы Фонталовской, откуда происходят инкрустированные в стиле “клуазонне” золотые пряжки и золотая лунница (Werner, 1956. Taf. 59, 27–29). Эти захоронения по основным параметрам (богато украшенные парадные мечи, золотые ременные гарнитуры, предметы конской упряжи из драгоценных металлов) явно соответствуют группе Ia по Ф. Бирбрауэру и могут считаться “княжескими”. Они не были включены в анализ по двум причинам. Прежде всего, это отсутствие достоверной информации – из погребения в Фонталовской нам известны лишь упомянутые выше детали ременной гарнитуры. Захоронение в Тамани имеет кочевнические черты (подкурганное захоронение с конем), в то время как в данной работе предпри-

нималась попытка рассмотреть романизированное население позднебоспорских городов.

В среднюю по достатку и социальному положению группу захоронений выделяются прежде всего мужские погребения в небольших склепах (кластер IV). Инвентарь их скуднее, не содержит золотых и серебряных вещей. Заклады в склепах данного кластера не каменные, а из сырцового кирпича невысокого качества. Наиболее богатое захоронение этой группы – склеп 34/2005 Восточного некрополя Фанагории (рис. 4, 7–20). В других захоронениях этого кластера оружия не найдено. Судя по всему, эта группа объединяет рядовых воинов и относительно зажиточное гражданское население городов. Для женских погребений картина аморфная. Возможно, к данной “средней” группе может быть отнесен ряд захоронений в подбоях и ямах, однако на данный момент в распоряжении исследователей слишком мало данных.

Кластер V объединяет наиболее бедные захоронения, которые принадлежали рядовому или даже бедному населению городов. Представителей данного слоя хоронили в простых грунтовых ямах, без гробов, инвентарь довольно однообразен – в подавляющем большинстве это бронзовые или железные пряжки, сосуды местного производства. Эта группа захоронений составляет 63% всех мужских погребений.

Опыт изучения социальной стратификации населения Тамани в эпоху Великого переселения народов показал перспективность применения методов многомерной статистики. Тем не менее налицо и очевидные проблемы. Прежде всего, необходимо дальнейшее накопление фактических данных. Также при работе с городскими некрополями Боспора следует учитывать, что население городов было полиэтничным, а в рассматриваемую эпоху еще и многоконфессиональным, что необходимо принимать во внимание при кластерном анализе, однако на данный момент в связи с состоянием источниковой базы это выглядит затруднительным. Особенно заметен этот факт при анализе женских захоронений, каждое из которых, зачастую, обладает какими-либо уникальными признаками.

Тем не менее данная работа показала, что население городов Азиатского Боспора сохраняло сложную социальную структуру и государственное устройство. В качестве подтверждения этой точки зрения хотелось бы привлечь данные последних раскопок на городище Фанагории, точнее, в ее затопленной части, где были открыты следы мощных портовых сооружений, возведенных в V в. н.э. (Голофаст, Ольховский, 2016. С. 75, 76). Для проведе-

ния столь масштабных работ в такую переломную и богатую на политические и военные потрясения эпоху требовалось наличие государства, или, как минимум, властных городских структур. Необходимость ремонта и строительства порта говорит о сохранении и поддержке торговых связей Фанагории с Империей, что косвенно свидетельствует о наличии каких-либо ремесленно-торговых слоев в позднеантичном обществе Боспора. Археологически, к сожалению, уловить их пока не представляется возможным, однако дальнейшие публикации новых материалов и исследований по данной проблематике позволят уточнить и пополнить наши знания об этой смутной эпохе.

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-31-01278 “Таманский полуостров в эпоху Великого Переселения народов (по материалам погребальных комплексов)”.

За помощь в работе хотел бы выразить глубокую признательность Д.С. Коробову и А.В. Мастыковой, а также Е.П. Капустиной – за подготовку иллюстраций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-бургасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
- Блаватский В.Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 гг. // Работы археологических экспедиций / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: ГИМ, 1941 (Тр. ГИМ; Вып. XVI). С. 5–62.
- Блаватский В.Д.* Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I. М.: АН СССР, 1951 (МИА; № 19). С. 187–226.
- Березуцкий В.Д., Мастыкова А.В.* Погребение эпохи Великого переселения народов на Левобережье Среднего Дона // КСИА. 2016. Вып. 245.
- Ворошилова О.М.* Об имитациях деталей ременной гарнитуры из некрополя Фанагории // Боспорский феномен: населения, языки, контакты: Матер. Междунар. научн. конф. СПб.: Нестор-История, 2011а. С. 321–324.
- Ворошилова О.М.* Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории // ПИФК. 2011б. № 4 (34). С. 137–145.
- Ворошилова О.М.* Некрополь Фанагории в I в. до н.э. – V в. н.э. как источник по истории населения столицы Азиатского Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2012. 24 с.
- Ворошилова О.М.* Склеп позднеантичного времени из раскопок Фанагории в 2011 году // STRATUM plus. 2013. № 4: В поисках ойума. “Пути народов”. С. 123–131.
- Голофаст Л.А., Ольховский С.В.* Керамический комплекс из подводного фундамента в акватории Фанагории // Фанагория: Результаты археологических исследований: Т. 4. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 / Под ред. А.А. Завойкина. М.: ИА РАН, 2016. С. 46–82.
- Засецкая И.П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 23–105.
- Зеест И.Б.* Земляные склепы некрополя Тузла // КСИМК. 1953. Вып. 51. С. 156–158.
- Казанский М.М.* “Вождеские” погребения гуннского времени с мечами // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб.: Ломоносовъ, 2010. С. 307–320.
- Кондрашов А.В., Пьянков А.В.* О верхней хронологической границе Тузлинского некрополя // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар: Крайбикколлектор, 2002. С. 97–104.
- Коробов Д.С.* Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.: Алетейя, 2003. 380 с.
- Марченко И.Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория / Под ред. А.П. Смирнова. М.: АН СССР, 1956 (МИА; № 57). С. 102–127.
- Мастыкова А.В.* “Княжеский” костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 136–150.
- Мастыкова А.В., Земцов Г.Л.* “Княжеское” женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 200–222.
- Медведев А.П.* О греко-сарматах позднеантичной Фанагории // НАВ. 2009а. Вып. 10. С. 237–244.
- Медведев А.П.* Воинское погребение из Восточного некрополя Фанагории // *Ostrogothica*. Археология Центральной и Восточной Европы позднеантичного времени и Эпохи Великого переселения народов. Харьков: Тимченко, 2009б. С. 180–186.
- Медведев А.П.* Позднеантичное погребение из раскопок Восточного некрополя Фанагории в 2007 г. // Античный мир и археология. № 15. Саратов: СГУ, 2011. С. 366–376.
- Медведев А.П.* Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.) // Фанагория: Результаты археологических исследований: Т. 1. Материалы по археологии и истории Фанагории: Вып. 1 / Под ред. В.Д. Кузнецова. М.: ИА РАН, 2013. С. 330–402.
- Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: АН СССР, 1954 (МИА; № 33). С. 123–196.

- Сударев Н.И., Ахмедов И.Р. Новые погребальные комплексы конца IV – V в. н.э. на Таманском полуострове // Раннегосударственные образования и “княжеская” культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья: тез. докл. Междунар. научн. семинара / Отв. ред. А.В. Мاستыкова. М.: ИА РАН, 2013. С. 44, 45.
- Трейстер М.Ю. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Каталог // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2: Золото Фанагории / Ред. М.Ю. Трейстер. М.: ИА РАН, 2015. С. 340–391.
- Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. 2000. № 2. С. 212–220.
- Чаудзе В.Н. Позднеантичные склепы у пос. Красноармейский на Таманском полуострове // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Матер. Междунар. научн. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. С. 247–253.
- Шавырина Т.Г., Ворошилова О.М. Исследования западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.) // Фанагория: Результаты археологических исследований: Т. 1. Материалы по археологии и истории Фанагории: Вып. 1 / Под ред. В.Д. Кузнецова. М.: ИА РАН, 2013. С. 415–481.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bd. 8. Mainz: Zabern, 2002. S. 415–491.
- Bierbrauer F. Ostgermansiche Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Lodz: Katedra Archeologii Uniw. Łódzkiego, 1989. S. 39–106.
- Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des RGZM. Bd. 20. Mainz: Verlag des RGZM/Habelt, 1975. S. 147–180.
- Gürçay Damm I. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 21. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1988. S. 65–210.
- Hammer Ø. PAST–Paleontological Statistics Version 3.14. Reference manual. Oslo: Natural History Museum, University of Oslo, 2016. 252 p. <http://folk.uio.no/ohammer/past/past3manual.pdf>.
- Hodson F.R. Cluster analysis and archaeology: some new developments and applications // World Archaeology. 1970. V. 1. № 3. P. 299–320.
- Høiland Nielsen K. The Application of Correspondence Analysis: Some Examples in Archaeology // Classification, Data Analysis, and Knowledge Organization / Eds. H.-H. Bock et al. Berlin; Heidelberg: Springer; Verlag, 1991. P. 343–351.
- Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaologica. Bd. 26/27. Berlin: VML, 1994/95. S. 140–191.
- Pader E.-J. Symbolism, Social Relations and the Interpretation of Mortuary Remains. Oxford, 1982 (BAR Intern. Ser.; V. 130). 220 p.
- Tainter J.A. Social inference and mortuary practices: an experiment in numerical classification // World Archaeology. 1975. V. 7. № 1. P. 1–15.
- Tejral J. Einheimische und Fremde: das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: AÚ AV ČR, 2011. 467 s.
- Theune C. Zur Chronologie merowingerzeitlicher Grabinventare in Weingarten und der Alamannia // Archäologisches Zellwerk. Beiträge zur Kulturgeschichte in Europa und Asien. Rahden/Westf.: VML, 2001. S. 319–344.
- Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Hist.-Phil. Klasse. H. 38A u.B. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 s.
- Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt. Bd. 1. Die Fibeln. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1961. 115 s.

TOWARDS STUDYING THE SOCIAL STRUCTURE OF THE ASIAN BOSPORUS IN LATE ANTIQUITY

Anton A. Stokov

*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
(anton-stokov@yandex.ru)*

The paper presents an attempt to identify social groups on the Taman peninsula in Late Antiquity using cluster and correspondent analysis of burial assemblages. Twenty-seven men's and 28 women's burials have been analyzed. The men's burials comprise five clusters which can be divided into three social groups. In the women's burials the distinctions are not so evident: there are several prestigious burials (similar to the men's) in large vaults, whereas the other burials form an amorphous group which can be only provisionally divided into sub-groups. On the basis of the strap fittings, fibulae and red slip ware the burials can be dated to the 4th – first half of the 5th centuries AD.

Keywords: Taman peninsula, flat graves, social structure, cluster analysis, Late Antiquity.

REFERENCES

- Afanas'ev G.E.*, 1993. Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya basseyna Srednego Dona [The Alans of the Don. Social structures of the Alans, Asi, and Burtas from the Middle Don area]. Moscow: Nauka. 184 p.
- Arsen'eva T.M., Domzalski K.*, 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*, 8, pp. 415–491.
- Berezutskiy V.D., Mastykova A.V.*, 2016. The grave on the Left Bank of the Middle Don dated to the Great Migration period. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 245, pp. 219–243. (In Russ.)
- Bierbrauer F.*, 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der Römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters. *Peregrinatio Gothica*, 2. Lodz: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, pp. 39–106 (Archaeologia Baltica, VIII).
- Blavatskiy V.D.*, 1941. Report on excavations in Phanagoria in 1936–1937. *Raboty arkheologicheskikh ekspeditsiy [Transactions of archaeological expeditions]*. D.N. Eding, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 5–62 (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, XVI). (In Russ.)
- Blavatskiy V.D.*, 1951. Excavations of Phanagoria Necropolis in 1938, 1939, and 1940. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu [Materials on the archaeology of the North Pontic region in the antiquity]*, I. Moscow: AN SSSR, pp. 187–226 (MIA, 19). (In Russ.)
- Christlein R.*, 1975. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentral-museums*, 20. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentral-museums: Habelt, pp. 147–180.
- Golofast L.A., Ol'khovskiy S.V.*, 2016. Ceramic complex from underwater foundation offshore Phanagoria. *Fanagoriya: Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria: the results of archaeological studies]*, 4. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on the archaeology and history of Phanagoria]*, 2. A.A. Zavoykin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 46–82. (In Russ.)
- Gürçay Damm I.*, 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. *Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 21. Berlin: Gebrüder Mann Verlag, pp. 65–210.
- Hammer Ø.*, 2016. PAST. Paleontological Statistics. Version 3.14. Reference manual (Electronic resource). Oslo: Natural History Museum: University of Oslo. 252 p. URL: <http://folk.uio.no/ohammer/past/past3manual.pdf>.
- Hodson F.R.*, 1970. Cluster analysis and archaeology: some new developments and applications. *World Archaeology*, vol. 1, no. 3, pp. 299–320.
- Høiland Nielsen K.*, 1991. The Application of Correspondence Analysis: Some Examples in Archaeology. *Classification, Data Analysis, and Knowledge Organization*. H.-H. Bock, ed. Berlin; Heidelberg: Springer, pp. 343–351.
- Kazanskiy M.M.*, 2010. “Leaders” burials of the Hunnic time with swords. *Kraeugol'nyy kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran [Cornerstone. The archaeology, history, art, and culture of Russia and its neighbouring countries]*, I. E.N. Nosov, S.V. Beletskiy, eds. St. Petersburg: Lomonosov, pp. 307–320. (In Russ.)
- Kharke G., Savenko S.N.*, 2000. The problems of investigating ancient burials in the American archaeology. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 2, pp. 212–220. (In Russ.)
- Kondrashov A.V., P'yankov A.V.*, 2002. On the upper chronological limit of Tuzla necropolis. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [Materials and studies on the Kuban region archaeology]*, 2. Krasnodar: Kraybibkollektor, pp. 97–104. (In Russ.)
- Korobov D.S.*, 2003. Sotsial'naya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV–IX vv. [Social order of the North Caucasian Alans in the 4th–9th centuries]. St. Petersburg: Aleteya. 380 p.
- Marchenko I.D.*, 1956. Excavations of the western necropolis in Phanagoria in 1950–1951. *Fanagoriya [Phanagoria]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 102–127 (MIA; № 57). (In Russ.)
- Mastykova A.V.*, 2014. “Princely” costume with gold appliques in the Great Migration period. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 232, pp. 136–150. (In Russ.)
- Mastykova A.V., Zemtsov G.L.*, 2014. A “Princely” female burial in the settlement Mukhino-2 of the Hunnic period on the Upper Don. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 234, pp. 200–222. (In Russ.)
- Medvedev A.P.*, 2009a. On the Greek Sarmatians of the Late Antiquity Phanagoria. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]*, 10. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo universiteta, pp. 237–244. (In Russ.)
- Medvedev A.P.*, 2009b. Warrior's burial from the eastern necropolis in Phanagoria. *Ostrogothica. Arkheologiya Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy pozdnerimskogo vremeni i Epokhi Velikogo pereseleniya narodov [Ostrogothica. The archaeology of Central and Eastern Europe of the Late Roman period and the Great Migration]*. Khar'kov: Timchenko, pp. 180–186. (In Russ.)
- Medvedev A.P.*, 2011. A Late Antiquity burial from the excavations of eastern necropolis in Phanagoria in 2007. *Antichnyy mir i arkheologiya [The ancient world and archaeology]*, 15. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 366–376. (In Russ.)
- Medvedev A.P.*, 2013. The Late Antiquity necropolis in Phanagoria of the 4th–5th centuries (excavations of 2005). *Fanagoriya: Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria: the results of archaeological studies]*, 1. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on the ar-*

- chaeology and history of Phanagoria*], 1. V.D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 330–402. (In Russ.)
- Menghin W., 1994/95. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin. *Acta Praehistorica et Archaologica*, 26/27. Berlin: Verlag Marie Leidorf, pp. 140–191.
- Pader E.-J., 1982. Symbolism, Social Relations and the Interpretation of Mortuary Remains. Oxford. 220 p. (BAR. International Series, 130).
- Shavyrina T.G., Voroshilova O.M., 2013. Investigations of the western necropolis in Phanagoria (based on the materials from excavations of 1987–2000). *Fanagoriya: Rezul'taty arkhelogicheskikh issledovaniy [Phanagoria: the results of archaeological studies]*, 1. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials on the archaeology and history of Phanagoria]*, 1. V.D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 415–481. (In Russ.)
- Sokol'skiy N.I., 1954. Bosporan swords. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu [Materials on the archaeology of the North Pontic region in the ancient times]*. Moscow: AN SSSR, pp. 123–196 (MIA, 33). (In Russ.)
- Sudarev N.I., Akhmedov I.R., 2013. New burial complexes of the late 4th–5th century on Taman peninsula. *Rannegosudarstvennye obrazovaniya i "knyazheskaya" kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse antichnosti – nachale srednevekov'ya: tezisy dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara [Early states and "princely" culture on the Northern Caucasus in the Late Antiquity and early Middle Ages: Abstracts of the International Scientific Workshop]*. A.V. Mastykova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 44, 45. (In Russ.)
- Tainter J.A., 1975. Social inference and mortuary practices: an experiment in numerical classification. *World Archaeology*, vol. 7, no. 1, pp. 1–15.
- Tejral J., 2011. Einheimische und Fremde: das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archeologický ústav Akademie věd České republiky. 467 p.
- Theune C., 2001. Zur Chronologie merowingerzeitlicher Grabinventare in Weingarten und der Alamannia. *Archäologisches Zellwerk. Beiträge zur Kulturgeschichte in Europa und Asien: Festschrift für Helmut Roth zum 60. Geburtstag*. Rahden, Westfalen: Verlag Marie Leidorf, pp. 319–344.
- Treyster M.Yu., 2015. The Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue. *Fanagoriya. Rezul'taty arkhelogicheskikh issledovaniy [Phanagoria. The results of archaeological research]*, 2. *Zoloto Fanagorii [The gold of Phanagoria]*. M.Yu. Treyster, ed. Moscow: IA RAN, pp. 340–391. (In Russ.)
- Voroshilova O.M., 2011a. On imitations of belt set details from Phanagoria necropolis. *Bosporskiy fenomen: naseleeniya, yazyki, kontakty: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan Phenomenon: Populations, Languages, Contacts: Proceedings of the International Scientific Conference]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 321–324. (In Russ.)
- Voroshilova O.M., 2011b. A Late Antiquity burial with coins from Phanagoria necropolis. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [The issues of history, philology, and culture]*, 4 (34), pp. 137–145. (In Russ.)
- Voroshilova O.M., 2012. Nekropol' Fanagorii v I v. do n.e. – V v. n.e. kak istochnik po istorii naseleniya stolitsy Aziatskogo Bospora: avtoref. dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Phanagoria necropolis in the 1st century BC – 5th century AD as a source on the history of the Asian Bosporus population: synopsis of the Candidate's thesis in History]. Moscow: IA RAN. 24 p.
- Voroshilova O.M., 2013. Late-Antiquity vault from the excavations in Phanagoria in 2011. *Stratum plus*, 4, pp. 123–131. (In Russ.)
- Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches: Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Hist.-Phil. Klasse. H. 38A u.B. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 138 p.
- Werner J., 1961. Katalog der Sammlung Diergardt, 1. Die Fibeln. Berlin: Gebrüder Mann Verlag. 115 p.
- Zasetskaya I.P., 1993. Materials of Bosporus necropolis of the second half of the 4th – the first half of the 5th century AD. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology, history, and ethnography of Tavria]*, III. Simferopol': Tavriya, pp. 23–105. (In Russ.)
- Zeest I.B., 1953. Earth vaults of Tuzla necropolis. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture]*, 51, pp. 156–158. (In Russ.)

ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА РЕВДА 5 В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2018 г. Н. П. Матвеева

*Тюменский государственный университет, Россия
(nataliamatveeva1703@yandex.ru)*

Поступила в редакцию 10.01.2017 г.

Публикуется анализ обрядовых действий у могил и на межкурганном пространстве могильника Ревда 5, датированного IV в. н.э. Памятник находится в бассейне р. Тобол в подтаежном Зауралье (бакальская археологическая культура). Исследование основано на сведениях о расположении ям от столбов, кострищ, хозяйственных ям с битой керамикой и костями, археозоологических остатков от жертвоприношений домашних животных. Установлена относительная последовательность ритуала: в день погребения разведением костра очищали новое место на кладбище, устанавливали столб, привязывали жертвенное животное, обычно лошадь, и приготавливали пищу, разделив ее на несколько частей. Одну, содержащуюся в горшках, употребляли, посуду после использования разбивали и закапывали в юго-западном секторе подкурганной площадки. Затем выкапывали яму для захоронения, отделяли часть заупокойной пищи для умершего, а накрыв могилу, остатки головы и ног лошади оставляли либо на перекрытии, либо шкуру растягивали на кольях. Спустя определенный срок поминки устраивались уже вне могильных рядов, адресовались всем погребенным и проводились у каких-то деревянных столбов (идолов, коновязей, обелисков?), в ямы рядом с которыми закапывали остатки битой посуды и пищи. Полагаем, что данные действия были проявлением культа предков. Отдельные элементы данной церемонии находят объяснения в традиционном мировоззрении угорских и тюркских народов Сибири.

Ключевые слова: Западная Сибирь, раннее средневековье, ритуал захоронения, поминальные действия, культ предков.

Как правило, при раскопках курганных могильников детально исследуют насыпи со скрытыми под ними внутримогильными и околокурганскими сооружениями. Этот массив данных позволяет характеризовать отношение общества к индивидам и устанавливать между ними связь, реконструировать размах вариаций в оценке статусов и рангов отдельных погребенных. И только вскрытие памятника большими площадями дает возможность обнаруживать на площади некрополя системы объектов: ряды погребальных комплексов; зоны семейно-родственных групп; площадки и сооружения, связанные с приготовлениями тел к обряду; следы тризн и поминок, относящиеся к коллективной деятельности. Изучение таких площадок способно внести новые детали в характеристику культа предков, в наши представления о магических способах взаимодействия живых и мертвых у народов прошлого.

Довольно обстоятельно данный аспект погребального обряда изучен в ряде археологических

культур Прикамья раннего и позднего железного века, обладающих весьма репрезентативными выборками благодаря удачно реализованному стремлению к полноте исследования регионов и памятников (Голдина, 1986; 2004. Рис. 110, 131, 154). В Западной Сибири таких примеров единицы (Молодин, Соловьев, 2004; Викторова, 2008. Рис. 2), вероятно, в целом из-за относительно позднего старта в организации масштабных работ, а также в целом меньшей изученности средневековой эпохи. В этой связи интересен могильник Ревда 5 эпохи Великого переселения народов, в котором выявлены разнообразие функциональные зоны.

Памятник локализуется на правом берегу р. Тобол, близ одноименного села, занимает узкий мыс длиной всего около 110 м. На нем видны наземные площадки жилищ баитовской культуры, в середине которых и были введены погребения, превратившие наземные площадки в курганы (рис. 1). Раскопки проведены автором в 2014–2015 гг. четырьмя сплошными раскопами, заложенными

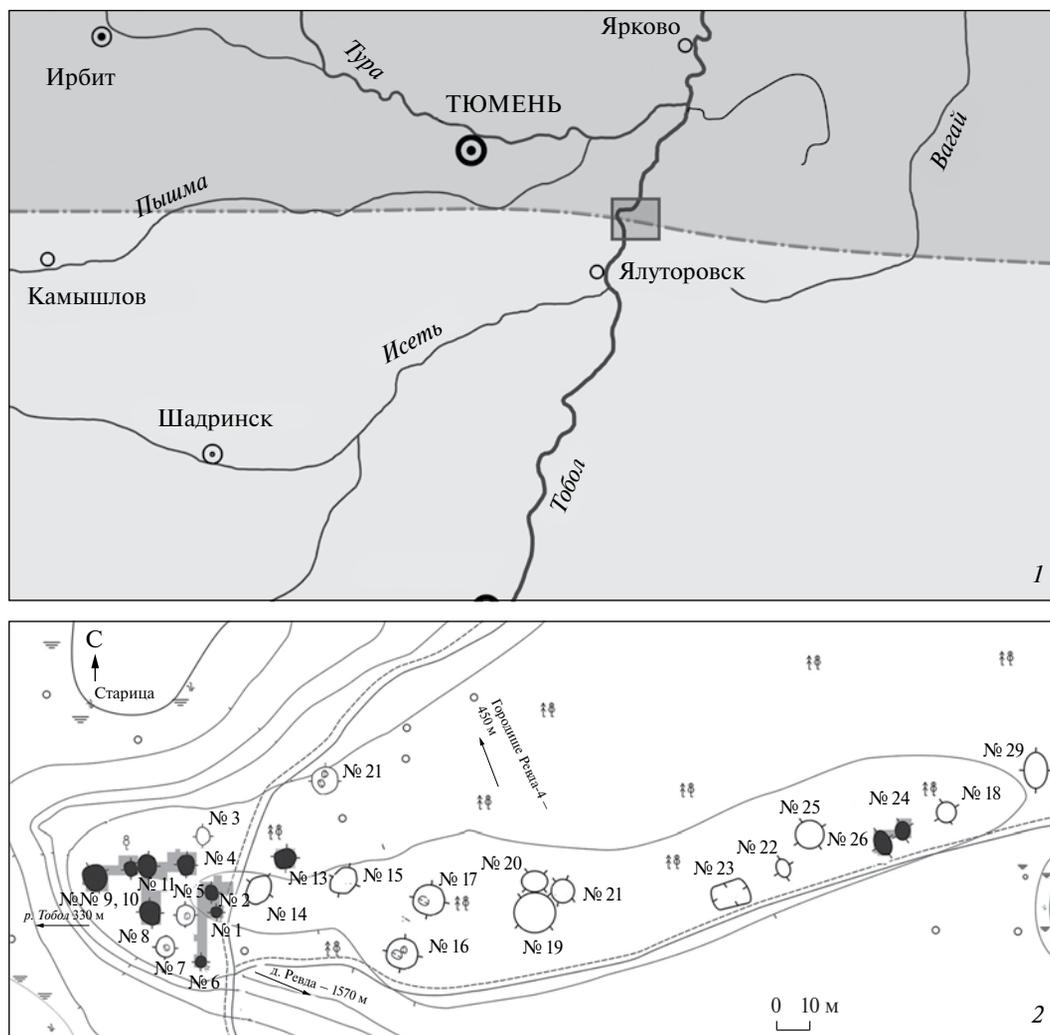

Рис. 1. Местонахождение (1) и план могильника Ревда 5 и поселения Ревда 6 на его площади (2). Горизонтальи проведены через 0.5 м.

Fig. 1. Location (1) and plan of Revda 5 cemetery and Revda 6 settlement on the site (2)

в поисках грунтовых захоронений между курганами, а также для выявления направленности могильных рядов и внутренней хронологии могильника. Всего исследовано 13 погребений в 8 курганах и несколько поминальных площадок, датированных по разнообразному инвентарю IV в. н.э. Описание раскопок могильника опубликовано (Матвеева, 2016), поэтому здесь остановимся только на аспекте реконструкции погребального ритуала и поминальных действий.

Курган 4 диаметром 5.5 м, высотой 0.25 содержал меридионально расположенное погр. 12 (рис. 2, 1), окруженное валиком выброса на погребенной почве. Общие размеры составили 2.3×1.6 м, глубина – 1.45. Остатки захоронения взрослой женщины находились в виде разбросанных костей. В 1.5 и в 2 м к юго-западу от погребения на подкурганной

площадке зафиксированы две ямы и остатки битой посуды.

Курган 9 содержал три захоронения, впущенные в заброшенное жилище, поэтому вычленить следы поминальных действий вокруг них, не удалось.

Курган 10 имел диаметр 5.5 м, высоту 0.2, содержал одно захоронение – женщины около 30–40 лет с разнообразным инвентарем (Матвеева, Долгих, 2016). На древней поверхности наблюдалась линза желтого выброса из могилы, найдены черепки средневекового неорнаментированного горшка (они же – в заполнении могилы), а также от горшочка с ямками на переходе от шейки к плечу, ниже в этом месте обнаружена яма глубиной 0.15 м, размерами 1×0.6 м, т.е. она была сделана перед выкапыванием могилы (рис. 2, 2).

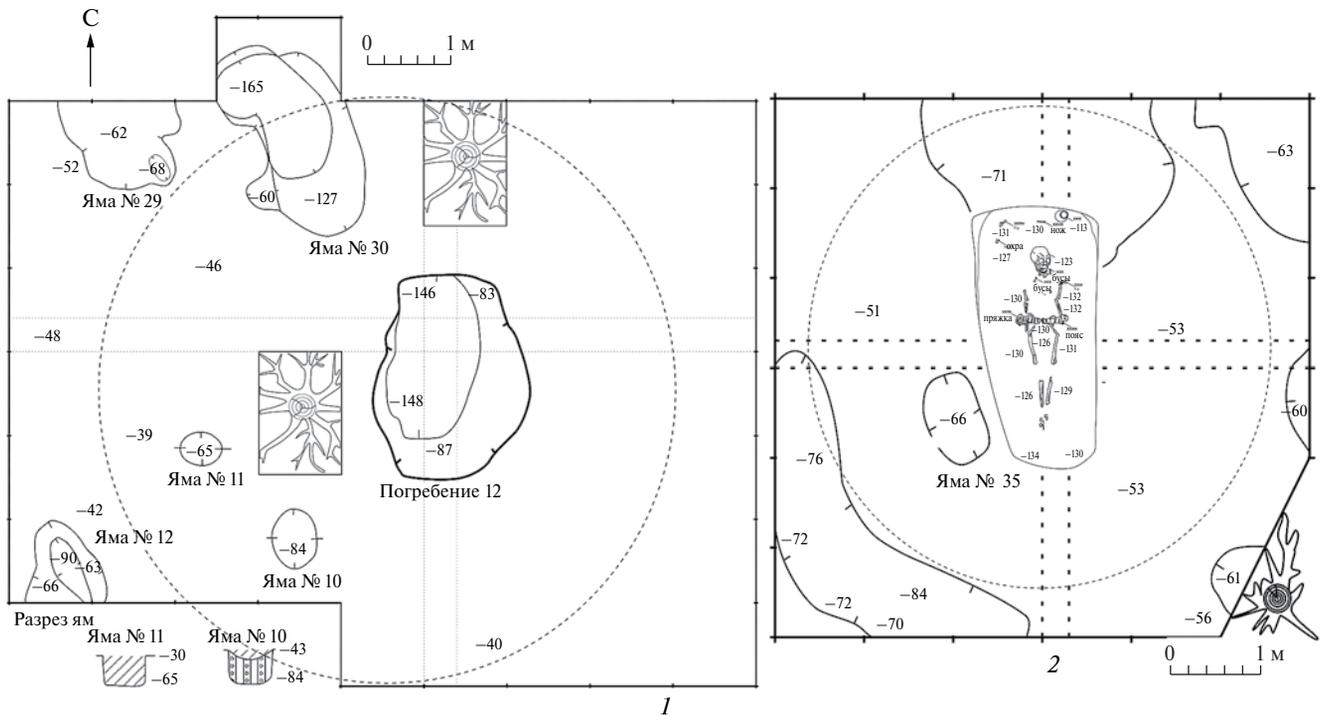

Рис. 2. Планы кургана 4 (1), подкурганной площадки вокруг погр. 12 (2).

Fig. 2. Plans of barrow 4 (1), of floor of barrow around burial 12 (2)

Курган 11 имел диаметр 6 м и высоту 0.12, в середине содержалось погр. 4, на расстоянии 1.8 м – погр. 7 (рис. 3, 1, 2). Центральная яма прямоугольной в плане формы, размерами 2 × 2.2 м, продольной осью ориентирована по линии С–Ю, ее перекрывали продольно расположенные горелые бревна шириной 6–10 см. После выборки древесины яма разделилась на две, выбранные по заполнению с углем: западную, размерами 1.85 × 0.7 м, глубиной 1.82; восточную, 1.8 × 0.7 м, глубиной 0.85. Считаем, что это мог быть кенотаф. Другое погребение (№ 7) занимало овальную в плане яму размерами 2.3 × 1 м, глубиной 0.36, ориентированную по линии СВ–ЮЗ. Уцелели скопление зубов лошади и несколько неорнаментированных черепков поверх перекрытия над изголовьем (рис. 3, 3).

Курган 6. Насыпь диаметром 4 м, высотой 0.2 располагалась на южном краю мыса (рис. 1). Яма погр. 1, размерами 2.25 × 0.9 м, глубиной 0.33, окружена с юга выбросом, ориентирована на север (рис. 4). На поверхности были черепки от трех разбитых бакальских сосудов. Ямка от столба 1 обнаружена в 0.4 м к западу от могилы. Севернее зафиксированы прокалы 1–3 оранжевого цвета толщиной 11–12 см. Предположительно они образовались на месте ям, вырытых для горящего угля в целях приготовления погребальной пищи или ритуальной очистки огнем площадки рядом

с захоронениями 1 и 2. В заполнении могилы 1 выявлен, наряду с золой и углями, череп от другого индивида (рис. 3, 4) с фрагментом керамики в полости, из чего следует, что он был положен в могилу при ее засыпке как реликвия или оберег размещенного ниже покойника.

“Погребение 2” располагалось посередине между курганами 6 и 1 в отчетливо выраженном понижении на местности. В овальной в плане яме, ориентированной по линии СЗ–ЮВВ, размерами 3.5 × 1.55 м, глубиной 0.26–0.27, найдены зубы лошади и мелкофрагментированная керамика от сосуда с отогнутой короткой шейкой, пояском ямок по ней и угловым штампом по плечикам. На дне вдоль стен ямы выявлено шесть ямок от столбов диаметром 15–20 см и глубиной 22–30, возможно, от растянутой на столбиках шкуры коня, принесенного в жертву. Между погр. 1 и 2 близ прокала 2 и ямы 2 обнаружены крупные обломки средневекового сосуда (рис. 5, 4).

Погребение 5 находилось в 5.5 м к северу от погр. 2. Размеры составили 2.52 × 1.45 м, глубина – 0.75 м. В прямоугольной в плане яме были черепки от маленького круглодонного горшка, бой от разбитого горшка с ямками и насечками (рис. 5, 1, 5) и сосуда с точно таким же орнаментом (рис. 5, 7), а также миски с узором из ямок и двух рядов треугольных наколов, помимо того, линзы черного

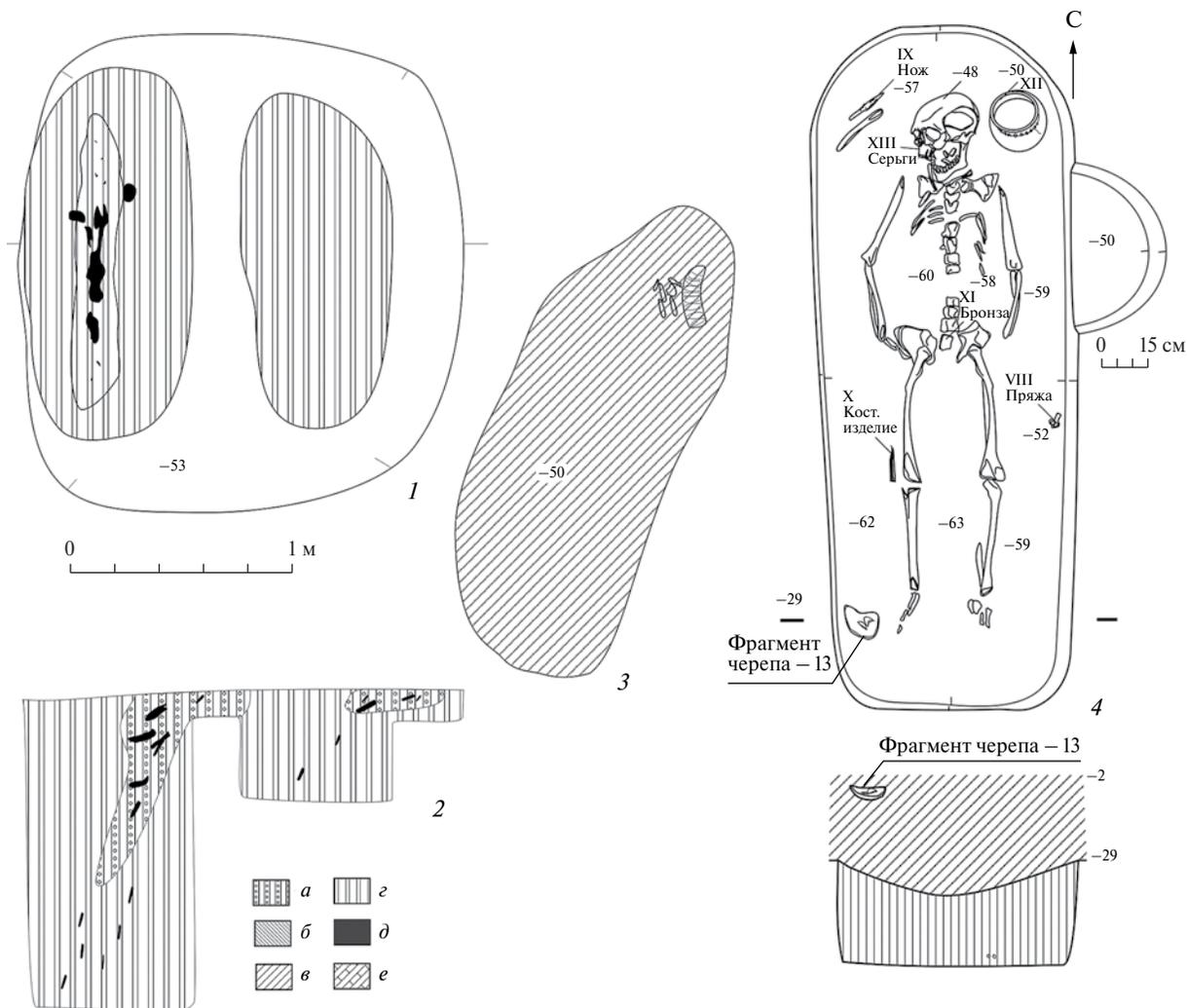

Рис. 3. Планы и разрезы могил 4 (1, 2) и 7 (3) кургана 11, мог. 1 кургана 6 (4). Условные обозначения: а – серо-коричневый песок мешаный; б – темно-серый песок; в – серый песок; г – светло-коричневый песок; д – уголь; е – серовато-желтый песок.

Fig. 3. Plans and cross-sections of graves 4 (1, 2) and 7 (3) of barrow 11, and grave 1 of barrow 6 (4)

углистого песка. В северном, головном (?) конце стоял круглодонный горшок с надколотой горловиной (рис. 5, 6). Южнее погр. 5 найдены крупные обломки бакальского сосуда, декорированного прямоугольными ямками при переходе от шейки к плечу.

Курган 13 диаметром 6 м, высотой 0.2 изучен изолированной площадью, состоял из остатков наземного жилища раннего железного века с впушенным в подсыпку погребением раннего средневековья, поэтому следы поминальных действий под насыпью не зафиксированы.

Курганы 24 и 26 исследованы общим раскопом, их диаметр – 5–6 м, высота – 0.12–0.3. В первом кургане под низкой насыпью выявлено неправильное трапециевидное в плане пятно, оконтуренное

полосами мелкого угля, – остатки сгоревшей древесины на площади 2.4×2.4 м (рис. 6). Ямы от столбов под остатками углистых полос не обнаружены, поэтому предположительно это был либо сруб на несколько венцов, либо обрешетка для какого-то объекта внутри. Под сгоревшим деревянным сооружением на материке выявлена овальная в плане яма 2 размерами 2.2×0.8 м, ориентированная в широтном направлении.

Она имела неровное дно, глубиной 13–31 см от материка, была ограблена. В понижении между всхолмлениями 24 и 26 обнаружены две овальные в плане ямы глубиной 0.2 м, длиной около 2, ориентированные по линии ЮЗ–СВ, около первой найден обломок глиняного пряслица с узором наколами (рис. 6, 2), под серединой всхолмления 26

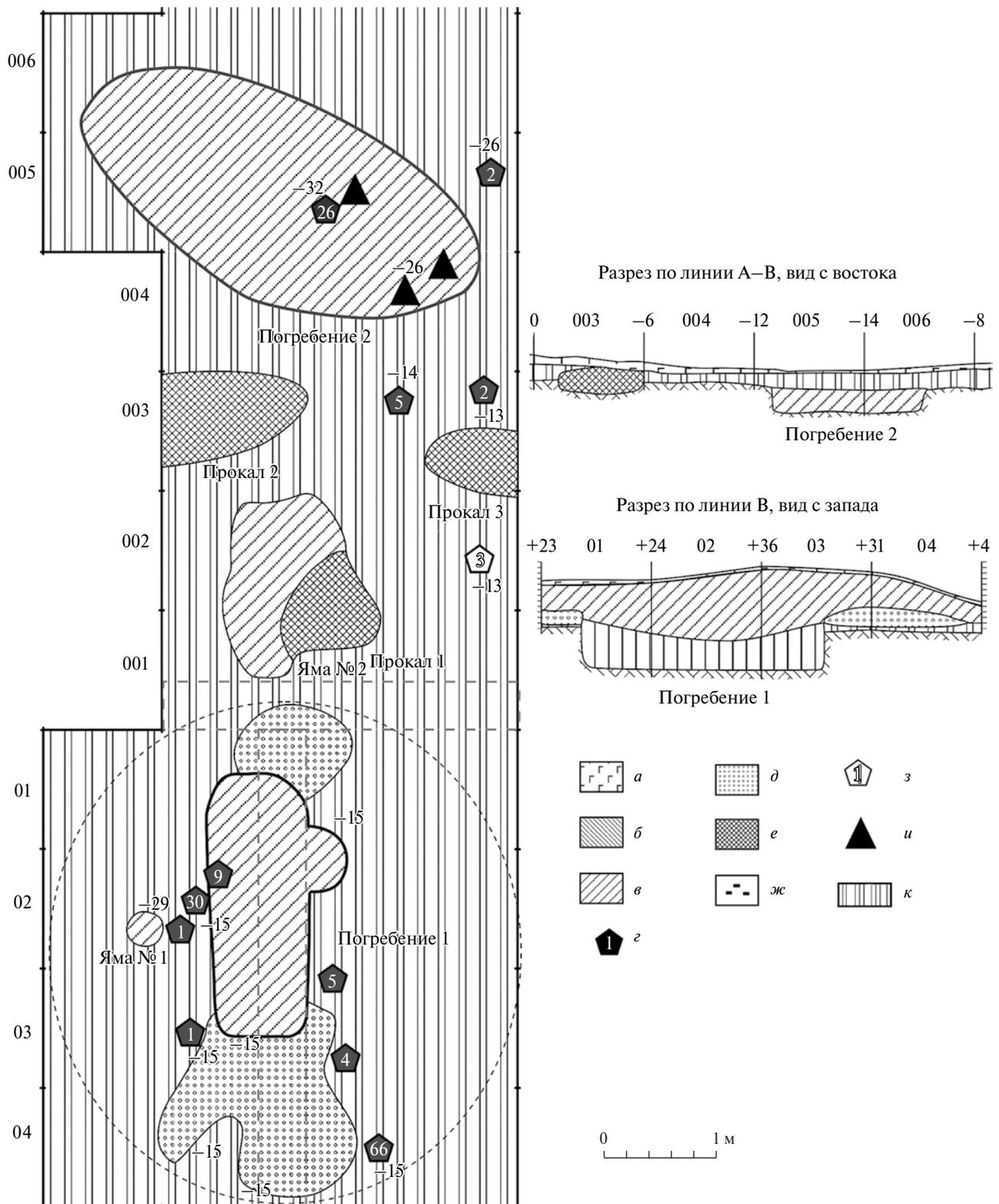

Рис. 4. План участка могильника с погр. 1 и 2. Условные обозначения: *a* – дерново-гумусный слой; *б* – темно-серый песок; *в* – серый песок; *г* – керамика средневековая; *д* – желтый песок; *е* – прокал; *ж* – вкрапления угля; *з* – керамика раннего железного века; *и* – кости; *к* – светло-коричневый песок.

Fig. 4. Plan of cemetery plot with graves 1 and 2

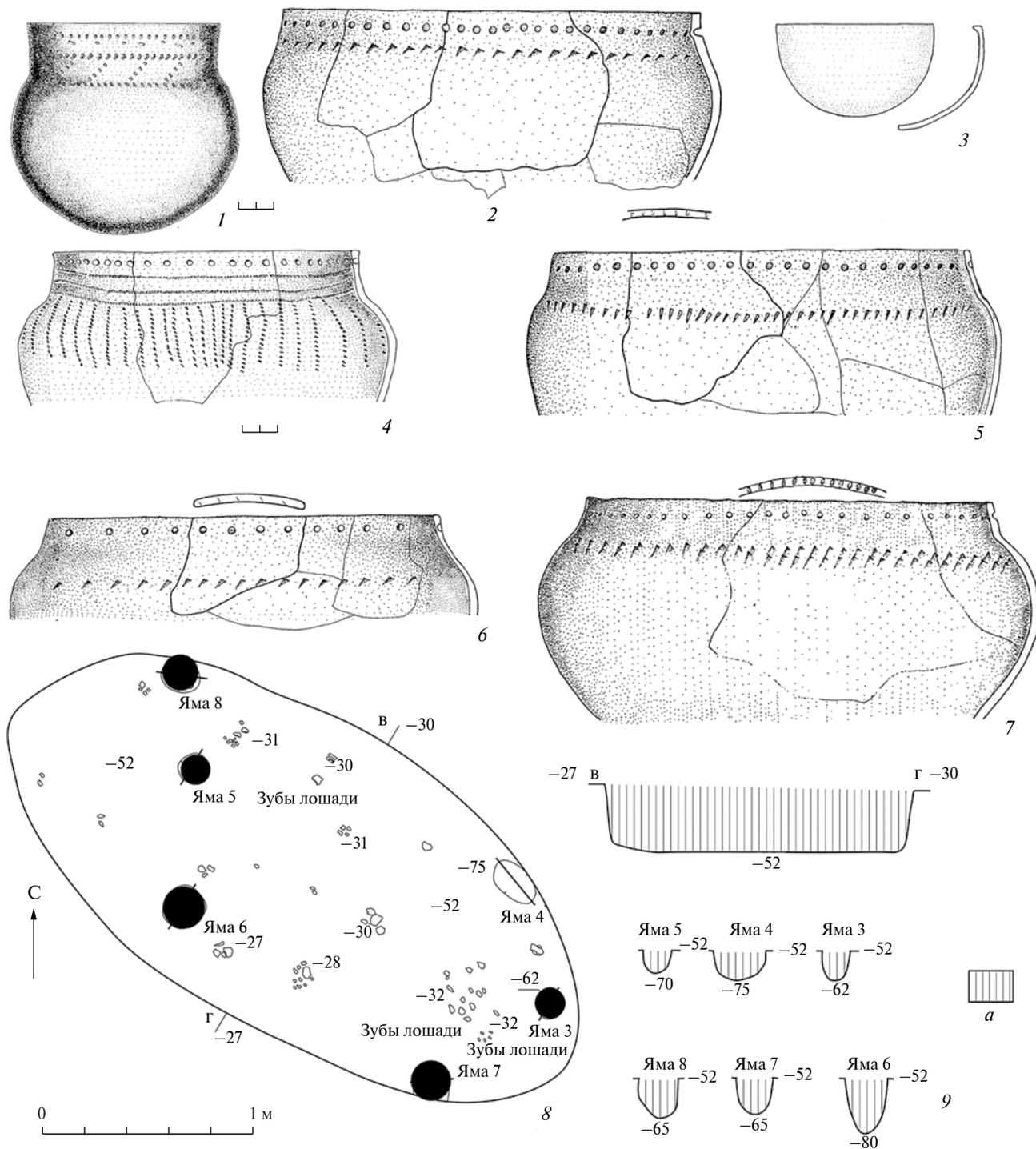

Рис. 5. Керамика из погр. 5 и межмогильного пространства (1–7). План “погребения 2” и разрезы ям (8, 9). Условное обозначение: а – коричневый песок.

Fig. 5. Pottery from burial 5 and area between graves (1–7). Plan of “burial 2” and cross-sections of pits (8, 9)

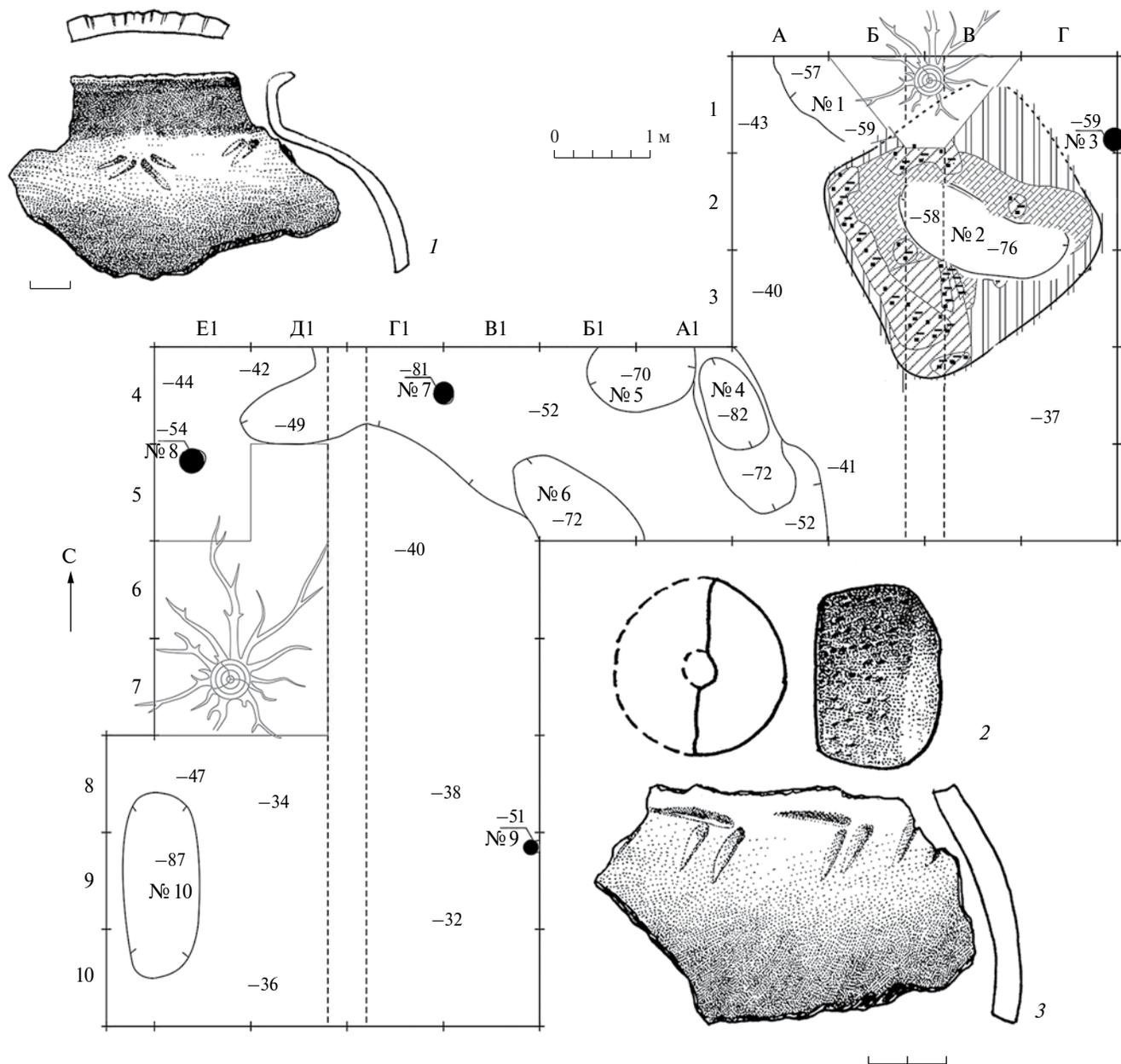

Рис. 6. План раскопа на объектах 24 и 26 и находки (1–3) из них.

Fig. 6. Plan of excavation site at features 24 and 26 and finds (1–3)

были скопления черепков от двух разбитых бакальских сосудов с узорами сдвоенными насечками по плечикам (рис. 6, 1, 3). За его пределами находилась крупная яма 10, похожая на ограбленную могилу размерами 1.75 × 0.8 м, ориентированная меридионально. Ямы 2, 4, 6 и 10 составляют единый ряд, расположенный по линии ЮЗ–СВ. Но осталось не ясным, содержали ли они безынвентарные, может быть, детские захоронения, до ограбления или нет. На материковой поверхности выявлено пять ям от столбов 7–9, 11, 12 диаметром 18–22 см,

из них № 7 достигал глубины 51 см. Таким образом, обнаружены следы сожжения сруба над могилой (?).

Межкурганное пространство могильника. При раскопках прямоугольной площадки к югу от кургана 11, которая первоначально была обозначена как прилегающая к кургану 8, захоронений не оказалось, как и отчетливо выраженной насыпи (рис. 1, 2; 7). Выявлена серия округлых и овальных в плане ям разных размеров с разбросанными вокруг раздавленными горшками. Обращает на себя

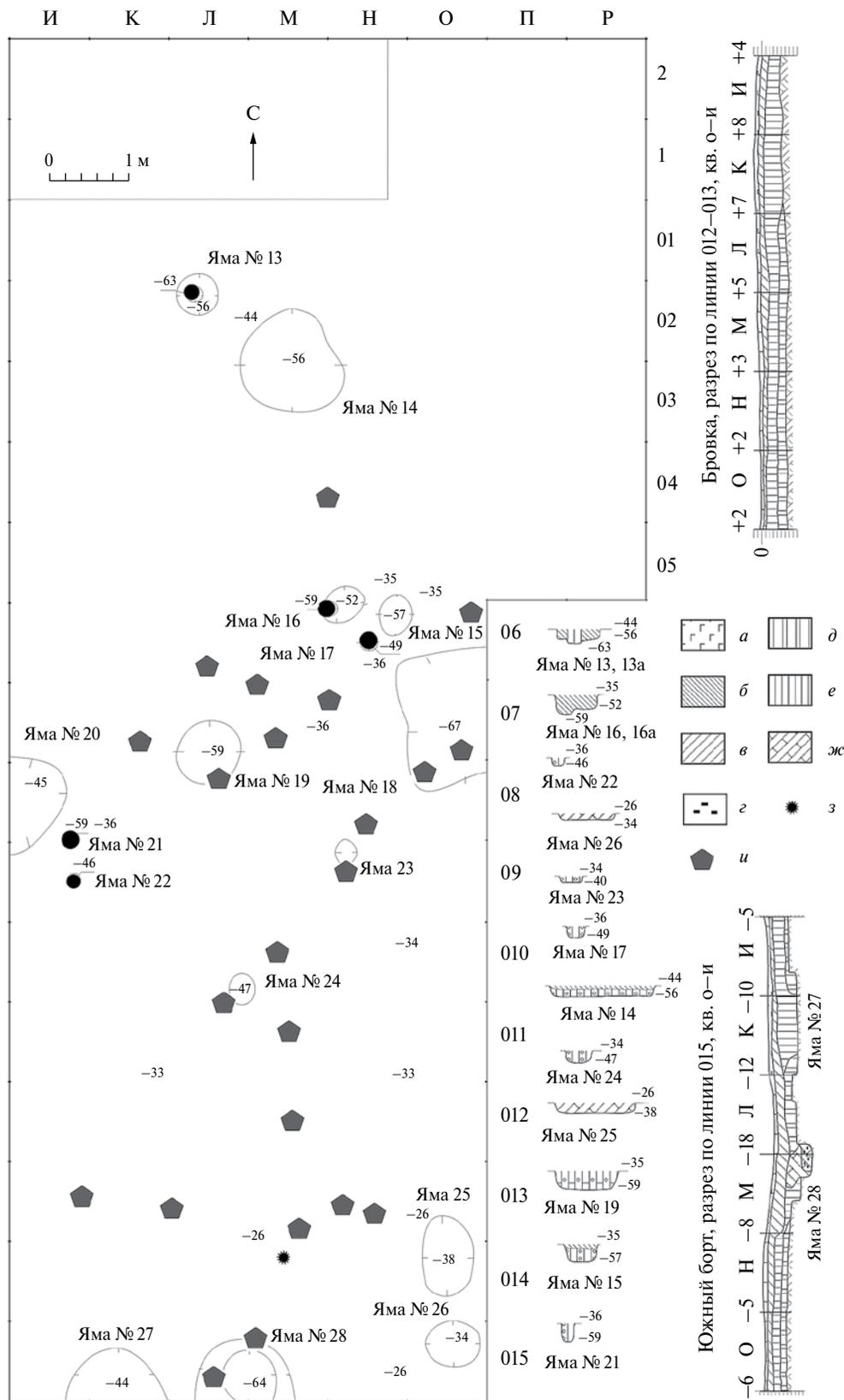

Рис. 7. План локализации ям и распространения находок на поминальной площадке и широтные разрезы. Условные обозначения: а – дерново-гумусный слой; б – темно-серый песок; в – серый песок; г – уголь-песок; д – светло-коричневый песок; е – коричневый песок; ж – светло-серый песок; з – наконечник стрелы; и – средневековая керамика.

Fig. 7. Plan of location of the pits, occurrence of finds at the wake site, and latitudinal cross-sections

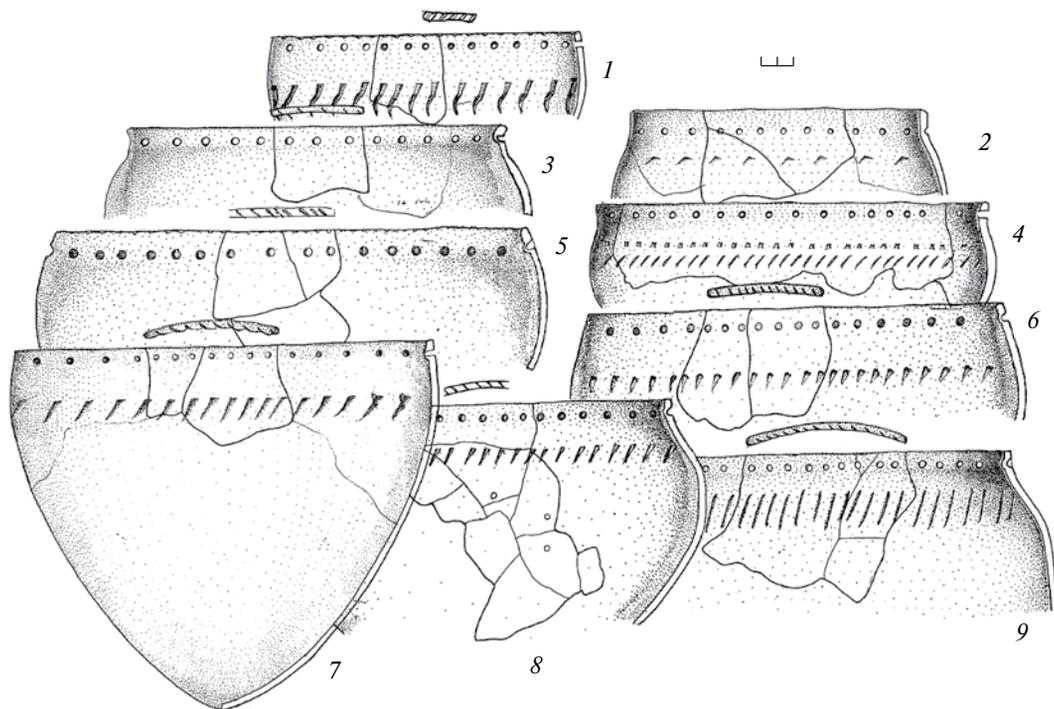

Рис. 8. Керамика с поминальной площадки (1–9).

Fig. 8. Pottery from the wake site (1–9)

внимание сочетание на межмогильном пространстве курганов 6, 10, 11, которые занимают середину мыса, одной-двух крупных ям с одной-двумя ямками от столбов. Например, яма 20 сопровождается двумя столбами, поставленными по линии С–Ю с восточной ее стороны. Углубления 15 и 16 дополняются столбами 16а и 17 с юго-западной стороны. Ямам 13 и 14 сопутствует столб 13а. Следует отметить также, что развалы сосудов в целом располагались выше начальных контуров ям на 5–10 см, т.е. были оставлены на древней дневной поверхности. Например, между ямами 16 и 19 было скопление черепков от двух сосудов. Близ ямы 23 обнаружен раздавленный сосуд. Скопление черепков от нескольких горшков и мисок (рис. 8, 1, 2–4, 6) тяготеет к углублению 24. Интерес представляет яма 18 длиной около 1.65 м, квадратной в плане формы, остаток какого-то полуземляночного сооружения, глубиной 0.25 м от уровня материка, с тонкой прослойкой разрозненных углей длиной 0.55 м и с керамическим боем. Поскольку она не полностью изучена, трактовать ее затруднительно – это отдельно стоящее хозяйственное помещение или место для остатков поминальной трапезы? Найденные сосуды относятся к бакальской культуре, поэтому можно полагать, что это следы поминальных действий на некрополе.

Наблюдения позволяют высказать предположение, что могилы расположены рядами, которые имеют разную ориентировку. Погребения 3, 8–11, 12 образуют широтный ряд, а погр. 1, 2, 5, 6, 13 – меридиональный, также есть захоронения, расположенные под 45° к северу, поскольку так устроены ямы раскопа 4 под объектами 24 и 26. Остатки кремаций локализованы в одних рядах с ингумациями и совершены в бревенчатых срубах или обрешетках. В курганах 11 и 26 фрагменты скелетов не обнаружены, поэтому пока нельзя утверждать, сжигали покойников или их куклы, или остатки каких-то телесных сущностей.

Описания кремаций по своему расположению, составу и размерам находят некоторые аналогии в потчевашской культуре Среднего Прииртышья (Раннее и развитое средневековье..., 1994. С. 261, 262). По сочетанию курганных и грунтовых могил, ингумаций, кремаций, а также первичных, вторичных и захоронению черепов, некрополь Ревда 5 более всего сходен с известным могильником Релка (Раннее и развитое средневековье..., 1994. С. 241, 242), включая выбор носителями этих культур всхолмлений на местности для захоронений. Он значительно более поздний, чем рассматриваемый в данной статье, но также указывает на гетерогенность погребальных традиций. Разнообразие погребальных практик, зафиксированных

на могильнике Ревда 5, указывает на многокомпонентность состава населения, смешение традиций различного генезиса, в том числе автохтонных западносибирских и пришлых среднеазиатских (Матвеева, 2016. С. 219, 220), что дает возможность привлекать аналогии из погребальных обрядов разных этнолингвистических ареалов.

Таким образом, по данным могильника Ревда 5, можно говорить о серии обрядовых действий и поминок в адрес отдельных лиц и, вероятно, всех умерших определенной семейно-родственной группы.

Ритуал очищения места при совершении захоронения рядом с могилой отражают следы костров в виде прокаленного грунта и столбы, оставшиеся, видимо, после того, как очищали площадку, вкапывали столб – коновязь. Затем забивали лошадь и приготавливали пищу в горшках, которые после использования разбивали и закапывали в ямах, ориентируясь в юго-западный сектор. Это был первый, вступительный этап мероприятий на кладбище. Судя по тому, что ямы с битыми горшками оказывались под выбросом из могил, вместилище для захоронения выкапывали только потом. Аналогии данной последовательности ритуальных действий находим в Томском Приобье в период раннего средневековья (Раннее и развитое средневековье..., 1994. С. 240). Кроме того, по этнографическим данным о хантах, могилу выкапывали после того, как гроб был доставлен на кладбище, в том же ряду, где родственники, чтобы дать им возможность общаться на том свете (Кулемзин, 1984. С. 141). В погребальных традициях барабинцев фиксируется оставление умершего в бревенчатом доме с привязанным к нему конем или помещением шкуры коня с головой и конечностями (Кулемзин, 1994. С. 437).

Поместив умершего в заготовленное углубление, отделив ему часть загробной пищи от жертвы и накрыв сородича и приношения деревянным перекрытием, остатки туши и мясной похлебки (и вероятно, других блюд) оставляли на древней дневной поверхности в двух вариантах: располагали на перекрытии либо растягивали на столбах. Насыпь над могилой сооружалась не во всех случаях. Однако ни одна могила не повреждена соседней, поэтому можно предполагать установление в них бревен или полубревен, как у томских татар, с вершиной, оформленной в виде человеческой головы (Кулемзин, 1994. С. 438).

Совершались коллективные поминовения умерших спустя определенный срок, но уже не возле отдельных могил, а адресованные всем захороненным в могильнике. На некрополе была отведена специальная площадка в середине мыса, занимавшая

также юго-западную часть площади некрополя, как и аналогичные места под курганом. Она находилась между широтным и меридиональным рядами могил и была предназначена исключительно для пиршества и действий коллективного характера у каких-то деревянных обелисков (идолов, коновязей?), вероятно, относившихся к культу предков. Зафиксированная повторяемость поминальных действий предположительно может быть объяснена миропониманием алтайских тюрков: "...не отягощенные грехами умершие получали звание предка, представителя семьи, допущенного в божественные сферы", становились заступниками и подателями жизни (Традиционное..., 1989. С. 217).

Отголоски прежде существовавшего обычая поминать всех родственников можно видеть в этнографии хантов: посещая кладбище, требовалось подойти к могиле старшего похороненного (Кулемзин, 1994. С. 439).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Викторова В.Д.* Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург: Квадрат, 2008. 208 с.
- Голдина Р.Д.* Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Устинов: УдмГУ, 1986. С. 47–98.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. 2-е изд., доп. Ижевск: Удм. ун-т, 2004. 422 с.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 188 с.
- Кулемзин В.М.* Генезис традиций // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 423–441.
- Матвеева Н.П.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во Тюм. ГУ, 2016. 267 с.
- Матвеева Н.П., Долгих А.С.* К реконструкции женского костюма периода раннего средневековья (по материалам могильника Ревда-5 в Притоболье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 53–62.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.
- Раннее и развитое средневековье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 215–289.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек и общество. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

WAKE RITUALS AT REVDA 5 EARLY MEDIEVAL CEMETERY IN WESTERN SIBERIA

Natalia P. Matveeva

Tyumen State University, Russia
(nataliamatveeva1703@yandex.ru)

The article analyzes the ritual actions which will have taken place by the graves and in the areas between the barrows at Revda 5 cemetery, which dates to the 4th century AD. The site is situated in the Tobol river basin in the sub-taiga Trans-Urals and belongs to Bakal'skaya archaeological culture. Based on the location of pole-pits, fireplaces, waste pits with pottery shards and bones, and archaeozoological remains from sacrifices of domestic animals, the study reconstructs the relative sequence of the ritual, which will have been as follows: on the day of the funeral the mourners lit a fire to cleanse the location of the new grave, then set up a pole to which they tied a sacrificial animal (usually horse), and cooked the food, which they divided into several parts. The one in the pots they consumed, then broke up the pots and buried the shards in the southwestern sector of the floor of the barrow. After that they dug the grave, placed the other part of the ritual food with the deceased and left the remains of the horse's head and legs on the roof of the grave or stretched the horse's hide on poles. Later wake ceremonies, dedicated to all the dead, were already conducted outside the rows of graves near certain wooden poles (idols, horse standings, obelisks?), where the mourners buried the remains of food and broken pottery. We assume that the actions were an expression of ancestor worship. Some elements of the ceremony find their explanation in the traditional outlook of the Ugric and Turkic peoples of Siberia.

Keywords: Western Siberia, Early Middle Ages, burial rite, wake rituals, ancestor worship.

REFERENCES

- Goldina R.D., 1986. Investigations of the barrow part of Brody cemetery. *Priural'e v drevnosti i srednie veka [Urals region in antiquity and the Middle Ages]*. Ustinov: UdmGU, pp. 47–98. (In Russ.)
- Goldina R.D., 2004. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. 2nd Ed., supplements. Izhevsk: Udm. univ. 422 p.
- Kulemzin V.M., 1984. Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov [People and nature in the beliefs of the Khanty]. Tomsk: Izd-vo TGU. 188 p.
- Kulemzin V.M., 1994. Genesis of traditions. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri [Essays on the culture genesis of West Siberian peoples]*, 2. *Mir real'nyy i potustoronniy [Real world and otherworld]*. Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 423–441. (In Russ.)
- Matveeva N.P., 2016. Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (problemy kul'turogeneza po dan-nym pogrebal'nykh pamyatnikov) [Western Siberia in the Migration period (issues of culture genesis (based on data from burial sites))]. Tyumen': Izd-vo TyumGU. 267 p.
- Matveeva N.P., Dolgikh A.S., 2016. On the reconstruction of an Early Medieval woman's costume (based on the materials from Revda-5 in Tobol region). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Journal of archaeology, anthropology and ethnography]*, 2 (33), pp. 53–62. (In Russ.)
- Molodin V.I., Solov'ev A.I., 2004. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Sopka-2 site on Om' river]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 184 p.
- Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Chelovek i obshchestvo [Traditional worldview of Turkic peoples of Southern Siberia. People and society]. Novosibirsk: Nauka, 1989. 243 p.
- Viktorova V.D., 2008. Drevnie ugry v lesakh Urala [Ancient Ugrians in the forests of the Urals]. Ekaterinburg: Kvadrat. 208 p.
- Early and High Middle Ages. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri [Essays on the culture genesis of West Siberian peoples]*, 2. *Mir real'nyy i potustoronniy [Real world and otherworld]*. Tomsk: Izd-vo TGU, 1994, pp. 215–289. (In Russ.)

КЕРАМИКА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕМЕСЛА IX–XI вв. ИЗ ХУЛЬБУКА (СТОЛИЦЫ ХУТТАЛЯ)

© 2018 г. П. Симеон

*Музей исламского искусства, Берлин, Германия; Лаборатория средневекового ислама, Париж, Франция
(pierresimeon@club-internet.fr)*

Поступила в редакцию 10.10.2016 г.

Статья посвящена результатам исследования керамики Хульбука (столицы Хутталя) IX–XI вв. (юго-запад Таджикистана), обобщенным в диссертационной работе автора 2008 г. Изученный материал получен в итоге археологических исследований 1953–1978 гг. в цитадели, выгребных ямах (*бадрабах*) и гончарных печах в “нижнем городе” (шахристане). Исследование базируется на сравнении с материалами из других средневековых городов Центральной Азии (Узбекистан, юг Казахстана, Таджикистан, Кыргызстан), известными по многочисленной русскоязычной литературе советского времени. Рассмотрены классификация типов керамики и их хронология. В результате разработана “открытая” типология, основанная не на одном лишь декоре глазурованной посуды, как это обычно практиковалось при изучении исламской керамики. Все 20 типов неглазурованной керамики и 14 типов глазурованной посуды выделены с учетом их технических характеристик (рассмотрены аспекты, касающиеся месторождения глины, гончарных печей и техники производства), хронологии и распространения. Выявлено, что в Хульбуке соединились традиции керамического производства Мавераннахра и Хорасана, представлены местные и региональные типы керамики в сочетании с импортами из Китая (селадоны из Юэ-яо) и Ирака (люстр из Басры). Сравнительный анализ среднеазиатской керамики с материалами Ближнего и Среднего Востока, которые, как правило, не изучались совместно, позволяет лучше понять отношения между разными исламскими регионами эпохи.

Ключевые слова: Средняя Азия, исламская керамика, средневековый Хутталь, Саманиды.

Археологические раскопки, проводившиеся на территории Центральной Азии в течение двух последних десятилетий XX в., привели к обнаружению большого количества средневековых керамических изделий. Несмотря на обилие публикаций, касающихся отдельных находок в нескольких крупных средневековых городах Мерв, Отрар, Пайкенд, Самарканд и Ташкент, керамические изделия из других многочисленных памятников оставались малоизученными. Материал, весьма скупо представленный в публикациях, чаще всего находится в музеях или в хранилищах археологических институтов республик Средней Азии. Глазурованная керамика изучена лучше всего, главным образом благодаря своему художественному облику. Другие ее характеристики (керамическая масса, формы, технология и происхождение) и хронологическая типология изделий, принадлежащих к определенному месту находки, изучались редко. Работа по региональному синтезу полученных сведений не проводилась вплоть до середины 1960-х годов.

Эти керамические изделия не принадлежат к “сфере европейских исследований” и, кроме

нескольких типов, пользующихся известностью, продолжают оставаться малоизвестными за пределами Средней Азии и русскоязычного мира. Напротив, керамические изделия южной части Средней Азии (территории современного Афганистана) изучены в рамках работы Французской археологической делегации (DAFA). Некоторые французские археологические исследования, касающиеся керамических изделий всех периодов, получили толчок благодаря деятельности Ж.-К. Гардена (Gardin, 1957a; b; 1959; 1963), затем Б. Лионне (Lyonnet, 1985; 1997). Осуществление магистерского исследования автора в начале 2000-х годов (Simeon, 2000) подтвердило, что поле исследований, посвященное изучению средневековой керамики Средней Азии, оставалось не разработанным, не понятным на Западе, тогда как исследование керамических изделий исламского периода на Ближнем и Среднем Востоке отмечено существенными прорывами.

Первые результаты. Диссертационная работа, выполненная под руководством А. Northedge (Университет Париж I, Пантеон-Сорбонна) и В. Lyonnet

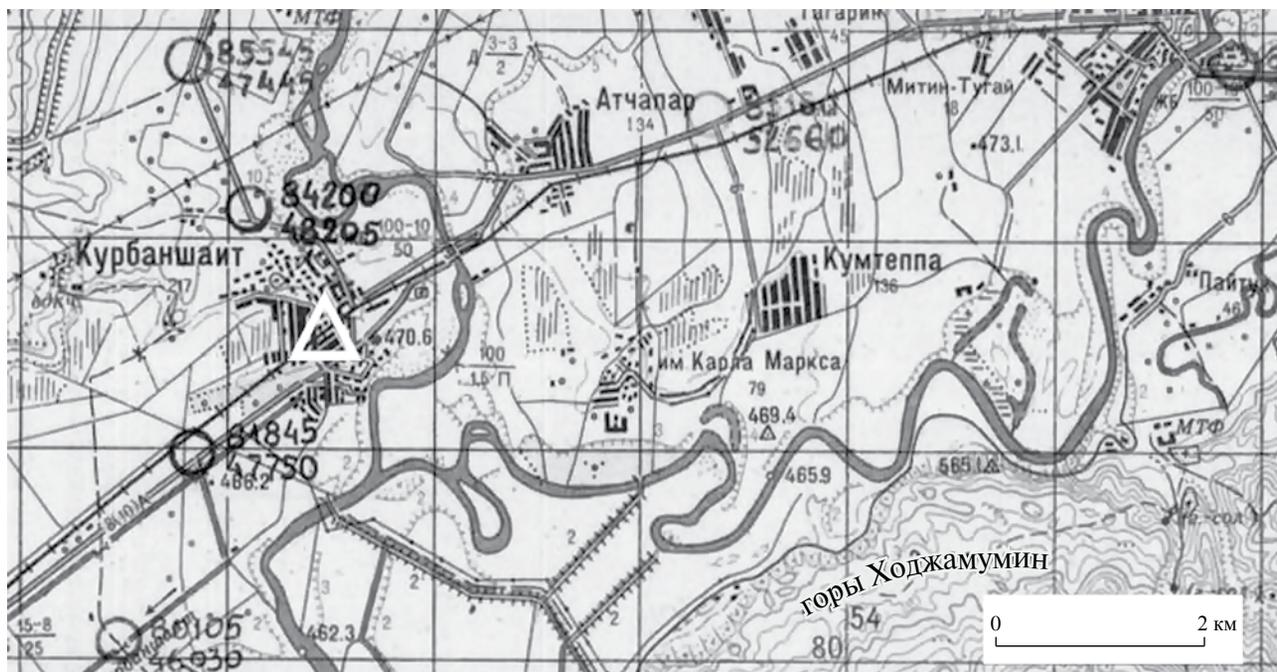

Рис. 1. Деталь (зона Куляб) русской авиационной карты 1968 г. Треугольником обозначен Хульбук.

Fig. 1. Detail (Kulyab area) of a Russian aviation map of 1968. The triangle marks the Hulbuk site.

(Национальный центр научных исследований, Париж), защищенная в 2008 г. (Simeon, 2009), представляет собой сравнительное и критическое исследование, основывающееся на материале керамических изделий городища Хульбук. Этот региональный центр на юго-востоке Таджикистана находится близ населенного пункта Курбаншаит в Кулябском р-не (рис. 1). Хульбук был столицей Хутталя, и затем несколько наследных правителей (Баниджуриды; Абу Давудида) царствовали в Верхнем Тохаристане (исторические данные представлены в работе А.М. Беленицкого (1950), общие аспекты архитектуры и декора см. Simeon, 2012a).

Керамический материал собран в результате нескольких археологических экспедиций, проведенных под руководством Э. Гулямовой и В. Базутина с 1957 по 1978 г. Несмотря на два десятка публикаций Э. Гулямовой, посвященных раскопкам в этом месте, а также более поздние публикации Ю.Я. Якубова и А. Ходжаева, керамические изделия, найденные здесь, по-прежнему остаются не изученными (полную библиографию работ Э. Гулямовой и Ю.Я. Якубова см. Simeon, 2009. P. 36–39, 414). Эти керамические изделия принадлежат к двум обособленным зонам археологических раскопок. Одна зона располагалась в нижнем городе (шахристане), где находки керамики происходили из 10 бадрабов (выгребных ям) и 2 гончарных печей; другая зона охватывала дворцы и жилые кварталы, прилежавшие к крепости (рис. 2),

первый древний дворец, затем второй дворец, построенный над предшествующим в южной половине не крепости (рис. 3), 4 разведочных бурения и поверхностные сборы. Монеты, а также проведенная сравнительная работа (Simeon, 2009. P. 40) и ряд источников позволяют датировать керамический материал периодом с конца IX по начало XI в.

Новое типологическое исследование привело к созданию солидной методологической базы, и в данной работе рассмотрим ее основы. В отношении глазурованной керамики каждый тип выделен в зависимости от характеристик керамического теста, содержащего глину и песок (в Хульбуке определено 14 типов керамического теста (Simeon, 2009. P. 86–134), от глазури (непрозрачной, прозрачной бесцветной или окрашенной) и от особенностей декора. Последний нанесен с помощью неорганических красок (на основе оксидов металлов); гравировкой по ангобу (или без него) под прозрачной глазурью или поверх глазури. Наименование типов определялось характером глазури и декора, при этом учитывался и цвет глиняной основы (рис. 4; 5). Цвет черепка (теста) различен: серый, красный и светлый (от бежевого к розоватому). Это простой, но полезный критерий.

Классификация неглазурованной керамики основывается на характеристиках керамического теста, плотность и цвет которого можно различить невооруженным глазом. Классификация подразу-

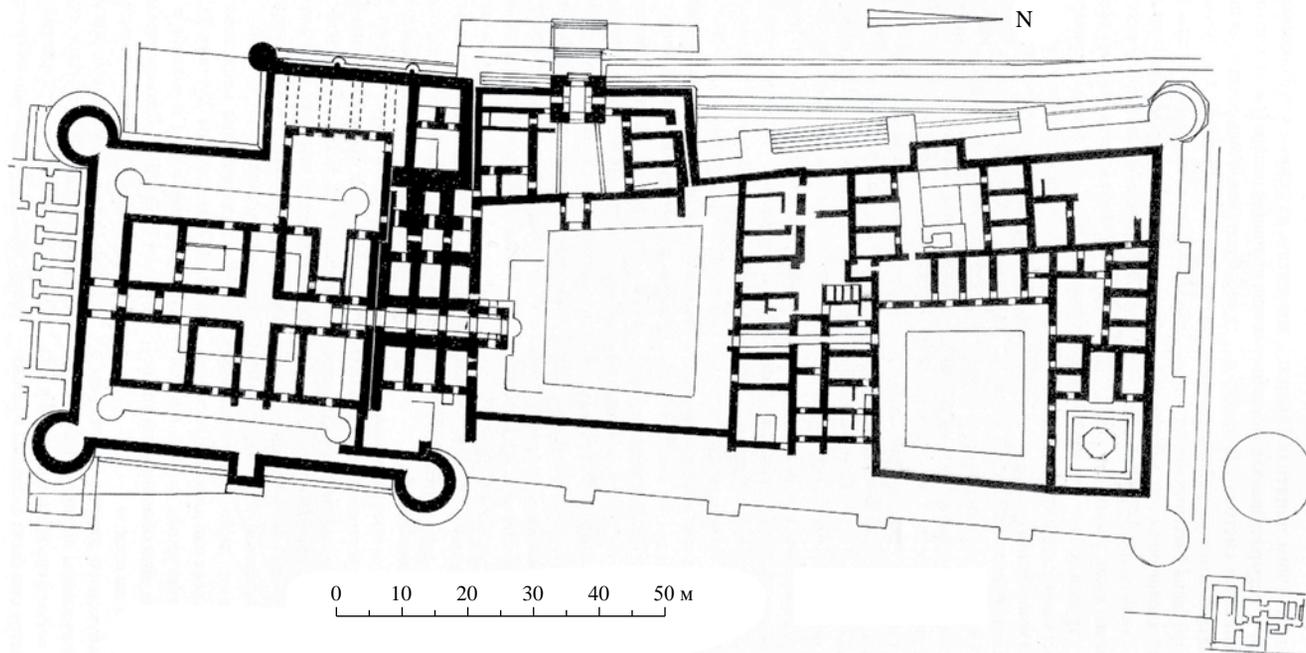

Рис. 2. План дворцового комплекса Хульбук (по: Хмельницкий, 2006).

Fig. 2. Plan of the Hulbuk palace complex (after Khmel'nitsky, 2006).

Рис. 3. Хульбук. Юго-западный фасад крепости позднего периода (фото Э. Гулямовой, 1978 г.).

Fig. 3. Hulbuk. The southwest façade of the late period stronghold (photograph by E. Gulyamova, 1978).

мевают подразделение керамической массы на три категории: тонкую (тонкая глина и мелкие включения), обычную (гранулометрический состав массы средний, без видимых грубых примесей) и грубую (с крупнозернистыми примесями). Формы и декор (гравированный, штампованный или накладной) позволяют выделять подтипы. Совмещение разных признаков позволяет создать систему логически

связанных между собой типов, для Хульбука описан 21 тип керамики (Simeon, 2009. P. 53–84).

Данная работа позволяет в первую очередь визуализировать материальную культуру поселения и региона. Она также представляет технологические особенности каждого из типов керамики, специфических для данной географической зоны: имеющиеся сведения относятся к месторождениям разных видов сырья (от глины до источников оксидов металла). Кроме того, в ней дается краткий обзор встречаемых типов керамической массы и глазури.

Сравнительное исследование всех мест, данные по которым опубликованы и касаются средневекового периода Средней Азии (примерно 60 центров), в направлении с запада на восток (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и юг Казахстана), привлекая данные по северо-востоку современных Ирана и Афганистана, позволило обобщить сведения на основе обширной литературы советского периода, посвященной этому материалу.

Что касается относительной датировки керамики из Хульбука, то в ходе ее изучения выяснилось, что керамические изделия, обнаруженные в бадрабах нижнего города и в развалинах первого дворца (IX – середина X в.), сильно отличаются от изделий, обнаруженных в комнатах второго дворца (вторая половина / конец X – первая

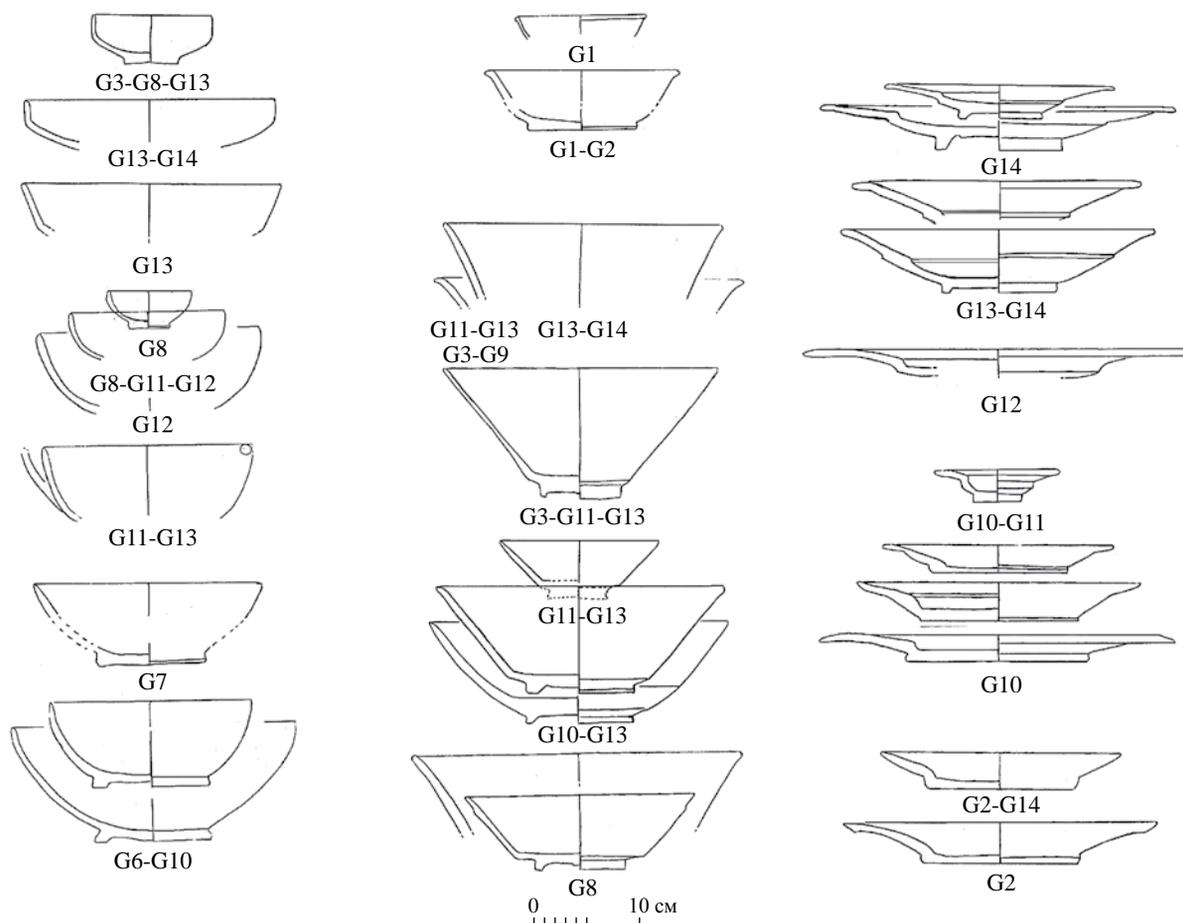

Рис. 4. Хулбук. Профили основных форм глазурованных керамических изделий: полусферические пиалы и чаши в форме усеченного конуса, плоские и глубокие тарелки, блюда и чашки.

Fig. 4. Hulbuk. Profiles of the main forms of glazed pottery: hemispherical bowls and cups shaped into a truncated cone, dinner and soup plates, dishes and cups.

половина XI в.). Действительно, в первом случае это главным образом полусферические пиалы (диам. 15–22 см) с гравированным рисунком (зигзагообразные линии, насечки, пальметты и стилизованный растительный орнамент), покрытым прозрачной крапчатой трехцветной глазурью (зеленой, черной и коричневой) поверх белого или розового ангоба (Simeon, 2009. Fig. 122–143). Идентифицировано несколько черепков от маленьких пиал (диам. 13–20 см) с люстровой росписью (монокромной и полихромной) и плоская тарелка (диам. 23–31 см) без ангоба, с потеками зеленой или бирюзовой краски по белой непрозрачной глазури. Обе эти разновидности керамики предположительно привезены из Басры в Ираке (Simeon, 2009. P. 87, 89. Fig. 68–70). Во втором случае – более разнообразные формы, главным образом это чаши в форме усеченного конуса (диам. 30–34 см) и глубокие тарелки (диам. 32–35 см) (рис. 4; 5). Они декорированы рисунком в виде линии пятен-“жемчужен”, переплетенных лент или псевдо-

эпиграфическим двухцветным (черно-коричневым, иногда красным) орнаментом (Simeon, 2009. Fig. 82–86, 96–99) или полихромным (черным, красным или оливково-зеленым) поверх белого ангоба под слоем прозрачной бесцветной глазури.

Настоящая работа направлена на обсуждение и возможное возобновление выяснения датировки некоторых типов керамических изделий при выделении трех следующих хронологических этапов:

– С конца VIII по IX в.: доисламские типы керамики, сохранившиеся в течение всего IX в.; появление импортных глазурованных керамических изделий при определенных обстоятельствах явилось настоящей революцией, которая также привела к созданию типов местных глазурованных керамических изделий.

– С середины/конца IX и в первой половине X в. наблюдаются изменения, касающиеся рисунка и техники, такие, как, например, использование белого ангоба, на который наносится рисунок

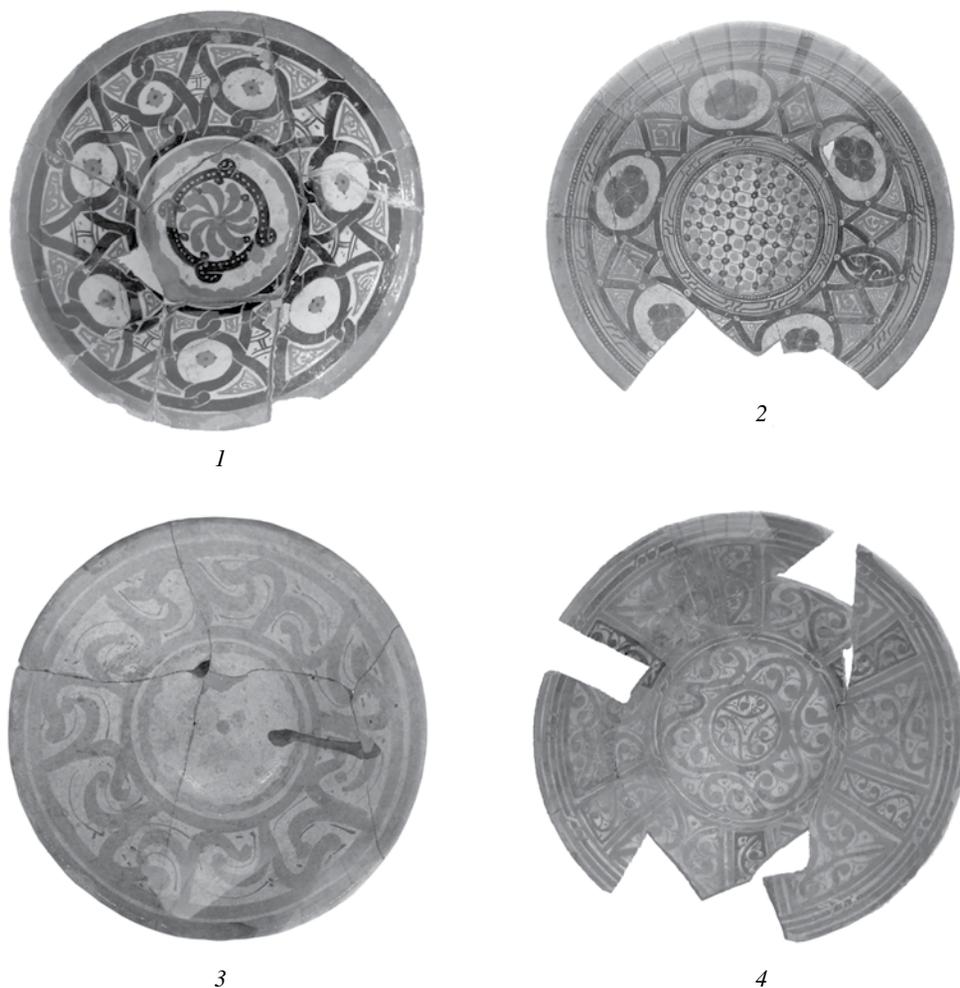

Рис. 5. Некоторые типы глазурованных керамических изделий с полихромной росписью, относящихся к комплексам Хульбука, датируемых X – серединой XI в., характеризующих производство Южного Таджикистана (Хуттал) (типы G9 и G10). 1, 2 – из раскопок 1989 г., яма 2 (1 – диаметр 28 см, высота 10; 2 – диаметр 30 см, высота 10.5); 3, 4 – цитадель неустановленного происхождения (3 – диаметр 21 см, высота 9; 4 – диаметр 24 см, высота 9). Место хранения (также для рис. 6, 7) – Музей этнографии Ин-та истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан (Душанбе).

Fig. 5. Some types of glazed pottery with polychrome painting characteristic of pottery-making of the Southern Tajikistan (Khuttal) belonging to the Hulbuk assemblages and dated to the 10th – the mid-11th century AD (types G9 and G10).

на основе неорганических красителей и оксидов металлов, поверх которого накладывается слой прозрачной глазури, содержащей двухвалентный свинец. Также появился первый декоративный рисунок *сграффито*.

– Во второй половине X и в XI в. форма и декор изделий становятся более разнообразными. Предположительно во второй половине XI в. развитие получила яркая глазурная краска, черная или фиолетовая, и щелочная глазурь бирюзового цвета. Нумизматические данные, сопутствующие найденным керамическим изделиям, представляются в этот период гораздо менее ясными, однако, именно этим периодом датируется большинство хорошо известных керамических изделий из сред-

невековой Средней Азии (Shishkina, Pavchinskaja, 1992).

Обращение керамических изделий и торговля ими также представляют собой один из интересных аспектов проблемы (Simeon, 2009. P. 180 и сл.). Что касается распространения изделий, с одной стороны представляется, что керамика Хульбука состоит из местной продукции, происходящей из городской мастерской (Simeon, 2009. Fig. 30–32, лепные кувшины вверху слева), и/или региональной продукции (Simeon, 2009. Fig. 2–62). С другой стороны, как на это указывают аналогии, большинство этих керамических изделий происходит из других мест, известных производством керамики, многочисленных в Мавераннахре и в меньшей степени –

в Хорасане. Встречаются также отдельные редкие типы, ввезенные из Китая или Ирака, которые вносят уточнения в межрегиональные отношения той эпохи. Вполне вероятно, что местные гончары получили дополнительные стимулы в работе благодаря ввозу ближневосточных изделий. Развитие местных типов керамики с рисунком цвета зеленой бирюзы, иногда в сочетании с черным рисунком, образованным с помощью оксидов меди и железа, наложенным на изделия с непрозрачной или полупрозрачной глазурью (такую керамику обычно называют “ишкорной”), служит тому удачным примером.

Согласно историческим источникам, предполагаемые пути распространения изделий вызывают вопросы о характере их обращения. Предварительные карты распространения демонстрируют региональную, морфологическую или декоративную специфику изделий (Simeon, 2009. P. 180–185, 204–206. Maps 7–9). Пиалы с носиком, например, весьма редки среди находок из Мавераннахра, тогда как в более южных районах они встречаются часто; подглазурный рисунок в виде розетки по ангобу представляется характерной особенностью района Южного Казахстана, где он разнообразно и многократно представлен.

Синтез существующих работ по средневековым керамическим изделиям Средней Азии. Все крупные коллекции предметов искусства ислама в странах Европы и Азии содержат керамику, произведенную в Средней Азии, но места ее производства остаются неизвестными. В Музее Эшмола (Оксфорд), в Британском музее и в Музее Виктории и Альберта (Лондон), в Лувре (Париж), в коллекции Аль-Саббах (Al-Sabah) Национального музея и в частном музее Тарек Раджаб (Tareq Rajab) Кувейта часто отсутствуют данные о профилях и обратных сторонах керамических изделий, из-за чего трудно составить представление о технологии изготовления этой керамики, а значит — ее географическом происхождении и датировке. Автором отмечено отсутствие работ на английском или французском языках, специально посвященных средневековой керамике Средней Азии периода ислама. Среди редких имеющихся трудов лишь малая их часть касается изделий, происходящих из археологических находок какого-либо центра. Керамические изделия средневекового Ирана более известны среди европейских знатоков, но часть из них бездоказательно связывалась со Средней Азией (Wilkinson, 1961; 1973; Gardin, 1963; Shishkina, Pavchinskaja, 1992).

Большинство научных публикаций на эту тему на русском языке выполнено русскими и среднеазиатскими археологами в период с 1960 по 2000 г.

(Simeon, 2009. P. 402–428). Наиболее известны труды Г.В. Шишкиной (1979; 1986), посвященные керамике Самарканда, и Л.Г. Брусенко (1986) о керамике Чача (средневекового Ташкента). Несмотря на то что в работе Г.В. Шишкиной рассмотрены исключительно раскопки в Самарканде (а не обобщен весь регион), она предлагает базу типологического научного исследования (размеры, формы, анализ формовочных масс и глазури). Однако данная публикация трудна для использования, поскольку каждая категория обозначена сложным кодом, что затрудняет чтение таблиц и текста.

Именно средневековая керамика Узбекистана послужила предметом наибольшего числа исследований. Материал, полученный в результате работы русско-узбекской экспедиции в Пайкенде, наилучшим образом систематизирован и опубликован (Дьяконов, 1949; Кондратьева, 1961; Семенов и др., 2000; 2002). Керамические находки в Таджикистане и Кыргызстане представлены малым числом публикаций. Следует также отметить несколько диссертаций, специально посвященных средневековой керамике Узбекистана, однако, поскольку они не опубликованы, их доступность ограничена. В хронологическом порядке это диссертации: 1954 г. — О.Г. Большакова; 1961 г. — С.Б. Луниной; 1966 г. — И.А. Ахрарова; 1975 г. — Ш. Шарахимова; 1985 г. — Н.П. Столяровой; 1987 г. — Л.Г. Брусенко; 1988 г. — Л.Ф. Соколовской, Г. Мирзалиева; 2008 г. — С. Ильясовой.

Как и в случае исследования керамических изделий исламского периода на Ближнем и Среднем Востоке, глазурованная керамика в Узбекистане лучше изучена, и, следовательно, хорошо отражена в публикациях. Статья Ш.С. Ташходжаева (1974) в деталях описывает разные периоды научной активности и исследователей, которые коллекционировали и изучали глазурованную керамику Центральной Азии. Основное место при изучении изделий уделялось декору. Некоторые важные для исследования керамики аспекты не привлекали систематического внимания раскопщиков (например, вид керамического теста или глазури, соотношения формовочных масс), несмотря на их решающее значение для характеристики технического мастерства определенного периода или конкретных мастерских. Разнообразие форм и рисунков средневековой глазурованной керамики изучается местными археологами, но видение проблемы керамического производства в целом трудно получить лишь на региональном уровне. Сопоставление археологического материала часто ограничивается ближайшими региональными центрами или местами раскопок, проводимых в той же стране.

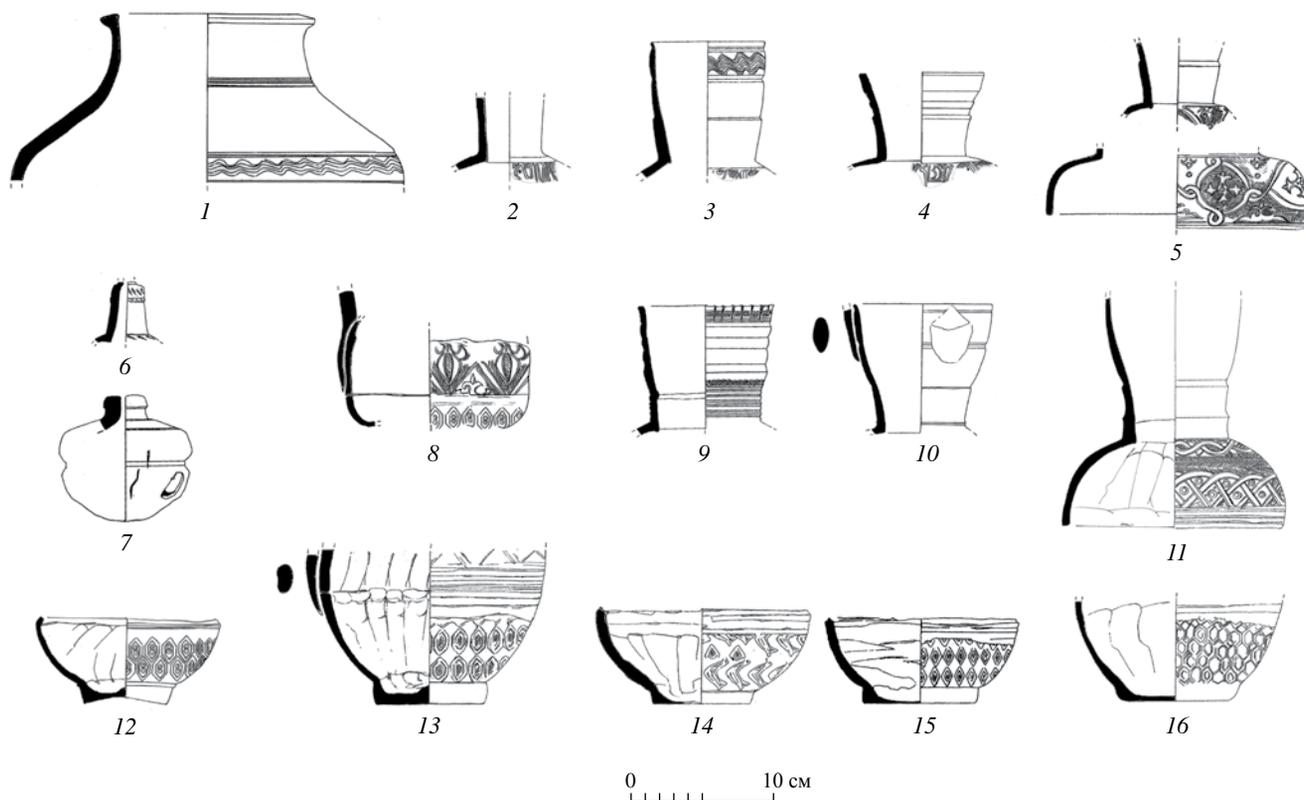

Рис. 6. Брак неглазурованной керамики Хульбука. 1 – раскоп 1, очистка (КП. 503–778); 2 – печь (КП. 503–1028–1038; 503–982; 503–999); 3–5 – печь (КП. 503–1028–1038; 503–982; 503–999); 6 – бадраб юго-западный (КП. 503–729); 7 – траншея 1, слой 3 (КП. 503–512); 8–12 – печь (КП. 503–1098; 503–983; 503–987; 503–1015; 503–1091; 13, 16 – раскоп 1, слой 3 (КП. 503–869; 503–872); 14 – печь (КП. 503–1002); 15 – траншея, слой 4 (КП. 503–695). КП – книга поступлений музея.

Fig. 6. Waster of unglazed of pottery of Hulbuk.

Публикации всего объема материалов находок (как глазурованной, так и неглазурованной керамики) чрезвычайно редки. В рассмотренных автором изданиях археологический материал крайне редко представлен в полном объеме, т.е. с указанием слоя, уровня или иной стратиграфической единицы фиксации керамики (Simeon, 2009. P. 50–53). По этой причине сложно понять, какие типы неглазурованной керамики сопутствуют более известным типам глазурованных изделий.

Проводимые работы, центры производства гончарных изделий в период Средневековья: продукция, ее специфика и распространение. Данное исследование продолжает упомянутую выше диссертационную работу автора, но в то же время входит в состав более широкого направления, пересекающегося с ним, требующего привлечения других исследователей, как местных, так и иностранных. Исследование центров гончарного производства средневековья позволит обновить понимание происхождения и истории технологии средневекового гончарного производства Средней Азии. Несколько гончаров в Хульбуке изготавливали керамику

сложных форм, например, кувшины из двух половинок, тисненых в формах (матрицах) – *калыпах*, причем, брак этой керамики и калыпы найдены тут же *in situ* (рис. 6; 7).

Наше исследование включает три аспекта. Один состоит в том, чтобы инвентаризовать полученный археологический материал по отдельным мастерским, с учетом археологического контекста (стратиграфия и сочетания разных типов керамики), и установить основные типологические особенности таких производств. Этот аспект реализован в ходе двух экспедиций в Узбекистан (май–июнь 2008 г.) и Таджикистан (сентябрь–октябрь 2009 г.), представленных на коллоквиуме Международной Ассоциации по изучению средневековой керамики (Венция, ноябрь 2009 г.) и опубликованных (Simeon, 2012b). Следующий аспект касается отбора проб и проведения физико-химического анализа керамической массы, а затем сравнения полученных результатов с местными и региональными геологическими данными. Наконец, последний аспект – рассмотрение данных этнологических исследований и средневековых источников,

Рис. 7. Хульбук, Цитадель, раскоп 2, слой 1/503–125. Калпы для изготовления верхней половины неглазурованных кувшинов (конец X – середина XI в.). 1 – с растительным орнаментом (диаметр – 9 см); 2 – с зооморфным рисунком (кошачий хищник – рысь?) (диаметр – 11 см); 3 – деталь изображения на калыпе 2.

Fig. 7. Hulbuk, Citadel, excavation area 2, layer 1/503–125. Moulds for making the upper part of unglazed jars (late 10th – mid-11th century AD).

касающихся химических и технологических возможностей, доступных в исследуемый период.

Рассмотрим перечисленные аспекты более подробно.

Оборудование мастерских, типология продукции.

Находки в большинстве городов Средней Азии периода Средневековья стали частыми в течение последних 50 лет (1960–2010 гг.): орудия труда, формы, печной припас. Этого материала собра-

но с избытком, как это хорошо видно по публикациям. К сожалению, фотографии и рисунки, относящиеся к данному материалу, остаются редкими, несмотря на совершаемые порой исключительные находки – например, склад подготовленной глины, а также кварцевого песка в мастерской Самарканда; гончарный круг в Пайкенде. Таким образом, планы обустройства мастерских X–XII вв. и расположение различных элементов, входящих в их

состав, описаны мало, за исключением таких центров, как Мерв, Самарканд и Нишапур (Лунина, 1962; Ахраров, 1969; Ташходжаев, 1975; Шарахимов, 1981), и никогда между собой не сравнивались (за исключением данных по мастерским в Самарканде и Нишапуре (Simeon, 2012b)). Гончарные печи до настоящего исследования не стали предметом синтетического анализа, касающегося их форм, размеров и стратиграфического контекста.

Установить типологические особенности продукции, начиная с нарушений в процессе обжига, с учетом обстановки мастерской, представляется приоритетной задачей. Эти материалы, слабо отраженные в публикациях, представляют важные элементы, касающиеся происхождения и истории технологии производства керамических изделий. Получение сырья, его транспортировка и возможное доведение до кондиции, а также переработка (очистка и перемешивание), формовка, нанесение декора и обжиг (горны и топливо) не изучены в деталях. Знание этих аспектов проблемы позволит полностью изменить видение центров изготовления гончарной продукции в Средней Азии и, наконец, понять, какие керамические изделия были произведены в этих мастерских и в какой период. В итоге можно будет отойти от доминирующего в европейской литературе представления о производстве керамики только в двух центрах — Самарканде и Нишапуре.

Исследование происхождения изделий с помощью физико-химических анализов керамической массы и сырьевых месторождений. Проведение таких анализов даст надежные основы для последующих типологических исследований. С одной стороны, это изучение некоторых видов нарушений в процессе обжига (по возможности, специфического типа) и достоверное определение элементов, изготовленных на месте; также подлежат анализу элементы формовки (лекальные формы), декоративного рисунка (штампы) или элементы, связанные с обжигом (печной припас) из центров производства керамики. До настоящего времени к материалам такого рода не привлекался петрографический анализ. Главная цель состоит в том, чтобы охарактеризовать и определить керамическую массу, петрографические особенности которой характерны для одной или нескольких мастерских. В оптимальном случае типы, выделенные подобным образом, будут дополнены другими наблюдениями (морфологические сопоставления и декор).

Геологическая и минералогическая специфика Средней Азии и Северного Ирана порождает мысль о том, что изучение примесей, содержащихся в керамической массе, также сможет добавить важный

детерминирующий элемент. Анализ сырья на основных месторождениях глины (Чупан Ата и Нурата в Узбекистане, Кызил Киа в Кыргызстане, Келинин в Туркменистане) проведен рядом исследователей в советский период (Сайко, 1963; 1966; Бурнашева, 1964; Гражданкина, 1964; Шишкина, 1979). Из этих публикаций автором извлечены данные о 60 проведенных анализах керамической массы, 8 — тонкой глины для глазурной краски и 45 — для сырья (глина, лёсс и песок). Эти данные следует дополнить проведением новых анализов поблизости от мест археологических раскопок.

С другой стороны, наилучшее знание технологии разных видов глазури, окрашенной или бесцветной, и неорганических пигментов или оксидов металлов занимает важное место в исследовании техники производства изделий. Большое число анализов выполнено российскими учеными (на сегодняшний момент описано 340, из них 139 — для образцов из Хульбука). Предварительный список районов происхождения красителей глазурей, полученный на основе опубликованных данных, показывает, что в Средней Азии были доступны все основные необходимые оксиды металлов (Simeon, 2009. P. 159–161), за исключением оксида кобальта (CO₃).

Вклад источников и этнологических исследований в историю средневековых технологий. Детальный подход к историческим источникам, в которых указываются “типы керамики” или гончарной глины (десяток указаний) и данные об особенностях технологии производства керамики, привносит некоторые интересные элементы, вписанные в контекст материальной культуры Средней Азии и Северного Ирана в период до XI в. Эти элементы не были изобретены местными гончарами, но соответствуют технологиям, современным этим керамическим изделиям. Ценные указания содержатся в двух текстах (рецепты, компоненты и составы). Один из них хорошо известен, но мало цитируется (Kahle, 1936). Это трактат *Al-gamâhir fi ma'rifat al-gâwâhir* (Книга о знании драгоценных камней), написанный Аль-Бируни в 1035 г. В нем рассмотрено несколько видов глины для гончарных изделий или ангоба, а также в деталях описаны оксиды, используемые при глазуровании. Другой текст на персидском языке, написанный Ал-Рази в период с середины IX по начало X в., называется *Kitâb sirr al-âsrar* (Книга тайны тайн) (Ruska, 1935; Каримов, 1957). Он содержит ценную информацию о составе лёсса и глины, образующих керамическую массу, о способах покрытия (как, например, конский волос) и описывает горны разного типа.

Предполагается привлечение данных этнологов (Пещерева, 1959; Рахимов, 1961; Ершов, 1984)

в комплексе с личными наблюдениями автора, полученными в семьях гончаров во время многочисленных путешествий в каждую из республик Средней Азии. Рассмотрение этих аспектов представляет собой лишь предварительный этап, но ими не стоит пренебрегать.

Итак, вклад русских ученых в исследование среднеазиатского средневекового керамического производства огромен. Весьма значительно и число публикаций, появившихся в современных странах Средней Азии. При этом очевидно отсутствие трудов, посвященных синтезу всех имеющихся сведений. Отраженные в настоящей статье аспекты исследований автора закладывают основы “открытой” типологии, привносят комплекс элементов, касающихся средневековой керамики, ее форм, технологии изготовления, продажи и распространения. Представляется важным критическое обсуждение данной работы, оценки вклада в развитие исследований в области керамики исламского периода в этой географической области. Развитие тесного сотрудничества между разными коллективами ученых особенно перспективно для решения всех проблем, связанных с развитием региона в средние века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахраров И.А.* К истории керамического производства на городище Афрасиаб (XI–XII вв.) // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент: Фан, 1969. С. 301–311.
- Беленицкий А.М.* Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н.э. // МИА. № 15. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 109–127.
- Бурнашева Ф.А.* Глазурная полива керамической посуды Афрасиаба X–XII вв. // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1964. С. 137–143.
- Брусенко Л.Г.* Глазуванная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент: Фан, 1986. 136 с.
- Дьяконов М.М.* Керамика Пайкенда // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 89–93.
- Ершов Н.Н.* Каратаг и его ремесла (историко-этнографический очерк). Душанбе: Дониш, 1984. 120 с.
- Гражданкина Н.С.* К истории керамического производства в Средней Азии: (методы изготовления сероглиняной керамики в IX–XIII вв.) // ИМКУ. Вып. 5. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1964. С. 173–199.
- Каримов У.Н.* Неизвестное сочинение ар-Рази “Книга тайны тайн”. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 195 с.
- Кондратьева Ф.А.* Керамика с зеленой поливой из Пайкенда // Тр. ГЭ. Вып. 6. Л.: ГЭ, 1961. С. 216–227.
- Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве X – начала XIII в. // Тр. Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Вып. II. Ашхабад: Туркм. филиал АН СССР, 1962. С. 217–248.
- Пещерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; Т. XLII). 396 с.
- Рахимов М.К.* Художественная керамика Узбекистана XIX–XX вв. Ташкент: АН УзССР, 1961. 243 с.
- Сайко Э.В.* Глазури керамики Средней Азии VIII–XII вв. (По материалам керамических комплексов Хутталя, Согда, Ферганы). Душанбе: АН ТаджССР, 1963. 140 с.
- Сайко Э.В.* История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе: АН ТаджССР, 1966. 209 с.
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Зеймаль Т.И., Адылов Ш.Т., Бехтер А.В. и др.* Раскопки в Пайкенде в 1999 году. СПб.: ГЭ; АН РУз, 2000 (Мат-лы Бухарской археол. экспедиции; Вып. 1). 201 с.
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Бехтер А.В., Торгоев А.И., Сапаров Н., Малкиель И.К.* Раскопки в Пайкенде в 2001 году. СПб.: ГЭ; АН РУз, 2002 (Мат-лы Бухарской археол. экспедиции; Вып. 3). 220 с.
- Таиходжаев Ш.С.* К истории изучения средневековой поливной керамики Средней Азии // ИМКУ. Вып. II. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1974. С. 93–109.
- Таиходжаев Ш.С.* Керамическое производство Афрасиаба и вопросы организации труда ремесленников X – начала XIII в. // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент: Фан, 1975. С. 58–68.
- Хмельницкий С.* Дворцы Хутталя. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX–XII веков. Берлин: Savadowski-Verlag, 2006. 150 с.
- Шарахимов Ш.* Квартал гончаров X – начала XI в. // Буряков Ю.Ф. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент: Фан, 1981. С. 60–103.
- Шишкина Г.В.* Глазуванная керамика Согда. Ташкент: Фан, 1979. 157 с.
- Шишкина Г.В.* Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент: Фан, 1986. 194 с.
- Gardin J.-C.* Poteries de Bamiyan // *Ars Orientalis*. 1957a. V. 2. P. 227–246.
- Gardin J.-C.* Céramique de Bactres. Paris: *Librairie C. Klincksieck*, 1957b (MDAFA; V. 15). 129 p.
- Gardin J.-C.* Tessonns de poteries musulmanes provenant du Seistan afghan // *Diverses recherches archéologiques en Afghanistan: (1933–1940)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1959 (MDAFA; V. 8). P. 29–37.
- Gardin J.-C.* Lashkar-i Bazar II: les trouvailles, céramiques et monnaies de Lashkar-i Bazar et de Bust. Paris: *Librairie C. Klincksieck*, 1963 (MDAFA; V. 18). 198 p.
- Kahle P.* Bergkristall, Glas und Glasflüsse nach dem Steinbuch Von el-Beruni // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Wiesbaden, 1936. S. 322–356.

- Lyonnet B.* Contributions récentes de la céramologie à l'histoire de l'Afghanistan // *Arts and the Islamic world*. 1985. V. 40. P. 41–52.
- Lyonnet B.* Prospection archéologique en Bactriane orientale (1974–1978). V. 2: Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1997 (Mémoire MAFAC; V. 3). 447 p.
- Ruska J.* Die alchemie ar razi's // *Der Islam*. V. 22. № 4. Berlin, 1935. P. 281–319.
- Simeon P.* Travail préliminaire à l'étude de la céramique islamique d'Asie Centrale du haut Moyen Age: du début de l'Islam à la fin de la période Sāmānide (90/712–383/1005): Master of Art, Univ. de Paris I Panthéon-Sorbonne. Paris, 2000. 110 p. (Unpublished.)
- Simeon P.* Étude du matériel de Hulbuk (Mâ warâ'al-nahr-Khuttal), de la conquête islamique jusqu'au milieu du XIe s. (90/712–441/1050). Contribution à l'étude de la céramique islamique d'Asie centrale. Oxford: Archaeopress, 2009 (BAR Intern. ser.; S1945). 428 p.
- Simeon P.* Hulbuk: an unrecognized site in the shadow of the great capital of Central Asia, new facts on the material culture of the Banijurids dynasty of Huttal (9th–11th centuries AD) // *Muqarnas*. 2012a. V. 29. P. 385–421.
- Simeon P.* Les ateliers de potiers en Asie centrale, entre Samarqand et Nīshāpūr: approche critique, de la conquête musulmane au XIIe siècle // *Actes du colloque AIECM2* (2009). Venezia, 2012b. P. 15–21.
- Shishkina G.V., Pavchinskaja L.V.* Terres secrètes de Samarcande. Céramiques du VIIIe au XIIIe siècle. Catalogue d'exposition. Paris; Caen; Toulouse, 1992. 128 p.
- Wilkinson C.K.* The glazed pottery of Nishapur and Samarcand // *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*. 1961. V. 20. № 3. P. 102–115.
- Wilkinson C.K.* Nishapur: pottery of the early Islamic period. N. Y.: Metropolitan Museum of Art, 1973. 374 p.

CENTRAL ASIAN POTTERY OF THE 9TH–11TH CENTURIES FROM HULBUK, THE CAPITAL OF HUTTAL

Pierre Siméon

Museum für Islamische Kunst, Berlin, Germany; Mediaeval Islam Laboratory, Paris, France
(*pierresimeon@club-internet.fr*)

The paper analyses the 9th–11th-century pottery of Hulbuk, the capital of Huttal located in the Southwest Tajikistan. The materials under study were acquired while excavating the citadel as well as refuse pits (*badrab's*) and two kilns in the “lower town” (*shahristan*) in 1953–1978. The study leans upon a comparison with the record of other medieval cities of Central Asia situated in Uzbekistan, the South Kazakhstan, Tajikistan and Kyrgyzstan known from the abundant Russian-language publications of the Soviet period. Pottery types are classified and their chronology elaborated. As a result, an “open” typology based not only on the decoration of glazed tableware, which was standard practice while studying Islamic pottery, has been developed. All the 20 types of unglazed and 14 types of glazed pottery have been distinguished with their technical characteristics, i.e. the aspects pertaining to clay deposits, kilns and techniques, chronology and spread, taken into account. It has been found that Hulbuk had been a crossroad of pottery-making of Mâ warâ'al nahr and Khurāsān yielding local and regional pottery types as well as Chinese (celadons from Yué) and Iraq (lustres from Basra) imports. A comparison of Central Asian pottery with that of the Near and Middle East gives an insight into the links between different regions of the Islamic world at that time.

Keywords: Central Asia, Islamic pottery, medieval Huttal, Samanids.

REFERENCES

- Akhrarov I.A.*, 1969. Anent the history of pottery-making at the site of Afrasiab in the 11th–12th centuries. *Afrasiab [Afrasiab]*, I. Tashkent: Fan, pp. 301–311. (In Russ.)
- Belenitskiy A.M.*, 1950. A historical-geographical outline of Huttal from the earliest time to the 10th century AD. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Studies on the Archaeology of the USSR]*, 15. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 109–127. (In Russ.)
- Brusenko L.G.*, 1986. Glazurovannaya keramika Chacha IX–XII vv. [Glazed Pottery of Chach of the 9th–12th centuries]. Tashkent: Fan. 136 c.
- Burnasheva F.A.*, 1964. Glazing of pottery of Afrasiab of the 10th–12th centuries. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana [The History of Material Culture of Uzbekistan]*, 4. Tashkent: Izd-vo AN Uzb. SSR, pp. 137–143. (In Russ.)
- D'yakonov M.M.*, 1949. Pottery of Paykend. *KSIIMK [Brief Communications of the Institute of the Material Culture History]*, 29, pp. 89–93. (In Russ.)
- Ershov N.N.*, 1984. Karatag i ego remesla (istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Karatg and its Handicrafts (A Historical-Ethnographic Outline)]. Dushanbe: Donish. 120 p.
- Gardin J.-C.*, 1957a. Céramique de Bactres. Paris: *Librairie C. Klincksieck*. 129 p. (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 15).

- Gardin J.-C., 1957b. Poteries de Bamiyan. *Ars Orientalis*, 2, pp. 227–246.
- Gardin J.-C., 1959. Tessons de poteries musulmanes provenant du Seistan afghan. *Diverses recherches archéologiques en Afghanistan: (1933–1940)*. Paris: Presses Univ. de France, pp. 29–37. (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 8).
- Gardin J.-C., 1963. Lashkar-i Bazar II: les trouvailles, céramiques et monnaies de Lashkar-i Bazar et de Bust. Paris: Librairie C. Klincksieck. 198 p. (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 18).
- Grazhdankina N.S., 1964. Anent the history of pottery-making in Central Asia (methods of making grey pottery in the 9th–13th centuries). *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [The History of Material Culture of Uzbekistan], 5. Tashkent: Izd-vo AN Uzb. SSR, pp. 173–199. (In Russ.)
- Kahle P., 1936. Bergkristall, Glas und Glasflüsse nach dem Steinbuch Von el-Beruni. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Wiesbaden, pp. 322–356.
- Karimov U.N., 1957. Neizvestnoe sochinenie ar-Razi “Kniga tayny tayn” [“The Book of the Mystery of Mysteries”, an Unknown Work by al-Razi]. Tashkent: Izd-vo AN Uzb. SSR. 195 p.
- Khmel'nitskiy S., 2006. Dvortsy Khuttalya. Idei i formy grazhdanskoy arkhitektury Sredney Azii IX–XII vekov [Palaces of Huttal. Ideas and Forms of Secular Architecture of Central Asia of the 9th–12th centuries.]. Berlin: Savadowski-Verlag. 150 p.
- Kondrat'eva F.A., 1961. Green-glazed pottery from Paykend. *Trudy Gos. Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], 6. Leningrad: GE, pp. 216–227. (In Russ.)
- Lunina S.B., 1962. Pottery-making at Merv in the 10th – early 13th century. *Trudy Yuzhno-Turkmen'skoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Transactions of the South Turkmen Complex Archaeological Expedition], 11. Ashkhabad: Turkm. filial AN SSSR, pp. 217–248. (In Russ.)
- Lyonnet B., 1985. Contributions récentes de la céramologie à l'histoire de l'Afghanistan. *Arts and the Islamic world*, 40, pp. 41–52.
- Lyonnet B., 1997. Prospection archéologique en Bactriane orientale (1974–1978), 2. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations. 447 p. (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale, 3).
- Peshchereva E.M., 1959. Goncharnoe proizvodstvo Sredney Azii [Pottery-making of Central Asia]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 396 p. (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya ser., XLII).
- Rakhimov M.K., 1961. Khudozhestvennaya keramika Uzbekistana XIX–XX vv. [Art Pottery of Uzbekistan of the 19th–20th centuries]. Tashkent: AN Uzb. SSR. 243 p.
- Ruska J., 1935. Die alchemie ar razi's. *Der Islam*, 22, 4. Berlin, pp. 281–319.
- Sayko E.V., 1963. Glazuri keramiki Sredney Azii VIII–XII vv. (Po materialam keramicheskikh kompleksov Khuttalya, Sogda, Fergany) [Glazes of Pottery of Central Asia of the 8th–12th centuries (From the Materials of Ceramic Complexes of Huttal, Sogdiana and Fergana)]. Dushanbe: AN Tadjh. SSR. 140 p.
- Sayko E.V., 1966. Istoriya tekhnologii keramicheskogo remesla Sredney Azii VIII–XII vv. [The History of Pottery-making Technology of Central Asia of the 8th–12th centuries]. Dushanbe: AN Tadjh. SSR. 209 c.
- Semenov G.L., Mirzaakhmedov D.K., Adylov Sh.T., Bekhter A.V., Torgoev A.I., Saparov N., Malkiel' I.K., 2002. [Raskopki v Paykende v 2001 godu Excavations at Paykend in 2001]. St. Petersburg: GE: AN Resp. Uzb. 220 p. (Materialy Bukharskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 3).
- Semenov G.L., Mirzaakhmedov D.K., Zeymal' T.I., Adylov Sh.T., Bekhter A.V., 2000. Raskopki v Paykende v 1999 godu [Excavations at Paykend in 1999]. St. Petersburg: GE: AN Resp. Uzb. 201 p. (Materialy Bukharskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, 1).
- Sharakhimov Sh., 1981. Potters' ward of the 10th–early 11th century. *Buryakov Yu.F. K istoricheskoy topografii drevnego i srednevekovogo Samarkanda* [Anent Historical Topography of Early and Medieval Samarkand]. Tashkent: Fan, pp. 60–103. (In Russ.)
- Shishkina G.V., 1979. Glazurovannaya keramika Sogda [Glazed Pottery of Sogdiana]. Tashkent: Fan. 157 p.
- Shishkina G.V., 1986. Remeslennaya produktsiya srednevekovogo Sogda [Handicraft Production of Medieval Sogdiana]. Tashkent: Fan. 194 p.
- Shishkina G.V., Pavchinskaja L.V., 1992. Terres secrètes de Samarkand. Céramiques du VIIIe au XIIIe siècle. Catalogue d'exposition. Paris; Caen; Toulouse. 128 p.
- Simeon P., 2000. Travail préliminaire à l'étude de la céramique islamique d'Asie Centrale du haut Moyen Age: du début de l'Islam à la fin de la période Sāmānide (90/712–383/1005): Master of Art, Univ. de Paris I Panthéon-Sorbonne. Paris. 110 p. (Unpublished).
- Simeon P., 2009. Étude du matériel de Hulbuk (Ma war'al-nahr-Khuttal), de la conquête islamique jusqu'au milieu du XIe s. (90/712–441/1050). Contribution à l'étude de la céramique islamique d'Asie centrale. Oxford: Archaeopress. 428 p. (BAR International ser., S1945).
- Simeon P., 2012a. Hulbuk: an unrecognized site in the shadow of the great capital of Central Asia, new facts on the material culture of the Banijurids dynasty of Huttal (9th–11th centuries AD). *Muqarnas*, 29, pp. 385–421.
- Simeon P., 2012b. Les ateliers de potiers en Asie centrale, entre Samarqand et Nishāpūr: approche critique, de la conquête musulmane au XIIe siècle. *Actes du colloque AIECM2 (2009)*. Venezia, pp. 15–21.
- Tashkhozhaev Sh.S., 1974. Anent the history of the study of medieval glazed pottery of Central Asia. *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [The History of Material Culture of Uzbekistan], 11. Tashkent: Izd-vo AN Uzb. SSR, pp. 93–109. (In Russ.)
- Tashkhozhaev Sh.S., 1975. Pottery-making of Afrasiab and the organization of craftsmen's labour in the 10th – early 13th century. *Afrasiab [Afrasiab]*, IV. Tashkent: Fan, pp. 58–68. (In Russ.)
- Wilkinson C.K., 1961. The glazed pottery of Nishapur and Samarcand. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*, vol. 20, no. 3, pp. 102–115.
- Wilkinson C.K., 1973. Nishapur: pottery of the early Islamic period. New York: Metropolitan Museum of Art. 374 p.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ
СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ДОНА
(к 80-летию В.И. Гуляева)**

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕРИЯ ИВАНОВИЧА ГУЛЯЕВА

9 января 2018 г. исполняется 80 лет со дня рождения Валерия Ивановича Гуляева – человека многогранных дарований, широко известного специалиста в области скифологии и мезоамериканской археологии, талантливого популяризатора археологических знаний. Биографический очерк, полностью характеризующий творческий путь юбиляра, уже был опубликован на страницах нашего журнала (Мунчаев Р.М. К 70-летию Валерия Ивановича Гуляева // РА. 2008. № 1. С. 175–177). В последовавшее 10-летие Валерий Иванович продолжил активно трудиться, продвигаясь по всем интересующим его направлениям. Из-под его пера вышло несколько монографий по древней истории и археологии Америки (Древние цивилизации Америки. М.: Вече, 2008. 448 с.; История мезоа-

мериканской археологии. М.: ИА РАН, 2010. 316 с.; Викинги открывают Америку. М.: ИА РАН, 2015. 292 с.). Валерий Иванович не оставлял своим вниманием и археологию Месопотамии, где работал еще в первых советских экспедициях, изучая древние цивилизации на территории Ирака (см.: Тайны древних городов. Ближний Восток и Мезоамерика. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 344 с.; Р.М. Мунчаев, В.И. Гуляев, Н.О. Бадер “Первые российские археологи в Месопотамии. Ирак, 1969–1980, 1984–1985 годы”. М: Таус, 2013. 243 с.).

В.И. Гуляев активно работал над организацией крупных конференций, прошедших в рамках отдела теории и методики ИА РАН в 2008–2017 гг. На них рассматривались теоретические и методические проблемы, связанные с изучением поселений

как исторического источника (2008 г.); культом предков, вождей и правителей в погребальном обряде (2010 г.); ролью войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ (2012 г.); предпосылками и особенностями сложения цивилизации и государственности (2014 г.). Темы дискуссий вызвали безусловный интерес у коллег, а участие специалистов ведущих археологических учреждений России и ближнего зарубежья позволило провести их на высоком научном уровне.

Однако наиболее активным образом Валерий Иванович трудится в области изучения археологического наследия скифских племен Среднего Дона. Продолжается полевое изучение памятников скифской культуры в Белгородской и Воронежской областях: в 2008–2009 гг. прошли раскопки кургана из группы Усть-Муравлянка; с 2010 г. ведутся исследования курганного могильника Девица V. Результаты этих работ были опубликованы в серии монографических публикаций “На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов)” (М.: ИА РАН, 2010. 344 с.), “Зооморфные металличе-

ские крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание” (М.: ИА РАН, 2016. 104 с.), в том числе, подготовленных совместно с А.А. Шевченко, “Новые курганные могильники скифского времени на Среднем Дону: Горки-I и Девица-V” (М.: ИА РАН, 2017. 156 с.), а также в сборнике статей “Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.” (М.: ИА РАН, 2009. 332 с.), вышедшем под редакцией В.И. Гуляева.

Редакция журнала “Российская археология”, в редколлегии которого он сотрудничает многие годы, сердечно поздравляет Валерия Ивановича Гуляева с замечательным юбилеем, желает ему крепкого здоровья и осуществления всех творческих планов. Мы подготовили подборку статей, освещающих последние достижения в исследовании скифских древностей Среднего Дона. Их авторы – ученики и соратники юбиляра – присоединяются к нашим поздравлениям и посвящают свои труды его 80-летию.

ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННАЯ КОННИЦА В ВОЙСКЕ ВОСТОЧНОЙ СКИФИИ

© 2018 г. В. П. Копылов*, С. Ю. Янгулов**

* *Институт археологии РАН, Москва, Россия*
(vikkop48@mail.ru)

** *Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*
(yangulov-sergej@rambler.ru)

Поступила в редакцию 11.08.2016 г.

В статье на основании анализа материалов погребальных комплексов Елизаветовского курганного некрополя, а также данных античной письменной традиции рассматривается вопрос о наличии в скифском войске тяжеловооруженных всадников. Такие признаки катафрактариев, как наличие тяжелого оборонительного доспеха, использование пики в качестве главного наступательного оружия характерны для военного дела нижнедонских скифов. Это подтверждается находками в указанных комплексах всех основных видов защитного доспеха: панцирей, боевых поясов, щитов, шлемов и поножей. Анализ наконечников копий и определение длины копий из погребений Елизаветовского некрополя позволяет утверждать, что скифы Нижнего Дона использовали в своем арсенале пики – копья длиной от 2.3 до 3.1 м. Данный вывод подтверждается и изображениями на ножнах мечей чертомлыкской серии (рисунок). Анализ инвентаря комплексов, содержавших предметы защитного доспеха, и форм могильных ям позволил предположить, что скифы, входившие в состав подразделений тяжеловооруженных всадников, относились к категориям “дружинников” и “дружинниц” (два панциря обнаружены в женских погребениях) либо к представителям родовой верхушки. Выводы о присутствии в скифском войске тяжеловооруженных всадников подтверждаются и характеристиками их военной тактики, основанными на сообщениях античных авторов.

Ключевые слова: скифы, катафрактарии, панцири, боевые пояса, щиты, шлемы, поножи, пики.

О том, что еще во время похода персов под предводительством царя Дария в Скифию она была разделена на отдельные области, свидетельствует Геродот, который, в частности, упоминает о восточной области, войском которой командовал Скопасис (Геродот IV, 120). В последнее время на основании археологических данных предлагается выделить в составе Скифии территориальные центры (Болтрик, 2013. С. 201), отдельные из которых можно связать с областями, упоминаемыми Геродотом. Представляется, что рассматривать различные аспекты истории, военного дела и особенности материальной культуры скифов следует прежде всего на основании изучения их в отдельных областях Скифии.

Вопрос о наличии в войске скифов тяжеловооруженных всадников, которых иногда называют “катафрактариями”, нужно исследовать именно с этих позиций, что недавно сделано для области расселения скифов Среднего Дона (Гуляев, 2015).

Высказанное в свое время мнение Е.В. Черненко о том, что наряду с легковооруженной конницей скифы широко использовали тяжеловооруженную кавалерию (1984. С. 68, 69), нашло подтверждение в исследованиях М.В. Горелика (1984), А.И. Минжулина (1988), Е.И. Савченко (2004. С. 248, 249), В.И. Гуляева (2015) и одного из авторов данной работы (Янгулов, 2014. С. 68, 69).

Вместе с тем, по мнению А.М. Хазанова, не всякая тяжеловооруженная конница может характеризоваться как конница “катафрактариев”. Несмотря на то что употребление термина “катафрактарии” нуждается в уточнении (Нефедкин, 2011. С. 13, 14), по сей день сохраняются предложенные А.М. Хазановым критерии определения этого понятия: 1) наличие тяжелого оборонительного доспеха; 2) использование пики в качестве главного наступательного оружия; 3) защита доспехом не только всадника, но и коня, хотя этот признак, по мнению автора, не был таким обязательным, как первые два (Хазанов, 1968. С. 180–182).

Материалы Елизаветовского курганного некрополя показывают, что для военного дела нижнедонских скифов, населявших устьевую область р. Танаис в V–IV вв. до н.э., указанные признаки вполне применимы. Предметы защитного вооружения в погребениях открыты в 23 комплексах (Копылов, 2000. С. 16), они представлены всеми основными видами, характерными для скифского доспеха. К ним относятся панцири, боевые пояса, щиты, шлемы и поножи.

Наиболее частая находка – остатки панцирей, которые обнаружены в 14 погребениях (Янгулов, 2015. С. 224–226). Они относятся к типичным для скифов наборным чешуйчатым (пластинчатым) доспехам. Среди материалов имеются и панцири с оплечьями. А.И. Мелюкова и Е.В. Черненко сошлись во мнении, что обнаруженные А.А. Миллером в кургане 5 (раскопки 1910 г.) остатки панциря с оплечьями подобны тем, которые изображены на всаднике, изображенном на гребне из Солохи (Мелюкова, 1964. С. 70; Черненко, 1968. С. 26).

Хронологически на основании датировки греческой импортной керамики панцири из елизаветовских погребений распределяются следующим образом: три происходят из комплексов V в. до н.э., семь датируются первой половиной IV в. до н.э. Еще в пяти случаях панцири обнаружены в погребениях, широко датируемых временем существования некрополя.

Материалы погребений Елизаветовского курганного могильника свидетельствуют о том, что железные панцири использовались нижнедонскими скифами уже в первой половине V в. до н.э., в то время как большинство находок панцирей из скифских курганов широко датируется концом V – III в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 73).

Е.В. Черненко, подробно исследовавшему скифский защитный доспех, было известно только 12 панцирей, происходивших из погребений Нижнего Дона. Все они исследователем хронологически распределены следующим образом: к V в. до н.э. отнесено 5 экз.; к IV в. до н.э. – 4 экз.; 3 экз. хронологически не определены (Черненко, 1968. С. 22). Остатки панцирей, происходящих из елизаветовских курганов, существенно дополняют и уточняют эти данные.

В погребальных комплексах Елизаветовского курганного некрополя обнаружено 12 боевых поясов, изготовленных из бронзы. Судя по сохранившимся фрагментам, большинство из них представляли собой боевые пластинчатые пояса, которые были широко распространены в скифском мире.

Несмотря на то что по свидетельствам античных письменных источников и изображениям скифских воинов на предметах торевтики, щит был довольно распространенным предметом защитного доспеха, однако подобные находки в скифских комплексах довольно редки из-за их плохой сохранности. В материалах кургана 18 (раскопки 1911 г.) Елизаветовского некрополя обнаружен набор железных пластин, которые, по предположению А.И. Мелюковой, могли быть остатками щита (1964. С. 78). Нами установлено, что в комплексах могильника найдены остатки трех щитов. Примечательно, что во всех этих комплексах были и другие предметы наступательного и оборонительного вооружения.

В погребениях Елизаветовского курганного некрополя обнаружено два бронзовых шлема: аттического (курган 5, раскопки 1910 г.) и фракийского (курган 18, раскопки 1911 г.) типа. Несмотря на редкие находки шлемов в скифских погребальных комплексах, следует полагать, что скифские воины придавали защите головы отнюдь не второстепенное значение. Отсутствие греческих шлемов в некоторых элитных курганах можно объяснить деятельностью грабителей. Очевидно некоторые представители знати и дружинников использовали местные шлемы (Ленц, 1905. С. 59; Мелюкова, 1964. С. 78). Известно также, что скифские воины носили кожаные конические колпаки (Черненко, 1968. С. 98).

Анализируя поножи, обнаруженные на территории Северного Причерноморья, исследователи отмечают их схожесть. Е.В. Черненко считает, что все они “относятся к общему единому типу” (1968. С. 115). Они изготовлены из тонкого бронзового листа и в редких случаях покрыты позолотой. Среди приведенных Е.В. Черненко комплексов с поножами два происходят из Елизаветовского курганного некрополя: курганов 7 (раскопки 1954 г.) и 8 группы Пять братьев (раскопки 1959 г.).

Таким образом, в погребениях Елизаветовского могильника, как отмечено выше, представлены все виды защитного доспеха, использовавшиеся скифскими воинами.

Рассматривая другой признак катафрактариев, выделенный А.М. Хазановым, – использование пики в качестве главного наступательного оружия, необходимо уточнить, копьё какой длины следует считать пикой, т.е. длинным штурмовым копьем, использующимся как колющее оружие. Точного определения минимальной длины пики, используемой в скифо-сарматское время, до сих пор не существует. А.И. Мелюковой было известно только семь случаев, когда удалось определить длину

копий из скифских комплексов. Она не превышала 2.2 м. Отсюда сделан вывод об использовании скифами только коротких копий — до указанного размера (Мелюкова, 1964. С. 43). Выявленные позже скифские копья длиной, превышающей 2.2 м, стали считать длинными, используемыми как колющее оружие (Черненко, 1984. С. 233). Исследователи, рассматривая этот вопрос применительно к сарматским пикам, на основании образительных памятников допускают, что они могли иметь длину 2.5 м (Нефедкин, 2011. С. 161).

Несмотря на то что исследователи редко обращают внимание на установление длины копья в скифских комплексах (Савченко, 2004. С. 170), при изучении елизаветовских погребений удалось проследить довольно представительную серию таких комплексов: 94 наконечников копий. В 50 случаях четко определено положение копий в могиле, а по взаимному расположению наконечников и втоков, в 18 случаях установлена длина копий, которая колебалась от 1.75 до 3.1 м (Копылов, 2000. С. 16). Как упомянуто выше, А.И. Мелюковой было известно всего 7 таких случаев, а в елизаветовских курганах — 18. Отметим, что 10 из них исследованы одним из авторов, которым сделаны замеры длины копий по взаимному расположению наконечников и втоков (Копылов, 2000. С. 81). Как установлено, в 15 случаях копья имели длину от 2.3 до 3.1 м и, несомненно, служили пиками.

Большая часть погребальных комплексов, содержащих длинные пики, надежно датируется греческой импортной керамикой, происходящей из этих комплексов. В связи с этим можно сделать заключение о времени появления этого вида вооружения у донских скифов. Наиболее ранние пики появляются у «елизаветовцев» в первой половине V в. до н.э. (Янгулов, 2001. С. 362). Именно так датируется погр. 2 в кургане 30 (Брашинский, 1980. С. 206). Семь комплексов датируются в пределах второй половины этого столетия, а остальные относятся к первой половине IV в. до н.э., времени, которым датируются пики, обнаруженные и в других курганах Скифии. Все они открыты в элитных курганах, содержавших погребения скифской знати (Полин, 2014. С. 84, 85).

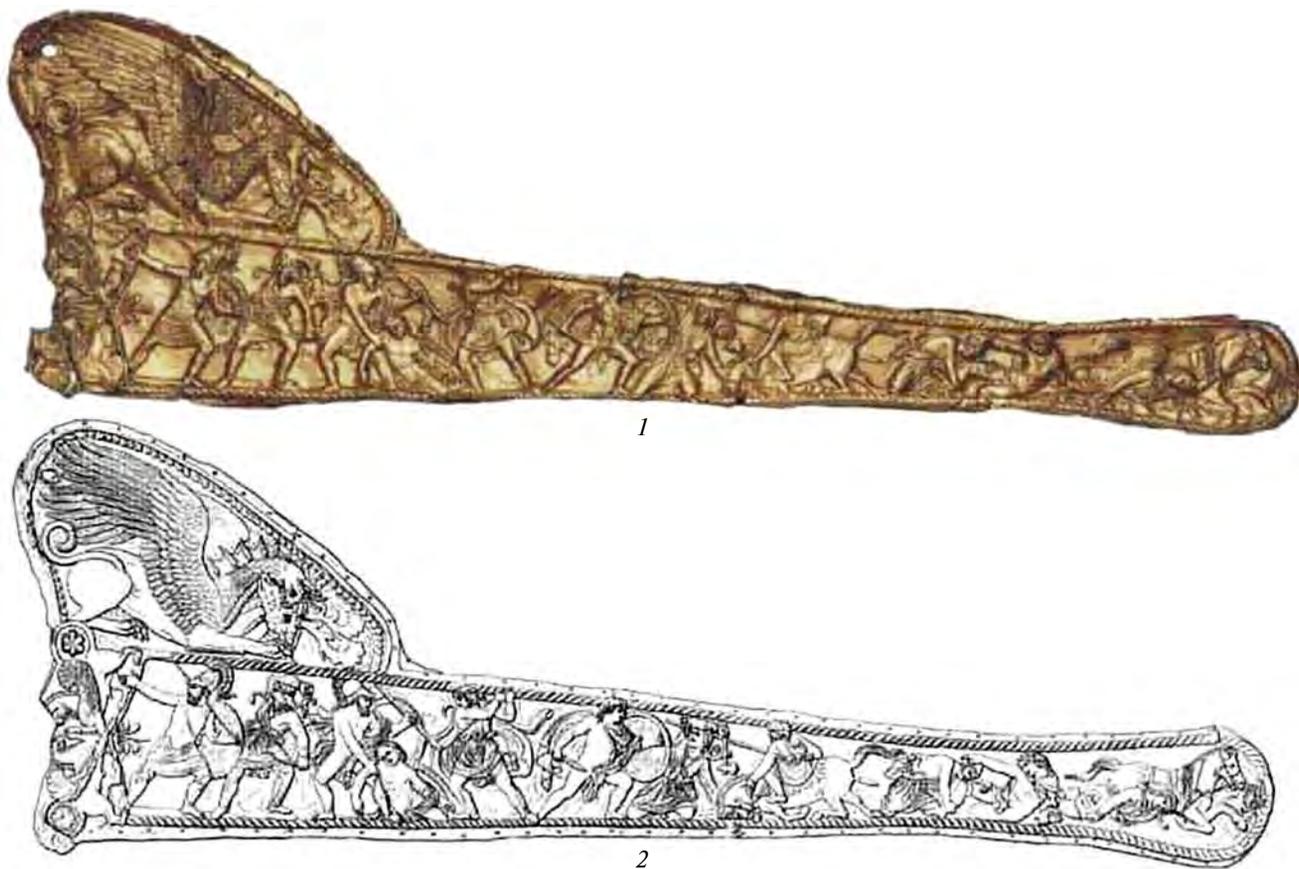
Авторы обратили внимание, что использование скифами данного типа копий подтверждается не только их находками в скифских погребальных комплексах, но и изображениями на ножнах мечей чертомлыкской серии. Так, ножны меча из Пятибратного кургана 8 украшены сценами сражения скифов с греками, которые подробно изучены В.П. Шиловым (1962. С. 56, 57). Для рассматриваемой темы значительный интерес представляет

центральная композиция, изображающая борьбу пешего грека с двумя скифами. Один из скифов, очевидно раненный, упал на колени, а прикрывающийся круглым щитом грек пытается нанести ему разящий удар мечом. В свою очередь обороняющийся занес правую руку с боевым топором для ответного удара. В это время конный скиф пытается оказать раненному товарищу помощь, но его лошадь упала на передние ноги, и всадник, левой рукой натягивая повод, стремится ее поднять, а правой рукой держит длинное копьё, которое в данном случае используется в борьбе против пешего противника.

Аналогичные сцены битвы греков со скифами, в том числе и рассматриваемая композиция, изображены на ножнах мечей из Чертомлыкского кургана (рисунок) и на ножнах меча из музея Метрополитен в Нью-Йорке (Shcheglov, Katz, 1991).

Что же касается третьего признака катафрактариев, выделяемого А.М. Хазановым, — обеспечение защитным доспехом коня, то следует напомнить, что автор не считает его обязательным. В скифских погребениях елизаветовских курганов захоронения коней крайне редки, тогда как детали конской узды найдены в 14 комплексах, и во всех содержались предметы вооружения. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Возможно, погребальный обряд нижнедонских скифов не предусматривал обязательного присутствия в наборе инвентаря конской узды. Следует учитывать и то, что большие курганы могильника, погребения которых содержали наиболее представительный инвентарь, исследовались в основном в начале XX в., когда уровень полевых изысканий зачастую не позволял обеспечить полноценного изучения погребального обряда и зафиксировать все его детали. Следовательно можно предполагать, что отсутствие деталей сбруи в погребениях, зафиксированное по результатам раскопок, не всегда свидетельствует об их изначальном отсутствии. Это подтверждается случайно обнаруженными в районе единственного из сохранившихся больших курганов Пятибратней группы бронзовыми круглыми бляхами и накладкой с изображением сцены амазомахии (Копылов, 2008).

Таким образом, отсутствие захоронений коней в погребальных комплексах нижнедонских скифов вовсе не означает, что большинство из них не было всадниками. Как свидетельствуют результаты остеологического анализа костных остатков напутственной пищи и погребальных тризн из елизаветовских курганов, лошадь довольно часто употреблялась в пищу во время совершения погребального обряда.

Обкладка чертомлыкского меча. 1 — по: Алексеев, 2012; 2 — по: Древности..., 1872. Без масштаба.
Sheath of Chertomlyk sword. No scale

Исходя из сказанного следует, что признаки, присущие катафрактариям, были характерны и для определенной части нижнедонских скифских воинов. Численность этой категории, вероятно, была небольшой, поскольку предметы защитного доспеха обнаружены лишь в 16% погребений от общего числа погребений с оружием, а длина копий, трактуемых как длинные, установлена только в 11 случаях. Но количество тех, кого называют “катафрактариями”, всегда было значительно меньше остальных категорий.

Исследуя структуру скифского войска, следует иметь в виду ее взаимосвязь с социальной структурой. Исследователи неоднократно указывали, что металлическими панцирями пользовались представители скифской аристократической верхушки, богатые дружинники, а также, возможно, дружинники, вооруженные за счет знати.

В свое время, анализируя социальный статус погребенных из Елизаветовского курганного некрополя, один из авторов данной работы обратил внимание на тот факт, что предметы защитного доспеха обнаружены только в погребениях

“дружинников” и “дружинниц”, а также представителей родовой верхушки (Копылов, 2002. С. 40).

Указание на “дружинниц” связано с тем, что два панциря найдены в женских погребениях: в кургане 7 (раскопки 1908 г.), где в составе инвентаря имелось зеркало (Миллер, 1910. С. 97, 98), а также в кургане 5 (раскопки 1911 г.), в котором наряду с пращевыми камнями и панцирем были женские золотые украшения (Миллер, 1914. С. 227–229). Анализ инвентаря из погребений Елизаветовского курганного некрополя и его сопоставление с антропологическими определениями костных останков погребенных позволяет говорить, что зеркала и пращевые камни были прежде всего атрибутами, маркирующими женские погребения (Копылов и др., 2004. С. 54, 55). Следует обратить внимание, что остатки панцирей также обнаружены в женских погребениях скифских могильников Среднего Дона (Гуляев, 2002. С. 132; Савченко, 2004. С. 244, 245).

Такой состав катафрактариев характерен как для войск государств, достигших высокого уровня развития, так и для варваров. Вполне допустимо, что

подобная ситуация была и у скифов. Как свидетельствуют материалы елизаветовских курганов, наиболее часты находки предметов наступательного оружия и защитного доспеха в погребениях, совершенных в могильных ямах VI типа, принадлежавших “родовой верхушке общества, оставившего данные курганы”, – четвертая социальная группа (Копылов, 2000. С. 81, 98).

Из всех погребений этой группы предметы вооружения выявлены в 73% комплексов. В некоторых из них помимо полного набора наступательного вооружения обнаружены такие предметы защитного доспеха, как щит (курган 9, раскопки 1909 г.), панцирь и шлем (курган 18, раскопки 1911 г.). К этой же группе относятся и комплекс из кургана 7 – раскопки 1954 г., который содержал представительный набор защитного вооружения: панцирь, кнемиды и щит. Отметим, что именно в этой группе погребений найдены такие дорогие и престижные вещи, как гривна из кургана 10, раскопки 1909 г., меч в ножнах с золотыми обкладками, боевой пояс, кнемиды и ритон (курган 9, раскопки 1910 г.), а также бронзовые котлы и изделия из благородных металлов (Копылов, 2000. С. 86).

Предметы защитного доспеха и наступательного вооружения также довольно часто (79% комплексов) присутствуют и в наборе инвентаря грунтовых ям IV типа – “средние длинные”, в которых хоронили “дружинников” и “дружинниц”, отнесенных к третьей социальной группе (Копылов, 2000. С. 81, 97, 98). Часть ее представителей, очевидно, воевала в легковооруженной кавалерии, а другие могли входить в состав тяжеловооруженной конницы.

Выводы о присутствии в скифском войске тяжеловооруженных всадников подтверждаются и характеристиками их военной тактики, основанными на сообщениях античных авторов. В информации Диодора Сицилийского о битве при Фате, в которой сразились наследники Перисада I за власть в Боспорском царстве, говорится о том, что на стороне Сатира выступили скифы, выставившие около 10 тыс. всадников, 20 тыс. пехоты и 4 тыс. наемников. Этому войску противостояли несколько превосходившие их по численности войска фатеев, поддерживавшие Эвмела. Описывая сражение, Диодор сообщает, что в центре войска Сатира, построенного им по скифскому образцу, находились “отборные воины” (Латышев, 1947. С. 264). Е.В. Черненко, подробно рассмотревший ход этой битвы считает, что стоявший в центре отряд тяжеловооруженной скифской конницы Диодор называет привычным ему словом “фаланга”, поскольку всадники были вооружены, как

гоплиты, – панцирями, шлемами, щитами и ножами. Отряд скифов, по мнению украинского исследователя, “скорее всего, имел глубокое построение, которое к этому времени применялось уже достаточно широко” (Черненко, 1984. С. 68). Е.И. Савченко, анализируя оружие из скифских памятников Среднего Дона, соглашается с этим предположением, считая, что такой боевой порядок, как сомкнутый строй, стал для скифов ко времени битвы при Фате уже обычным (Савченко, 2004. С. 249).

Действия скифской тяжеловооруженной конницы, судя по рассказу Диодора, были довольно успешными, поскольку ей удалось прорвать оборону противника и заставить его конницу бежать. После того, как наемники Сатира дрогнули, скифская конница, вероятно, организованно перестроилась и способствовала тому, что Сатир разбил все неприятельское войско.

Исследователи отмечают, что действия тяжеловооруженных всадников могли быть эффективными только при сохранении сомкнутого строя, основанного на сплоченности и военной дисциплине воинов. Разъединенные всадники, облаченные в тяжелый доспех с пикой, были легко уязвимы для противника в ближнем бою, поэтому их следовало использовать не поодиночке, а отдельными подразделениями. (Хазанов, 1968. С. 183; Тараторин, 1999. С. 42). Как видим, скифские воины, по крайней мере, какая-то их часть, а именно катафрактары, в должной мере обладали необходимыми навыками и опытом использования такой тактики.

А.М. Хазанов, рассматривая условия, которые способствовали появлению и развитию катафрактариев, выделил три фактора: необходимость противостояния тяжеловооруженной пехоте (македонской фаланге, римскому легиону); усиление роли ближнего боя и приспособление к нему наступательного и оборонительного оружия; быстрое распространение передовых военных новшеств на обширной территории Евразии, где между кочевым и земледельческим населением существовали тесные культурные и этнические связи (Хазанов, 1968. С. 185, 186).

Таким образом, как свидетельствуют материалы елизаветовских курганов, в составе войска восточной территориальной области Скифии уже в первой половине V в. до н.э. находилась и определенная часть тяжеловооруженных всадников, защищенных панцирями, боевыми поясами, щитами, кнемидами, шлемами и использовавших длинные копья – пики.

Появление тяжеловооруженных всадников в войске восточной региональной области Скифии объясняется тем, что именно в это время начинается военное противостояние скифов с греками Северного Причерноморья и как следствие возникает необходимость успешного противоборства с греческой фалангой (Янгулов, 2008).

Примечательно, что в соседней с Нижним Доном области Среднего Дона “тяжеловооруженная кавалерия составляла существенную часть местных воинских отрядов” (Гуляев, 2008. С. 191).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 272 с.
- Болтрик Ю.В.* Территориальные центры Скифии // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: сб. науч. тр., посвящ. 65-летию проф. В.П. Копылова. Ростов-н/Д.: Юж. федер. ун-т, Науч.-метод. центр археологии, 2013 (Археология, история и культура Причерноморья). С. 193–203.
- Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980. 267 с.
- Геродот.* История в девяти книгах. М.: Наука, 1972. 599 с.
- Горелик М.В.* Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984. С. 119–121.
- Гуляев В.И.* “Амазонки” на Среднем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Вор. ГПУ, 2002. С. 125–134.
- Гуляев В.И.* К вопросу о наличии панцирной конницы у среднедонского населения в скифское время // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: мат-лы конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой. Ростов-н/Д.: ЮНЦ РАН, 2015. С. 43–48.
- Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Атлас. СПб.: Тип. Имп. АН, 1872 (Материалы по археологии России; вып. 2). 90, СІХ с.
- Копылов В.П.* Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII – IV вв. до н.э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 157 с.
- Копылов В.П.* Погребальные сооружения Елизаветовского городища на Дону // Из истории народов Северного Кавказа. Ставрополь: СГУ, 2002. С. 39–44.
- Копылов В.П.* Накладка со сценой амазономахии из Елизаветовского могильника // РА. 2008. № 4. С. 91–96.
- Копылов В.П., Яковенко Э.В., Янгулов С.Ю.* Погребения “амазонок” в курганах Елизаветовского могильника // II Междунар. конф. “Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.”, посвящ. памяти Б.Н. Гракова: тез. докл. Азов; Ростов-н/Д.: Азов. краевед. музей, 2004. С. 53–57.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. С. 248–266.
- Ленц Э.Э.* Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовка Киевской губ. // ИАК. Вып. 14. СПб.: Тип. Имп. АН, 1905. С. 54–68.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (САИ; вып. Д 1–4). 113 с.
- Миллер А.А.* Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. Вып. 35. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1910. С. 86–130.
- Миллер А.А.* Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. // ИАК. Вып. 56. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1914. С. 220–247.
- Минжулин А.И.* Защитное вооружение воина-лучника V–IV вв. до н.э. из кургана у сел. Гладковщина // СА. 1988. № 4. С. 116–126.
- Нефедкин А.К.* Военное дело сарматов и аланов. СПб.: Филолог. фак. СПбГУ, 2011. 304 с.
- Полин С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: Олег Филлюк, 2014. 776 с.
- Савченко Е.И.* Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.: ИА РАН, 2004. С. 151–258.
- Тараторин В.Р.* Конница на войне. История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск: Харвест, 1999 (Б-ка военной истории). 431 с.
- Хазанов А.М.* Катафрактары и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1. С. 180–191.
- Черненко Е.В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968. 192 с.
- Черненко Е.В.* Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 231–235.
- Шилов В.П.* Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1962. С. 52–70.
- Янгулов С.Ю.* К вопросу об использовании скифами длинных копий в V–IV вв. до н.э. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 17: ... в 1999–2000 гг. Азов: Азов. краевед. музей, 2001. С. 359–363.
- Янгулов С.Ю.* Влияние греческого военного искусства на военное дело скифов Нижнего Дона (V–IV вв. до н.э.) // Intern. Colloquium at the Institute of Archaeology: Abstracts. Krakow: Jagiellonian Univ., 2008. С. 83.
- Янгулов С.Ю.* Военная организация и характер военных действий нижнедонских скифов // Изв. высших

учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. 2014. № 3. С. 65–73.

Янгулов С.Ю. Предметы защитного доспеха из Елизаветовского могильника // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы конф., посвящ.

памяти А.И. Мелюковой. Ростов-н/Д.: ЮНЦ РАН, 2015. С. 224–231.

Shcheglov A.N., Katz V.I. A fourth-century B.C. Royal Kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum J. 1991. 26. P. 97–122.

ARMOURED HEAVY CAVALRY TROOPS OF EASTERN SCYTHIA

Viktor P. Kopylov*, Sergei Yu. Yangulov**

* *Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (vikkop48@mail.ru)*

** *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (yangulov-sergej@rambler.ru)*

The article uses materials from the barrows at Elizavetovka and data from Classical written sources to investigate the question of Scythian armoured heavy cavalry. Such attributes of cataphracts as heavy defensive armour and use of lance as main offensive weapon were also characteristic features of the military art of the Lower Don Scythians, as evidenced by the finds from Elizavetovka where the burial complexes have yielded specimens of all the main types of defensive equipment: armour, battle-belts, shields, helmets and greaves. The spear-heads and the length of the spears from Elizavetovka indicate that lances 2.3 to 3.1 meters in length were part of the arsenal deployed by the Lower Don Scythians. The conclusion is supported by the images on sheaths of Chertomlyk swords (see figure). Analysis of the grave pits and the assemblages which include objects of defensive armour allows assuming that the Scythian armored heavy cavalry troops will have comprised men and women warriors (two of the pieces of armour were found in women's graves) or representatives of clan aristocracy. The conclusion that Scythian troops will have included heavy cavalry is also supported by the descriptions of their battle tactics in Classical sources.

Keywords: Scythians, cataphracts, armour, battle-belts, shields, helmets, greaves, lances.

REFERENCES

Alekseev A. Yu., 2012. Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha [Gold of the Scythian kings in the Hermitage collection]. St. Petersburg: Izd-tvo GE. 272 p.

Boltrik Yu. V., 2013. Territorial centers of Scythia. *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya: sb. nauchnykh trudov, posv. 65-letiyu prof. V.P. Kopylova [The Pontic region in Classical antiquity and the Early Middle Ages: collection of scientific works to the 65th anniversary of Prof. V.P. Kopylov]*. Rostov-na-Donu: YFU, Nauch.-metod. tsentr arkheologii, pp. 193–203. (Arkheologiya, istoriya i kul'tura Prichernomor'ya). (In Russ.)

Brashinskiy I. B., 1980. Grecheskiy keramicheskiy import na Nizhnem Donu [Greek ceramic imports on the Lower Don]. Leningrad: Nauka. 267 p.

Chernenko E. V., 1968. Skifskiy dospek [Scythian armour]. Kiev: Nauk. dumka. 192 p.

Chernenko E. V., 1984. Long spears of the Scythians. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian period]*. Moscow: Nauka, pp. 231–235. (In Russ.)

Drevnosti Gerodotovoy Skifii. Sbornik opisaniy arkheologicheskikh raskopok i nakhodok v Chernomorskiykh

stepyakh. Atlas [Antiquities of Herodotus's Scythia. Collection of reports on archaeological excavations and finds in the Black Sea steppes. Atlas]. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, 1872. 90, CIX p. (Mat-ly po arkheologii Rossii, 2).

Gerodot., 1972. Istoriya v devyati knigakh [The Histories, in nine books]. Moscow: Nauka. 599 p.

Gorelik M. V., 1984. Armour from the barrow near Krasny Podol village. *Vooruzhenie skifov i sarmatov [Scythian and Sarmatian weapons]*. Kiev: Nauk. dumka, pp. 119–121. (In Russ.)

Gulyaev V. I., 2002. "Amazons" on the Middle Don. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites in Eastern Europe]*. Voronezh: VorGPU, pp. 125–134. (In Russ.)

Gulyaev V. I., 2015. On the issue of the presence of armoured cavalry among the Middle Don population during the Scythian period. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy konf., posv. pamyati A.I. Melyukovoy [The war and the military in the Scythian-Sarmatian world: proceedings of international scientific conference in tribute to the memory of A.I. Melyukova]*. Rostov-na-Donu: YNTS RAN, pp. 43–48. (In Russ.)

Khazanov A. M., 1968. Cataphracts and their role in the history of military art. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]*, 1, pp. 180–191. (In Russ.)

- Kopylov V.P., 2000. Naselenie Severo-Vostochnogo Priazov'ya v kontse VII – IV v. do n.e.: diss. ... kand. ist. nauk [Population of the northeast Azov region in the late 7th–4th centuries BC: diss. for the degree of candidate of historical sciences]. St. Petersburg. 157 p. (Unpublished).
- Kopylov V.P., 2002. Burial structures at Elizavetovka fortified settlement on the Don. *Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza [Glimpses of history of the North Caucasian peoples]*. Stavropol': SGU, pp. 39–44. (In Russ.)
- Kopylov V.P., 2008. Mount with amazonomachy scene from Elizavetovka cemetery. *Ros. arkheologiya [Russian Archaeology]*, 4, pp. 91–96. (In Russ.)
- Kopylov V.P., Yakovenko E.V., Yangulov S. Yu., 2004. Burials of “amazons” in the barrows at Elizavetovka. *II Mezhd. konf. “Skify i sarmaty v VIII–III vv. do n.e.”, posv. pamyati B.N. Grakova: tez. Dokl. [II International conference “Scythians and Sarmatians in the 8th–3^d cc. BC” in memory of B.N. Grakov: abstracts of papers]*. Azov; Rostov-na-Donu: Azov. kraeved. muzey, pp. 53–57. (In Russ.)
- Latyshev V.V., 1947. Ancient writers on Scythia and the Caucasus. *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]*, 4, pp. 248–266. (In Russ.)
- Lents E.E., 1905. Notes about the weapons from the 1903 excavations near Zhurovka village in Kiev province. *Izv. IAK [Bulletins of the Imperial archaeological commission]*, 14. (In Russ.) St. Petersburg: Tip. Imp. AN, pp. 54–68.
- Melyukova A.I., 1964. Vooruzhenie skifov [Scythian weaponry]. Moscow: Nauka. 113 p. (SAI, D1–4).
- Miller A.A., 1910. Excavations in the area of ancient Tanais. *Izv. IAK [Bulletins of the Imperial archaeological commission]*, 35. St. Petersburg: Tip. Glav. Upr. Udelov, pp. 86–130. (In Russ.)
- Miller A.A., 1914. Excavations near Elizavetovka in 1911. *Izv. IAK [Bulletins of the Imperial archaeological commission]*, 56. St. Petersburg: Tip. Glav. Upr. Udelov, pp. 220–247. (In Russ.)
- Minzhulin A.I., 1988. Archer's defensive armour of the 4th–5th cc. BC from the barrow near Gladkovshchina. *Sov. arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 4, pp. 116–126. (In Russ.)
- Nefedkin A.K., 2011. Voennoe delo sarmatov i alanov [Military art of the Sarmatians and Alans]. St. Petersburg: Filol. fak. SPbGU. 304 p.
- Polin S.V., 2014. Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V–IV vv. do n.e. na Khersonshchine [Zolotaya Balka Scythian barrow cemetery of the 5th–4th cc. BC in Kherson region]. Kiev: Oleg Filyuk. 776 p.
- Savchenko E.I., 2004. Arms and armour of the Middle Don population in the Scythian period. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period]*. Moscow: IA RAN, pp. 151–258. (In Russ.)
- Shecheglov A.N., Katz V.I., 1991. A fourth-century B.C. Royal Kurgan in the Crimea. *Metropolitan Museum Journal*, 26, pp. 97–122.
- Shilov V.P., 1962. Hoard of gold from a Scythian barrow. *Arkheologicheskie raskopki na Donu [Archaeological excavations on the Don]*. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. univ., pp. 52–70. (In Russ.)
- Taratorin V.R., 1999. Konnitsa na voyne. Istoriya kavalerii s drevneyshikh vremen do epokhi Napoleonovskikh voyn [Cavalry at war. A history of cavalry from antiquity to the time of Napoleonic wars]. Minsk: Kharvest. 431 p. (Bibka voennoy istorii).
- Yangulov S. Yu., 2001. On the question of use of long spears by the Scythians in the 5th–4th cc. BC. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu [Historical and archaeological investigations in Azov and the Lower Don]*, 17: ...v 1999–2000 gg. [... in 1999–2000]. Azov: Azov. kraeved. muzey, pp. 359–363. (In Russ.)
- Yangulov S. Yu., 2008. Influence of Greek military art on the warfare of Middle Don Scythians (5th–6th cc. BC). Intern. Colloquium at the Institute of Archaeology: Abstracts. Krakow: Jagiellonian Univ., pp. 83. (In Russ.)
- Yangulov S. Yu., 2014. Military organization and the nature of military actions of the Lower Don Scythians. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestv. nauki [News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social sciences]*, 3, pp. 65–73. (In Russ.)
- Yangulov S. Yu., 2015. Defensive armour from Elizavetovka cemetery. *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: mat-ly konf., posv. pamyati A.I. Melyukovoy [War and warfare in the Scytho-Sarmatian world: materials of the conference in memory of A.I. Melyukova]*. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN, pp. 224–231. (In Russ.)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БЕСКУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ

© 2018 г. С. А. Володин

*Институт археологии РАН, Москва, Россия
(volodinsaimon@gmail.com)*

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

В 80-е годы прошлого столетия в ходе раскопок Семилукского и Мостишенского городищ впервые были открыты грунтовые захоронения скифской эпохи на территории поселений Среднего Дона, что вызвало дискуссию в научной среде об интерпретации подобных погребений. Часть исследователей высказала мысль, что на территории Подонья в скифскую эпоху существовали как обряд погребения знати под курганными насыпями, так и обряд местного, рядового населения – захоронения в грунтовых могилах. В противовес высказывалось мнение, что подобные погребения представляют собой лишь “сокращенный” вариант обряда, и совершались захоронения на территории поселений лишь в неординарных, аномальных ситуациях. За последние 25 лет исследований были также обнаружены отдельные погребения на поселениях Бузенки-2, у с. Каменка, Кулаковка-2, на территории комплекса Ксизово (Ксизово-16, Ксизово-19). На данный момент имеются основания говорить о существовании бескурганной погребальной традиции на территории Среднего Дона в скифскую эпоху, однако вопрос о том, насколько широко и в каких случаях распространялась данная традиция, по-прежнему открыт, и ответы могут быть получены лишь в ходе дальнейших полевых исследований.

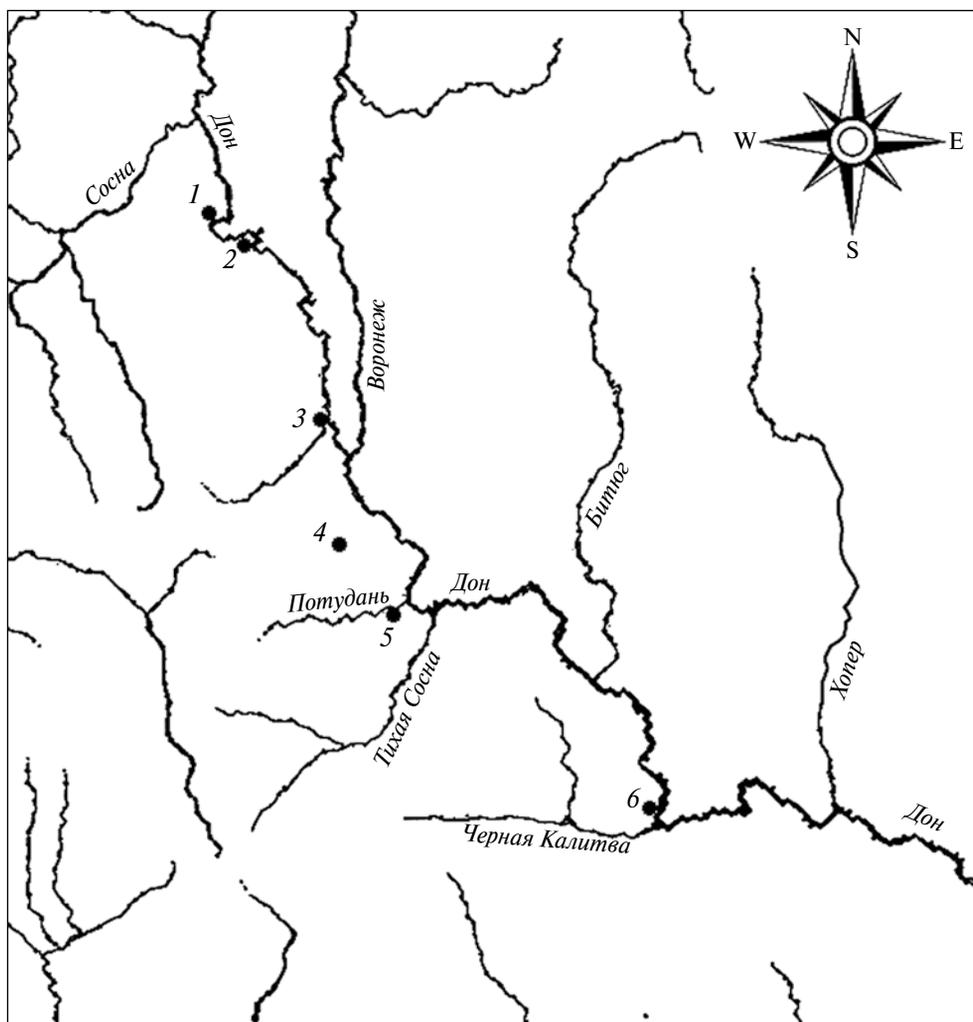
Ключевые слова: Средний Дон, бескурганные захоронения, погребения на поселениях, погребальные традиции, скифская эпоха.

Исследование памятников скифской эпохи на территории Среднего Дона имеет уже более чем вековую историю. Курганы, раскопанные А.А. Спицыным, Н.Е. Макаренко у с. Мастюгино и Воронежской Учетной Архивной Комиссией в урочище “Частые курганы”, открыли научному сообществу область распространения скифских древностей, сопоставимых с уже широко известными на тот момент погребениями скифов на территории Северного Причерноморья.

Именно подкурганные захоронения на протяжении долгого времени считались единственным вариантом погребальной практики среднедонского населения. П.Д. Либеров, руководитель Воронежской скифской лесостепной экспедиции ИА АН СССР, был уверен, что “...курганы были почти единственным местом погребения населения Подонья” (Либеров, 1971. С. 64), хотя следует отметить, что ранее уже были обнаружены несколько захоронений без какой-либо курганной насыпи. В 1927 г. Т.М. Олейниковым в обнажениях Семилукского городища были зафиксированы два погребения; в 1962 г. А.И. Пузикова исследовала

парное захоронение без курганной насыпи у хут. Терновушка. Однако П.Д. Либеров не придавал данным находкам серьезного значения, так как, по его мнению, в данном случае имело место полное разрушение курганных насыпей (Либеров, 1971. С. 64). Утверждения московского исследователя долгое время не подвергались сомнению, в первую очередь из-за того, что основные археологические работы проводились на курганных могильниках, исследования же поселений скифского времени на территории Среднего Дона не были столь масштабными.

Однако ситуация изменилась с интенсификацией работ воронежских археологов, чьи силы в 80-е годы прошлого столетия были направлены на изучение двух крупных поселений: Мостишенского и Семилукского городищ. Именно на этих памятниках исследователи столкнулись с фактом существования на территории поселений грунтовых погребений, датируемых скифской эпохой, что послужило основой для утверждения о существовании на территории Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. нескольких вариантов погребальной практики.

Грунтовые погребения скифского времени на Среднем Дону. Карта расположения памятников. Условные обозначения: 1 – Каменка, 2 – Ксизово, 3 – Семилуки, 4 – Бузенки, 5 – Мостище, 6 – Кулаковка.

Map of ground burials from the Scythian period, Middle Don region

С 1984 г. археологическая экспедиция Воронежского Государственного Педагогического Университета (на тот момент времени педагогического института) под руководством А.Т. Синюка приступила к широкому изучению площади Мостищенского городища (рисунок, 5). В 1986 г. в культурных напластованиях были обнаружены пять погребений “без какой-либо видимой системы в планиграфическом расположении” (Березуцкий, 1993. С. 72). В одном из погребений был обнаружен железный кинжал, позволивший датировать это захоронение концом V – началом IV вв. до н.э. (Синюк, Березуцкий, 2001. С. 150). Остальные захоронения были совершены без инвентаря, однако стратиграфия памятника позволила исследователям синхронизировать время совершения всех этих погребений и отнести их к скифской эпохе (Синюк, Березуцкий, 2001. С. 150). Все

захоронения совершены в неглубоких, прямоугольно-удлиненных ямах, углы которых сильно закруглены; никаких остатков внутримогильных конструкций исследователями зафиксировано не было. Все индивиды лежали в вытянутом положении, на спине, ориентировка – на З или Ю, с отклонениями (Березуцкий, 1993. С. 72; Синюк, Березуцкий, 2001. С. 150).

Мостищенские погребения были интерпретированы исследователями как захоронения, совершенные в короткий промежуток времени в результате неординарных событий. Однако при этом В.Д. Березуцкий отметил, что данные грунтовые погребения являются проявлением устойчивой традиции, и “положение и ориентация скелетов не производят впечатления случайных захоронений” (Березуцкий, 1993. С. 76). В итоге, проведя сравнительное исследование мостищенских погребений

с захоронениями Семилукского городища, а также с двумя бескурганными погребениями у с. Ольховатка, обнаруженным В.И. Погореловым в 1993 г. (материалы не опубликованы), в своей обобщающей работе по погребальным памятникам скифской эпохи Среднего Дона исследователь приходит к утверждению о существовании двух погребальных традиций: подкурганной и бескурганной. Первую он связал с элитарной культурой военно-аристократического слоя, вторую — с рядовым, земледельческо-скотоводческим населением (Березуцкий, 1995. С. 60).

Одновременно с раскопками Мостищенского комплекса археологическая экспедиция Воронежского университета под руководством А.Д. Пряхина начала работы на Семилукском городище (рисунок, 3). В результате исследований на территории памятника были обнаружены массовые захоронения в 14 погребальных комплексах (Пряхин, Разуваев, 1993а.; 1993б). Не так давно Ю.Д. Разуваеву удалось продолжить исследования городища, вследствие чего было открыто еще одно погребение в культурных напластованиях памятника (№ 15), по всем признакам схожее с найденными ранее (Разуваев, 2015б). Таким образом, на данный момент на территории Семилукского городища обнаружены 15 погребальных комплексов с коллективными захоронениями в ямах и котлованах построек, сооруженных, по мнению исследователей, одновременно и датированных IV—III вв. до н.э. (Пряхин, Разуваев, 2000. С. 249; Разуваев, 2015б. С. 157, 162).

Несмотря на то, что данные захоронения разнообразны и общие черты во всех погребениях, безусловно, просматриваются, наличие обряда, как будет сказано ниже, признается не всеми исследователями. Все захоронения совершены в хозяйственных сооружениях поселения (хозяйственные ямы, котлованы построек); почти все погребения коллективные (от трех до семи индивидов), одиночных захоронений всего три; ориентировка погребенных разнообразна, как и позы, в которых лежали похороненные, что было обусловлено, по всей видимости, лишь желанием вместить умерших в пространство погребального сооружения. Еще одной особенностью, объединяющей все захоронения на Семилукском городище, является возраст погребенных. Больше половины индивидов — дети, причем среди них практически нет младенцев, обычно составлявших основную долю в общем числе умерших естественной смертью. Взрослая часть погребенных включала в себя индивидов всех возрастов, однако значительная часть

этой выборки представлена людьми старших возрастов (Шепель, 2002; Добровольская, 2004).

Довольно трудным остается вопрос об инвентаре в данных погребениях. Так как они совершены в сооружениях хозяйственного назначения, то, как отмечают исследователи, не все предметы, найденные в захоронениях, “можно рассматривать в качестве погребального инвентаря” (Пряхин, Разуваев, 2000. С. 252). Достоверно связать с погребениями удалось только лишь те вещи, которые находятся в непосредственной близости от костяков, либо непосредственно на них. Однако с обнаружением погребения № 15, по мнению Ю.Д. Разуваева, ситуация изменилась, и теперь можно говорить о точной привязке к захороненным обнаруженных на дне могильной ямы сосудов со следами погребального кострища, что говорит о том, что погребения все-таки сопровождалось общим инвентарем, а также о том, что совершались обрядовые действия (Разуваев, 2015б. С. 163).

Столь неординарные захоронения, в целом несвойственные скифской эпохе, вызвали широкое обсуждение. А.Д. Пряхин и Ю.Д. Разуваев, авторы раскопок, высказали предположение, что захоронения на Семилукском городище стали следствием экстраординарных событий, возможно, эпидемии (Пряхин, Разуваев, 2000. С. 255). Подобная массовая гибель людей, по их мнению, и определила столь специфичный характер погребения. Несмотря на отсутствие привычных обрядовых признаков, таких как унифицированная ориентировка погребенных, определенные статичные позы, как полагают А.Д. Пряхин и Ю.Д. Разуваев, люди на городище были захоронены в рамках определенной погребальной практики, которая могла проявляться у народов, проживавших в пределах Скифии, лишь при неестественных обстоятельствах. (Пряхин, Разуваев, 2000. С. 253—256). Более того, обнаружение погр. № 15 позволило Ю.Д. Разуваеву еще раз проследить общие тенденции в захоронениях и описать погребальный обряд Семилукского городища (Разуваев, 2015а).

Иную точку зрения высказал А.П. Медведев, связав погребения на Семилукском городище со свидетельством завоевания и гибели Скифии на рубеже IV—III вв. до н.э. (Медведев, 1999. С. 145—149). Именно такая трактовка, по его мнению, позволяет интерпретировать особенности половозрастных характеристик погребенных индивидов: боеспособная часть мужчин погибла в сражении, а молодые женщины были захвачены нападавшими. Кроме того, как указывает исследователь, само положение погребенных, отсутствие унифицированной ориентировки и позы, случаи перекрытия

одного костяка другим создают “впечатление, что многие захоронения совершались явно в спешке и сводились к опусканию, а то и просто сбрасыванию покойников в котлованы жилищ и ям” (Медведев, 1999. С. 146). Еще одним серьезным доказательством военного разгрома Семилукского городища являются, как полагает А.П. Медведев, следы сгоревших деревянных укреплений. Причем стоит особо отметить, что недавние исследования оборонительных сооружений Семилукского городища обнаружили следы разрушительного пожара, уничтожившего укрепления (Разуваев, 2013б).

Таким образом, точка зрения А.П. Медведева сводится к тому, что погребения на Семилукском городище не следует относить к проявлению особых погребальных традиций, захоронения совершались спешно, без соблюдения обрядовых действий, либо с сокращением ритуальных предписаний. В целом позиция А.П. Медведева была поддержана многими учеными (Пузикова, 2000. С. 264; Пузикова, 2000. С. 266, 267; Гуляев, 2010. С. 322, 323; Клепиков, 2002. С. 135). Еще одним аргументом в пользу данной версии являются данные антропологических исследований, которые выявили следы проломов на нескольких детских черепах, ставших, по-видимому, причиной смерти (Добровольская, 2004. С. 78), однако таких свидетельств насильственной гибели немного.

Грунтовые погребения на Мостищенском и Семилукском городищах не долго оставались единственными обнаруженными свидетельствами существования разных погребальных практик в скифское время на Среднем Дону. В ходе тракторной распашки территории поселения Бузенки 2 (рисунок, 4) было случайно обнаружено бескурганное захоронение взрослого человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ (Золотарев, 2004. С. 140). Форма могильной ямы — прямоугольная, с сильно закругленными углами. В погребении был обнаружен древесный тлен, однако определенно утверждать наличие в погребении перекрытия достаточно трудно. В качестве инвентаря у погребенного были найдены фрагменты лепного сосуда, а также десять железных и три бронзовых наконечника стрел. Железные наконечники трехлопастные с длинной втулкой, они появляются в V в. до н.э., широко распространяются в IV—III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 25—29). Два из трех бронзовых наконечников являются трехлопастными (тип 5 и тип 8 по А.И. Мелюковой), один — трехгранный (тип 8 по А.И. Мелюковой). На основании датировок данных наконечников, П.М. Золотарев относит все погребение ко второй половине V — началу IV в. до н.э. (Золотарев, 2004.

С. 141), что не вызывает особенных сомнений. В целом данное погребение имеет явные сходства с погребениями на Мостищенском городище, где, правда, в большинстве погребений отсутствует инвентарь.

Подобного облика погребения впоследствии были обнаружены еще на двух поселениях. В 2001 г. на городище у с. Каменка (рисунок, 1) было найдено грунтовое погребение ребенка, который лежал вытянуто на правом боку, голова была ориентирована на ЮЗ (Бирюков, Разуваев, 2004). Форму ямы зафиксировать не удалось, однако погребение содержало инвентарь, состоящий из неорнаментированного лепного горшка с кольцевым поддоном и тщательно заглаженной поверхностью, доньшика лепного сосуда и развала верхней части миски. Керамика представляет собой типичную посуду для населения городищ Подонья скифской эпохи, однако точные временные рамки указать в данном случае достаточно сложно (Бирюков, Разуваев, 2004. С. 189).

Еще два схожих грунтовых погребения были обнаружены в 2004 г. на территории поселения Кулаковка-2 (рисунок, 6). Первое погребение являлось захоронением мужчины 40—45 лет, лежавшего вытянуто на спине, ориентированного головой на ВЮВ (Разуваев, 2012). Череп погребенного был развернут налево, правая рука располагалась кистью на тазе. Инвентарь отсутствовал. Второе погребение располагалось неподалеку, в нем был захоронен мужчина 35—40 лет, лежавший вытянуто на спине с ориентацией головы на ЮВ; череп был развернут направо, а руки располагались вдоль тела. Инвентарь погребения состоял из сильно корродированного железного наконечника стрелы и обломка железного ножа. Ю.Д. Разуваев датирует это погребение V — началом III в. до н.э. (Разуваев, 2012. С. 167). Следует признать, что эта датировка представляется сомнительной, так как сохранность единственного датирующего предмета, наконечника стрелы, довольно плохая, причем временные границы бытования подобных стрел действительно широки, и точная дата в данном случае вряд ли возможна.

Оба погребения исследователь относит к скифской эпохе в силу сходства “обрядовых характеристик погребений”, однако данное утверждение может оспариваться, так как сопровождающего инвентаря при первом погребенном не оказалось. Следует отметить, что на территории поселения Кулаковка-2 нет полноценного культурного слоя скифской эпохи, по-видимому, на этом месте существовали лишь кратковременные стоянки скифского времени (Разуваев, 2012. С. 165).

К тому же разная ориентировка индивидов и несколько различные позы не дают надежных оснований для того, чтобы говорить о синхронности данных захоронений. И если погр. № 2 в целом можно отнести к скифской эпохе, то к подобной датировке погр. № 1 следует относиться с большой осторожностью.

Впрочем, погребения на поселениях Бузенки 2, у с. Каменка и Кулаковка-2 являются единичными, систематических захоронений не было обнаружено до исследования комплекса памятников у с. Ксизово. Поселенческие материалы скифской эпохи были получены на городище и поселении 17 данного комплекса, а на территории поселения-могильника Ксизово-19 и поселении Ксизово-16 были обнаружены грунтовые погребения, датированные также скифским временем.

На территории памятника Ксизово-16 (рисунок, 2) из одиннадцати захоронений исследователи соотносят со скифской эпохой три погребения (Козмирчук, Моисеев, Разуваев, 2011. С. 198). Погр. 6 содержало останки мужчины 25–30 лет, лежавшего вытянуто на спине и ориентированного головой на СЗ. Форму могильного сооружения точно проследить не удалось, инвентарь состоял из одной костяной проколки. Датировка основана на данных стратиграфии: погребение было нарушено ямой, относящейся по материалам ко второй четверти I тыс. н.э. (Козмирчук, Моисеев, Разуваев, 2011. С. 199). Однако датировка скифской эпохой данного погребения не вполне ясна, так как костяные проколки существовали и задолго до скифского времени.

Погр. 8 было совершено в яме овальной формы, где был обнаружен скелет женщины 20–25 лет, лежавший на спине, головой на ЮВ. Инвентарь включал в себя серьгу из бронзовой проволоки, две бочковидные бронзовые бусины и пять плоских бусин-бисеринок из стекловидной пасты. Бронзовая серьга схожа с первым вариантом типа 27 классификации скифских ушных украшений В.Г. Петренко, что позволило исследователям датировать захоронение IV–III вв. до н.э. (Козмирчук, Моисеев, Разуваев, 2011. С. 199).

Погр. 11 являлось сильно разрушенным парным захоронением двух женщин в подпрямоугольной яме. Скелет женщины 20–25 лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Второй скелет был сильно потревожен, однако исследователи предположили, что, скорее всего, эта женщина 25–30 лет тоже лежала вытянуто на спине, но головой была ориентирована в противоположную сторону — на СЗ. Находки в погребении представлены сильно коррозированным железным предметом и двумя

бронзовыми браслетами (найденными около левой стопы скелета). Помимо этого, два обломка схожих браслетов были обнаружены в верхних напластованиях над юго-восточной частью погребения, вследствие чего исследователи предположили, что эти обломки происходили из этого погребения (Козмирчук, Моисеев, Разуваев, 2011. С. 200). Бронзовые ножные браслеты сходны с 5 типом ножных браслетов, выделенным В.Г. Петренко, и датируются V–IV вв. до н.э. (Петренко, 1978. С. 58).

В 2008–2010 гг. на территории Ксизово-19 (рисунок, 2) были обнаружены еще десять погребений, которые исследователи датировали скифской эпохой (Обломский, Разуваев, 2013). Погр. 14 представляло собой останки мужчины 45–50 лет в подпрямоугольной яме. Поза погребенного определялась по некоторым костям, находившимся *in situ*: умерший лежал вытянуто на спине, головой на ССЗ. Инвентарь состоял из бронзовой ворворки, железного и костяного наконечников стрел, а также черешка еще одной костяной стрелы. Единственной вещью, позволяющей отнести погребение к скифской эпохе, является железный наконечник стрелы, датирующийся достаточно широко V–IV вв. до н.э. (Савченко, 2000. С. 203). К тому же исследователями было отмечено, что эти предметы могут оказаться переотложенными: в насыпке могилы были обнаружены фрагмент сосуда эпохи бронзы и фрагмент каменного проушного топора, что позволяет сомневаться в предложенной интерпретации данного погребения как относящегося к скифскому времени (Обломский, Разуваев, 2013. С. 185).

Погр. 21 совершено в яме неправильно-прямоугольной формы на дне которой находился скелет женщины 30–35 лет в положении вытянуто на спине, головой на ВЮВ. Из инвентаря была обнаружена бронзовая булава со спиралевидной головкой (Обломский, Разуваев, 2013. С. 185). Погр. 26 также представляло собой яму неправильно-прямоугольной формы, на дне которой лежали разрозненные кости женщины 25–35 лет. Исследователи предположили, что погребенная была ориентирована головой на ЮВ. Инвентарь был представлен глиняным орнаментированным пряслищем усеченно-конической формы (Обломский, Разуваев, 2013. С. 185). Контуры погр. 28 исследователям проследить не удалось, так как захоронение было потревожено. В нем оказались останки женщины, ориентированной, предположительно, головой на ВЮВ, а также глиняное пряслище-грузик биконической формы и точильный камень (Обломский, Разуваев, 2013. С. 188).

Необходимо отметить, что упомянутые выше три погребения имеют весьма условную датировку скифской эпохой, которая может быть подвергнута сомнению. Бронзовые булавки со спиралевидной головкой были распространены на территории Восточной Европы с эпохи бронзы, как отмечают сами исследователи (Обломский, Разуваев, 2013. С. 193). И в отсутствие других вещей, как представляется, данные булавки точной датировки дать не могут. Пряслица и точильный камень также не являются достоверно датирующим материалом, так как данные предметы использовались и в другие эпохи.

Погр. 34 представляло собой прямоугольную яму с сильно скругленными углами, в которой вытянуто на спине располагался скелет женщины 25–30 лет, ориентированный головой на ВЮВ. В районе черепа находились две серьги из бронзовой проволоки (аналогичные найденным в погр. 8 могильника Ксизово-16) и бусина из свернутой бронзовой пластинки; на правом плече была обнаружена бронзовая булавка со спиралевидной головкой (Обломский, Разуваев, 2013. С. 188). Стоит отметить, что бусы из свернутых бронзовых пластинок Е.М. Алексеева относит, в основном, к началу нашей эры, отмечая лишь одну находку в комплексе второй пол. VI – первой пол. V в. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 23). Однако в могильнике Ксизово подобные украшения встречены дважды (Ксизово-16 погр. 8 и данное захоронение могильника Ксизово-19), причем в обоих случаях с серьгами из бронзовой проволоки, что позволяет их отнести к IV–III вв. до н.э.

Погр. 41 обнаружено в подпрямоугольной могиле, на дне которой лежал головой на СЗ сильно разрушенный скелет мужчины 17–19 лет. Данное погребение частично было прорезано более поздней хозяйственной ямой, на границе этой ямы были обнаружены железный втульчатый двулопастный наконечник стрелы с ромбическим пером и обломок втулки еще одной (Обломский, Разуваев, 2013. С. 188). Подобные наконечники, как уже указывалось выше, бытовали на протяжении V–IV вв. до н.э. (Савченко, 2004. С. 203).

Погр. 44 представляет собой захоронение мужчины 29–34 лет, скелет располагался вытянуто на спине, головой ориентирован на ССЗ. Из инвентаря, относящегося к погребенному, исследователи обнаружили фрагмент венчика лепного сосуда скифской эпохи (Обломский, Разуваев, 2013. С. 190). Погр. 56 совершено в прямоугольной со скругленными углами яме, на дне которой лежал скелет женщины 30–35 лет. Предположительно, погребенная лежала вытянуто на спине, головой

на ВСВ. Из инвентаря зафиксирована бронзовая булавка со спиралевидной головкой (Обломский, Разуваев, 2013. С. 190). Как и в случае с погр. 21, сама по себе подобная булавка не может считаться надежным датирующим материалом. Однако тот факт, что в погр. 34 подобную булавку нашли с материалом, датированным IV–III вв. до н.э., а также находки двух сходных булавок на территории Пекшевского городища в слоях скифского времени (Медведев, 1999. С. 77. Рис. 36, 1, 2), говорят о том, что подобный тип украшений действительно существовал в скифскую эпоху на территории Подонья. Хотя стоит отметить, что данные бронзовые булавки никогда не были встречены южнее, на основной территории Среднего Дона, ни в погребениях, ни в слоях городищ. По всей вероятности, бронзовые булавки со спиралевидной головкой являлись украшениями людей, тяготевших в культурном отношении к территориям Верхнего Дона.

Погр. 65 также было совершено в прямоугольной со скругленными углами яме. В могиле располагались нарушенные останки мужчины 35–45 лет, некоторые кости лежали в анатомическом порядке, что позволило установить ориентировку погребенного головой на СЗ. Инвентарь в погребении отсутствовал, однако нарушение захоронения ямой более позднего времени позволило А.М. Обломскому и Ю.Д. Разуваеву отнести его к скифскому времени (Обломский, Разуваев, 2013. С. 190). Это, однако, не является существенным доказательством датировки захоронения скифской эпохой, можно отнести его и к эпохе бронзы.

Контуры могильного сооружения погр. 76 установить не удалось. Обнаруженный скелет ребенка 9–10 лет вполне явно лежал головой на ЗСЗ, хотя поза из-за разрушений останков также не устанавливалась. Из инвентаря погребенный имел две бусины в форме параллелепипеда из глухого черного стекла (Обломский, Разуваев, 2013. С. 192). Подобные бусы были найдены на Семилукском и Моштищенском городищах (Пряхин, Разуваев, 1995. С. 64. Рис. 14, 13–15; Синюк, Березуцкий, 2001. С. 147. Рис. 103, б), а также в одном из Мастюгинских курганов (Пузикова, 2001. С. 58. Рис. 25, 1), что позволяет точно отнести данное погребение к скифской эпохе.

Данные погребения позволили Ю.Д. Разуваеву и коллегам высказать убеждение, что у с. Ксизово “выявлен, по существу, первый в лесостепном Подонье грунтовый могильник скифской эпохи” (Обломский, Разуваев, 2013. С. 193). Могильник длительного накопления действительно серьезно подкрепляет утверждения воронежских исследователей о том, что в скифскую эпоху на территории

Среднего Дона сосуществуют разные погребальные традиции, демонстрирующие этнокультурные различия населения городищ и военно-аристократической верхушки. Необходимо отметить, что утверждения об окончательном установлении факта существования в Подонье и курганного, и бескурганного обряда погребения в среде исследователей звучат давно (Березуцкий, 1993. С. 72; Березуцкий, 1995. С. 55; Пряхин, Разуваев, 2000. С. 256; Золотарев, 2004. С. 141; Разуваев, 2012. С. 169). Однако не все исследователи высказывались схожим образом.

Так, А.А. Шевченко, проанализировав все известные на тот момент времени грунтовые погребения скифской эпохи на Среднем Дону, отметил, что их обнаружено слишком мало для того, чтобы точно утверждать существование особой погребальной традиции (Шевченко, 2013). При этом А.А. Шевченко не включает в данную выборку Семилукские погребения из-за спорности их интерпретации. По его мнению, на настоящий момент исследователи имеют дело лишь с отдельными захоронениями, совершенными в результате каких-то неординарных событий, вследствие которых был сознательно проведен “сокращенный” обряд погребения (Шевченко, 2013. С. 253). Действительно, А.Д. Пряхин и В.Д. Березуцкий отмечали, что погребения на Мостищенском городище не являются могильником длительного накопления, так как территория поселения исследована почти полностью, а погребений выявлено всего 5. Погребения на поселениях Кулаковка-2, Бузенки 2, у с. Каменка выявлены случайно, вполне возможно, что при дальнейших исследованиях на этих памятниках обнаружатся схожие погребальные комплексы, но на сегодняшний день данные погребения также представляются следствием неординарных событий. Как указывает А.А. Шевченко, только обнаружение полноценного грунтового могильника длительного накопления, как, например, черняховские могильники, позволит правомерно утверждать существование традиции погребения без курганной насыпи на территории Среднего Подонья в скифскую эпоху (Шевченко, 2013. С. 252, 253).

Грунтовым могильником длительного накопления, как было сказано выше, некоторые исследователи называют комплекс погребений у с. Ксизово (Козмирчук, Моисеев, Разуваев, 2011. С. 202; Обломский, Разуваев, 2013. С. 193). Действительно, погребения скифского времени Ксизово-16 и Ксизово-19 обладают признаками могильника длительного накопления: представленная в захоронениях выборка половозрастного состава

населения соответствует естественным характеристикам популяции; погребения обладают унифицированной похоронной обрядностью, различия в ориентировках головы погребенных (СЗ/ЮВ), по мнению А.М. Обломского и Ю.Д. Разуваева можно связывать с различиями в сезонах захоронения (Обломский, Разуваев, 2013. С. 192); погребальные комплексы распределены по широкой площади, объединяясь топографически в небольшие группы.

Однако, несмотря на все приведенные выше аргументы, обнаруживается количественное несоответствие погребальных комплексов статусу могильника длительного накопления. Из опубликованных материалов на данный момент погребальный комплекс Ксизово-16 и Ксизово-19 насчитывает всего 13 захоронений. Конечно, стоит отметить, что исследователи предполагают наличие в могильнике большего количества погребений, поскольку структура памятника крайне сложна и существует большое число недатированных захоронений, которые вполне могут относиться к скифской эпохе (Обломский, Разуваев, 2013. С. 192). Но даже среди тех погребальных комплексов Ксизово, которые исследователи в публикациях отнесли к скифскому времени, датировка некоторых может считаться дискуссионной, как уже говорилось выше (погр. 6 Ксизово-16, погр. 65, 26, 28 Ксизово-19). Говоря об общей датировке комплекса, исследователи указывают широкий интервал V–III вв. до н.э., что было обусловлено, во-первых, полученной радиоуглеродной датой, во-вторых, долгим бытованием некоторых предметов (Обломский, Разуваев, 2013. С. 193). Таким образом, если принять данные датировки, то получается, что соседствующее с могильником городище практически пустовало, что заставляет сомневаться в интерпретации захоронений комплекса Ксизово как могильника длительного накопления.

Если же обратиться к остальным сходным бескурганам захоронениям (Мостище, Бузенки, Кулаковка, Каменка), то все они представляют собой не полноценные могильники, а лишь захоронения, совершенные в экстремальных, аномальных ситуациях, что также отмечают и другие исследователи (Синюк, Березуцкий, 2001. С. 151). Точно так же, по всей видимости, следует интерпретировать и погребения на Семилукском городище, хотя по всем обрядовым признакам они сильно отличаются от указанных выше захоронений. На поселениях и городищах люди любых этносов и культур при нормальных условиях никогда не хоронили своих соплеменников, и все

Грунтовые погребения скифского времени на Среднем Дону

Ground burials from the Scythian period, Middle Don region

Памятник/№ погребения	Размеры погребального сооружения, м	Форма погребального сооружения	Ориентировка погребального сооружения	Ориентировка погребенного	Погребенный	Инвентарь			
						вооружение	керамика	украшения	хоз. предметы
Мостище / 1	2.0×0.8	Прямоугольная со скругленными углами	З–В	З	Подросток	–	–	–	–
Мостище / 2	2.0×0.8	Прямоугольная со скругленными углами	ССВ–ЮЮЗ	ЮЮЗ	Взрослый	–	–	–	–
Мостище / 3	1.3×0.8	Овальная	З–В	З	Ребенок	–	–	–	–
Мостище / 4	2.05×0.95	Прямоугольная со скругленными углами	СВ–ЮЗ	ЮЗ	Взрослый	+	–	–	–
Мостище / 5	–	–	–	ЮЗ	Взрослый	–	–	–	–
Каменка / 1	–	–	–	ЮЗ	Ребенок	–	+	–	–
Бузенки / 1	2.5 – 2.7×1.1	Прямоугольная со скругленными углами	СВ–ЮЗ	ЮЮЗ	Взрослый	+	+	–	–
Кулаковка / 1	–	–	–	ВЮВ	Мужчина (40–45 лет)	–	–	–	–
Кулаковка / 2	–	–	–	ЮВ	Мужчина (35–40 лет)	+	–	–	–
Ксизово-16/6	–	–	–	СЗ	Мужчина (25–30 лет)	–	–	–	+
Ксизово-16/8	1.0×1.8	Овальная	СЗ–ЮВ	ЮВ	Женщина (20–25 лет)	–	–	+	–
Ксизово-16/11	2.4×0.9 – 1.1	Подпрямоугольная со скругленными углами	СЗ–ЮВ	ЮВ	Женщина (20–25 лет)	–	–	+	–
Ксизово-19/14	2.9 – 3.1× ×1.1– 1.6	Подпрямоугольная	СЗ–ЮВ	ССЗ	Мужчина (45–50 лет)	+	–	–	+
Ксизово-19/21	1.9×1	Неправильно-прямоугольная	СЗ–ЮВ	ВЮВ	Женщина (30–35 лет)	–	–	+	–
Ксизово-19 / 26	1.9–2× × 0.8–1.05	Неправильно-прямоугольная	СЗ–ЮВ	ЮВ	Женщина (25–35 лет)	–	–	–	+

Таблица (окончание)

Памятник/№ погребения	Размеры погребального сооружения, м	Форма погребального сооружения	Ориентировка погребального сооружения	Ориентировка погребенного	Погребенный	Инвентарь			
						вооружение	керамика	украшения	хоз. предметы
Ксизово-19 / 28	–	–	–	ВЮВ	Женщина	–	–	–	+
Ксизово-19 / 34	2.7× ×1.1 – 1.46	Прямоугольная со скругленными углами	СЗ–ЮВ	ВЮВ	Женщина (25–30 лет)	–	–	+	–
Ксизово-19 / 41	1×0.6	Подпрямоугольная	СЗ–ЮВ	СЗ	Мужчина (17–19 лет)	+	–	–	–
Ксизово-19 / 44	–	–	–	ССЗ	Мужчина (29–34 года)	–	+	–	–
Ксизово-19 / 56	2.6×1	Прямоугольная со скругленными углами	СВ–ЮЗ	ВСВ	Женщина (30–35 лет)	–	–	+	–
Ксизово-19 / 65	2.3× × 0.48 – 1.3	Прямоугольная со скругленными углами	СЗ–ЮВ	СЗ	Мужчина (35–45)	–	–	–	–
Ксизово-19 / 76	–	–	–	ЗСЗ	Ребенок (9–10 лет)	–	–	+	–

встреченные случаи связаны как раз с “неординарными” ситуациями.

И все же, все вышесказанное не отменяет факта существования на территории Среднего Дона в скифскую эпоху наряду с традицией подкурганых захоронений и бескурганного варианта погребений. На данный момент грунтовых погребальных комплексов в Подонье насчитывается 22 (Таблица). В данную выборку, соответственно, были включены 5 захоронений на Мостищенском городище, 2 погребения на поселении Кулаковка-2, одно – на территории памятника Бузенки-2, еще одно у с. Каменка, а также 13 захоронений комплекса Ксизово (с оговоркой, что датировка некоторых из них, как было сказано выше, дискуссионна). Как видно из таблицы, все эти могилы устроены в соответствии, вероятно, с единой погребальной традицией: там, где это удалось установить, в большинстве случаев неглубокая яма подпрямоугольной формы со скругленными углами включала останки умершего в вытянутом

положении на спине; ориентировка погребального сооружения, безусловно, довольно разнообразна, но в целом подчиняется общей линии – либо СЗ–ЮВ, либо СВ–ЮЗ; инвентарь присутствует лишь в части погребений, что, вероятно, отражало статус погребенных.

В данную выборку не включаются погребения на Семилукском городище ввиду их серьезных отличий в обрядовом отношении. Однако если опустить трактовки характера захоронений, останется тот факт, что большое количество людей, погибших одновременно, было погребено именно в грунтовых могилах. Причем погребенные, как показывают антропологические исследования, имели отличный от захороненных под курганами людей физический облик и вели иной образ жизни, что позволяет предполагать наличие иных культурных традиций, включая и погребальный обряд (Козловская, 2000; Добровольская, 2004). Этнокультурные отличия от погребенных под курганами доказывает и тот факт, что вещи,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

встреченные в погребениях двух могильников Ксизово, порой не имеют аналогов на большей части территории Среднего Подонья, в особенности среди вещей, найденных в курганах.

Это вполне закономерно, если попытаться разобраться в этнокультурной ситуации на Среднем Дону в V–IV вв. до н.э. Примерно на рубеже VI–V, а скорее всего, в первой четверти V в. до н.э. на территории Подонья появляются курганные группы кочевников, представителей скифской культуры. Безусловно, данная территория на тот момент не пустовала, хотя памятников предскифского времени обнаружено не так много. Однако вполне возможно, что у местного населения, в отличие от пришлых кочевников, существовал как раз обряд захоронения в грунтовых могильниках, проявления которого в качестве погребений в “неординарных” ситуациях мы и наблюдаем на данный момент на поселениях Среднего Дона. Во всяком случае, сам факт существования значительного количества бескурганных погребений, сходных по многим признакам, уже показывает, что с подобной формой погребения люди местного, “нескифского” происхождения, были хорошо знакомы, и данная традиция не является “сокращенным погребальным обрядом”.

Вполне возможно, что даже пришлые кочевники погребали далеко не всех своих соплеменников под курганами, где в основном захоронены представители аристократического и воинского сословия (Березуцкий, 1995. С. 63), а вот значительная часть естественной выборки (женщины и дети) присутствует в малых долях. Можно предположить, что для таких групп населения существовал иной обряд захоронения, например, грунтовые погребения.

В факте существования обряда погребения в грунтовых могилах в скифскую эпоху также убеждают памятники других регионов скифского мира, в частности Днепровского правобережья, отдельные памятники Днепровского левобережья, на что неоднократно указывал Ю.Д. Разуваев (Разуваев, 2013а. С. 243, 244; Разуваев, 2014).

Таким образом, несмотря на дискуссионность вопроса, насколько широко и в каких случаях был распространен грунтовый обряд захоронения, бескурганные погребения нельзя исключать из погребальных традиций на Среднем Дону в скифскую эпоху. Разрешению спорных же моментов может способствовать только обнаружение новых памятников и их тщательное осмысление.

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (САИ; вып. Г1–12). 105 с.
- Березуцкий В.Д.* Грунтовые погребения Мастищенского городища // Археология Доно-Волжского бассейна: межвуз. сб. науч. работ. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1993. С. 71–79.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени Лесостепного Дона (к реконструкции социальных отношений). Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1995. 73 с.
- Бирюков И.Е., Разуваев Ю.Д.* Городище скифского времени у с. Каменка на Верхнем Дону // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж: ВГПУ, 2004. С. 181–191.
- Гуляев В.И.* На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. 344 с.
- Добровольская М.В.* К антропологии населения Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М.: ИА РАН, 2004. С. 69–107.
- Золотарев П.М.* Новые материалы скифо-сарматского времени в районе с. Мастюгино // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М.: ИА РАН, 2004. С. 127–151.
- Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: Изд-во ВГУ, 2002. 216 с.
- Козловская М.В.* Об образе жизни среднедонского населения скифского времени // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 45–51.
- Козмирчук И.А., Моисеев А.В., Разуваев Ю.Д.* Погребения скифского времени на верхнедонском поселении-могильнике Ксизово-16 // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж: Научная книга, 2011 (Вестник Острогского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского; вып. 1). С. 196–204.
- Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья: дис... д-ра ист. наук. Ч. II // НА ИА РАН. 1971. Р-2. № 2088, 2089.
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (САИ; вып. Д1–4). 113 с.
- Обломский А.М., Разуваев Ю.Д.* Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 183–195.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М.: Наука, 1978 (САИ; вып. Д4–5). 144 с.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья: сб. науч.

- тр. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993а. С. 74–94.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987–1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл., 1993б. С. 13–30.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 249–258.
- Пузикова А.И.* Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 258–268.
- Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик, 2001. 272 с.
- Разуваев Ю.Д.* Грунтовые погребения скифского времени у с. Кулаковка на Среднем Дону // Восточноевропейские древности. Воронеж: Научная книга, 2012 (Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского; вып. 2). С. 165–170.
- Разуваев Ю.Д.* Погребальная практика оседлого населения лесостепного Подонья в скифскую эпоху: историографический аспект проблемы // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 15. Воронеж: ВГПУ, 2013а. С. 239–245.
- Разуваев Ю.Д.* Результаты исследований оборонительных сооружений Семилукского городища в 2012 г. // Восточноевропейские древности. Воронеж: Научная книга, 2013б (Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского; вып. 3). С. 196–212.
- Разуваев Ю.Д.* Грунтовые могильники скифского времени в днепро-донской лесостепи: историографический обзор исследований // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика, информатика. 2014. № 21 (192), вып. 32. С. 81–86.
- Разуваев Ю.Д.* Могильник на Семилукском городище скифского времени в свете новых исследований // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия: История, политология, социология. 2015а. № 2. С. 98–107.
- Разуваев Ю.Д.* Новый погребальный комплекс скифского времени на Семилукском городище // КСИА. 2015б. Вып. 237. С. 157–166.
- Савченко Е.И.* Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М.: ИА РАН, 2004. С. 151–277.
- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (Эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж: ВГПУ, 2001. 192 с.
- Шевченко А.А.* Проблема соотношения подкурганных захоронений и населения городищ в скифское время на Среднем Дону (общая характеристика) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 15. Воронеж: ВГПУ, 2013. С. 247–255.
- Шепель Е.А.* Население Семилукского городища скифского времени (по антропологическим материалам) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 9. Воронеж: ВГПУ, 2002. С. 159–172.

MIDDLE DON BURIAL TRADITIONS IN THE SCYTHIAN PERIOD: ON THE INTERPRETATION OF FLAT GRAVES

Semyon A. Volodin

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (volodinsaimon@gmail.com)

The first discovery of Scythian flat graves in the course of excavations at Semiluki and Mostishche fortified settlements in the 1980s gave rise to a discussion in the scientific community as to the interpretation of such burials. One opinion is that in the Scythian period barrow burials for the nobility in the Don region will have existed synchronously with flat graves for the ordinary local population. The other opinion argues that flat graves are an “abridged” version of the funeral ritual and will have been used in settlements in extraordinary circumstances only. In the last 25 years flat graves have also been discovered at Buzenki-2, near Kamenka, Kulakovka-2, and on the territory of the Ksizovo complex (Ksizovo-16, Ksizovo-19). What we can say at present is that the tradition of flat graves indeed existed in the Middle Don region in the Scythian period, but the circumstances and scope of its use can only be determined in the course of further field studies.

Keywords: Middle Don, flat graves, burials in settlements, burial traditions, Scythian period.

REFERENCES

- Alekseeva E.M.*, 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of the North Pontic Area]. Moscow: Nauka. 105 p. (SAI, G1–12).
- Berezutskiy V.D.*, 1993. Ground burials at Mostishche fortified settlement. *Arkheologiya Dono-Volzhskego basseyna: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh rabot [Archaeology of the Don-Volga basin: interuniversity collection of scientific works]*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezh. gos. pedagog. inst., pp. 71–79. (In Russ.)
- Berezutskiy V.D.*, 1995. Kurgany skifskogo vremeni Lesostepnogo Dona (k rekonstruktsii sotsial'nykh odnosheniy) [Burials from the Scythian period in the forest-steppe Don region (towards a reconstruction of the social relations)]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezh. gos. pedagog. univ. 73 p.
- Biryukov I.E., Razuvaev Yu.D.*, 2004. Fortified settlement from the Scythian period near Kamenka village on the Upper Don. *Arkheologicheskie pamyatniki basseyna Dona [Archaeological sites in the Don basin]*. Voronezh: Voronezh. gos. pedagog. univ., pp. 181–191. (In Russ.)
- Dobrovol'skaya M.V.*, 2004. On the anthropology of the Middle Don population in the Scythian period. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy (b. Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period: proceedings of the Don (formerly Potudan') archaeological expedition of the IARAS, 2001–2003]*. Moscow: IA RAN, pp. 69–107. (In Russ.)
- Gulyaev V.I.*, 2010. Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov) [On the eastern frontiers of Scythia (antiquities of the Don Scythians)]. Moscow: IA RAN. 344 p.
- Klepikov V.M.*, 2002. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e. [Sarmatians of the Lower Volga region in the 4th – 3d cc. BC.]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgograd. gos. univ. 216 p.
- Kozlovskaya M.V.*, 2000. On the lifestyle of the Middle Don populations in the Scythian period. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya [Scythians and Sarmatians in the 7th – 3d cc. BC: paleoecology, anthropology and archaeology]*. Moscow: IA RAN, pp. 45–51. (In Russ.)
- Kozmirchuk I.A., Moiseev A.V., Razuvaev Yu.D.*, 2011. Burials from the Scythian period on the Upper Don settlement and cemetery Ksizovo-16. *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epokhi [East European antiquities of the Scythian period]*. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 196–204. (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya imeni I.N. Kramskogo, 1). (In Russ.)
- Liberov P.D.* Drevnyaya istoriya naseleniya Podon'ya: dissertatsiya... doktora istoricheskikh nauk. Chast' II [Ancient history of the Don population: Doctor of Historical Sciences dissertation]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences]*, 1971, P-2, № 2088, 2089 (Unpublished).
- Medvedev A.P.*, 1999. Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.e. [Early Iron Age of the forest-steppe Don region. Archaeology and ethnocultural history of the 1st millennium BC]. Moscow: Nauka. 160 p.
- Melyukova A.I.*, 1964. Vooruzhenie skifov [Scythian weaponry]. Moscow: Nauka. 113 p. (SAI, D1–4).
- Oblomskiy A.M., Razuvaev Yu.D.*, 2013. Ground burials from the Scythian period on the Middle Don. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]*, 231, pp. 183–195. (In Russ.)
- Petrenko V.G.*, 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n.e. [Scythian adornments of the 7th – 3d cc. BC]. Moscow: Nauka. 144 p. (SAI, D4–5).
- Pryakhin A.D., Razuvaev Yu.D.*, 1993a. Burials at Semiluki fortified settlement, Late Scythian period (the 1986 excavations). *Arkheologicheskie pamyatniki rannego zheleznoye veka Oksko-Donskogo mezhdurech'ya: sbornik nauchnykh trudov [Early Iron Age archaeological sites in the Oka-Don interfluvial area: collection of scientific works]*. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 74–94. (In Russ.)
- Pryakhin A.D., Razuvaev Yu.D.*, 1993b. Burials at Semiluki fortified settlement, Late Scythian period (the 1987–1990 excavations). *Drevnie pamyatniki Okskogo basseyna [Ancient sites in the Oka basin]*. Ryazan': Nauchno-proizvodstvennyy tsentr po okhrane i ispol'zovaniyu pamyatnikov istorii i kul'tury Ryazanskoy oblasti, pp. 13–30. (In Russ.)
- Pryakhin A.D., Razuvaev Yu.D.*, 2000. On the interpretation of the burials at Semiluki fortified settlement of the Scythian period. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya [Scythians and Sarmatians in the 7th – 3d cc. BC: paleoecology, anthropology and archaeology]*. Moscow: IA RAN, pp. 249–258. (In Russ.)
- Puzikova A.I.*, 2000. Fortified settlements and barrow cemeteries in the Middle Don region: on the question of their ethnocultural unity. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya [Scythians and Sarmatians in the 7th – 3d cc. BC: paleoecology, anthropology and archaeology]*. Moscow: IA RAN, pp. 258–268. (In Russ.)
- Puzikova A.I.*, 2001. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kompleksov) [Barrow cemeteries of the Scythian period in the Middle Don region (Publication of the assemblages)]. Moscow: Indrik. 272 p.
- Razuvaev Yu.D.*, 2015a. The cemetery at Semiluki fortified settlement of the Scythian period in the light of new studies. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology]*, 2, pp. 98–107. (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D.*, 2015b. New burial complex of the Scythian period at Semiluki fortified settlement. *Kratkie*

- soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]*, 237, pp. 157–166. (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D., 2012. Ground burials of the Scythian period near Kulakovka village on the Middle Don. *Vostochnoevropeyskie drevnosti [East European antiquities]*. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 165–170. (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya imeni I.N. Kramskogo, 2). (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D., 2013a. Burial practices of the sedentary population of the forest-steppe Don region in the Scythian period: historiographic aspect. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*, 15. Voronezh: Voronezh. gos. pedagog. univ., pp. 239–245. (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D., 2013b. Results of study of the defensive structures at Semiluki fortified settlement in 2012. *Vostochnoevropeyskie drevnosti [Восточноевропейские древности]*. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 196–212. (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya imeni I.N. Kramskogo, 3). (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D., 2014. Ground burials of the Scythian period in the Dnieper-Don forest-steppe: a historiographic review of the studies. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, ekonomika, informatika [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information technologies]*, no. 21(192), iss. 32, pp. 81–86. (In Russ.)
- Savchenko E.I., 2004. Weapons and equipment of the Middle Don population in the Scythian period. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy (b. Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 [Archaeology of the Middle Don: proceedings of the Don (formerly Potudan') archaeological expedition of the IA RAS, 2001–2003]*. Moscow: IA RAN, pp. 127–151. (In Russ.)
- Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period: proceedings of the Don (formerly Potudan') archaeological expedition of the IA RAS, 2001–2003]. Moscow: IA RAN, pp. 151–277. (In Russ.)
- Shepel' E.A., 2002. The population of Semiluki fortified settlement of the Scythian period (based on anthropological materials). *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*, 9. Voronezh: Voronezh. gos. pedagog. univ., pp. 159–172. (In Russ.)
- Shevchenko A.A., 2013. The correlation between barrow burials and the population of fortified settlements on the Middle Don in the Scythian period (a general characteristic). *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*, 15. Voronezh: Voronezh. gos. pedagog. univ., pp. 247–255. (In Russ.)
- Sinyuk A.T., Berezutskiy V.D., 2001. Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (Epokha bronzy – ranniy zheleznyy vek) [The Mostishche complex of ancient sites (Bronze Age – early Iron Age)]. Voronezh: Voronezh. gos. pedagog. univ., 192 p.
- Zolotarev P.M., 2004. New materials of the Scythian-Sarmatian period from the environs of Mastugino village. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy (b. Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 [Archaeology of the Middle Don: proceedings of the Don (formerly Potudan') archaeological expedition of the IA RAS, 2001–2003]*. Moscow: IA RAN, pp. 127–151. (In Russ.)

КУРГАНЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У хут. ДУБОВОЙ НА СРЕДНЕМ ДОНУ (раскопки 2005 г.)

© 2018 г. В. Д. Березуцкий*, П. М. Золотарев**

*Воронежский государственный педагогический университет, Россия
(berezutski1@rambler.ru)

**Острогжский историко-художественный музей им. И.Н. Крамского, Воронежская обл., Россия
(zolotarev_pavel@mail.ru)

Поступила в редакция 06.06.2017 г.

В статье публикуются результаты исследования курганов № 9–12 курганного могильника у хут. Дубовой, расположенного в Острогжском р-оне Воронежской обл. (Донское правобережье), проведенного экспедицией “Возвращение к истокам” Воронежского государственного педагогического университета (ВГПУ) в 2005 г. Рассмотрен погребальный обряд, инвентарь из погребений, их хронологические рамки.

Ключевые слова: Средний Дон, скифское время, курганы, погребения, погребальный инвентарь.

Курганный могильник находится на слабо наклонном водораздельном плато между р. Дон и ее правым притоком р. Девица, в 1.5 км к северо-востоку от хут. Дубовой Острогжского р-она Воронежской обл. (рис. 1, 1). Курганы располагаются на одной линии с известными курганными могильниками: в 5–6 км к ССВ от памятника находились Мастюгинские курганы, в 16–17 км к ЮЗ – курганы у с. Терновое и Колбино, получившие известность в связи с широкомасштабными работами Потуданской (Донской) археологической экспедиции ИА РАН под руководством В.И. Гуляева. Впервые после работ Воронежской лесостепной скифской экспедиции (руководитель – П.Д. Либеров) 1950–1960-х годов курганы скифского времени были подвергнуты столь масштабным раскопкам, материалы которых легли в основу многочисленных научных публикаций (Гуляев, 2001; 2004а; б; 2009; Савченко, 2001; Шевченко, 2009 и др.)

Курганный могильник у хут. Дубовой был открыт в середине 1980-х годов П.М. Золотаревым. Судя по данным Л.М. Савелова, составившего карту археологических памятников Коротоякского уезда, в который входила и территория, занимаемая могильником, курганы у хут. Дубовой ему известны не были, хотя он и упоминает находившиеся поблизости небольшие курганные группы (1905. С. 6, 7).

Точное количество курганов в могильнике определить трудно, поскольку большинство

насыпей уничтожены распашкой, наличие многих из них определялось по осветленным пятнам на пашне. К началу планомерных раскопок могильника нами было учтено 32 кургана, действительно же не только их количество было большим, но и высоты значительно превышали современные, о чем свидетельствуют воспоминания старожилов из с. Урыв и наблюдения, сделанные во время первых посещений могильника П.М. Золотаревым.

Курганы располагаются скученными группами в цепочку, ориентированную по линии ЮВ–СЗ. Такая планировка и общая ориентировка цепочки характерны для большинства могильников скифского времени Среднего Дона.

Начало раскопкам памятника в 1989 г. положил А.П. Медведев, исследовавший самый большой курган № 1. У крестьян с. Мастюгино сохранились воспоминания о том, что его насыпь состояла из “обожженных кирпичей”. В ходе археологических раскопок были обнаружены остатки сожженного погребального сооружения с вертикально поставленными столбами и плетня с глиняной обмазкой, построенного на “специально возведенной насыпи” (Медведев, 1999. С. 99).

Раскопки курганов могильника проводились археологической экспедицией “Возвращение к истокам” ВГПУ при участии школьников из археологических объединений Воронежской обл. с 2000 по 2006 г. К настоящему времени исследовано

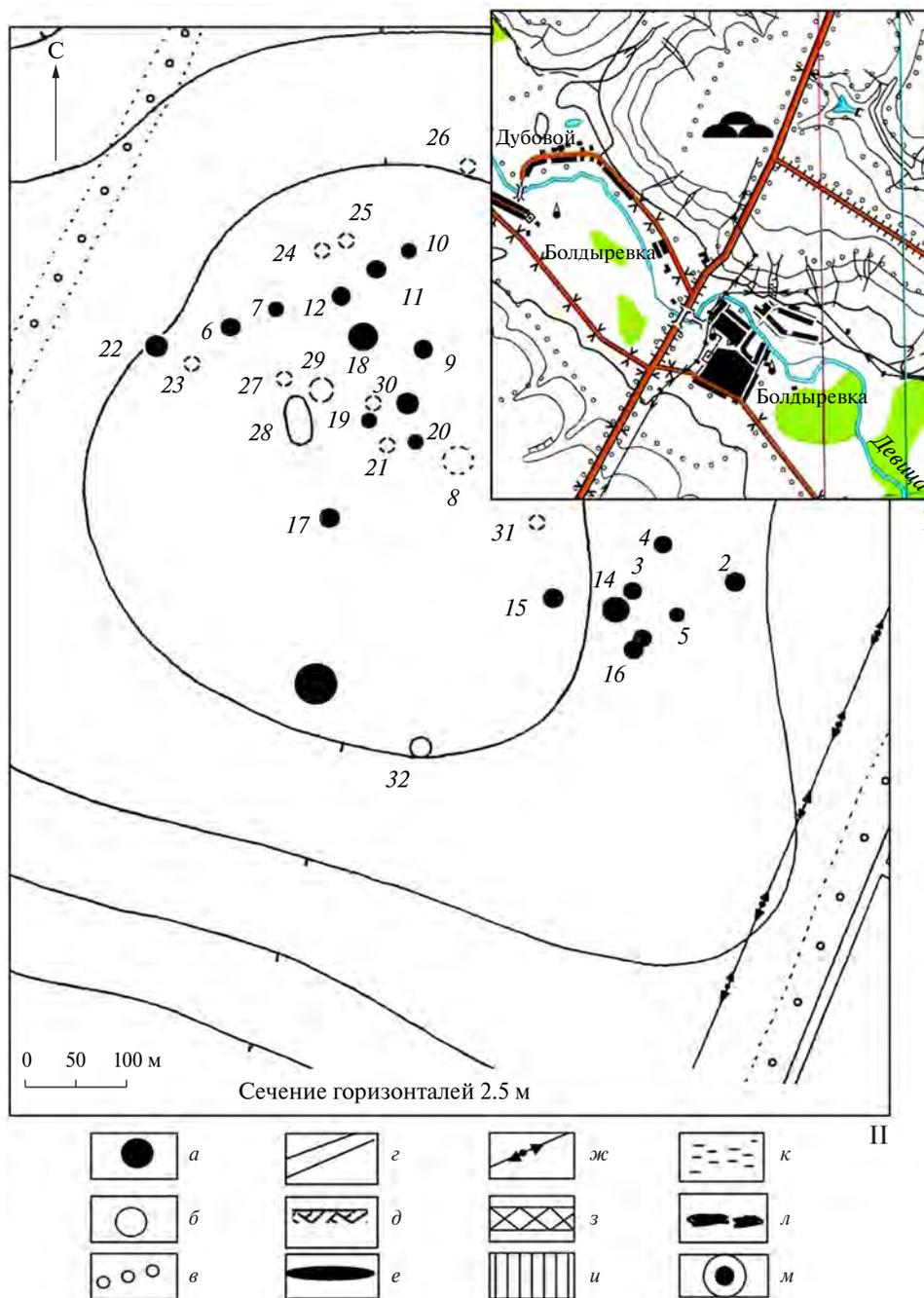

Рис. 1. Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой. *I* – расположение могильника на топографической карте; *II* – план могильника. Условные обозначения: *a* – исследованные курганы; *b* – неисследованные курганы; *v* – лесополоса; *г* – шоссе; *d* – материк; *e* – материковый выкид; *жс* – ЛЭП; *з* – пахотный слой, перекоп; *и* – погребенная почва; *к* – глина; *л* – дерево; *м* – сосуд.

Fig. 1. Barrows of the Scythian period near Dubovoy khutor.

20 курганов, за одним исключением, они принадлежат скифскому времени¹.

¹ Курган № 22 относится к срубной культуре эпохи бронзы. Полные материалы погребений могильника готовятся к изданию в виде монографической работы.

Курганы у хут. Дубовой, как и другие могильники скифского времени, подвергались двойному и тройному ограблению: вначале, по-видимому, самими устроителями погребений, затем – крестьянами в XIX – начале XX в., о чем имеются воспоминания

старожилов близлежащих сел. В наше время курганы подвергались ограблению “черными археологами”².

Ю.Г. Чендев провел палеопочвенные исследования на могильнике, в ходе которых были получены сведения о характере природной эволюции типичных черноземов в субатлантический период голоцена³. Специалисты из Воронежской сельскохозяйственной академии определили часть костных останков животных. Плохая сохранность антропологического материала в большинстве случаев не позволила определить пол и возраст умерших⁴.

Большая часть материалов раскопок получила освещение в печати (Березуцкий, Разуваев, 2004; Березуцкий, 2005; 2006; 2009). Цель данной статьи – ведение в научный оборот неопубликованных материалов курганов № 9–12, исследования которых проводились в 2005 г.

Раскопки осуществлялись вручную методом кольцевых перекидных траншей с оставлением двух взаимопересекающихся бровок. Поскольку стратиграфия наслоений однородна, здесь она приводится для всех рассматриваемых курганов: 0–0.4 м – пахотный слой; 0.4–0.75–0.85 м – погребенная почва (чернозем с мелкими включениями глины от действия мелких землероев); 0.75–0.85 м – материк (плотная желтая глина). Из-за сильной распашки насыпей плугом были уничтожены материковые выкиды большей части курганов могильника (из рассматриваемых – курганов № 10 и 11) или они сохранились фрагментарно (курганы № 9 и 12). Все курганы и их остатки представлены либо едва заметными полусферическими насыпями, либо округлой формы осветленными пятнами на пашне.

Курган № 9 находился в центральной части могильника на его восточной окраине (рис. 1, 2), едва выделяясь на пашне: диаметр видимой насыпи составлял примерно 12 м, высота – до 0.15 м (рис. 2, 1). Основное и единственное погребение располагалось почти по центру насыпи с незначительным смещением к югу⁵. Его окружал выкид в форме кольца,

внешний диаметр которого составлял до 10 м, ширина – до 5 м, толщина – до 0.1–0.12 м ввиду уничтожения распашкой его верхней части. Выкид вплотную подступал к погребению, частично провалившись в могилу вместе с деревянным перекрытием.

Перекрытие, судя по его сохранившимся фрагментам, представляло собой плахи, уложенные в два слоя, поперек и вдоль погребального сооружения. Исходя из размеров сохранившихся частей, можно составить представление об их ширине – до 0.4 м и толщине – до 0.1 м. Остатки дерева лежали на материковом выкиде, а оконечности плах – на расстоянии 2–2.5 м от края могилы.

Погребальное сооружение представляло собой каркасно-столбовую гробницу: яма размерами 2.75 × 3.8 м была углублена в материк на 1 м (1.8 – от уровня погребенной почвы), ориентирована длинной осью по линии 3–В (рис. 2, 2). Заполнение состояло из перемешанного чернозема, глины, дерева перекрытия, что свидетельствовало об ограблении кургана: грабители сразу попали в гробницу и ограбили ее дочиста. По периметру ямы была устроена относительно широкая (0.2–0.25 м) и глубокая (0.2–0.25 м) канавка, заполненная черноземом и суглинком.

В канавке, по периметру, углам и в центре стен, размещалось восемь столбовых ямок цилиндрической формы диаметром 0.25–0.3 м и глубиной в материке 0.15–0.6 м. Заполнение семи ямок составлял чернозем, перемешанный с глиной. Исключением стала угловая юго-восточная ямка глубиной 0.15 м, в которую был поставлен круглый столб с заостренным окончанием, равный диаметру ямки. Столб сохранился на высоту 0.4 м. Это второй случай в могильнике, когда в столбовую ямку устанавливался затесанный столб, упирившийся заостренным окончанием в пол ямки. В кургане № 13 заостренный столб диаметром 5–7 см находился в ямке диаметром 0.3 м и глубиной 0.45 м. Столб держался, по-видимому, благодаря забутовке ямки грунтом (Березуцкий, 2009. С. 141. Рис. 2, 2).

В центре гробницы находилась центральная столбовая ямка цилиндрической формы глубиной 0.7 м от уровня пола (самая глубокая). Ее заполнение не отличалось от заполнения большинства ямок гробницы. Еще одна ямка, явно не имевшая отношения к столбовой системе гробницы, располагалась у юго-восточного угла (“бофр”)⁶. Ее диаметр

² Е.И. Савченко, бывавший на курганах, сообщал нам о “закопушках” черных археологов, свежих ямах на вершинах некоторых насыпей. В ходе раскопок курганов могильника нам неоднократно приходилось встречаться со следами действий современных грабителей, оставлявших на курганах использованные аккумуляторные батареи металлоискателей.

³ Краткая информация по этому вопросу: Березуцкий, Разуваев, 2004. С. 55.

⁴ Антропологические определения сделаны Р.А. Тюриным.

⁵ Из-за сильной распашки курганных насыпей точно определить их центр удавалось далеко не всегда, отсюда – смещение обнаруженных погребений от центра, что связано не с особенностями построения кургана, а с невозможностью точного определения центра насыпи.

⁶ Термин, обозначающий ритуальную ямку “для стекания жертвенной крови при погребении покойников”, использовал В.А. Городцов, исследовавший несколько курганов в группе “Частых” (1947. С. 17), для характеристики погребений скифского времени. Впоследствии термин употреблялся и другими исследователями.

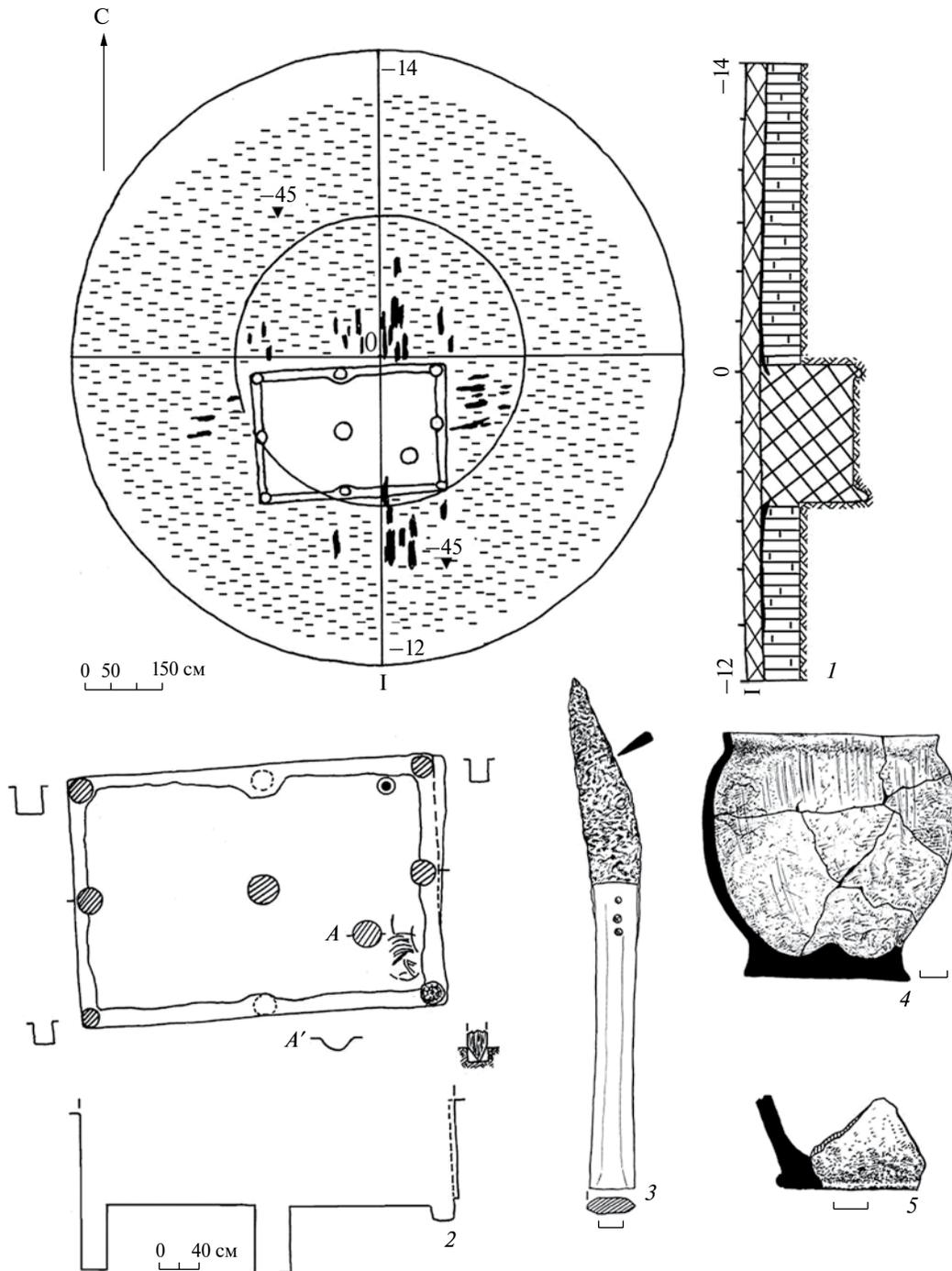

Рис. 2. Курган № 9. 1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль погребального сооружения; 3 – железный нож с костяной рукоятью; 4 – глиняный сосуд 1; 5 – фрагмент сосуда 2.

Fig. 2. Barrow № 9.

составлял 0.3 м, глубина – 0.15 м, профиль был чашевидным, заполнение представлено черноземом с глиной.

Здесь же, у юго-восточного угла, были обнаружены ребра крупного рогатого скота (КРС) или лошади. Среди них, в центре, находился железный

нож с горбатой спинкой и костяной рифленой рукоятью (рис. 2, 3), состоящей из целой кости, расщепленной (распиленной?) на окончании, куда крепится железное лезвие. Отметим разнообразие в конструкции рукоятей, свойственное подобным (мясным) ножам: они могут быть сделаны из двух

соединенных костяных пластин (например, рукоять ножа, происходящего из кургана Колбино I-3: Шевченко, 2009. Рис. 7, 1) или из целой костяной пластины (курган Колбино I-8: Шевченко, 2009. Рис. 9, 1). В соответствии с этим различается и количество, и расположение заклепок, крепивших лезвие к рукояти. В одних случаях рукояти сделаны тщательно и аккуратно, в других – небрежно.

Общая длина изделия – 20.7 см, длина рифленной рукояти – 12.4 см, ширина – 0.6 см. При помощи трех железных заклепок рукоять крепилась к относительно короткому железному лезвию длиной 11.5 см треугольной в сечении формы. Ширина лезвия достигала 2.2 см.

У северо-восточного угла гробницы на материковом полу стоял на днище лепной горшок (рис. 2, 4) – сосуд, оригинальный для погребальной керамики скифского времени Среднего Дона, относящийся к категории кубковидных. Он имел округлое шаровидное тулово, короткий оттянутый наружу венчик, срезанный сверху горизонтально. Дно плоское с выраженным расширяющимся поддоном; характерной деталью дна является то, что изнутри оно имеет посередине округлую выпуклость. На внешней поверхности сосуда – небольшие косо-вертикальные расчесы. Тесто черное, пережженное, с примесью органики. Внутри отмечены остатки древесных углей.

Сосуд, скорее всего, имеет отношение к категории ритуальной керамики, наподобие лепных глиняных чаш на поддоне, хорошо известных в погребениях скифского времени Среднего Дона в Частых, Мастюгинских курганах, в курганном могильнике у с. Дуровка (Вербное), Колбино (Пузикова, 2001. С. 30. Рис. 7, 4; С. 77. Рис. 4, 2; С. 122. Рис. 49, 1; С. 157. Рис. 16, 5; С. 230. Рис. 28, 3; Шевченко, 2009. Рис. 44, 1/1; 50, 2). Отметим также, что в заполнении гробницы был обнаружен еще один фрагмент лепной керамики, представленный частью донца с закраиной (рис. 2, 5).

Курган № 10 находился в северной части могильника (рис. 1, 1), едва выделяясь на пашне осветленным пятном. Диаметр насыпи, если руководствоваться размерами пятна, составлял примерно 12 м, высота доходила до 0.07–0.08 м (рис. 3, 1). Выкид полностью уничтожен распашкой.

Погребальное сооружение находилось в 3 м к юго-востоку от нулевой отметки в материке (рис. 3, 2). Оно представляло собой яму прямоугольно-удлиненной формы с закругленными углами размерами 1.05 × 2.05 м, углубленную в материк на 0.05 м (0.8 – от уровня погребенной почвы) и ориентированную по линии 3–В

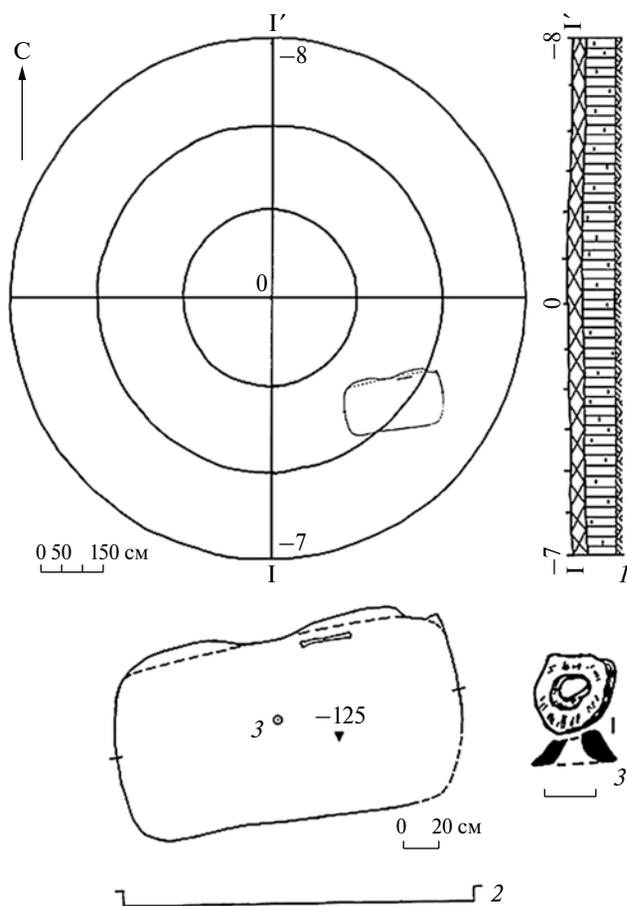

Рис. 3. Курган № 10. 1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль погребального сооружения; 3 – бронзовая ворворка.

Fig. 3. Barrow № 10.

с незначительным отклонением на ВСВ и ЗЮЗ, заполненную черноземом, перемешанным с глиной.

Погребение полностью ограблено. Сохранилась только кость предплечья у ССЗ стенки и бронзовая ворворка, найденная на материковом полу в центре ямы (рис. 3, 3). Ворворка имеет усечено-коническую форму с круглыми отверстиями диаметром 0.4 и 1 см, высотой – 0.7 см.

Курган № 11 находился в 25 м к юго-западу от кургана № 10 и выделялся на пашне осветленным пятном. Диаметр пятна составлял примерно 12 м, высота доходила до 0.05 м (рис. 4, 1). Выкид полностью уничтожен распашкой.

Погребальное сооружение находилось в 2 м к северо-западу от нулевой отметки в материке. Оно представляло собой каркасную гробницу: прямоугольно-удлиненная яма с закругленными углами размерами 1.9 × 2.75 м была углублена в материк на 0.2 м (1 м от уровня погребенной почвы) и ориентирована по линии 3–В с незначительным

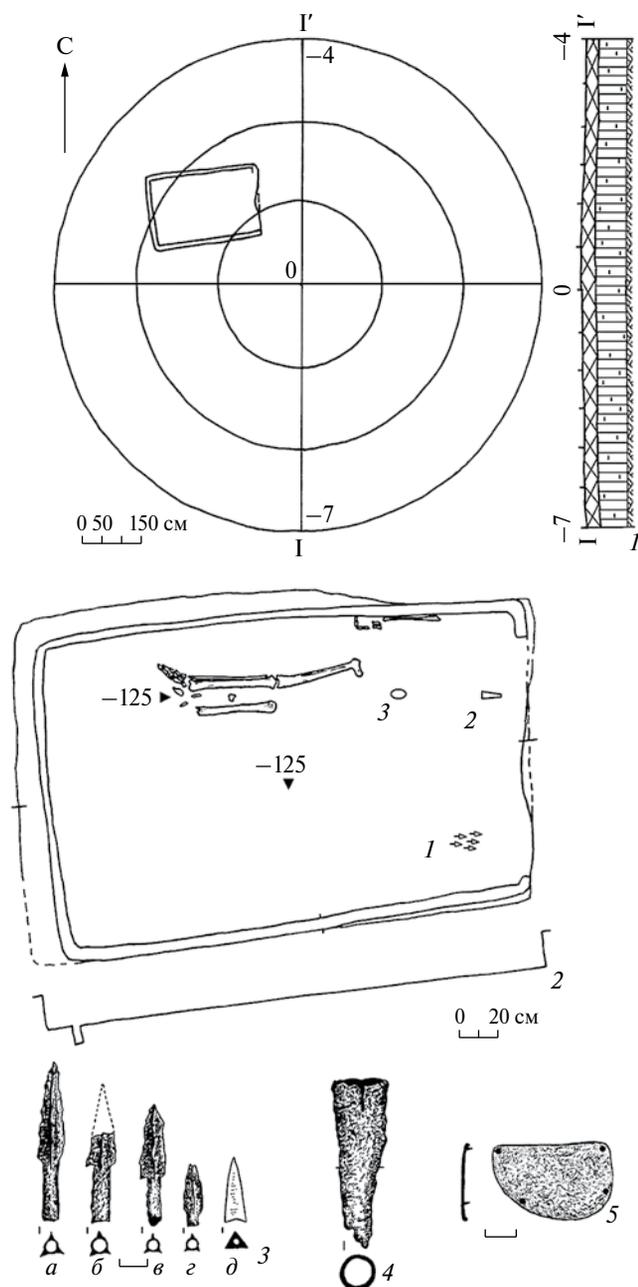

Рис. 4. Курган № 11. 1 – план и профиль кургана; 2 – план и профиль погребального сооружения; 3 – наконечники стрел (а–г – железные; д – бронзовый); 4 – вток железный; 5 – пластина железная.

Fig. 4. Barrow № 11.

отклонением на ВСВ–ЗЮЗ (рис. 4, 2). Заполнение – чернозем, перемешанный с глиной. По периметру ямы со всех сторон, кроме ВСВ, с отступом от стен на расстояние до 0.12 м и без отступа (ЮЮВ стена) размещалась канавка шириной 0.05–0.07 м и глубиной в материке 0.05–0.1 м. С ВСВ части канавка закруглялась и прерывалась, таким образом, ВСВ стена осталась без нее. Заполнение – суглинок с примесью чернозема.

Могила ограблена. Судя по сохранившимся останкам, скелет располагался у ССЗ стенки вытянуто на спине и был ориентирован головой на ВСВ. На материковом полу были обнаружены четыре железных и один бронзовый наконечники стрел, вток копья или дротика, а также железная пластина с остатками гвоздиков.

Железные наконечники стрел разной сохранности однотипны – трехлопастные со слегка сводчатой головкой и длинной втулкой (рис. 4, 3а–3г). Лучше всего сохранившийся наконечник (рис. 4, 3а) имел длину 5.5 см, длина втулки – 2.2 см, пера – 3.3 см. Во втулках сохранились остатки древков стрел.

Бронзовый наконечник стрелы (рис. 4, 3д) – трехгранный, пирамидальной формы со слегка сводчатой головкой и скрытой втулкой. Основания лопастей чуть опущены. Длина наконечника – 2.2 см, ширина основания – 0.8 см.

Железная пластина полуовальной формы размерами 2.3 × 3.8 см толщиной до 1 мм с четырьмя гвоздиками по краям, по-видимому, предназначалась для закрепления на деревянной основе щита (?) или иного деревянного предмета.

Курган № 12 находился в 25 м к юго-западу от кургана № 11 и едва выделялся на пашне осветленным пятном. Диаметр пятна составлял примерно 12 м, высота доходила до 0.1 м.

Курган содержал погр. 1 (впускное) – в восточной поле кургана в 3.8 м к ВЮВ от нулевой отметки; погр. 2 (основное) – в центральной части насыпи с незначительным смещением к востоку от нулевой отметки (рис. 5, А, 1).

Выкид из основного погребения, принадлежавшего скифскому времени, большей частью был уничтожен распашкой, но с юго-запада и юга сохранились его остатки. Судя по ним, он полукольцом или кольцом окружал погребение, находясь на уровне погребенной почвы.

Погр. 1 представляло собой относительно хорошо сохранившийся скелет мужчины 20–25 лет, лежавшего в грунте на глубине –95 см от нулевой отметки, вытянуто на спине головой на юг. Руки вытянуты вдоль скелета, ноги в пяточной области соединены друг с другом. Череп чуть повернут лицом на запад (рис. 5, Б, 1). У левого бедра было обнаружено прясло биконической формы размерами 3.5 × 3.5 см со сквозным цилиндрическим отверстием диаметром 0.6 см (рис. 5, Б, 2). По-видимому, погребение относится к эпохе раннего Средневековья (VIII–X вв.), а глиняное изделие могло служить частью поясного ремня умершего.

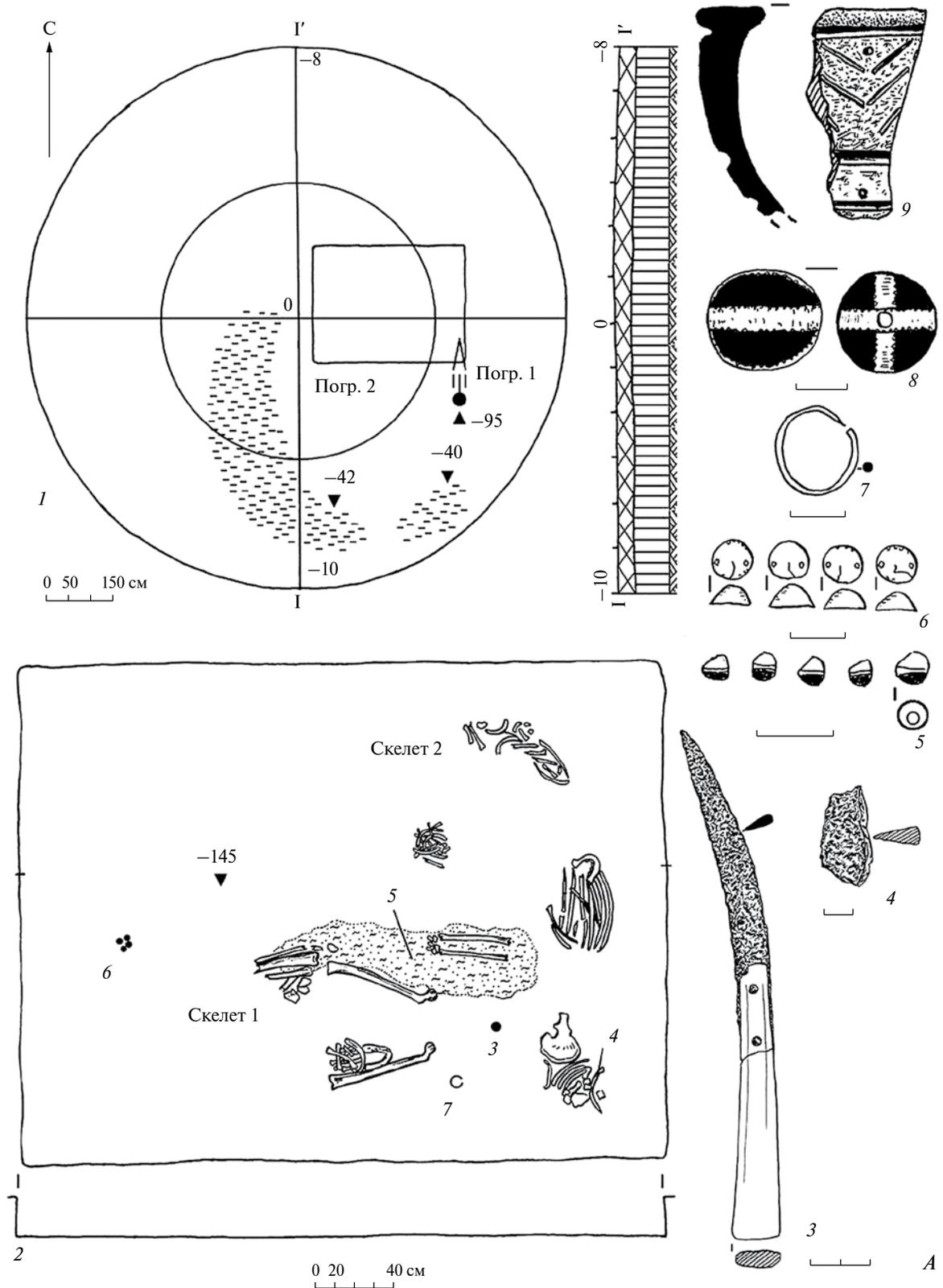

Рис. 5. Курган № 12. *А:* 1 – план и профиль кургана; 2 – погр. 2, план и профиль погребального сооружения; 3 – железный нож с костяной рукоятью; 4 – фрагмент железного ножа или кинжала; 5 – пастовые бусы; 6 – золотые нашивные бляшки; 7 – бронзовая серьга или подвеска; 8 – гагатовая бусина; 9 – фрагмент лепной глиняной чаши. *Б:* 1 – погр. 1; 2 – прясло глиняное. **Fig. 5.** Barrow № 12 (*A, B*).

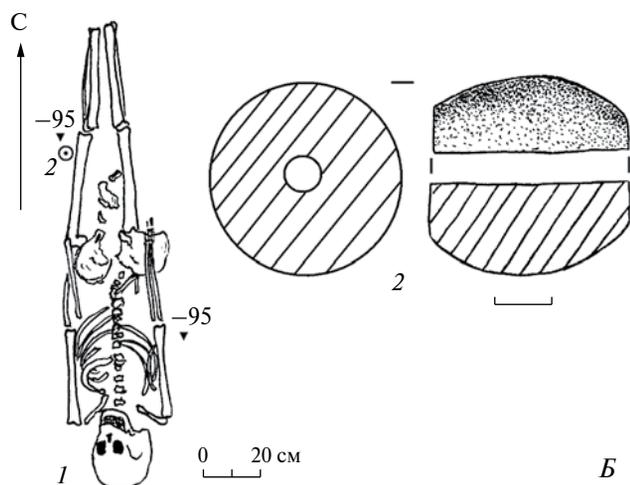

Рис. 5. (Окончание.)

Погр. 2 представляло собой прямоугольную яму с прямыми углами размерами 2.6×3.4 м, углубленную в материк на 0.2 м (1.05 — от уровня погребенной почвы) и ориентированную по линии З—В (рис. 5, А, 2). Заполнение — чернозем, перемешанный с глиной. Могила ограблена. Сохранились останки двух скелетов — взрослой женщины и ребенка. Основная часть останков скелета женщины лежала на органической подстилке коричневого цвета почти по центру ямы со смещением на юг, оставшиеся останки были разбросаны грабителями по полу могилы. Судя по сохранившимся костям, погребенная была ориентирована головой на восток. Останки ребенка, представленные ребрами, мелкими костями рук, лежали у северо-восточного угла погребения.

Кости жертвенного животного (ребра) находились у восточной стенки. Между ними был найден железный нож с горбатой спинкой и цельной рифленной костяной рукоятью (рис. 5, А, 3). Лезвие и рукоять крепились между собой двумя железными заклепками. Длина треугольного в сечении лезвия — 14 см, рукояти — 11.2 см, общая длина ножа — 21 см. Фрагмент лезвия еще одного ножа или кинжала в профиле треугольной формы был найден в заполнении ямы во время ее расчистки (рис. 5, А, 4).

У западной стенки были обнаружены пять округлых конусовидных бляшек, сделанных из тонкого листа золота, размерами 0.4×0.8 см (рис. 5, А, 6). На каждой бляшке имелось по два отверстия для пришивания на одежду.

У южной стенки лежала бронзовая серьга (или подвеска)⁷ с несомкнутыми окончаниями, выпол-

⁷ Отмечается сложность в отнесении подобных украшений к серьгам или подвескам (Ковпаненко и др., 1989. С. 71. Рис. 15, 15).

ненная из круглой в сечении проволоки диаметром 1 мм. Одно окончание было обрублено, другое — заострено. Диаметр изделия — 1.6 см (рис. 5, А, 7).

В районе органической подстилки было найдено 59 мелких пастовых бусин овально-подтреугольной формы со сквозными отверстиями, входившими, по-видимому, в состав ожерелья (рис. 5, А, 5), размерами $2 \times 2.2 \times 3$ мм.

Основной частью ожерелья женщины, по-видимому, служила оригинальная большая тщательно отполированная бусина из гагата овальной формы размером 2×2.2 см со сквозным цилиндрическим отверстием диаметром 0.2 мм, найденная рядом с органической подстилкой. Бусина была покрыта крест-накрест полосками золотой фольги шириной 0.4 см, рифленной по краям (рис. 5, А, 8).

В заполнении ямы обнаружен фрагмент разбитой лепной глиняной чаши (рис. 5, А, 9), имевший расплющенный широкий венчик, под которым и ниже по тулову были проведены горизонтальные резные линии. Венчик также украшен вертикальной “елочкой” из оттисков плоского штампа.

Материалы рассматриваемых курганов содержат мало информации для надежной датировки погребений. Имеющиеся же данные позволяют датировать их не ранее IV — начала III в. до н.э. Железные трехлопастные наконечники стрел с длинной втулкой из кургана № 11 характерны именно для этого времени, хотя появляются и раньше (Мелюкова, 1964. С. 29). Во второй половине — конце V в. до н.э. появляются небольшие бронзовые трехгранные наконечники стрел со слегка сводчатой головкой, скрытой втулкой и опущенными лопастями, однако время их бытования приходится на IV — начало III в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 24, 25).

Оригинальной подвеске из гагата с золотой фольгой аналогий нам найти не удалось. Похожие, но не аналогичные по форме и размерам бусы были охарактеризованы Е.М. Алексеевой, обратившей внимание на редкую встречаемость украшений из гагата в интересующее нас время. На некоторых типах гагатовых подвесок (тип 5 по Е.М. Алексеевой) имеется орнамент из четырех перекрещивающихся полос (как на бусине), сделанных процарапыванием. Подвеска датируется IV в. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 11). Еще меньше общего у бусины из кургана № 12 с бусами типа 8 бочковидными продольно-вытянутыми неорнаментированными — они меньших размеров и датируются временем с начала III в. до н.э. по IV в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 11, 12).

Бронзовые серьги или височные подвески, аналогичные подвеске из кургана № 12, имели широкое хождение как тип украшения в IV в. до н.э. (Петренко, 1978. С. 37).

Остальные предметы погребального инвентаря из рассматриваемых курганов имеют широкие аналогии в погребениях скифского времени Среднего Дона, большая часть которых датируется IV — началом III в. до н.э.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 17-78-20048.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978. 101 с. (САИ; Вып. Г1–12) (Археология СССР).
- Березуцкий В.Д.* Отчет о раскопках курганов в Воронежской области в 2005 г. // Архив ИА РАН.
- Березуцкий В.Д.* Курганы скифского времени у хут. Дубовой (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. научн. тр. Вып. 12. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 138–147.
- Березуцкий В.Д.* Исследование курганов у хут. Дубовой на Среднем Дону в 2008 г. // Археологические памятники Восточной Европы: межвуз. сб. научн. тр. Вып. 13. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 152–163.
- Березуцкий В.Д., Разуваев Ю.Д.* Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: сб. ст. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004 (Тр. Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг.). С. 53–68.
- Городицов В.А.* Раскопки “Частых курганов” близ Воронежа // СА. 1947. Вып. IX. С. 13–28.
- Гуляев В.И.* Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: сб. ст. М.: ИА РАН, 2001 (Тр. Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.). С. 28–52.
- Гуляев В.И.* Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: сб. ст. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004а (Тр. Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг.). С. 7–24.
- Гуляев В.И.* Резная кость из курганов скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: сб. ст. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004б (Тр. Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг.). С. 25–34.
- Гуляев В.И.* Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам среднедонских курганов скифского времени) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: сб. ст. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009 (Тр. Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.). С. 10–17.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья. Киев: Наукова Думка, 1989. 336 с.
- Медведев А.П.* Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
- Мелькова А.И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (САИ; Вып. Д1–4) (Археология СССР). 113 с.
- Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индрик, 2001. 272 с.
- Савелов Л.М.* Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении // Двенадцатый Археологический съезд в Харькове в 1905 г. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1905. С. 157–167.
- Савченко Е.И.* Могильник скифского времени “Терновое I–Колбино I” на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: сб. ст. М.: ИА РАН, 2001 (Тр. Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.). С. 53–143.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М.: Наука, 1978 (САИ; Вып. Д4–5) (Археология СССР). 145 с.
- Шевченко А.А.* Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: сб. ст. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009 (Тр. Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.). С. 26–111.

BARROWS OF THE SCYTHIAN PERIOD NEAR DUBOVOY KHUTOR ON THE MIDDLE DON (the 2005 excavations)

Vassily D. Berezutsky*, Pavel M. Zolotarev**

*Voronezh State Pedagogical University, Russia (berezutski1@rambler.ru)

**I.N. Kramskoy History and Art Museum in Ostrogozhsk, Voronezh oblast', Russia (zolotarev_pavel@mail.ru)

The article publishes the results of investigations at barrows 9–12 of the barrow cemetery near Dubovoy khutor in Ostrogozhsk region of Voronezh oblast' (right bank of the Don). The excavations were carried out by the Return to the Source expedition of Voronezh State Pedagogical University in 2005. The paper considers the funeral rite, the grave goods and the chronological boundaries of the burials.

Keywords: Middle Don, Scythian period, barrows, burials, grave goods.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1978. Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya [Ancient beads of the North Pontic], 2. Moscow: Nauka. 101 p. (SAI, G1–12).
- Berezutskiy V.D. Otchet o raskopkakh kurganov v Voronezhskoy oblasti v 2005 g. [Report on excavations of mounds in Voronezh Region in 2005]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences].
- Berezutskiy V.D., 2006. Mounds of the Scythian period near the farm Dubovoy (excavations of 2004). *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeological sites of Eastern Europe: interacademic collected papers], 12. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 138–147. (In Russ.)
- Berezutskiy V.D., 2009. Investigations of the mounds near the farm Dubovoy in the Middle Don region in 2008. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Archaeological sites of Eastern Europe: interacademic collected papers], 13. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 152–163. (In Russ.)
- Berezutskiy V.D., Razuvaev Yu.D., 2004. Barrow cemetery of the Scythian period near the farm Dubovoy in the Middle Don region. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2001–2003 gg.: sbornik statey* [Archaeology of the Middle Don region in the Scythian period: Transactions of the Don (Potudan) archaeological expedition of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2001–2003: Collected papers]. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 53–68. (In Russ.)
- Gorodtsov V.A., 1947. Excavations of the "Frequent kurgans" near Voronezh. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], IX, pp. 13–28. (In Russ.)
- Gulyaev V.I., 2001. General issues of the archaeology of the Middle Don region in the Scythian period. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 1993–2000 gg.: sbornik statey* [Archaeology of the Middle Don region in the Scythian period: Transactions of the Potudan archaeological expedition of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 1993–2000: Collected papers]. Moscow: IA RAN, pp. 28–52. (In Russ.)
- Gulyaev V.I., 2004a. Again on the ethnocultural situation in the Middle Don region during the Scythian period (5th–4th centuries BC). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2001–2003 gg.: sbornik statey* [Archaeology of the Middle Don region in the Scythian period: Transactions of the Don (Potudan) archaeological expedition of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2001–2003: Collected papers]. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 7–24. (In Russ.)
- Gulyaev V.I., 2004b. Carved bone from the Scythian period mounds in the Middle Don region. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2001–2003 gg.: sbornik statey* [Archaeology of the Middle Don region in the Scythian period: Transactions of the Don (Potudan) archaeological expedition of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2001–2003: Collected papers]. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 25–34. (In Russ.)
- Gulyaev V.I., 2009. Burial ceremony as an ethnohistorical source (based on the materials of the Middle Don mounds of the Scythian period). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2004–2008 gg.: sbornik statey* [Archaeology of the Middle Don region in the Scythian period: Transactions of the Don archaeological expedition of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2004–2008: Collected papers]. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 10–17. (In Russ.)
- Kovpanenko G.T., Bessonova S.S., Skoryy S.A., 1989. Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo lesostepnogo pravoberezh'ya [Scythian period sites of the Dnieper forest-steppe]. Kiev: Naukova dumka. 336 p.

- Medvedev A.P.*, 1999. Ranniy zheleznyy vek Lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.e. [The Early Iron Age of the Forest-steppe Don region. Archaeology and ethnocultural history of the 1st millennium BC]. Moscow: Nauka. 160 p.
- Melyukova A.I.*, 1964. Vooruzhenie skifov [Armour of the Scythians]. Moscow: Nauka. 113 p. (SAI, D1–4).
- Petrenko V.G.*, 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n.e. [Ornaments of Scythia of the 7th–3rd centuries BC]. Moscow: Nauka. 145 p. (SAI, D4–5).
- Puzikova A.I.*, 2001. Kurganye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (publikatsiya kompleksov) [Mound burial ground of the Scythian period in the Middle Don region (publication of the complexes)]. Moscow: Indrik. 272 p.
- Savchenko E.I.*, 2001. The burial ground of the Scythian period "Ternovoe I–Kolbino I" in the Middle Done region (funeral ceremony). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 1993–2000 gg.:* sbornik statey [Archaeology of the Middle Don region in the Scythian period: Transactions of the Potudan archaeological expedition of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 1993–2000: Collected papers]. Moscow: IA RAN, pp. 53–143. (In Russ.)
- Savelov L.M.*, 1905. Korotoyak district of Voronezh Province in terms of archaeology. *Dvenadtsatyy Arkheologicheskyy s"ezd v Khar'kove v 1902 g.: trudy [The Twelfth Archaeological Congress in Kharkov in 1902: Transactions]*. Moscow: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova, pp. 157–167. (In Russ.)
- Shevchenko A.A.*, 2009. New materials to the studying of the Scythian period mound cemetery Kolbino I in the Middle Don region. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, 2004–2008 gg.:* sbornik statey [Archaeology of the Middle Don region in the Scythian period: Transactions of the Don archaeological expedition of the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2004–2008: Collected papers]. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–111. (In Russ.)

НОВЫЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

© 2018 г. Ю. Д. Разуваев

*Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия
(razuvaevyd@mail.ru)*

Поступила в редакцию 26.06.2017 г.

Статья посвящена итогам новейших раскопок верхнедонского городища, расположенного у с. Верхнее Казачье в Липецкой области. На этом памятнике открыты материалы (костяные и глиняные орудия труда, костяные детали конской узды, текстильная и гладкостенная керамика), предварительно датированные VII–VI вв. до н.э. Здесь исследованы бытовые и оборонительные сооружения, в числе которых длинная наземная постройка, размещавшаяся по периметру городищенской площадки, колодец. Постройка выполняла фортификационно-жилую функцию. После ее гибели в пожаре укрепления были воссозданы и усилены.

Ключевые слова: Верхнее Подонье, раннескифское время, городище, фортификации, длинная постройка, колодец, текстильная керамика.

Наступление эпохи железа в донской лесостепи археологически прослежено, помимо редких погребений и случайных находок предскифского и раннескифского времени, по древнейшим культурным напластованиям городища у с. Пекшево, расположенного на р. Воронеж и исследованного в 1980-х годах отрядом экспедиции Воронежского госуниверситета. На этом памятнике по краю площадки залегает мощный золистый слой, насыщенный ранними материалами (Медведев, 1999. С. 31–39, 66–89).

В 2015 и 2016 гг. совместной экспедицией Воронежского госпедуниверситета и общественной организации “Фонд научного краеведения Липецкой области” был раскопан еще один памятник, на котором выявлена схожая картина. Речь идет о многослойном городище, открытом еще В.П. Левенком (Левенок, 1962) на северо-восточной окраине с. Верхнее Казачье в Задонском районе Липецкой области. Оно находится на левом берегу Дона, в месте, где русло реки начинает отклоняться от меридионального направления к западу, образуя большую излучину – Острую Луку.

Укрепленная площадка занимает участок мыса коренной террасы, ограниченный береговым склоном и двумя балками и возвышающийся над поймой на 50 м (рис. 1). Своими очертаниями она напоминает треугольник со скругленными углами, имеет размеры 125 × 75 м, площадь около 6600 м².

От оконечности мыса, более низкой и ныне разрушенной карьером, городище отделено двумя рвами. Доступ со стороны плато, с юго-востока, через узкий перешеек преграждает основная оборонительная линия, состоящая из четырех рвов и валов. Своими параметрами выделяется внутренний вал, имеющий длину 40, ширину 16 и видимую высоту до 0.7 м. От трех других насыпей мало что осталось.

Раскопками была исследована южная часть городища и обе линии укреплений на площади 1299 м². Найденные материалы относятся к разным историческим периодам от эпохи ранней бронзы до древнерусского времени (Разуваев, Козмирчук, 2016).

На городищенской площадке культурный слой представляет собой гумусированный суглинок и имеет толщину 0.2–0.5 м. Но по краям под ним залегает очень рыхлая золистая почва светло-серого цвета, мощность которой в пределах раскопов возрастала по склону мыса, достигая 1.5–1.8 м. Она явно подвергалась воздействию высокой температуры, из-за чего отдельные прослойки прокалились до белесого или желтого цвета.

Под золистым слоем зафиксированы остатки длинной наземной постройки, некогда опоясывавшей площадку городища и имевшей наряду с жилой, оборонительную функцию. Это две отстоящие друг от друга примерно на 2.5 м

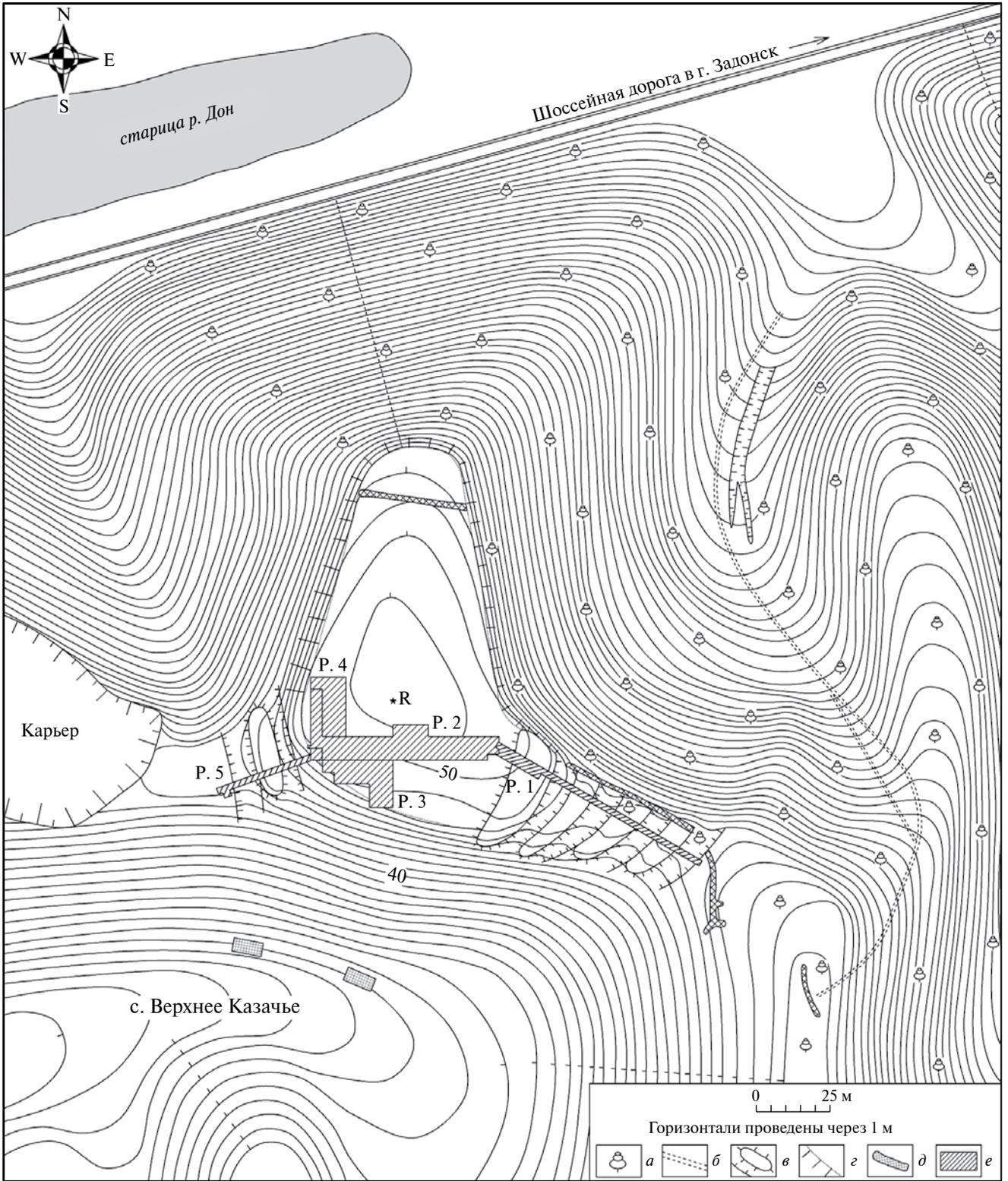

Рис. 1. План городища у с. Верхнее Казачье. Условные обозначения: *a* – лес, *б* – старая дорога, *в* – ров и вал, *г* – эскарп, *д* – траншея военного времени, *е* – раскоп.

Fig. 1. Plan of fortified settlement near Verkhnee Kazachye

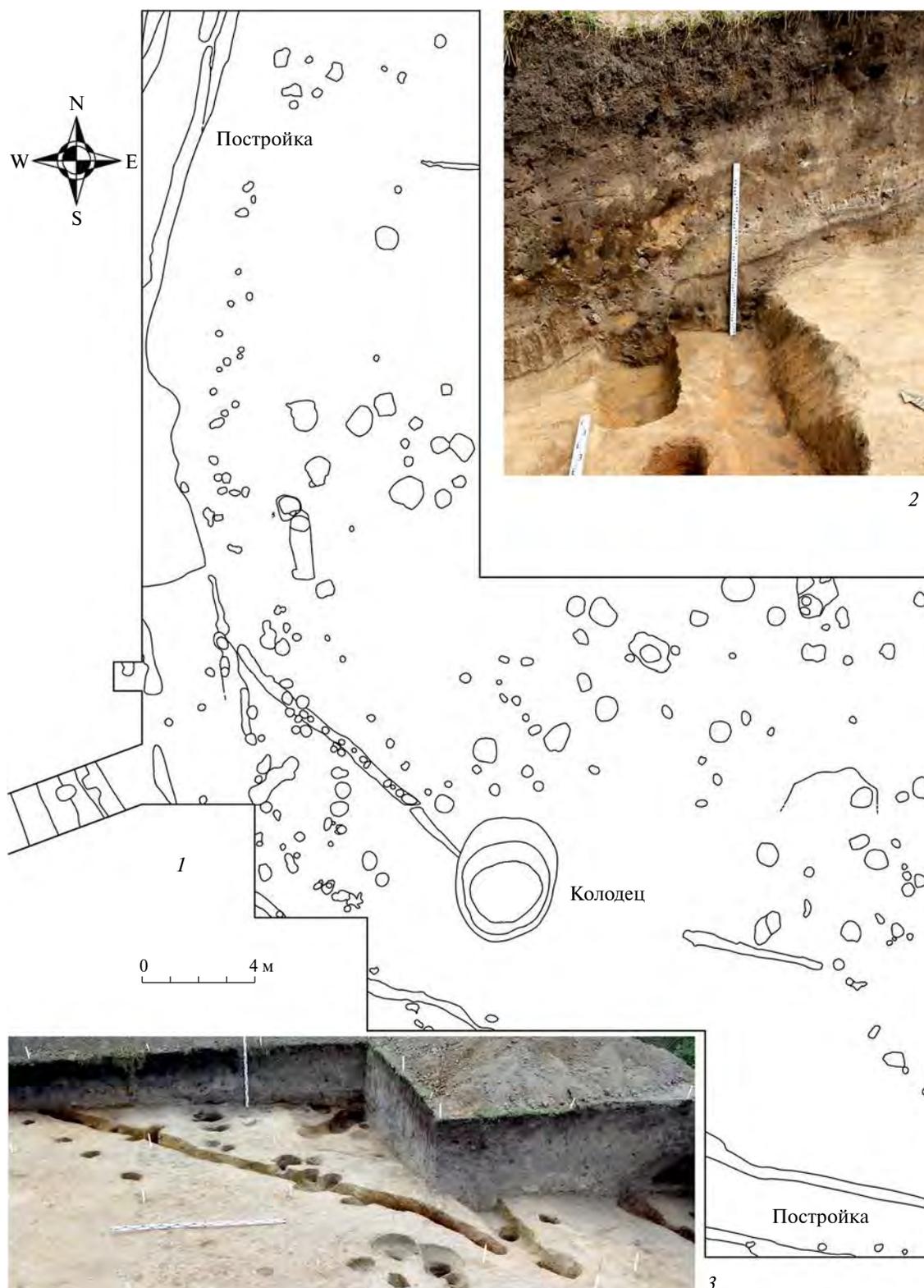

Рис. 2. Постройка раннескифского времени на краю площадки городища: 1 – план углубленных в материк разновременных сооружений на юго-западном участке городищенской площадки, 2 – канавки в северной части раскопа 4 (вид с Ю), 3 – канавки и столбовые ямки в раскопе 2 (вид с ССВ).

Fig. 2. Early Scythian building on the edge of the fortified settlement site

канавки и размещающиеся в них и рядом столбовые ямы, вырытые в древней гумусированной почве и в материковой глине (рис. 2, 1, 3). Погребенная под золистыми отложениями почва фиксировалась в некоторых местах как более плотный серый грунт толщиной порядка 0.1–0.2 м. Поверх нее нередко наблюдались прослойки в 2–3 см насыщенной углями темно-серой земли, а кое-где и тонкие глиняные пласты выкида из канавок. По существу, погребенная почва представляет собой культурный слой неукрепленного поселения эпохи бронзы, существовавшего на месте городища.

Ясно, что основу выявленного сооружения составляли две деревянные стены, закрепленные основаниями в канавках. Судя по расположенным рядом столбовым ямам, изнутри к ним примыкали какие-то помещения. Надо полагать, что при создании всей конструкции применялся и грунт: пластами дерна могли обкладывать стенки и перекрытия. Вероятнее всего, при этом на городищенской площадке был полностью срыт культурный слой бронзового века, в результате чего практически вся керамика того времени оказалась на краю мыса.

И эти материалы, и обломки глиняной посуды последующего времени, вместе с многочисленными костями животных, встречались почти по всей толще золистого слоя. Судя по обилию сопутствовавшего постройке бытового мусора, именно вдоль края мыса находилась жилая зона поселка начала эпохи железа. На остальной части городища, а также в верху золистого слоя, примерно до глубины 0.5–0.6 м, абсолютно преобладали более поздние материалы. Примечательно, что в центре площадки отсутствовали и хозяйственные сооружения раннего времени.

Надо полагать, к данному поселку относился и располагавшийся неподалеку от края мыса колодец, глубина которого в материке составляла около 6 м. К нему примыкала еще одна канавка, оставшаяся от стены, ограничивавшей южную часть городищенской площадки. Стенки верха колодца оплыли. Внизу же на двухметровую высоту сохранилась их деревянная облицовка. Обугленные плахи лежали здесь горизонтально в 7–9 рядов, ограничивая пространство 1.00–1.10 × 1.30–1.34 м. Выше, в заполнении колодца, были обнаружены костяки взрослых людей (три полных и расчлененный). Этот погребально-жертвенный комплекс более поздний, нежели само сооружение, предварительно датирован IV–III вв. до н.э.

Длинная постройка на краю городищенской площадки была полностью уничтожена пожаром. На ее месте образовалась первичная насыпь

золистого грунта. Мощный огонь не только привел к изменению морфологических свойств почвы, но в ряде случаев прокалил стенки ям и верх материка. Неясно, по какой причине случилась катастрофа, но после нее фортификации поселка были не просто перестроены, но усилены.

Конструкция по всему периметру была восстановлена, возможно, в прежней конфигурации. Так, на одном из профилей раскопа 4 прослежено, что новая канавка выкопана практически на месте предшествующей, прорезав золистый слой (рис. 2, 2).

Отчетливые свидетельства новой стройки выявлены под внутренним валом городища (рис. 3, 1). Его насыпь шириной по основанию 16–17 м, высотой от уровня материка 1.7 м имеет длительную историю сооружения. Верхние пласты вала содержат материалы скифского, сарматского, гуннского и славянского времени; остатки же древнейших укреплений находятся в самом низу под вершиной.

Здесь также есть две практически параллельные канавки шириной 0.20–0.45 м, расположенные примерно в 1.5 м друг от друга. Они прорезали погребенную почву, толщина которой 0.18–0.25 м, и были углублены в материк на 0.10–0.35 м (внутренняя) и 0.55–0.70 м (внешняя). По обеим сторонам канавок на погребенной почве лежал выкид — прослойки желтой глины толщиной 0.04–0.10 м. Несомненно, и канавки, и расположенные рядом столбовые ямки остались от такого же, но более узкого, деревоземляного сооружения, чем находившегося вдоль края городищенской площадки.

После пожара, уничтожившего древнейшую конструкцию, образовалась небольшая насыпь из насыщенной продуктами горения земли светло-серого цвета, перекрывшая вышеупомянутые канавки и столбовые ямки. Она имела ширину по основанию 4–5 м и возвышалась над уровнем погребенной почвы на 0.3–0.5 м. Поверх лежала желтая материковая глина, частично перемешанная с серым сулинком. Этот глинистый пласт, достигавший толщины 0.45 м, выбросили сюда при сооружении широкой канавки и рва перед ней.

Вновь созданная система укреплений, надо полагать, включала двойную забутованную землей стену, имевшую, как это видно по широкой канавке, толщину около 1 м. Непосредственно перед стеной располагался ров шириной 2.5–3.0 и глубиной в материке от 1.5 до 2 м. Внутренняя его стенка довольно крутая, внешняя более пологая, примерно на середине имеет ступеньку шириной 0.3–0.4 м. Плоское дно рва шириной 0.6–0.8 м в южной части более углублено.

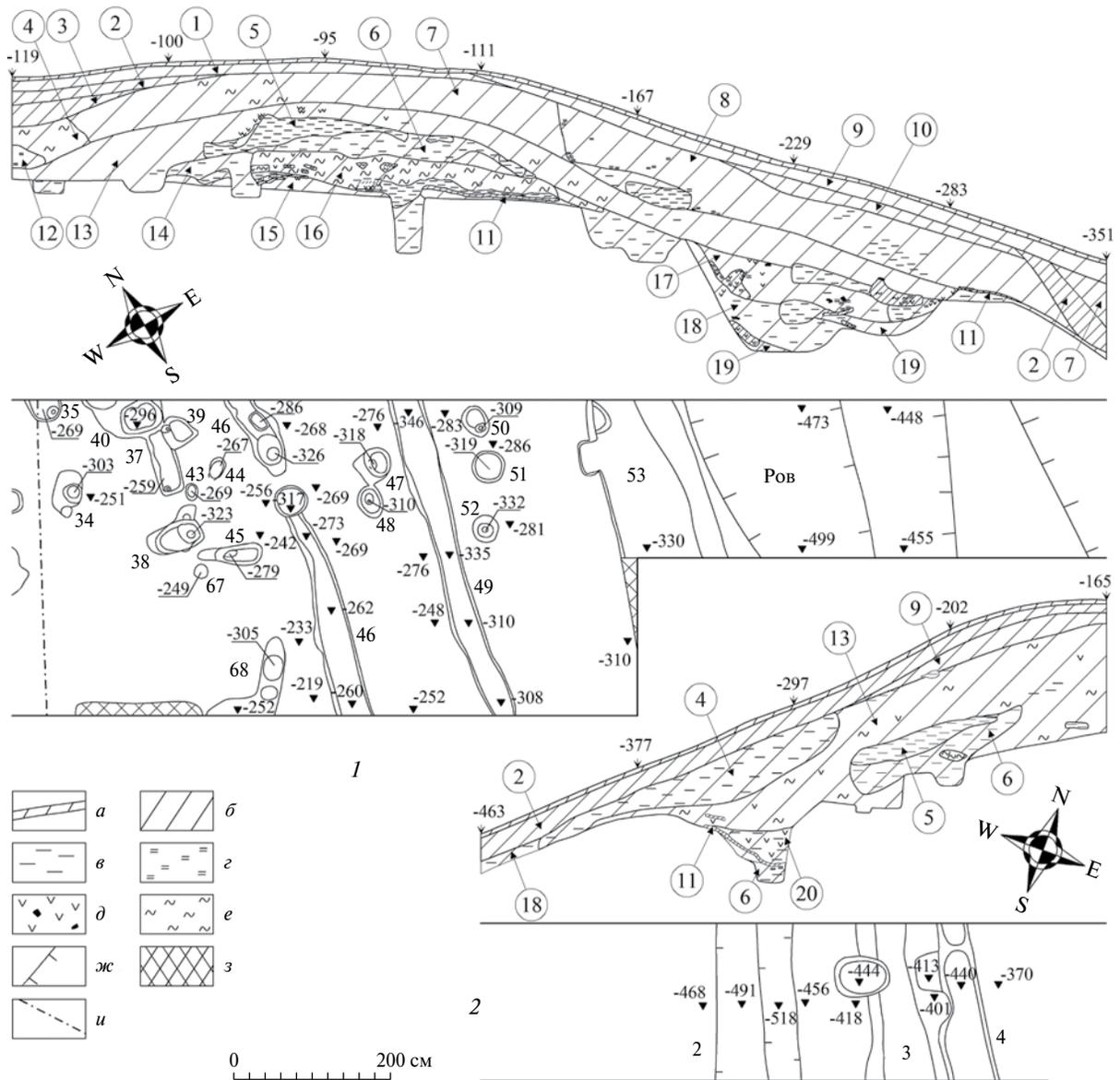

Рис. 3. Планы и профили участков раскопов 1 (1) и 5 (2) на оборонительных линиях городища. Условные обозначения: *a* – дерн, *б* – гумусированный суглинок, *в* – глина, *г* – обожженная почва, *д* – уголь, *е* – зола, *ж* – край рва, *з* – нераскопанный объект, *и* – граница постройки IV–III вв. до н.э. Основные слои (обведены кружком): 1 – темно-серый с коричневатым оттенком суглинок; 2 – темно-серый суглинок; 3 – темно-серый рыхлый суглинок; 4 – серый суглинок с золой; 5 – материковая желтая глина; 6 – желтая глина, перемешанная с серым суглинком; 7 – серый суглинок; 8 – серый суглинок с включениями мелких комочков обожженной земли; 9 – коричневатато-серый суглинок; 10 – темно-серый комковатый суглинок; 11 – черная углистая почва; 12 – коричнево-серый суглинок с включениями обожженной земли; 13 – серый суглинок с отдельными угольками; 14 – серый суглинок, перемешанный с глиной; 15 – светло-серый суглинок (погребенная почва); 16 – светло-серая золистая почва с включениями линз золы и отдельных угольков; 17 – серый суглинок с включениями глины, большим количеством углей; 18 – желто-серая глинистая почва; 19 – серый суглинок; 20 – желтая глина с серым суглинком и включениями угольков.

Fig. 3. Plans and profiles of excavation areas 1 (1) and 5 (2) on the defensive lines of the fortified settlement

По существу, такие же укрепления появились и на обращенном к стрелке мыса склоне (рис. 3, 2). Здесь тоже были открыты две канавки, оставшиеся от такой же метровой толщины стены. Правда, ров перед ней, хотя и похожий по конфигурации, оказался скромнее размерами: его ширина едва

достигала 2 м, а глубина от уровня материка немногим превышала 1 м.

Новые фортификации также были уничтожены огнем. Заполнение рва, к тому времени лишь слегка запыленного, сформировалось в результате обрушения земли, составлявшей забутовку оборонительной

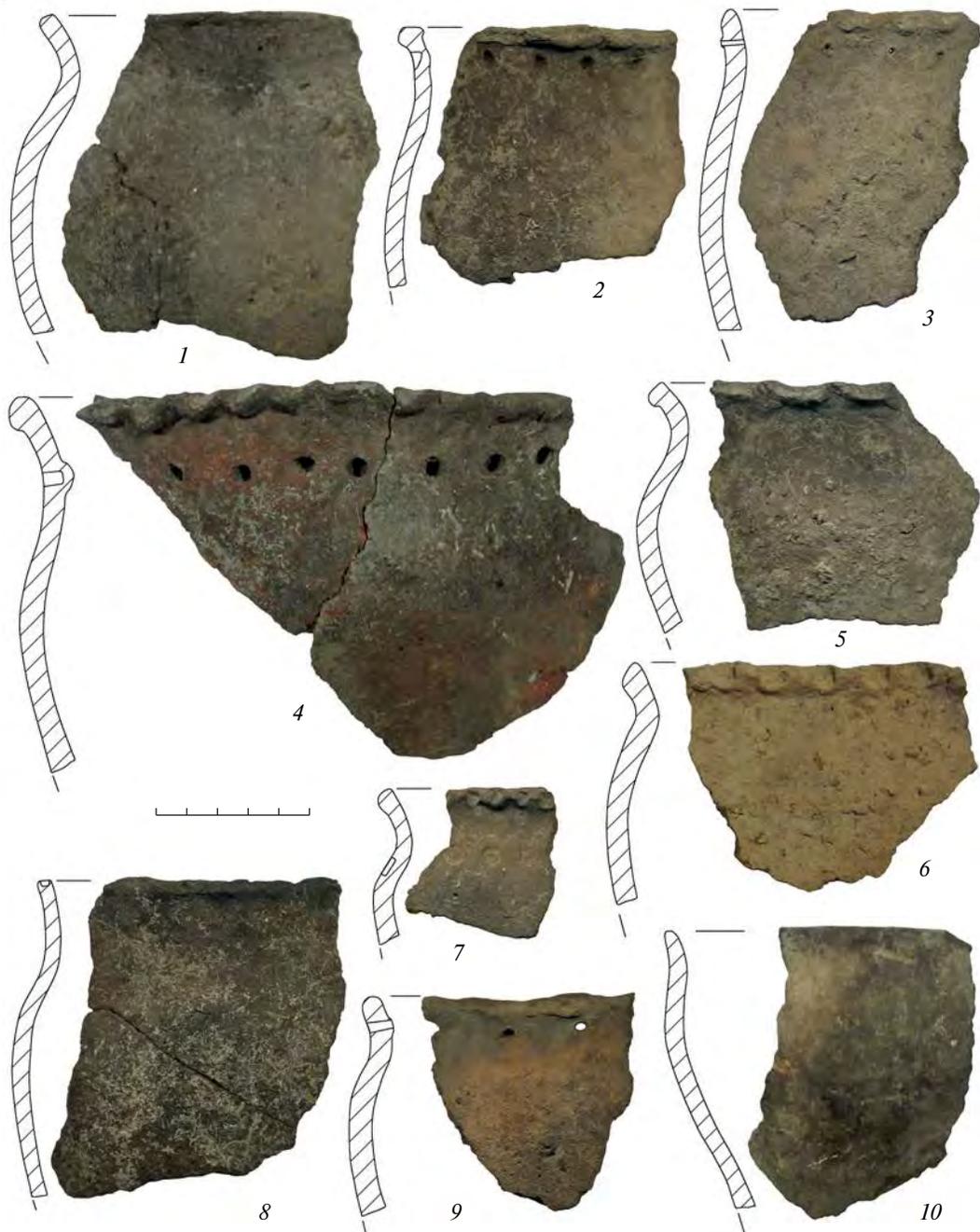

Рис. 4. Фрагменты гладкостенной керамики.

Fig. 4. Fragments of smooth-surface pottery

стены (рис. 3, 1). В нижней части это была желто-серая глинистая почва с отдельными углями. Сверху, полностью засыпав ров, лежал серый суглинок с включениями глины. Он насыщен углями, среди которых имелись и довольно крупные, прокалившие почву рядом.

Золистый пласт, лежащий на нем глинистый выкид, заполнение широкой канавки и рва перекрывает слой серого суглинка с отдельными мелкими угольками (рис. 3, 1). Эта насыпь шириной по

основанию не менее 13 м и высотой от уровня погребенной почвы до 1.0 м, вероятнее всего, относится к более позднему времени. В ее внутренней поле размещалось основание сгоревшей постройки IV–III вв. до н.э.

Самой многочисленной категорией находок, связанных с представленным вышеописанными сооружениями поселком, были обломки лепной глиняной посуды: гладкостенной (рис. 4) и “текстильной” (рис. 5). Керамика изготовлена из

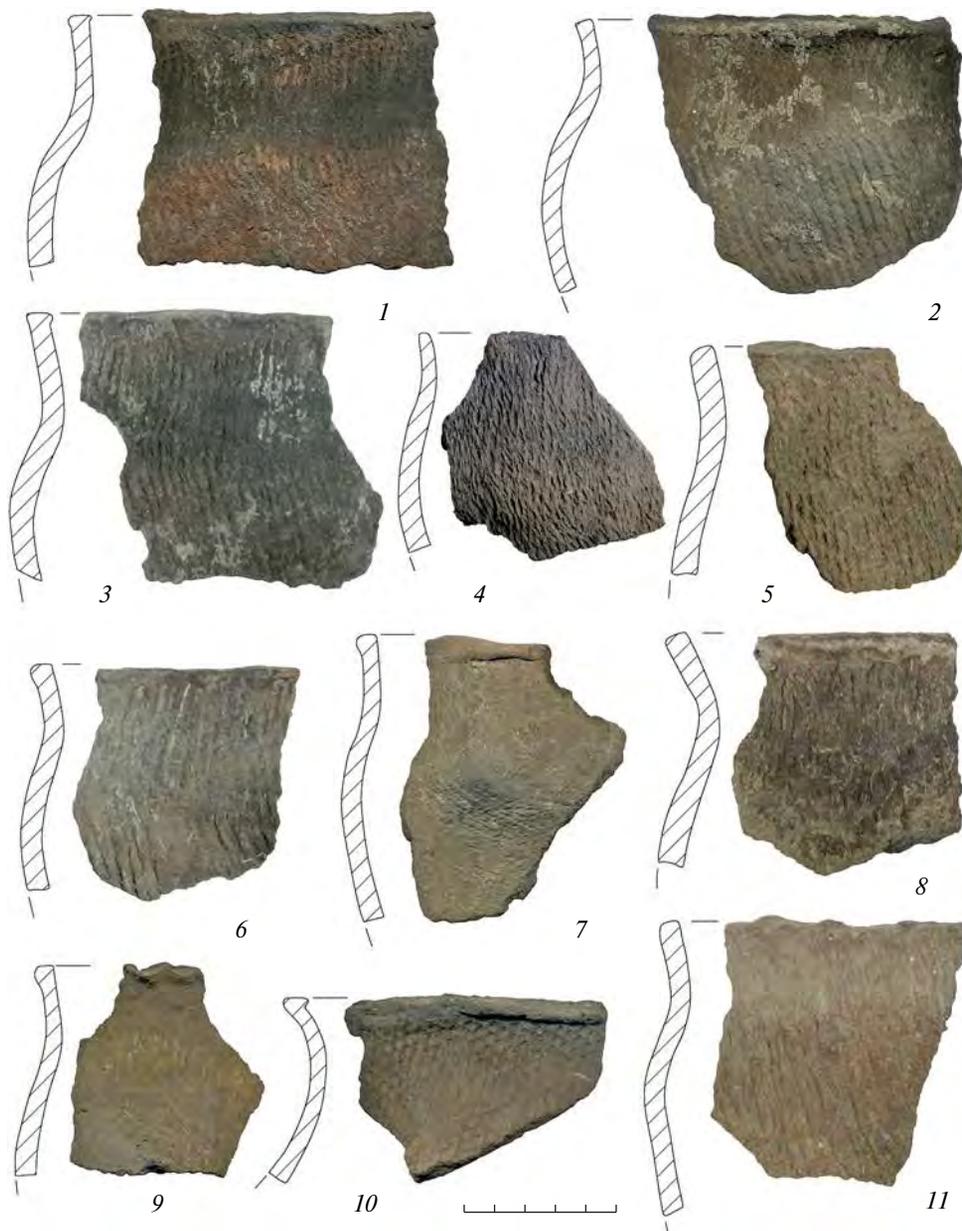

Рис. 5. Фрагменты текстильной керамики.

Fig. 5. Fragments of textile pottery

плотной глины с обильной примесью дресвы, как правило, крупной.

Большинство фрагментов имеют в разной мере тщательно заглаженную внешнюю поверхность. Преимущественно они принадлежат горшкам с более-менее профилированным туловом и отогнутой, реже – вертикальной, шейкой, иногда – сосудам баночной формы. Чаще всего орнамент на этой посуде отсутствовал (рис. 4, 1, 10), либо состоял из пальцевых защипов по краю или срезу венчика (рис. 4, 3–7). Встречаются и такие орнаментальные элементы, как сквозные проколы (рис. 4, 3, 9), вдавления

щепки или круглой палочки по шейке (рис. 4, 2, 4, 7), нередко сочетающиеся с защипами. Некоторые сосуды украшали вдавления палочки (рис. 4, 8) или насечки, нанесенные по срезу венчика.

Поверхность примерно трети найденных керамических фрагментов покрывают так называемые нитчатые (рис. 5, 1–8), изредка “рябчатые” (рис. 5, 9, 10) отпечатки. Есть экземпляры и с “бороздчатой” поверхностью (рис. 5, 11). Как правило, отгибки нитей располагались по всему тулову сосуда, образуя вертикальные или немного наклонные ряды, нередко они размещались и по срезу венчика.

Рис. 6. Изделия из глины.

Fig. 6. Clay artifacts

Обломки принадлежали горшкам с вертикально поставленной или плавно отогнутой шейкой. Чаще всего “текстильные” сосуды лишены орнамента (рис. 5, 1–8, 10), но на некоторых имелись пальцевые защипы по венчику (рис. 5, 9, 11), проколы или вдавления на шейке.

В коллекцию индивидуальных находок входят два десятка изделий из глины. Среди них половина “рогатого” кирпича (рис. 6, 1), две обломанные льячки (рис. 6, 2, 3), семь грузиков-пряслиц разнообразных форм (рис. 6, 4–10) и два миниатюрных сосудика (рис. 6, 11, 12).

Рис. 7. Костяные изделия.

Fig. 7. Bone artifacts

Довольно разнообразна серия костяных предметов. Это, прежде всего, орудия, использовавшиеся в текстильном и кожевенном производстве (Меркулов, 2017): шило (рис. 7, 5), игла (рис. 7, 9), инструмент из лопатки животного (рис. 7, 10) и два струга (рис. 7, 11, 12). Неясно пока предназначение

орудия, изготовленного из трубчатой кости и напоминающего формой нож (рис. 7, 6).

Среди находок есть еще ворворка (рис. 7, 3), обломанный наконечник гарпуна (рис. 7, 7) и амулет из клыка медведя (рис. 7, 8). Но наиболее примечательны следующие три костяных предмета, имеющие хоть какую-то хронологическую привязку.

Пластинчатый псалий с тремя круглыми отверстиями, размеры которого $11.16 \times 3.07 \times 0.80$ см (рис. 7, 1). На его лицевой поверхности нанесены резные линии, образующие “елочный” орнамент, небольшая окружность и две маленькие ямки. Край центрального отверстия был сильно стерт, вследствие чего изделие расколосось. Точной аналогии этому предмету найти пока не удалось. Но сама схема пластинчатого трехдырчатого псалия, хотя с несколько иными очертаниями и расположением отверстий, использовалась в южных регионах Восточной Европы в финале бронзового века (Вальчак, 2009. С. 55, 56). Она весьма характерна для скифского комплекса VI в. до н.э. (Иллінська, 1961. С. 46). Правда, костяные псалии ранне-скифского времени обычно украшены в зверином стиле, но имеются находки второй половины VII – VI вв. до н.э. и без изображений (Галанина, 1985. Рис. 3, 4; Ильинская, 1975. Табл. XXV, 11; Шрамко, 1987. Рис. 38, 5).

Обломок стержневидного псалия размерами $7.77 \times 1.63 \times 0.97$ см (рис. 7, 2). Он овальный в сечении, имел слегка отогнутый конец и круглые отверстия в расширенном центре, частично сохранилось одно. О полной форме предмета судить трудно, что затрудняет его датировку. Но он явно относится к периоду архаики, о чем можно судить по схожей находке в усадьбе конца VI – начала V в. до н.э. на Бельском городище (Радзиевская, Шрамко, 1980. Рис. 3, 15).

Половина пластинки, видимо, подпрямоугольной формы с круглым отверстием (рис. 7, 4). Размеры ее $4.55 \times 2.45 \times 0.40$ см. На обеих сторонах изделия имеется резной орнамент с растительными и зооморфными мотивами. Возможно, этот предмет применялся как украшение или амулет в конском снаряжении, наподобие костяных подвесок, известных в курганах VII–VI вв. до н.э. (Могилов, 2008. С. 83).

К сожалению, по имеющимся данным невозможно точно датировать городище, архаичность которого, тем не менее, не вызывает сомнений. Ничего подобного найденным здесь предметам конского снаряжения нет в среднедонских курганах V–IV вв. до н.э. (Савченко, 2009). Многие бытовые материалы, прежде всего керамика, не имеют соответствий на поселениях донской лесостепи, подавляющее большинство которых существовало в то же время (Гуляев, 2010. С. 123; Медведев, 1999. С. 53). Исключение – городище у с. Пекшево, которое, как уже отмечалось, представляет собой единственную аналогичную рассматриваемому памятнику. Предложенную А.П. Медведевым датировку древнейших слоев этого городища в рамках VII–VI вв. до н.э. (Медведев, 1999. С. 36, 85) можно принять пока и для публикуемого памятника.

Только на Пекшевском городище найдена такая же керамика раннего облика. Впрочем, А.П. Медведев выделяет в древний культурно-хронологический пласт еще не менее двух десятков верхнедонских поселений, на которых встречены фрагменты сосудов с текстильными отпечатками (Медведев, 1999. С. 31). Однако это совершенно не оправдано, поскольку в данное число включены памятники широко распространенной в Подонье городищской культуры, для которой, вопреки мнению исследователя, текстильная (иначе – “сетчатая”) керамика вполне характерна. Кстати, такие черепки, вместе с “рогожными”, есть и в верхних слоях городища у с. Верхнее Казачье, но они существенно отличаются от тех, что залегают ниже.

На Пекшевском городище выявлены и золистые отложения по краю площадки более чем двухметровой толщины, под которыми также имелась пара параллельных канавок с серией столбовых ям. Правда, А.П. Медведев считает, что канавки остались не от постройки, а от двух стен, пространство между которыми было засыпано содержащим археологические материалы золистым грунтом, да и вообще не относит это сооружение к поселку с текстильной керамикой (Медведев, 1999. С. 83). Основная часть напластований на краю городищской площадки, полагает исследователь, сформировалась постепенно. Исходя из наших наблюдений, вряд ли это соответствует действительности. Первоначальная золистая насыпь, образовавшаяся по периметру городища после пожара, совершенно не сопоставима с объемом земли, потребовавшимся бы для забутовки двойной стены двухметровой ширины. Особенно хорошо видно, что пространство между стенами было первоначально пустым, по профилю внутреннего вала (рис. 3, 1).

Надо полагать, что и параллельные стены, и примыкавшие к ним помещения вместе составляли ту самую “жилую стену”, о которой пишет и А.П. Медведев (Медведев, 1999. С. 83). Конструкции фортификационно-жилого назначения известны на ранних поселениях лесной зоны (например: Алихова, 1958; Розенфельдт, 1970. С. 138, 139; Смирнов, 1992). Открыты они на некоторых скифоидных городищах V в. до н.э. в лесостепном Подонье (Медведев, 2012. С. 136; Разуваев, 2002. С. 141, 142; 2016а. С. 80). Долго такая строительная традиция существовала и у городищского населения этого региона (Разуваев, 2016б. С. 130–133).

Выявленная по краям площадок обоих городищ стратиграфическая ситуация свидетельствует скорее о скоротечном формировании здесь слоя вследствие разрушения деревоземляных сооружений. Прокаленная и насыщенная золой почва настолько рыхлая, что не могла накапливаться постепенно на мысовом склоне, легко становясь объектом эрозионных процессов. Наблюдения в ходе наших раскопок

показали, что золистый слой практически однороден по всей толще, и в значительной степени сполз по склону вниз.

Высказанные выше соображения заставляют отнестись к полученным у с. Верхнее Казачье археологическим материалам, детальный анализ которых еще предстоит, как к важнейшему источнику информации о начале этнокультурной истории населения скифской эпохи в донской лесостепи.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 15-01-00103а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А.Е.* Особый тип сооружений на городище Кузина Гора // СА. 1958. № 3. С. 197–201.
- Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 292 с.
- Галанина Л.К.* К проблеме взаимоотношений скифов с мётами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–165.
- Гуляев В.И.* На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. 344 с.
- Лілінська В.А.* Скіфська вузда VI ст. до н.е. (за матеріалами Посулля) // Археологія. 1961. Т. XIII. С. 38–61.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1975. 223 с.
- Левенко В.П.* Отчет о полевых работах Верхне-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1962 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 2552, 2552а.
- Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.
- Медведев А.П.* Городище скифского времени Верхняя Покровка II // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск: Курская гор. тип., 2012 (Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. Вып. IV). С. 136–141.
- Меркулов А.Н.* Костяные орудия труда раннескифского времени с городища у с. Верхнее Казачье (раскопки 2015 г.) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (274). С. 105–107.
- Могилов О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у лісостепу східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ИА НАНУ, 2008. 439 с.
- Радзиевская В.Е., Шрамко Б.А.* Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4. С. 181–189.
- Разуваев Ю.Д.* Городище скифского времени у с. Губарево на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж: Воронежский госпед-университет, 2002. С. 138–145.
- Разуваев Ю.Д.* Городище V века до н.э. у с. Петино на Верхнем Дону // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016а. № 1. С. 77–82.
- Разуваев Ю.Д.* Домостроительство городецкого населения донской лесостепи // Поволжская археология. 2016б. № 3 (17). С. 124–138.
- Разуваев Ю.Д., Козмирчук И.А.* Раскопки городищ в Верхнем Подонье // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2015 / Отв. ред., сост. Н.Е. Чалых. Липецк, 2016. С. 117–121.
- Розенфельдт Р.Л.* К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1970 (МИА; № 156). С. 136–144.
- Савченко Е.И.* Снаряжения коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–325.
- Смирнов К.А.* Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе // СА. 1992. № 1. С. 48–56.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наук. думка, 1987. 184 с.

NEW MATERIALS FROM THE UPPER DON SETTLEMENTS OF THE BEGINNING OF THE EARLY IRON AGE

Yuri D. Razuvaev

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia
(razuvaevyd@mail.ru)

The article presents the results of recent excavations at an Upper Don fortified settlement near Verkhnee Kazachye village in Lipetsk oblast'. The materials from the site (bone and clay tools, bone pieces of horse harness, textile and smooth-surface pottery) can be preliminarily dated to the 7th – 6th cc. BC. We have investigated the domestic buildings and the defensive structures, including the long above-ground building along the perimeter of the settlement, and the well. The building will have functioned as a defensive structure and as living quarters. After it had been destroyed by fire the defenses were rebuilt and reinforced.

Keywords: Upper Don, Early Scythian period, fortified settlement, fortifications, long building, well, textile pottery.

REFERENCES

- Alikhova A.E.*, 1958. A special type of constructions at Kuzina Gora fortified settlement. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 3, pp. 197–201. (In Russ.)
- Galanina L.K.*, 1985. Towards the problem of the relations between the Scythians and the Maeotians (based on data from the new excavations at Kelermes barrow cemetery). *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 3, pp. 156–165. (In Russ.)
- Gulyaev V.I.*, 2010. Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov) [On the eastern frontiers of Scythia (antiquities of the Don Scythians)]. Moscow: IA RAN. 344 p.
- I'inskaya V.A.*, 1975. Ranneskifskie kurgany basseyna r. Tyasmin (VII–VI vv. do n.e.) [Early Scythian barrows in the Tiasmin river basin (7th – 6th cc. BC)]. Kiev: Naukova dumka. 223 p.
- Illins'ka V.A.*, 1961. Scythian bridle of the 6th c. BC (based on materials from the Sula river basin). *Arkheologiya [Archaeology]*, XIII, pp. 38–61. (In Ukrainian)
- Levenok V.P.* Otchet o polevykh rabotakh Verkhne-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii LOIA AN SSSR i Lipetskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya v 1962 g. [Report on field studies of the Upper Don archaeological expedition of the Leningrad branch of the Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences, and the Lipetsk Museum of Regional Studies in 1962]. *Nauchnyy arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences]*, P-1, № 2552, 2552a.
- Medvedev A.P.*, 1999. Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tysyacheletiya do n.e. [Early Iron Age of the forest-steppe Don region. Archaeology and ethnocultural history of the 1st millennium BC]. Moscow: Nauka. 160 p.
- Medvedev A.P.*, 2012. Verkhniaya Pokrovka 2 fortified settlement of the Scythian period. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ya (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Puzikovoy) [Antiquities of the Dnieper Left Bank from the Stone Age to Late Middle Ages (to the 80th anniversary of A.I. Puzikova)]*. Kursk: Kurskaya gorodskaya tipografiya, pp. 136–141. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo levoberezh'ya, IV). (In Russ.)
- Merkulov A.N.*, 2017. Bone tools of the Early Scythian period from the fortified settlement near Verkhnee Kazachye (the 2015 excavations). *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Izvestia of Voronezh State Pedagogical Institute]*, 1(274), pp. 105–107. (In Russ.)
- Mogilov O.D.*, 2008. Sporyadzhennaya konya skifs'koï dobi u lisostepu skhidnoï Evrope [Horse equipment of the Scythian period in the forest-steppe of Eastern Europe]. Kii'v; Kam'yanets'-Podil'skiy: Institut arkheologii Nacional'noy akademii nauk Ukrainy. 439 p.
- Radzhevskaya V.E., Shramko B.A.*, 1980. Homestead with bone-carver's workshop in Belsk fortified settlement. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 4, pp. 181–189. (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D.*, 2002. Fortified settlement of the Scythian period near Gubarevo on the Upper Don. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy [Archaeological sites of Eastern Europe]*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp.138–145. (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D.*, 2016. A fortified settlement of the 5th c. BC near Petino on the Upper Don. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology]*, 1, pp.77–82. (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D.*, 2016. Housing of the Gorodets population of the forest-steppe Don region. *Povolzhskaya arkheologiya [Volga River Region Archaeology Journal]*, 3(17), pp. 124–138. (In Russ.)
- Razuvaev Yu.D., Kozmirchuk I.A.*, 2016. Excavations of fortified settlements in the Upper Don region. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e, 2015 [Archaeological investigations in the Central Black Earth region, 2015]*. N.E. Chalykh, ed., comp. Lipetsk, pp. 117–121. (In Russ.)
- Rozenfel'dt R.L.*, 1970. On the question of defensive structures at Troitsa fortified settlement. *Drevnee poselenie v Podmoskov'e [An ancient settlement in the Moscow region]*. K.F. Smirnov, ed. Moscow: Nauka, pp.136–144. (MIA, 156). (In Russ.)
- Savchenko E.I.*, 2009. Horse equipment of the Scythian period as an archaeological source. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period: Proceedings of the Don archaeological expedition of the IA RAS, 2004–2008]*. V.I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 221–325. (In Russ.)
- Shramko B.A.*, 1987. Bel'skoe gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon) [Belsk fortified settlement of the Scythian period (city of Gelonus)]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.
- Smirnov K.A.*, 1992. Dwelling-house at the fortified settlement near Lesnichino on the Vazuza river. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1, pp. 48–56. (In Russ.)
- Val'chak S.B.*, 2009. Konskoe snaryazhenie v pervoy treti I-go tys. do n.e. na Yuge Vostochnoy Evropy [Horse equipment of the 1st third of the 1st millennium BC in the south of Eastern Europe]. Moscow: Taus. 292 p.

БОГИНЯ КИБЕЛА – ВЛАДЫЧИЦА ЗВЕРЕЙ – В СКИФСКОМ ИСКУССТВЕ

© 2018 г. В. И. Гуляев

*Институт археологии РАН, Москва, Россия
(viguliaev@yandex.ru)*

Поступила в редакцию 20.06.2017 г.

В статье речь идет о воплощении образа фригийской богини – владычицы зверей Кибелы в произведениях скифского ювелирного искусства IV в. до н.э. В скифском пантеоне Кибеле соответствовала Аргимпаса – повелительница растительного и животного мира. Проникновение культа Кибелы в круги скифской элиты началось еще в VII в. до н.э. через греков Малой Азии во время переднеазиатских походов скифов. Но это был пока единичный случай. Положение изменилось после появления эллинских городов-колоний в Северном Причерноморье. В VI в. до н.э. Кибелу почитали в Ольвии, а с V в. до н.э. культ этой богини существовал уже и на Боспоре. Тесные политические, экономические и культурные связи боспорских правящих династий со скифскими царями и их окружением привели к тому, что в IV в. до н.э. в элитных курганах Скифии появляются изображения богини – владычицы зверей, созданные как местными, так и греческими мастерами. В статье также высказывается предположение о том, что культ Кибелы был представлен в скифской среде не только в антропоморфных образах этой богини, но и в зооморфной форме в виде ее любимых зверей – пантер.

Ключевые слова: богиня Кибела, Аргимпаса, Скифия, пантера, подвески-“серьги”, курган, золото.

“Не раз отмечалось, что скифское искусство сумело прекрасно развить звериный стиль, но с трудом выходило из примитивного состояния, когда дело касалось человеческих изображений. Это не мешает, однако, человеку часто фигурировать в этом искусстве, но изображения людей встречаются главным образом с конца V в. (Солоха). До этого времени человеческое изображение давалось лишь в произведениях импортных, греческих; единственное, пожалуй, исключение составляют каменные фигуры воинов... (т.е. стелы на вершинах курганов. – *В.Г.*). С конца V в. спрос на антропоморфные изображения усиливается. Они одновременно встречаются и на греческих, и на скифских вещах, бытовавших у представителей скифской знати. Среди множества этих изображений довольно отчетливо выделяется круг местных божеств, к которым присоединяются греческие, вероятно, как-то по своему понимавшиеся у скифов” (Граков. 1950. С. 7).

Эта цитата взята из доклада известного отечественного скифолога – профессора Б.Н. Гракова “Скифский Геракл”, прочитанного на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИИМК АН СССР 10 декабря 1949 г. С тех пор прошло много десятилетий, но идеи, высказанные тогда этим

выдающимся ученым, послужили в дальнейшем могучим стимулом для творчества нескольких поколений археологов нашей страны в области изучения духовной культуры и религии скифов (Артамонов, 1961; Онайко, 1976; Раевский, 1977, 1979, 1980, 2006; Шайб, 2007).

Ниже речь пойдет о необычайно интересном и оригинальном женском божестве малоазиатского (фригийского) происхождения, культ которого получил довольно широкое распространение как среди греков, так и (в меньшей степени) среди скифов, – Владычице зверей, Кибеле. Что же известно об этой богине в письменных источниках и археологии? Обратимся к энциклопедиям и словарям.

«Кибела (лат. Cybele; Цибела, иногда и Кибелба) – первоначально фригийская богиня, олицетворение матери-природы, почитавшаяся и в большей части областей Малой Азии (в Лидии, Вифинии и Галатее)... Через посредство греческих колоний в Малой Азии культ Кибелы рано проник и в Грецию, где она была отождествлена с критской матерью Зевса, Реєю, и обыкновенно называлась “великою матерью богов”... Античное искусство представляло Кибелу в виде богато одетой матроны...; в одной руке у нее тимпан, в другой иногда колосья или скипетр; она сидит на

Рис. 1. Крылатая богиня Кибела с двумя пантерами. Серебряное зеркало (1) с электровой вставкой и деталь (2). Вторая половина VII в. до н.э. Келермесский курган 4.

Fig. 1. Winged goddess Cybele with two panthers. Silver mirror (1) with electrum inset and detail (2). Second half of the 7th century BC. Kelermes barrow 4

троне, окруженном львами, или в колеснице, запряженной львами; иногда представлена и верхом на льве» (Брокгауз, Ефрон, 1895. С. 41).

“Кибела. Богиня фригийского происхождения. Великая мать, богиня материнской силы, а также плодородия...” (Словарь античности, 1989. С. 260).

“Кибела – в греческой мифологии богиня фригийского происхождения... Она – владычица лесов, гор и зверей, регулирующая их неиссякаемое плодородие...” (Мифы..., 1980. С. 647).

Культ фригийской богини очень рано (не позже VIII–VII вв. до н.э.) восприняли ионийские греки – жители городов Малой Азии. От них этот культ попал в материковую Грецию и на острова Эгейского моря, а поскольку главный поток эллинской колонизации в Северное Причерноморье шел именно из Ионии (в основном из Милета), то со временем Кибелу стали почитать и в возникших на северопричерноморском побережье греческих городах-полисах. К концу VI в. до н.э. относится терракотовая статуэтка Кибелы, открытая в некрополе Ольвии. С V в. до н.э. культ Кибелы уже существовал и на Боспоре, о чем говорит посвятельная надпись богине на доньшке чернолакового сосуда из Мирмекия (Кобылина, 1978. С. 10; Шауб, 2007. С. 352). Таким образом, греки-колонисты из Малой Азии, появившись на

северном побережье Понта Эвксинского (Черного моря) в конце VII – начале VI в. до н.э. (поселения на о. Березань и в Таганрогском заливе), принесли с собой и культ Кибелы. По мере расширения контактов с населением степной Скифии (особенно с ее знатью) этот культ постепенно стал проявляться и в варварской среде, хотя и в гораздо более позднее время – в IV в. до н.э.

Однако еще в эпоху глубокой скифской архаики имело место одно событие, которое заслуживает отдельного упоминания. В начале прошлого века в ходе раскопок богатейших скифских захоронений в районе Келермеса (на Северном Кавказе), в кургане 4 найдено серебряное зеркало раннего типа (с вертикальной ручкой) со сложным художественным оформлением на накладной электровой пластине (рис. 1). Погребение с зеркалом датируется разными исследователями временем от второй половины VII в. до н.э. (Алексеев, 2012. С. 108) до конца века (Бессонова, 1983. С. 82). По форме зеркало относится к ранним скифским типам, а изображения на оборотной его (электровой) части явно сделаны по канонам восточно-греческого (ионийского) искусства. “Из всех этих наблюдений, – пишет М.И. Максимова, – вытекает, во-первых, что зеркало было сделано в два приема и двумя мастерами. Первый – по всей

вероятности, скифский мастер – изготовил серебряный диск с ручкой, второй декорировал зеркало изображениями на сборном электровом листе, положенном им на готовый диск...” (Максимова, 1954. С. 285). Среди многочисленных изображений на диске (их всего 24) “главным персонажем выступает крылатая женская фигура с пантерами в руках – обычными атрибутами Великой малоазийской богини Кибелы. Окружают богиню антропоморфные существа, борющиеся с фантастическими грифонами, сфинксы, львы, медведь, лиса. В иконографии образов, в способе передачи шерсти, других стилистических приемах отчетливо проступают черты, свойственные греко-восточному искусству. Между тем, тип самого зеркала и отдельные мотивы (например, стоящая пантера с кольчатыми лапами) имеют явно скифское происхождение. Да и малоазийская Кибела по своей сути во многом напоминает скифскую богиню Аргимпасу, бывшую также божеством плодородия животного и человеческого мира. Хотя конкретное содержание композиции на зеркале остается не до конца ясным, совершенно очевидно, что чужеземный мастер, декорируя этот предмет, ориентировался на запросы скифского заказчика...” (Алексеев, 2012. С. 108).

С этим выводом согласны и другие исследователи. «Зеркало, изготовленное греческим мастером, – отмечает С.С. Бессонова, – отражает идеологию верхушки скифской знати Прикубанья, хотя в нее уже проникли и малоазийские, а также эллинские элементы. Изображения на зеркале представляют собой систему магического характера, целый пантеон божеств или демонов, подчиненных женскому божеству... В литературе за этим образом утвердилось название “Владычица зверей”. Несомненно связь этого образа с искусством и религией Передней Азии, его отождествляют с Кибелой и Артемидой. *Пантеры были ее наиболее древними атрибутами...* (курсив автора. – В.Г.). В скифском пантеоне таким божеством могла быть Афродита Небесная-Аргимпаса, божество по природе своей явно восточного происхождения...» (Бессонова, 1983. С. 82, 85).

М.И. Максимова также считает, что “в греческой трактовке дано главное изображение на зеркале – группа Кибелы с двумя пантерами, которых она держит за лапы. Богиня – олицетворение творческих сил природы, владычица над животным царством, почитавшаяся в Малой и Передней Азии под различными именами (Кибела, Анаитис, Атаргатис и др.), очень рано была отождествлена греками с их богиней Артемидой – Владычицей зверей” (Максимова, 1954. С. 293, 294). Не менее

важно и мнение выдающегося отечественного археолога М.И. Артамонова. “Известен и еще один образ женского божества, – пишет он, – который действительно близок малоазийской владычице зверей Кибеле. Он появляется очень рано, но в предметах явно не местного происхождения и при том в чисто ионийских формах. Прекрасным примером представляется зеркало из Келермеса, где эта богиня включена в ряд других мифологических и звериных изображений...” (Артамонов, 1961. С. 72).

Подводя итог этому краткому описанию уникального келермесского зеркала, можно привести еще и слова М.Ю. Вахтиной: “Серебряное зеркало из Келермеса с электровой обкладкой, украшенной сложной системой изображений... демонстрирует не только высочайший художественный уровень и, без сомнения, принадлежит к шедеврам древнего искусства, но и отражает знакомство оставившего его мастера (или мастеров) с искусством варваров, обитавших в Северном Причерноморье и, скорее всего, было изготовлено на заказ...” (Вахтина, 2009. С. 257, 258).

“Антропоморфизация” скифского искусства, т.е. появление в нем изображений человека, более или менее широко начинает проследиваться с конца V и, особенно, в IV в. до н.э. В это время в скифских древностях известно довольно значительное количество антропоморфных образов, но большинство их было делом рук эллинских мастеров. Вещей же, которые можно безоговорочно отнести к продукции собственно скифов, едва ли наберется более десятка. «Антропоморфные образы связаны, прежде всего, с пантеоном скифских богов... Изображения скифских богов дошли до нас, будучи запечатленными на престижных изделиях из драгоценных металлов и мелкой пластике... Вещи с антропоморфными изображениями встречены, на данный момент, только в богатых погребальных памятниках представителей скифской аристократии. Достаточно популярен был образ Владычицы зверей (т.е. Кибелы, Аргимпасы. – В.Г.). Наиболее раннее изображение богини украшало ажурные пластины (из железа, золота и серебра. – В.Г.) ... из “царского” Александропольского кургана» (Великая Скифия, 2002. С. 138).

Согласен в целом с высказанным выше мнением киевских археологов (и прежде всего с С.С. Бессоновой) и известный отечественный исследователь Д.С. Раевский. “Качественный скачок в характере популярных в скифском искусстве образов, – отмечает он, – происходит в конце V и особенно в IV в. до н.э. В это время резко усиливается спрос

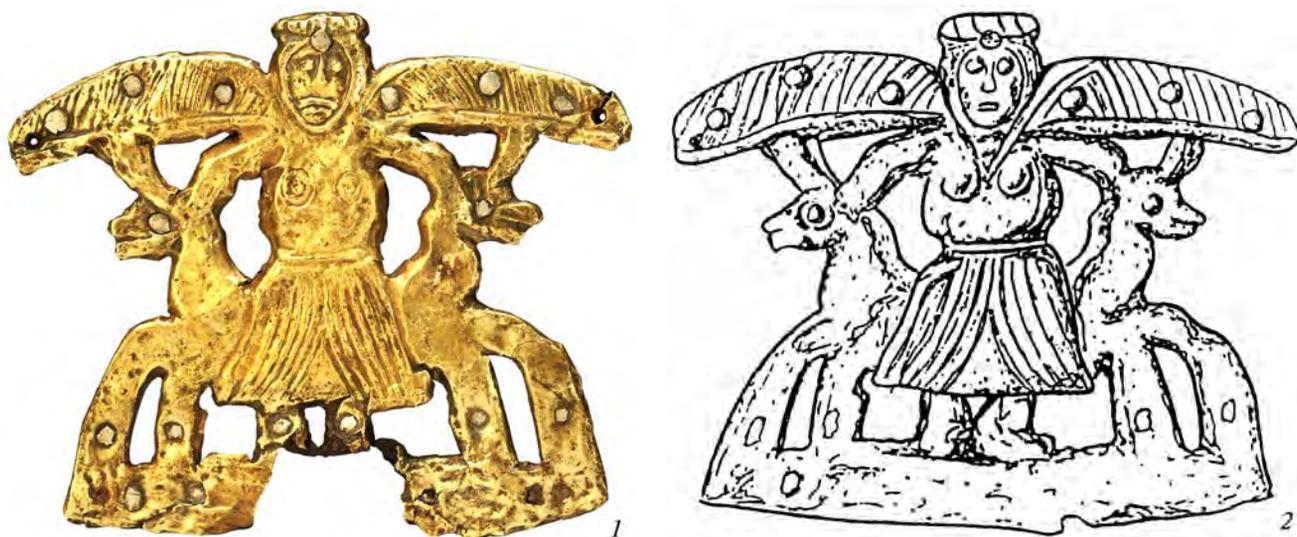

Рис. 2. Изображение Владычицы зверей – Кибелы-Аргимпасы на золотой пластине (1, 2) из Александропольского кургана, Степное Приднепровье. Третья четверть IV в. до н.э.

Fig. 2. Cybele Argimpasa, Mistress of animals, on gold plaque (1, 2) from Aleksandropol barrow, Steppe Don region. Third quarter of the 4th century BC

на антропоморфные изображения. Теперь они появляются и на греческих, и на местных изделиях...” (Раевский, 1978. С. 64, 65).

Наиболее ярким примером слияния образов эллинской (малоазийской) и скифской религий являются изображения Аргимпасы-Кибелы. Варварское воспроизведение образа “Владычицы зверей” происходит из “царского” скифского Александропольского кургана на ажурных железных бляхах (лицевая сторона блях покрыта золотом, а обратная – серебром). Здесь представлено (рис. 2) “фронтальное изображение богини, сидящей на двух оленях, расположенных в геральдической схеме. Разведенные в стороны руки богини сливаются с верхней частью головы каждого животного. Распростерты горизонтально узкие крылья богини, орнаментированные параллельными углубленными линиями, завершают симметричную композицию сюжета. У женской фигуры непропорционально большая голова с овальным лицом, окутанная покрывалом, поверх которого надет головной убор. У богини крупные, рельефно выступающие черты лица. На ней короткая одежда, перехваченная поясом... В верхней части фигуры концентрическими вдавленными кругами выделена грудь...” (Онайко, 1976. С. 166).

Большинство исследователей согласно с тем, что ажурную александропольскую пластину с фигурой богини изготовил скифский мастер, а не эллин. “Несмотря на грубость и бесформенность изображения, – отмечает М.И. Артамонов, – в нем можно

узнать характерные черты владычицы зверей, великой матери богов (т.е. Кибелы. – В.Г.), культ которой был распространен в греческих колониях Причерноморья и проник в Скифию. Здесь он, видимо, слился с местными религиозными представлениями, особенно близкими к малоазийскому культу благодаря большой роли, какую в нем играли образы животных, в сочетании с которыми обычно изображалась эта богиня. Влияние культа Кибелы, прослеживаемое в составе скифских звериных образов, отразилось и на иконографии скифских богов” (Артамонов, 1961. С. 72).

Действительно, на александропольской ажурной бляхе изображена скифская богиня – Владычица зверей, Аргимпаса. От греческой иконографии Кибелы скифский мастер взял крылья и пару животных по сторонам от главной фигуры. Но здесь показаны не обычные для окружения Кибелы звери – пантеры или львы, а какие-то копытные животные с рогами, видимо, олени или лани. “Крылья служили признаком архаического образа малоазийской и греческой Владычицы зверей, уже исчезнувшему к этому (IV в. до н.э. – В.Г.) времени. Греческие изображения Владычицы зверей с оленями вообще крайне редки. Олень обычен для греческой Артемиды... Божество с оленями можно считать воплощением Аргимпасы – богини животного и человеческого плодородия, позаимствовавшей некоторые черты культа и иконографию переднеазиатской Владычицы зверей... (т.е. Кибелы. – В.Г.)” (Бессонова, 1983. С. 88, 89).

Тем не менее в IV в. до н.э. скифские ремесленники-ювелиры вполне освоили в своих произведениях и более эллинизированный образ Кибелы. Речь идет о четырех парах золотых височных подвесок (или, как принято говорить, “серьгах”) из курганных погребений знатных скифянок. Все они изображают варваризованную версию греческой (малоазийской) богини *в окружении львов*. Этот образ воплощен на однотипных золотых подвесках к головному убору (“серьгах”), найденных в четырех скифских женских погребениях IV в. до н.э. из различных областей Большой Скифии: в кургане 5 у с. Мастюгино на Среднем Дону (рис. 3); в боковой гробнице “царицы” в Толстой Могиле (рис. 4) близ г. Орджоникидзе Днепропетровской обл.; в кургане 10 (погр. 3) близ Большой Знаменки, Каменко-Днепровского р-на Запорожской обл. (рис. 5); в кургане 2 у с. Любимовка близ Каховки в низовьях Днепра (рис. 6). “Изображения вызывают ассоциации с образом античной Кибелы, однако ряд иконографических особенностей свидетельствует о значительной трансформации античного прототипа, в результате чего он приблизился к схеме, более приемлемой для изображений скифских божеств. Уже сама иконографическая схема – богиня в позе оранты (с поднятыми вверх руками. – В.Г.), сидящая на двух львах, – не характерна для античного искусства...” (Бессонова, 1983. С. 89).

Перейдем к более подробному описанию этих предметов.

Золотые подвески из кургана 5 у с. Мастюгино (Острогожский р-н Воронежской обл.). Эти парные золотые “серьги” (рис. 3) найдены возле женского черепа в коллективном погребении кургана, раскопанного Н.Е. Макаренко в 1908 г. (1911. С. 57–59, 71), и изданы вторично А.П. Манцевич (1973. С. 37–40. Рис. 11, 2). И хотя эту находку описывали и анализировали впоследствии многие исследователи, будет справедливо воспроизвести здесь характеристику мастюгинских подвесок, данную их первооткрывателем – Н.Е. Макаренко. “Две золотых серьги (табл. I, № 9 и № 10), состоящие из трех частей. Сверху проволочные крючки с изогнутым наружу концом; крючки припаяны к средней, главной и самой интересной по сюжету части. Средняя часть в виде пластинки (разм. 4 × 4 см) со штампованным изображением Кибелы, сидящей на львах. Пластинка состоит из двух частей: верхней с изображением богини и нижней, плоской, припаянной к верхней... Сидящая богиня подняла руки вверх, изогнув их в локтях, как бы прикасаясь руками к голове; в руках как будто имеется какой-то предмет неопределенной

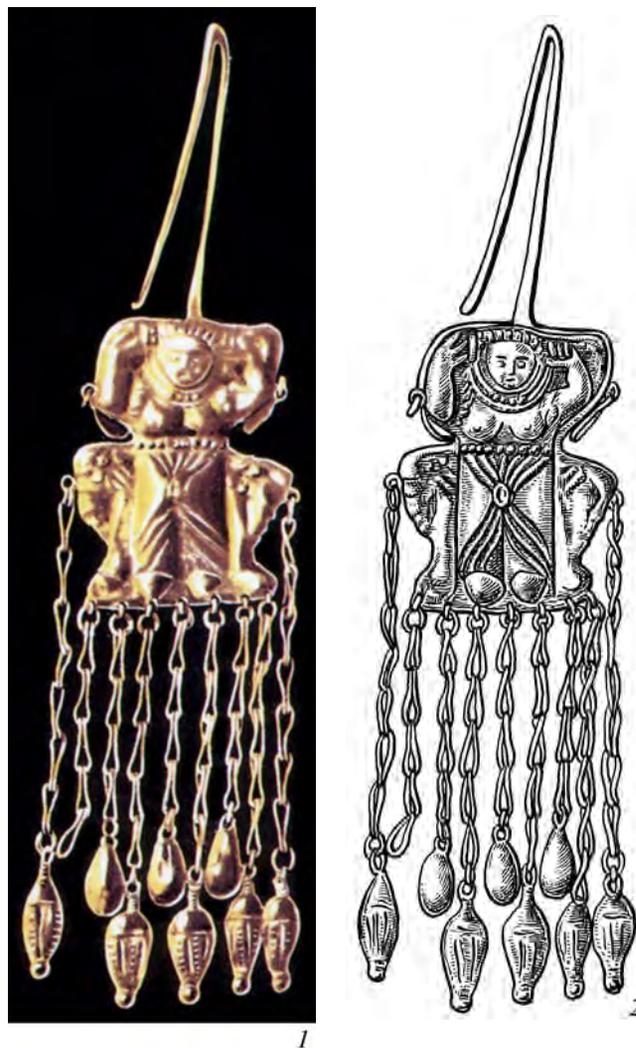

Рис. 3. Золотые подвески-серьги с фигурой Кибелы (1, 2). Курган 5 у с. Мастюгино, Средний Дон. IV в. до н.э.

Fig. 3. Gold pendant earrings with figure of Cybele (1, 2). Barrow 5 near Mastugino village, Middle Don, 4th century BC

формы. Богиня одета в хитон, плотно прилегающий к телу; на шее заметен убор в виде двойного толстого круга (гривны?); на руках у плеч надеты толстые рубчатые браслеты. Рубчатый пояс высоко поддерживает тунику, ниспадающую несколькими узкими складками; выдавшиеся вперед колени плотно прижаты одно к другому; из-под одежды видны носки ног, по-видимому, обутих... К рукам богини, у локтей, прикреплены с помощью колечек овальные листики, по одному у каждой... Композиция фигуры богини, помещенной на львах, выступающих со стороны, удачно дополнена поднятыми кверху руками богини... Какую задачу преследовал мастер при исполнении описанной композиции, сказать затрудняемся... Общая длина серьги 0.145 м” (Макаренко, 1911. С. 71, 72).

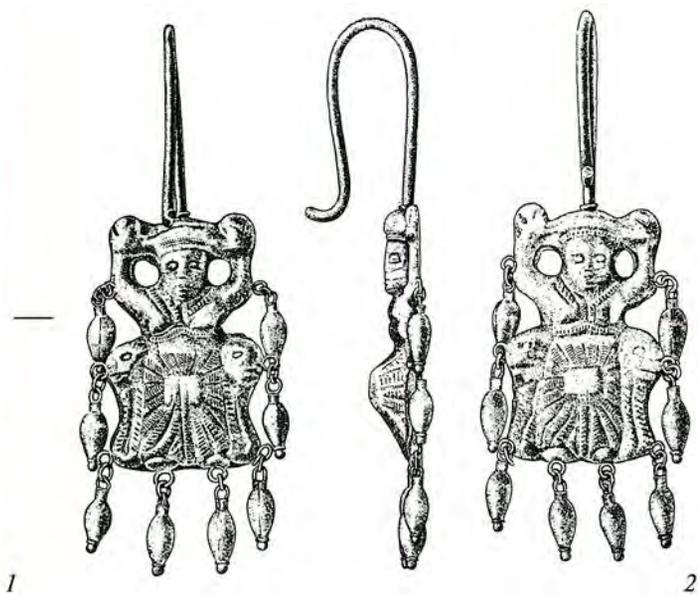

Рис. 4. Золотые подвески-“серьги” с Кибелой (1, 2) из элитного кургана (женское погребение) Толстая Могила, Степное Приднепровье. IV в. до н.э.

Fig. 4. Gold pendant earrings with Cybele, gold (1, 2) from Tolstaya Mogila elite barrow (woman's burial), Steppe Dnieper region, 4th century BC

Рис. 5. Золотые подвески-“серьги” с Кибелой из кургана 10, погр. 3, с. Большая Знаменка, Степное Приднепровье. IV в. до н.э.

Fig. 5. Gold pendant earrings with Cybele from burial 3 in barrow 10 near Bolshaya Znamenka, Steppe Dnieper region, 4th century BC

Рис. 6. Золотая подвеска-серьга с Кибелой из кургана 2 у с. Любимовка, близ Каховки, Херсонская обл. IV в. до н.э.

Fig. 6. Gold pendant earring with Cybele from barrow 2 near Lyubimovka village near Kakhovka, Kherson oblast', 4th century BC

А.П. Манцевич, долгие годы бывшая хранительницей коллекции из дореволюционных раскопок курганов у с. Мастюгино в собрании Государственного Эрмитажа в Ленинграде, писала по поводу золотых подвесок из кургана 5 следующее: «Две золотые серьги в виде ажурной пластинки с рельефным изображением Кибелы, сидящей на двух львах... Руки богини подняты к голове и касаются калафа. Длинная одежда, в нижней части испещренная складками, подпоясана... Вверху на каждой серьге длинный крючок из проволоки, загнутый вперед. У нижнего края обеих серег по три полые гладкие подвески – “капли”. На одной из сережек имеется четвертая орнаментированная подвеска. На уровне локтя фигурки также подвески-кружки, в одном случае два, в другом – один. Общая длина серег с крючком и подвесками 13.6 см и 12.3 см, ширина 3.4 см. Рельеф, изображающий Кибелу, оттиснут на листочке золота и вырезан по контуру. На обратной стороне для прочности припаяна гладкая пластинка. Работа довольно примитивная, лицо трактовано схематично...» (Манцевич, 1973. С. 37, 39).

В.Г. Петренко выделила мастюгинские подвески в *третий вариант* скифских серег и дала им свою оригинальную трактовку, считая, что изображение богини было здесь не только сильно схематизировано, но и переосмыслено местным мастером-варваром. “Богиня изображена сидящей на двух львах с поднятыми вверх руками... На шее богини появилось какое-то широкое украшение: гривна или пектораль... Спадающая складками юбка обозначена выпуклыми линиями, изгибающимися на коленях. Однако ниже колен изображена уже не юбка, а брюки в той же манере, как на скульптурной фигурке скифа из кургана Куль-Оба. Художник, делавший подвески, явно не понял воспроизводимый им сюжет и соединил образ Кибелы с образом скифа. Тем более что и лицо, несмотря на безбородость, не женское. Головы львов, особенно правая, выполнены весьма условно, но в то же время вполне реалистично показаны мягкие мощные лапы... Дата погребения – рубеж IV–III вв. до н.э.” (Петренко, 1978. С. 31). Предложенную В.Г. Петренко датировку кургана 5 у с. Мастюгино следует скорректировать: она, скорее всего, не позже последней трети IV в. до н.э. Отнесу к личному мнению В.Г. Петренко и трактовку костюма и образа Кибелы. О мастюгинских “серьгах” писал (но в основном повторяя выводы В.Г. Петренко) Е.И. Савченко (2005. С. 455, 456). В.Г. Петренко отмечает, что “в подвесках из с. Мастюгино мы имеем уже коренное варварское переосмысление образа (Кибелы. – *В.Г.*) и создание на его основе какого-то иного божества или героя, более понятного заказчику,

а возможно и выполнявшему его ремесленнику” (Петренко, 1978. С. 32).

Со своей стороны Н.А. Онайко отмечает, что “мастюгинское изображение выполнено очень грубо и схематично. Сидящая на львах богиня одета в хитон, перехваченный поясом; на шее у нее – гривна, на руках у плеч – браслеты. О том, что богиня сидит, можно только догадываться, хотя мастер и пытался показать ее позу с помощью более высокого рельефа при изображении колен и расходящихся от них складок одежды...” (Онайко, 1976. С. 167).

Представляется, что вывод В.Г. Петренко о полном переосмыслении образа Кибелы скифским мастером и тем более о слиянии в этом случае женских признаков с мужскими (наличие брюк под хитоном и грубость черт лица) достаточно спорен. Никаких брюк “скифского типа” на мастюгинских подвесках не видно. Грубость же черт лица Кибелы – не доказательство привнесения в общую картину какого-то мужского божества, а неумение мастера-варвара точно передать человеческую натуру, даже имея перед собой эллинский оригинал. Вспомним изображение владычицы зверей Кибелы-Аргимпасы на полиметаллической пластине из Александропольского кургана (рис. 2). Никаких сомнений, что там изображена именно богиня, женщина, ни у кого нет, а более грубого воспроизведения черт лица у этой богини вряд ли еще можно найти.

Толстая Могила, золотые подвески из женского погребения (рис. 4). Весной 1971 г. археологическая экспедиция ИА АН УССР, возглавляемая Б.Н. Мозолевским, провела охранные раскопки большого скифского кургана Толстая Могила, стоявшего на окраине г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. Высота кургана достигала почти 9 м, диаметр – 70. Центральная гробница с захоронением “царя” подверглась еще в древности опустошительному ограблению, но в оставшемся без внимания грабителей дромосе найдены знаменитая золотая пектораль и меч в золотых ножнах и с золотой рукояткой (Мозолевский, 1972. С. 271–274). Боковая же могила, где были погребены “царица” и ее малолетний сын, оказалась абсолютна целой.

Скелет знатной скифянки 20–30 лет лежал на деревянном настиле, на спине, головой на запад. На ней был роскошный головной убор, типа калафа с покрывалом до плеч, обшитый золотыми фигурными пластинами. Вся одежда и башмачки были сплошь покрыты нашивными золотыми бляшками. На шее – массивная золотая гривна с фигурками львов на концах; на запястьях – широкие

золотые браслеты, а на пальцах обеих рук – золотые перстни: по пять на левой и правой.

“У висков найдены крупные золотые подвески, состоящие из проволочной дужки и полого внутри медальона, на котором оттиснута сидящая богиня с поднятыми руками. Изображение очень грубое. По бокам от богини очень невыразительные головы животных. Края медальона украшены подвешенными на колечках восемью амфоровидными подвесками...” (Мозолевский, 1972. С. 299, 300).

Подвеска из кургана 2 у с. Любимовка близ Каховки, Херсонской обл. (рис. 6). “Самая интересная находка, – пишет руководитель раскопок А.М. Лесков, – оказалась в погребении девочки в кургане 2. Вместе с бронзовым зеркалом, набором разноцветных пастовых бус, темно-зеленым пастовым медальоном..., здесь лежала крупная, с высоким ушком золотая подвеска в виде барельефа, от основания которого свисают четыре желудеобразные подвески... Барельеф изображает женщину в длинном одеянии и головном уборе с поднятыми вверх руками, чуть согнутыми в локтях. От локтей свисают круглые плоские золотые бляшки. Женщина сидит на каком-то животном, обращенном головой вправо. Подобные подвески встречены в одном из Мастюгинских курганов под Воронежем и в кургане Толстая Могила в Днепропетровской обл. Обе находки отличаются от любимовской тем, что там по бокам сидящей женщины изображены головы животных... Подвески из Мастюгино и Толстой Могилы трактуются как изображение сидящей на троне Кибелы – малоазийской богини, владычицы зверей. К сожалению, левый бок нашей подвески поврежден, и поэтому неясно, была ли здесь голова второго животного. Скорее всего не было, ибо на этом месте подвешено колечко...” (Лесков, 1981. С. 129).

Несколько иначе рассматривает любимовскую находку В.Г. Петренко. “Кибела, – пишет она, – изображена сидящей на льве с поднятыми вверх к голове руками. На голову ее надет низкий головной убор типа калафа. На шее ожерелье. Платье, спадающее свободными складками, перехвачено в талии поясом. Из-под платья выступают кончики туфель. Животное, на котором сидит богиня, изображено так, что видна только его голова и передняя и задняя когтистые лапы. К локтям Кибелы с помощью коротких цепочек прикреплены круглые диски. Четыре амфоровидные привески на таких же цепочках припаяны к нижней части подвески и две к носу и задней части льва (последние две в настоящее время утрачены). Дата погребения IV в. до н.э.” (Петренко, 1978. С. 31).

“*Серьги*” из *Большой Знаменки* (рис. 5). Пара золотых подвесок с сидящей богиней обнаружена в женском погр. 3 в кургане 10 у с. Большая Знаменка, Каменко-Днепровского р-на Запорожской обл. в 1982 г. Каждая височная подвеска состоит из двух отштампованных и соединенных вместе рельефных изображений Кибелы. Богиня облачена в длинное одеяние до колен; она сидит на троне и держит в правой руке сосуд с широким устьем, а левая рука лежит на колене. На голове – убор, состоящий из нескольких горизонтальных полос с точечным орнаментом. К головному убору прикреплен кусок ткани, ниспадающий на ее плечи. У богини круглое лицо с большими глазами. Пара крылатых сфинксов сидит спиной к спине на задней спинке трона богини, подлокотники которого оформлены в виде бараньих голов. От основания трона свисают крохотные полые внутри слезообразные и семяобразные подвески. Столь пышно украшенный трон, видимо, свидетельствует о божественном статусе сидящей на нем женщины. «“Серьги” принадлежали скифянке в возрасте 25–35 лет. Она погребена вместе с юным слугой, у которого были связаны руки» (Scythian Gold..., 1999. P. 265).

Таким образом, это захоронение молодой женщины, принадлежавшей, вероятно, к средним кругам скифской знати.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, в IV в. до н.э. изображение Кибелы (в разной степени его схематизации и варваризации) было распространено в ряде областей Скифии, в погребениях средних и высших кругов скифской знати. Этот образ представлен на однотипных золотых подвесках к головному убору (“серьгах”), найденных в четырех скифских курганах, упомянутых выше.

Образ Кибелы, малоазийской богини – владычицы зверей, появившись очень рано в скифском мире на предметах неместного происхождения, не получил в то время распространения в скифской среде. Варварское воспроизведение этого образа относится к сравнительно позднему времени (Артамонов, 1961. С. 72). “Начало проникновения культа этой богини в скифский мир, а не только предметов с ее изображениями следует относить уже к IV в. до н.э. ... Позднее культ Кибелы и ее изображения проникали к скифам через северо-причерноморские греческие колонии, особенно через Боспор...” (Петренко, 1978. С. 31).

Однако на этом история о проникновении культа Кибелы (и ее изображений) в Скифию не заканчивается. В начале статьи неоднократно подчеркивалось, что непременно спутниками этой богини-владычицы зверей были *пантеры*

Рис. 7. Золотые “серьги”-подвески (1, 2) с крылатыми пантерами из боковой (женской) гробницы Большого Рыжановского кургана (№ 4), с. Рыжановка, быв. Киевской губ. Конец IV в. до н.э.

Fig. 7. Gold pendant earrings (1, 2) with winged panthers from the side tomb (woman’s burial) of Bolshoy Ryzhanovsky kurgan (№ 4), Ryzhanovka village, former Kiev province, late 4th century BC

(на раннем этапе) и позднее – львы. Упоминалось и о том, что с началом процесса антропоморфизации пантеона в скифском искусстве (конец V – IV в. до н.э.) местные мастера (даже имея перед собой совершенные античные образцы) чувствовали себя довольно неуверенно при воспроизводстве в металле человеческих образов, тогда как на протяжении всей скифской эпохи (VII–IV вв. до н.э.) в местной среде полного совершенства достигли изображения животных – звериный стиль. Наконец, по мнению многих исследователей, Кибела у скифов слилась с Аргимпасой. Это – божество плодородия, в основном животного и человеческого. Функция владычицы зверей для скифской Аргимпасы была одной из самых существенных, так как культ дикой природы у кочевников всегда играл большую роль.

“Есть основания полагать, – считает С.С. Бессонова, – что жрицами Аргимпасы-Афродиты (и Кибелы. – В.Г.) были женщины царского рода. Их хоронили вместе с царем в уборах, украшенных изображением богини, где она предстает божеством загробного мира...” (Бессонова, 1997. С. 8).

Вполне может быть, что все четыре случая находок золотых подвесок с изображением Кибелы связаны с женщинами, выполнявшими наряду с другими и жреческие функции. Но анализ погребальных комплексов, из которых эти подвески происходят, не позволяет все их считать “царскими”. Таковым может быть лишь одно

захоронение – “царицы” в Толстой Могиле. Погребение из Любимовки вообще принадлежало девочке с нехитрым сопровождающим инвентарем. Погребения в Мاستюгино и Большой Знаменке относятся скорее всего к курганам средних слоев скифской знати. Правда, есть и дополнительные аргументы в пользу того, что с культом Аргимпасы-Кибелы были так или иначе связаны представительницы из довольно высоких аристократических семей Скифии. Речь идет о двух женских захоронениях IV в. до н.э. в скифской лесостепи: гробница “царицы” в Большом Рыжановском кургане (№ 4) к югу от Киева (рис. 7) и о могиле знатной скифянки преклонного возраста в кургане 18 у с. Колбино на Среднем Дону (рис. 8). В обоих случаях в этих захоронениях у женщин имелись золотые височные подвески с фигурами пантер.

В IV в. до н.э. культ Кибелы-Аргимпасы, владычицы зверей, в том числе и в антропоморфном воплощении, проник в круги высшей и средней скифской знати Северного Причерноморья. Однако, видимо, далеко не всегда ее запросы (особенно, когда речь шла об антропоморфном изображении богини) могли быть удовлетворены на должном уровне местными мастерами. Зато в искусстве передачи образов животных скифы всегда были непревзойденными мастерами. Поэтому, по взаимному согласию со знатными заказчиками, местные ювелиры с большим успехом способны были передать представление о культе Кибелы-Аргимпасы в соответствующих звериных образах,

Рис. 8. Золотые серьги-“подвески” (1, 2) с пантерами. Курган 18, погр. 2 (впускное), с. Колбино, Воронежская обл. Третья четверть IV в. до н.э.

Fig. 8. Gold pendant earrings with panthers (1, 2). Barrow 18, burial 2 (secondary), Kolbino village, Voronezh oblast'. Third quarter of the 4th century BC

как это, возможно, и произошло в двух названных выше примерах.

Култ Кибелы всегда был связан с изображениями грозных кошачьих хищников — в более раннее время с пантерами (Келермесское зеркало), а позднее — со львами. Собственно говоря, принципиальных различий между этими животными не существует. Черная (и с любым окрасом) пантера — не отдельный вид, а всего лишь подвид семейства кошачьих (т.е. львов, ягуаров, леопардов и др.). Черная она лишь в дремучих тропических лесах Африки, Азии и Южной Америки. При этом ее горные сородичи — белые, а обитатели саванн и степей — желтые в черную крапинку (Брем, 2004. С. 112, 113).

Уникальные золотые парные височные подвески (рис. 8), упомянутые выше, происходят из впускного (и не ограбленного) женского погребения в кургане 18 у с. Колбино. Подвески состоят из неправильно-округлого кольца, размерами 5 × 4.6 см, изготовленного из ромбовидного в сечении золотого прутка (0.28 × 0.23 см), с тупо обрезанными и слегка заходящими друг за друга концами. На кольцо при помощи свободно перемещающейся петельки нанизан прямоугольный постамент, размерами 1.7 × 0.5 × 0.56 см, продольные плоскости которого украшены горизонтально расположенными пуансонами, идущими в два ряда. На постаменте прикреплена фигура сидящего кошачьего хищника (скорее всего, пантеры), с вытянутыми передними и подогнутыми задними лапами. Голова приподнята, по обеим ее сторонам спускаются вниз длинные пряди шерсти, которые прижимают уши зверя к мощной и короткой шее.

Туловище мощное, живот подтянутый и впалый. Хвост — длинный и W-образно изогнут. К носу животного при помощи двух колечек прикреплен округлый золотой диск (у одной подвески такой диск утерян) (Савченко, 2005. С. 460, 461; Гуляев, 2010. С. 63).

Судя по амфоре “колхидского” типа, найденной в колбинском впускном захоронении, его можно отнести к концу третьей четверти IV в. до н.э. (Савченко, 2001. С. 109).

Больше всего похожи на колбинский экземпляр золотые “серьги” из “царского” кургана (боковая гробница с погребением “царицы”) близ с. Рыжановка¹ (в 100 км к югу от Киева, в Приднепровской лесостепи), но там пантеры имеют крылья (может быть, это подобие сфинксов?). Тем не менее обе фигуры хищников также отличаются наличием круглых золотых дисков не только в носках, но и на кончиках хвостов. Есть и шарообразные привески (от нижней части постаментов, на которых стоят пантеры) — их по четыре, и они висят на коротких цепочках (Бобринский, 1894. Табл. XVI, 4, 5; Minns, 1973. P. 178. Fig. 73; Гуляев, 2001. С. 40. Рис. 9, 1).

В древней и средневековой мифологии золотой диск часто служит воплощением солнца. Невозможно точно говорить о семантике золотых дисков на пантерах золотых “серег” из Колбино

¹ По нумерации А.А. Бобринского (1894. С. 139) это курган 4. В последнее время (после полного исследования кургана Украинско-Польской экспедицией в 1995–1996 гг.) его стали называть “Большой Рыжановский курган”.

и Рыжановки. Однако следует вспомнить, что из четырех пар золотых подвесок с фигурой Кибелы на двух парах (на локтях у богинь из Мастюгино и Любимовки) также есть золотые диски. На всех четырех золотых “серьгах” с изображением Владычицы зверей есть также на цепочках привески в виде желудеобразных, амфоровидных и круглых предметов из золотой фольги. И здесь уместно напомнить, что Кибела еще и астральная богиня. Таким образом, вполне вероятно, что культ Кибелы воплощался у скифской знати (в виде золотых женских украшений) не только в антропоморфной, но и в зооморфной форме, более знакомой местным мастерам-ювелирам: “серьги” с пантерами из Рыжановки и Колбино. Тем более что пантеры (как и позднее львы) были любимыми животными этой богини – Владычицы зверей.

Таким образом, есть основания предполагать, что изображения пантер на золотых “серьгах” знатных скифских женщин (курган 18, погр. 2 у с. Колбино и курган 4 – боковая гробница с захоронением “царицы” – Большой Рыжановский в Киевской обл.) имеют непосредственное отношение к культу богини Кибелы-Аргимпасы, Владычицы зверей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 271 с.
- Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. Л.: Изд-во ГЭ, 1961. С. 57–87.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наук. думка, 1983. 138 с.
- Бессонова С.С.* Религия скифов. Николаев: Возможности Киммерии, 1997 (Страницы истории Южной Украины). 24 с.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. 229 с.
- Брем А.* Жизнь животных. М.: Олма-пресс, 2004. 1192 с.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. XV: Керосин – Коаие. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1895. 478 с.
- Вахтина М.Ю.* К проблеме греко-варварских взаимодействий в сфере искусства на территории Северного Причерноморья скифской эпохи // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 356–365.
- Великая Скифия. Киев; Запорожье: ЗапГУ, 2002. 340 с.
- Граков Б.Н.* Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 7–19.
- Грязнов М.П.* Аржан. Л.: Наука, 1980. 61 с.
- Гуляев В.И.* На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН, 2010. 344 с.
- Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М.: Наука, 1978. 215 с.
- Лесков А.М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981. 168 с.
- Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907–1909 гг. // ИАК. Вып. 43. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1911. С. 47–79.
- Максимова М.И.* Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. XXI. С. 281–305.
- Манцевич А.П.* Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Вып. 15. Л.: Аврора, 1973. С. 12–46.
- Мифы народов мира. Т. 1: А – К. М.: Сов. Энциклопедия, 1980. 671 с.
- Мозолевский Б.Н.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине (предварительная публикация) // СА. 1972. № 3. С. 268–308.
- Онайко Н.А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской тореветике // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976. С. 166–178.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М.: Наука, 1978 (САИ; вып. Д4–5). 144 с.
- Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация коллекции). М.: Индрик, 2001. 272 с.
- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Вост. литература, 1977. 216 с.
- Раевский Д.С.* Об интерпретации памятников скифского искусства // Народы Азии и Африки. 1979. № 1. С. 9–34.
- Раевский Д.С.* Эллинические боги в Скифии? (К семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ. 1980. № 1. С. 49–71.
- Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.
- Савченко Е.И.* Могильник скифского времени “Терновое I – Колбино I” на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.: ИА РАН, 2001 (Труды Потуданской археол. экспед. ИА РАН, 1993–2000). С. 53–143.
- Савченко Е.И.* Украшения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего Средневековья. М.: ИА РАН, 2005. С. 451–489.
- Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
- Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
- Minns E.* Scythians and Greeks. N. Y.: Biblo and Tannen Publish., 1973. 720 p.
- Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine / Ed. E.D. Reeder. N. Y.: Harry N. Abrams, Inc., 1999. 352 p.

THE GODDESS CYBELE, MISTRESS OF ANIMALS, IN SCYTHIAN ART

Valeri I. Gulyaev

*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
(viguliaev@yandex.ru)*

The paper tells of the imagery of the Phrygian goddess Cybele, Mistress of animals, in Scythian jewellery of the 4th century BC. Cybele's counterpart in the Scythian pantheon was Argimpasa, mistress of the plant and animal realm. As early as the 7th century BC in the course of Scythian campaigns in West Asia the Scythian elite had already learned of the cult of Cybele from the Greeks of Asia Minor. That, however, was an isolated instance. The situation changed with the advent of Hellenic colonists into the North Pontic region. In the 6th century BC Cybele was worshipped at Olbia; by the 5th century BC her cult reached the Bosphorus. The Bosphoran ruling dynasties maintained close political, economic and cultural ties with the Scythian kings and their entourage, and elite Scythian barrows of the 4th century have yielded images of the goddess, Mistress of animals, of both local and Greek workmanship. The article also puts forward the hypothesis that in the Scythian milieu zoomorphic representation of Cybele in the form of panthers, her favorite animals, will have existed alongside with her anthropomorphic images.

Keywords: the goddess Cybele, Argimpasa, Scythia, panther, pendant earrings, barrow, gold.

REFERENCES

- Alekseev A. Yu.*, 2012. Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha [The gold of the Scythian kings in the Hermitage collection]. St. Petersburg: Izd-vo GE. 271 p.
- Artamonov M.I.*, 1961. Anthropomorphic deities in Scythian religion. *Arkheologicheskii sb. GE [Archaeological Bulletin of the State Hermitage]*, 2. Leningrad: Izd-vo GE, pp. 57–87. (In Russ.)
- Bessonova S.S.*, 1997. Religiya skifov [Religion of the Scythians]. Nikolaev: Vozmozhnosti Kimmerii. 24 p. (Stranitsy istorii Yuzhnoy Ukrainy).
- Bessonova S.S.*, 1983. Religioznye predstavleniya skifov [Religious conceptions of the Scythians]. Kiev: Nauk. dumka. 138 p.
- Bobrinskiy A.A.*, 1894. Kurgany i sluchaynye arkhelogicheskie nakhodki bliz mestechka Smely [Barrows and chance archaeological finds near Smely], 2. St. Petersburg: Tip M.M. Stasyulevicha. 229 p.
- Brem A.*, 2004. Zhizn' zhivotnykh [Animal life]. Moscow: Olma-press. 1192 p.
- Brokgauz F.A., Efron I.A.*, 1895. Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic dictionary], XV. St. Petersburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. 478 p.
- Grakov B.N.*, 1950. The Scythian Heracles. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief communications of the Institute for the History of Material Culture]*, XXXIV, pp. 7–19. (In Russ.)
- Gryaznov M.P.*, 1980. Arzhan [Arzhan]. Leningrad: Nauka. 61 p.
- Gulyaev V.I.*, 2010. Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov) [On the eastern frontiers of Scythia (antiquities of the Don Scythians)]. Moscow: IA RAN. 344 p.
- Kobylina M.M.*, 1978. Izobrazheniya vostochnykh bozhestv v Severnom Prichernomor'e v pervye veka n.e. [Images of eastern deities in the North Pontic region in the first centuries BC]. Moscow: Nauka. 215 p.
- Leskov A.M.*, 1981. Kurgany: nakhodki, problem [Barrows: finds and problems]. Leningrad: Nauka. 168 p.
- Makarenko N.E.*, 1911. Archaeological studies in 1907–1909. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii [Bulletin of the Imperial Archaeological Commission]*, 43. St. Petersburg: Tip. Glav. Uprav. Udelov, pp. 47–79. (In Russ.)
- Maksimova M.I.*, 1954. Silver mirror from Kelermes. *Sov. arkheologiya [Soviet Archaeology]*, XXI, pp. 281–305. (In Russ.)
- Mantsevich A.P.*, 1973. Mastyugino kurgans in the materials from the State Hermitage collection. *Arkheologicheskii sb. GE [Archaeological Bulletin of the State Hermitage]*, 15. Leningrad: Avror, pp. 12–46. (In Russ.)
- Mify narodov mira [Myths of nations of the world]*, 1. Moscow: Sov. Entsiklopediya, 1980. 671 p.
- Minns E.*, 1973. Scythians and Greeks. New York: Biblio and Tannen Publisher. 720 p.
- Mozolevskiy B.N.*, 1972. Tolstaya Mogila barrow near Ordzhonikidze in the Ukraine (preliminary publication). *Sov. arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 3, pp. 268–308. (In Russ.)
- Onayko N.A.*, 1976. Anthropomorphic images in Maoto-Scythian toreutics. *Khudozhestvennaya kul'tura i arkheologiya antichnogo mira [Arts and archaeology of Classical antiquity]*. Moscow: Nauka, pp. 166–178. (In Russ.)
- Petrenko V.G.*, 1978. Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n.e. [Jewellery of Scythia of the 7th–3^d centuries BC]. Moscow: Nauka. 144 p. (SAI, D4–5).

- Puzikova A.I.*, 2001. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kolleksii) [Barrow cemeteries of the Scythian period in the Middle Don region (publication of the collection)]. Moscow: Indrik. 272 p.
- Raevskiy D.S.*, 1977. Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyt rekonstruktsii skifskoy mifologii [Sketches on the ideology of Scytho-Saka tribes. Essays in reconstructing Scythian mythology]. Moscow: Vost. lit. 216 p.
- Raevskiy D.S.*, 1979. On interpreting Scythian works of art. *Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]*, 1, pp. 9–34. (In Russ.)
- Raevskiy D.S.*, 1980. Hellenic gods in Scythia? (Towards the semantic characteristic of Greco-Scythian art). *Vestnik drevney istorii [Journal of ancient history]*, 1, pp. 49–71. (In Russ.)
- Raevskiy D.S.*, 2006. Mir skifskoy kul'tury [The world of Scythian culture]. Moscow: Yaz. slav. kul'tur. 600 p.
- Savchenko E.I.*, 2001. Ternovoye 1 – Kolbino 1 cemetery of the Scythian period on the Middle Don (funeral rite). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu [Archaeology of the Middle Don in the Scythian period]*. Moscow: IA RAN, pp. 53–143. (Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 1993–2000). (In Russ.)
- Savchenko E.I.*, 2005. Jewellery of the population of the Middle Don in the Scythian period. *Drevnosti Evrazii. Ot ranney bronzy do rannego Srednevekov'ya [Eurasian antiquities. From Early Bronze to Early Middle Ages]*. Moscow: IA RAN, pp. 451–489. (In Russ.)
- Scythian Gold. Treasures from ancient Ukraine. E.D. Reeder, ed. New York: Harry N. Abrams, Inc., 1999. 352 p.
- Shaub I.Yu.*, 2007. Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n.e.) [Myth, cult and ritual in the North Pontic region (7th–4th centuries BC)]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. 484 p.
- Slovar' antichnosti [Classical dictionary]. Moscow: Progress, 1989. 704 p.
- Vakhtina M.Yu.*, 2009. On Greco-barbarian interactions in the sphere of arts in the North Pontic region during the Scythian period. *Bosporskiy fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira [The phenomenon of Bosporan kingdom. Art at the periphery of Classical world]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 356–365. (In Russ.)
- Velikaya Skifiya [Great Scythia]. Kiev; Zaporozh'e: ZapGU, 2002. 340 p.

“ШУБА” ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ИЗ ДОЛЬМЕНА У СТАНИЦЫ ЦАРСКАЯ (1898 г.) НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2018 г. В. А. Трифонов*, Н. И. Шишлина**, О. Ф. Чернова***,
В. С. Севастьянов****, Й. ван дер Плихт*****, Ф. Н. Голенищев*****

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия (victor_trifonov@mail.ru)

**Государственный исторический музей, Москва, Россия (nshishlina@mail.ru)

***Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва, Россия (olga.chernova.moscow@gmail.com)

****Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, Москва, Россия (vsev@geokhi.ru)

*****Гронингенский и Лейденский университеты, Нидерланды (j.van.der.plicht@rug.nl)

*****Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия (Fedor.Golenishchev@zin.ru)

Поступила в редакцию 24.04.2016 г.

В статье представлены результаты морфологического и изотопного анализа остатков меха из дольмена эпохи ранней бронзы (конец IV тыс. до н.э.), открытого в 1898 г. у ст. Царской на Северо-Западном Кавказе. Установлено, что меховая часть одежды погребенного была сделана из шкурок суслика (возможно, малого суслика *Spermophilus pygmaeus*). Этот элемент верхней одежды, вероятно, представлял собой разновидность мехового плаща, которым погребенный был укрыт поверх надетой на нем коричневой полосатой шерстяной накидки, возможно, украшенной красными кистями по нижнему краю. Возможным индикатором переднеазиатских заимствований в стиле одежды служат дополнительные аксессуары – серебряные застежки в виде изогнутых (так называемых посоховидных) булавок. Исследование впервые позволяет реконструировать особенности покроя и декора тканей и меховой одежды жителя Северо-Западного Кавказа в эпоху ранней бронзы.

Ключевые слова: дольмены, эпоха бронзы, Кавказ, мех животных, одежда, морфологический, изотопный анализ.

В 1898 г. под руководством профессора Санкт-Петербургского университета Н.И. Веселовского на Северо-западном Кавказе были раскопаны две мегалитические гробницы, которые вошли в международную научную литературу как дольмены у ст. Царская (с 1920 г. ст. Новосвободная) (рис. 1). Находки из дольменов поступили в Археологическую комиссию (Санкт-Петербург), а в 1904 г. их передали в Российский Императорский исторический музей (Москва) (Попова, 1963; Трифонов, Шишлина, 2014).

Исключительно редкой частью коллекции являются фрагменты текстиля, и особенно меха, которые, по наблюдениям Н.И. Веселовского, были остатками нескольких “одеяний” погребенного. Самым верхним из них было ...одеяние на черном меху, шерстью наружу... У ворота этого одеяния лежал тонкий ободок из низкопробного серебра, слегка вогнутый посередине, служивший или отдельным ожерельем, или принадлежностью меховой шубы” (ОАК, 1898. С. 37. Рис. 56–57).

О покрое мехового изделия почти ничего неизвестно. Из описания следует, что “шуба” укрывала тело погребенного до шеи, но была ли она на него надета или просто наброшена сверху, осталось неясным. Сохранились или нет фрагменты меха под костями погребенного, также неизвестно.

По мере изучения материалов из раскопок Н.И. Веселовского удалось установить, что “серебряное ожерелье” к “шубе” отношения не имеет и является фрагментом металлического сосуда (Попова, 1963. С. 14), а сам дольмен относится к позднему, новосвободненскому этапу майкопской культуры эпохи ранней бронзы (Иессен, 1950).

Сегодня майкопская культура выглядит как самая удаленная северная периферия древневосточной цивилизации и ретранслятор ее культурных стандартов и технологических достижений в европейскую степь (Kohl, Trifonov, 2014. С. 1577–1579).

Архивные исследования и повторные раскопки дольмена у ст. Царской (совр. Новосвободная)

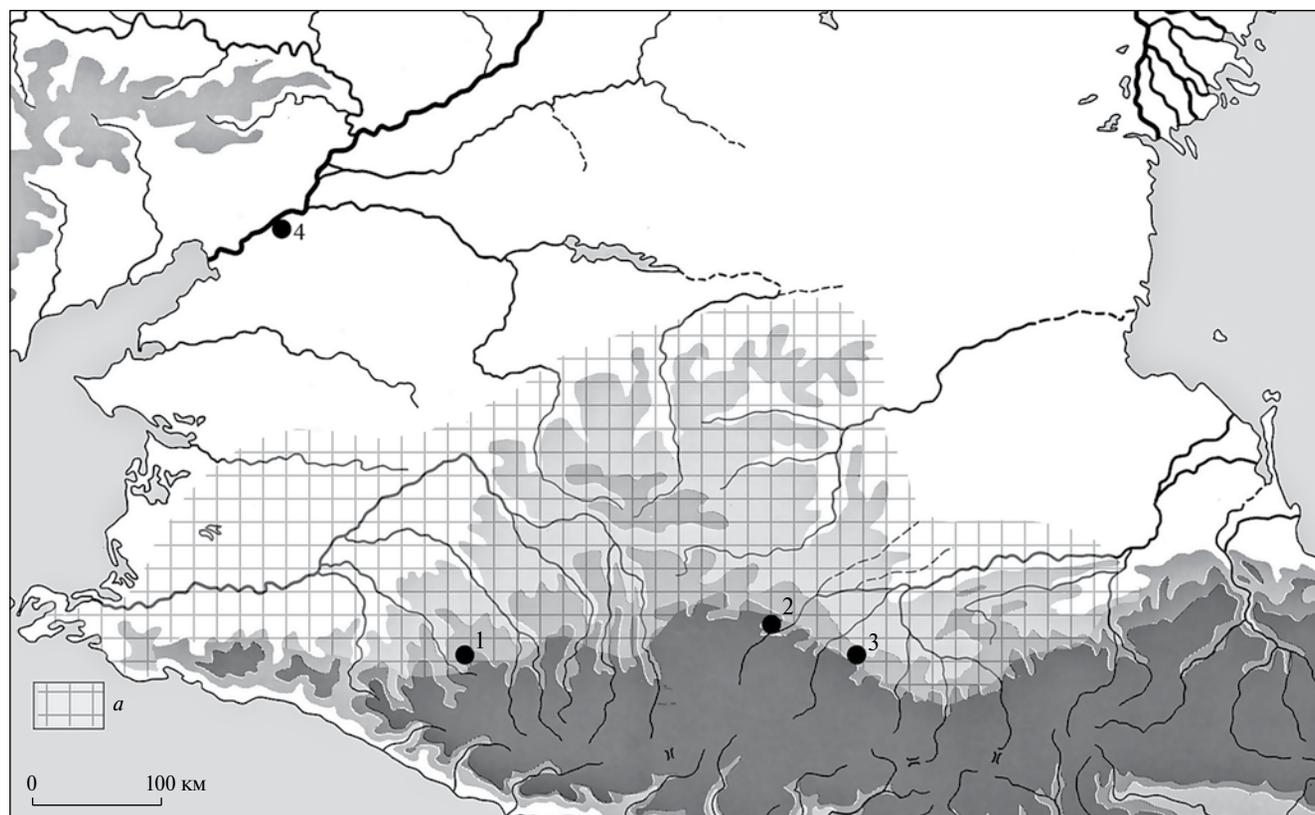

Рис. 1. Места происхождения археологического (1) и эталонных (2–4) образцов меха. Условные обозначения: 1 – станица Царская (совр. Новосвободная); 2 – Кич-Малка, 3 – Орзаковский, 4 – Аксай; а – основная территория майкопской культуры.

Fig. 1. Places of origin of archaeological (1) and benchmark (2–4) samples of fur

(2013–2015 гг.) изменили широко распространенное представление о его внешнем виде, отличном от рисунка Н.И. Веселовского, и позволили воссоздать общий план погребения (рис. 2).

Результаты ¹⁴C АМС-датирования образцов текстиля, костей человека и животных из этого дольмена показали, что погребение облаченного в “шубу” человека совершили в период приблизительно между 33 и 29 вв. до н.э. (Shishlina, 2008; Trifonov, 2014). ¹⁴C АМС-дата образца меха в полной мере согласуется с этим периодом, охватывая диапазон между 31 и 30 вв. до н.э. (табл. 1).

Таким образом, в 1898 г. Н.И. Веселовский нашел, возможно, самые древние из сохранившихся

в Восточной Европе и на Кавказе фрагменты меховой одежды. Задача данного исследования – определение вида млекопитающего, мех которого пошел на изготовление одежды, а также реконструкция элементов ее покроя и декора.

Археологические, эталонные и фоновые образцы меха: методика исследования. Определение родовой и видовой принадлежности меха, найденного при археологических раскопках, как правило, затруднено его плохой сохранностью. Н.И. Веселовский во время раскопок видел и уверенно описал остатки шкуры “мехом наружу”, но в музейной коллекции, в конечном итоге, оказались только фрагменты

Таблица 1. Результаты ¹⁴C АМС-датирования образца меха из дольмена в кургане 2 у ст. Царская (1898 г.)

Table 1. Results of ¹⁴C AMS dating of fur sample from dolmen in barrow 2 near Tsarskaya stanitsa (1898)

Лабораторный номер	Образец	¹⁴ C, лет назад (BP)	Интервал калиброванного возраста 1σ (BC) [начало: конец] / вероятность
GrA-57655	Мех	4445 ± 35	[3320: 3230] / 26.4 [3180: 3150] / 3.7 [3120: 3020] / 38.1

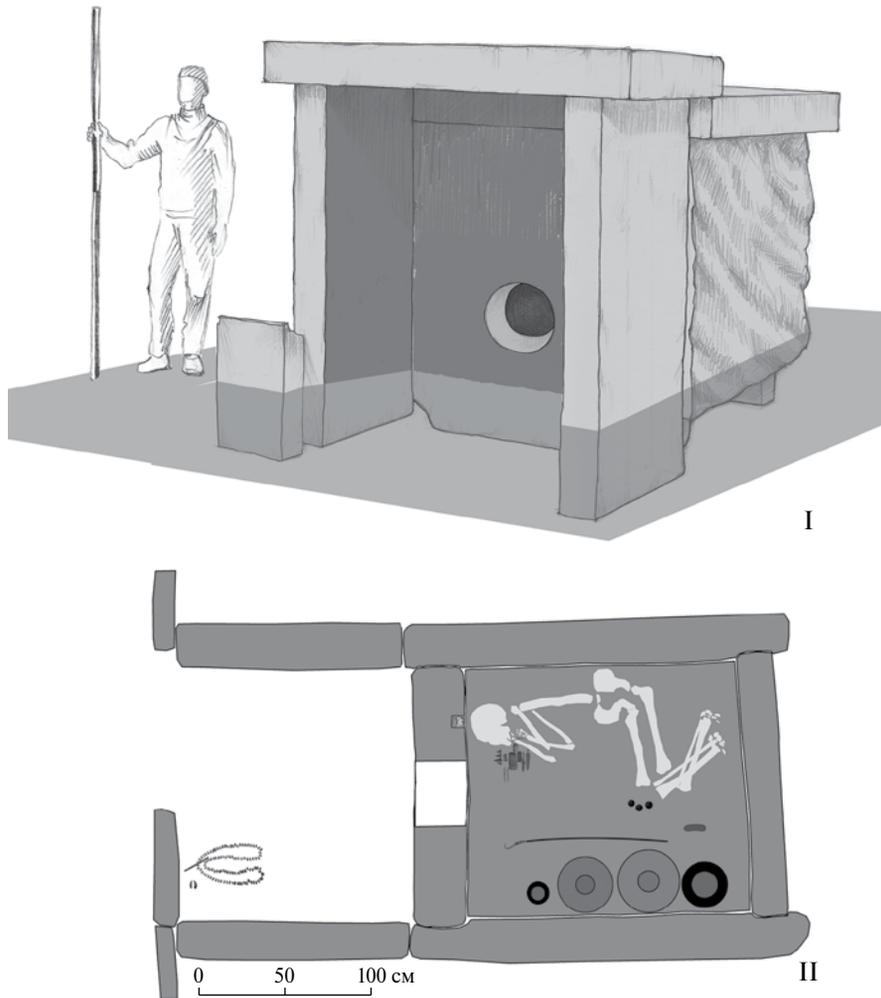

Рис. 2. Дольмен в кургане 2 у станции Царской (1898 г.). Графическая реконструкция по архивным материалам и полевым исследованиям совместной экспедиции ИИМК РАН и ГИМ в 2013–2015 гг.: I – внешний вид (рисунок Е.Н. Лимановой), II – план погребения.

Fig. 2. Tsarskaya, the dolmen in barrow 2 (1898): reconstruction of outside appearance of dolmen (I) and plan of burial (II)

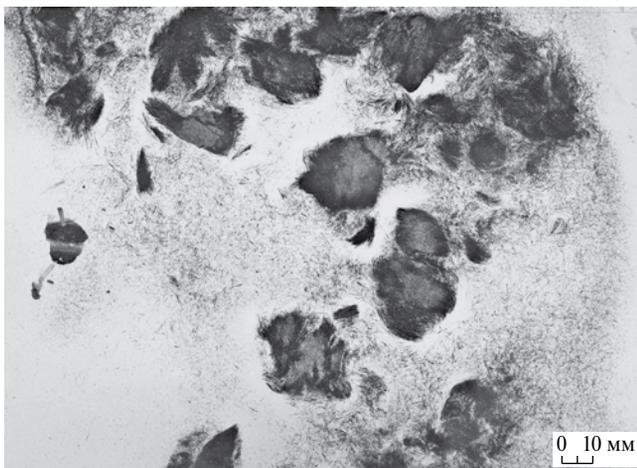

Рис. 3. Фрагменты меха из дольмена в кургане 2 у ст. Царская (1898 г.).

Fig. 3. Fragments of fur from dolmen in barrow 2, Tsarskaya (1898)

кожи и почерневший, утративший природный окрас меховой ворс (рис. 3).

При такой сохранности в основу методики изучения меха было положено сочетание сравнительных морфологических и изотопных анализов.

Основные этапы исследования. Для таксономической идентификации млекопитающего, мех которого был обнаружен в дольмене кургана 2 у ст. Царская, было выполнено два вида доступных анализов: морфологический и изотопный. Применение биомолекулярного и генетического анализов оказалось невозможным из-за плохой сохранности образцов меха.

В первую очередь, морфологическому анализу был подвергнут образец меха из дольмена кургана 2 у ст. Царская (далее – X-проба). Затем, с целью

определения структуры питания и возможной среды обитания животного, шкура (шкур?) которого пошла на изготовление одежды, в X-пробе были выполнены измерения изотопного состава азота и углерода ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) – основных индикаторов системы питания.

На следующем этапе для сравнительного анализа было подобрано две группы образцов шерсти современных млекопитающих: эталонных и фоновых. Эталонные образцы подбирались с учетом результатов морфологического анализа археологического образца. Фоновая группа состояла из образцов шерсти млекопитающих, обитающих в различных ландшафтных зонах, но в пределах распространения памятников майкопской культуры, или в ландшафтных зонах, сопоставимых с горными лесными, предгорными и степными участками Северо-западного Кавказа.

Все образцы анализировались по единой методике. Выводы сделаны по итогам сопоставления результатов морфологического и изотопного анализов X-пробы, эталонных и фоновых образцов.

Оборудование и процедура лабораторных анализов. Подготовка образцов всех групп к морфологическому анализу и его выполнение осуществлялись при следующих условиях. Образцы волос были разобраны на категории и порядки под бинокулярной лупой и путем измерения толщины волос в светооптическом микроскопе “Ампливал” (VEB Carl Zeiss, Jena), а также “Leica DMLS” с цифровой видеокамерой “Leica DMLS” (Германия) с использованием окуляра $\times 10$ и объективов $\times 10$; $\times 40$; $\times 63$. Самые крупные из направляющих и остевых волос исследованы в сканирующих электронных микроскопах (СЭМ) JSM 840A (Япония) и “TESCAN” (Чехия). Для СЭМ археологические образцы волос отмыть и обезжирить не удалось из-за их хрупкости. Они промыты в дистиллированной воде и проведены по спиртам с возрастающей концентрацией. Продольные и поперечные срезы сделаны острым бритвенным лезвием и наклеены на предметные столики с помощью бесцветного лака. Подготовленные препараты покрыты золотом методом ионного напыления на установке Edwards S-150 A (Великобритания), просмотрены и сфотографированы при ускоряющем напряжении 15 кВ при увеличениях от $\times 200$ до $\times 800$. Электронограммы сделаны с продольных и поперечных срезов основания и середины фрагментов волос, а также с поверхности кутикулы вдоль стержня от основания до середины или вершины фрагмента.

Морфометрические показатели волос, использованные для дискриминантного анализа, были

предварительно стандартизированы (STATISTICA 10. “Statsoft”, США).

Измерения изотопного состава азота и углерода ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) в образцах меха всех групп выполнены следующим образом. Предварительно образцы промывали в дистиллированной воде в ультразвуковой ванне, затем дважды промывали в смеси хлороформа и метанола (2:1, v/v) и окончательно опять в дистиллированной воде (O’Connell et al., 2003). Измерения изотопных составов образцов выполнены в Институте геохимии и аналитической химии имени В.И. Вернадского на изотопном масс-спектрометре DELTA Plus XP (Thermo Fischer Scientific, Германия), соединенном с элементарным анализатором Flash EA 1112 (TermoFinnigan, Италия).

Сохранность коллагена оценивалась по отношению атомов углерода к азоту в образце C/N. Каждый образец измерялся трижды. Стандартные отклонения составляли для $\delta^{13}\text{C} \pm 0.2\%$, для $\delta^{15}\text{N} \pm 0.2\text{--}0.3\%$. Отношения стабильных изотопов углерода и азота представлены в промиллях по отношению к международным стандартам VPDB и AIR соответственно.

Морфологический анализ образца меха (X-проба) из дольмена в кургане 2 у ст. Царская (1898 г.). X-проба состоит из коротких темных хрупких фрагментов волос, длина которых достигает 10 мм. Волосы хорошо дифференцированы, в пробе обнаружены редкие направляющие, многочисленные остевые и растущие пучками пуховые волосы. Направляющие волосы темные прямые толщиной 66 ± 4 мкм ($n = 3$), ости первого порядка (ости I) 56 ± 3 мкм ($n = 6$), ости второго порядка (ости II) – 36 ± 2 мкм ($n = 6$), ости третьего порядка (ости III) – 25 ± 6 мкм ($n = 5$). Остевые волосы темные и прямые, за исключением тонких остей III, стержень которых немного извитой. Конфигурация направляющих и остевых волос значительно меняется вдоль стержня, о чем можно судить по форме поперечных срезов стержня (рис. 4, I, A–Г; II, A–З). Основание волоса узкое правильное цилиндрическое, выше основания стержень незначительно сужается и уплощается вплоть до его самой расширенной части – гранны. Выше основания начинается неглубокая широкая бороздка (рис. 4, I, B, Г; II, Г, Д, З).

Волосы имеют обычную трехслойную микроструктуру: наружную кутикулу, промежуточную плотную кору и центральный сердцевинный воздухоносный слой. Световая микроскопия и СЭМ не позволили определить архитектуру сердцевины из-за ее полного разрушения в направляющих и остевых волосах, что крайне затрудняет

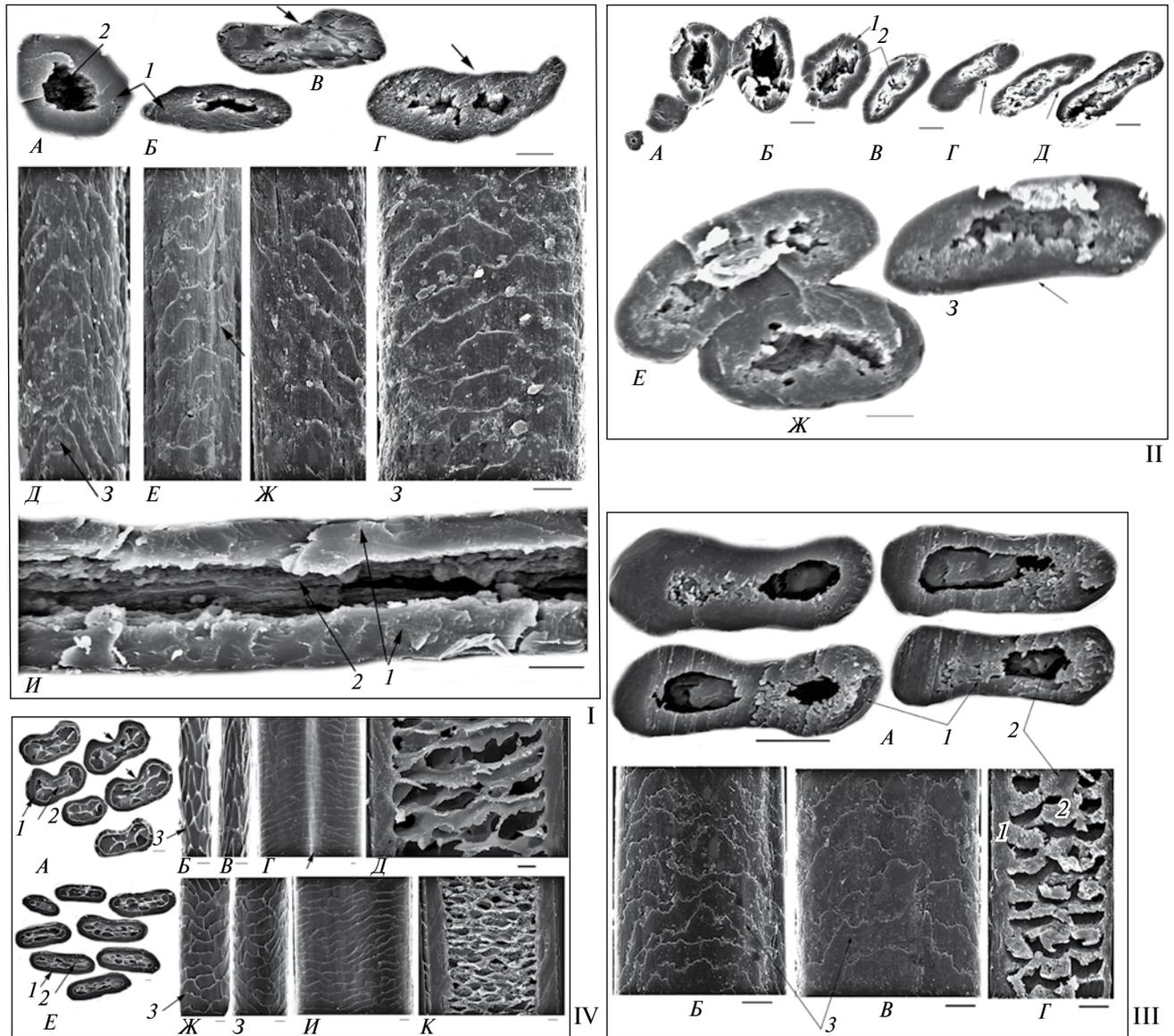

Рис. 4. Сравнительный морфологический анализ археологического (I, II), эталонного (III) и фоновых (IV) образцов меха: I – X-проба: поперечные срезы (А–Г), орнамент кутикулы (Д–З) и продольный срез (И) направляющего волоса; А, Д – основание стержня, Б, Е – выше основания, В, Ж – перед гранной, Г, З – гранна (на В, Г и Е неглубокая бороздка указана стрелкой); II – X-проба: поперечные срезы направляющего волоса от основания до гранны: А – начало основания стержня, Б – выше по основанию, В, Ж – переходная зона между основанием и гранной, Г, Е – начало гранны, Д, З – середина гранны (на Г, Д и З неглубокая бороздка указана стрелкой); III – взрослая самка малого суслика *Spermophilus pygmaeus brauneri* (образец 2): микроструктура остевого волоса: А – поперечные срезы стержня в области гранны, Б – орнамент кутикулы в области гранны, В – орнамент кутикулы перед гранной, Г – продольный срез стержня; IV – обыкновенная белка *Sciurus vulgaris* (А–Д) и сурок-байбак *Marmota bobak* (Е–К): направляющие волосы: А, Е – поперечные срезы, Б–Г, Ж–И – орнамент кутикулы, Д, К – продольный срез (на А глубокая бороздка указана стрелкой). Условные обозначения: 1 – корковый слой, 2 – полость сердцевинки, 3 – чешуйка кутикулы. СЭМ. Масштаб 10 мкм.

Fig. 4. Comparative morphological analysis of archaeological, benchmark and reference samples of fur

идентификацию вида. Полость же сердцевинного канала различима (рис. 4, I, А, И; II), ее толщина (от 28 до 65% толщины стержня) свидетельствует об умеренном развитии. Черепичная кутикула (с перекрывающимися чешуйками) хорошо сохранилась. Ее орнамент неодинаков в основании

и в срединной части стержня (рис. 4, I, Д–З). В нижних отделах стержня чешуйки кутикулы образуют шевронный орнамент, так как их треугольные вершины направлены вверх по стержню, выше имеется типичная ленточная кольцевидная (одна чешуйка полностью охватывает стержень)

или полукольцевидная кутикула. Высота чешуек достигает 10 мкм. Апикальные края чешуек изломаны в основании волоса и сглажены в гранне, возможно, вследствие механического воздействия. Корковый слой плотный и однородный, но в местах повреждений рыхлый (рис. 4, I, А–Г, З, И; II, Е, Ж, З).

Светло-желтые пуховые волосы толщиной не более 17 мкм лишены сердцевин. Их стержни извиваются, образуя крупные “волны”. Толщина стержня примерно в 2 раза толще на гребне волны ($11,0 \pm 0,3$ мкм), чем на участках между волнами ($5,0 \pm 0,6$ мкм) ($n = 6$).

Сравнительный анализ морфометрических характеристик и данных по структуре волос с имеющейся в нашем распоряжении базой данных (Чернова, Целикова, 2004; Чернова и др., 2011) позволяет предполагать, что тестируемые волосы принадлежали небольшому грызуну, вероятнее всего, суслику, о чем свидетельствует форма стержня, орнамент кутикулы и степень развития сердцевин.

Темный цвет направляющих и остевых волос можно объяснить их минерализацией уже после того, как меховое изделие оказалось в погребальной камере дольмена, пол которой был засыпан киноварью (Трифонов и др., 2015). Косвенно это подтверждает красновато-коричневый цвет кожных фрагментов шкуры.

Сравнительный морфологический анализ археологического и эталонных образцов меха. Для сравнительного морфологического анализа взяты образцы волос со спины шкурок трех сусликов из коллекции ЗИН РАН. Образцы принадлежат сусликам, выловленным в естественной среде

обитания в пределах распространения памятников майкопской культуры (рис. 1; табл. 2).

Тонкое строение – архитектоника. Изменения конфигурации крупных направляющих и остевых волос вдоль стержня у эталонных образцов и X-пробы имеют почти идентичный характер, о чем можно судить по форме поперечников на электронограммах (рис. 4, I, А–В; II; III, А). Основание волоса правильной цилиндрической формы, выше стержень уплощается, достигая максимума в расширенной части – гранне. По вентральной и дорсальной сторонам стержня идет по одной неглубокой широкой борозде, придающей поперечнику волоса форму, напоминающую слабо выраженную восьмерку.

Волосы имеют обычную трехслойную микроструктуру: наружную кутикулу, промежуточную плотную кору и центральный сердцевинный воздухоносный слой.

Структура кутикулы эталонных образцов волос сусликов соответствует структуре хорошо сохранившейся кутикулы X-пробы. В нижних отделах чешуйки кутикулы эталонных и археологического меха образуют характерный шевронный орнамент с расположенной выше типичной ленточной кольцевидной или полукольцевидной кутикулой (рис. 4, I, Д–З; III, Б, В). Высота чешуек всех образцов не превышает 10 мкм, а их апикальные края имеют следы сглаживания из-за механического воздействия.

Выполнить сравнительный анализ внутренней структуры сердцевин волос оказалось невозможным, так как в X-пробе она не сохранилась.

У волос эталонных образцов сердцевина однорядная лестничная в основании волоса и трехрядная лестничная в гранне, с хорошо развитыми

Таблица 2. Эталонные образцы меха суслика

Table 2. Benchmark samples of souslik fur

Вид/подвид	Место отлова	Дата отлова	№ коллекции ЗИН
Малый суслик <i>Spermophilus pygmaeus</i> Pall., 1778	КБ АССР, среднее течение р. Малка	08.05.1968	19664 74-13/17
Подвид малого суслика <i>Spermophilus pygmaeus brauneri</i> Martino, 1916	Ростовская обл., Аксай	22.05.1957	3118 G3/57
Горный (кавказский) суслик <i>Spermophilus musicus</i> Menetre, 1832	Терская обл., Нальчикский округ, аул Орзаковский	29.07.1923	13820, 102-1924 (2) № 3641

Таблица 3. Морфометрия эталонных образцов волос сусликов

Table 3. Benchmark samples of souslik hairs: morphometry

Вид Подвид	Вид/ подвид			
	X-проба $M \pm m$	Суслик 1 <i>Spermophilus pygmaeus</i>	Суслик 2 <i>Spermophilus pygmaeus brauneri</i>	Суслик 3 <i>Spermophilus musicus</i>
D, мкм	59.2 ± 11 $n = 4$	67.7 ± 9 $p = 0.28$ $n = 4$	62 ± 15 $p = 0.77$ $n = 4$	67.7 ± 9 $p = 0.28$ $n = 4$
D/d, p, n	2.59 ± 0.72 $n = 20$	2.82 ± 0.7 $p = 0.41$ $n = 20$	2.4 ± 0.98 $p = 0.49$ $n = 10$	3.6 ± 1.4 $n = 10$
D/M, p, n	2.34 ± 0.64 $n = 10$	2.69 ± 2.2 $p = 0,63$ $n = 10$	1.9 ± 0.49 $p = 0.049^{**}$ $n = 20$	1.8 ± 1.2 $n = 10$
D/C, p, n	3.7 ± 2.6 $n = 20$	3.5 ± 0.9 $p = 0.86$ $n = 10$	3.49 ± 1.96 $p = 0.81$ $n = 13$	2.9 ± 0.5 $n = 10$

Примечание: D – max толщина стержня остей I; D/d – max/min толщина стержня; D/M – max толщина стержня/max толщина сердцевины; D/C – max толщина стержня/ max высота чешуйки кутикулы; n – число промеров; $M \pm m$ – средняя арифметическая простая с ошибкой средней арифметической; p – коэффициент достоверности различий по t-критерию Стьюдента между X-пробой и контрольными пробами; * – различия статистически достоверны.

кератиновыми перегородками и воздушными полостями (рис. 4, III, Г).

Морфометрия. В эталонных образцах толщина направляющих волос достигает $67,7 \pm 12$ мкм и, в целом, соответствует толщине направляющих волос у X-пробы (табл. 3). Общая конфигурация стержня остевых и пуховых волос у эталонных и археологического образцов в одинаковой степени варьирует от прямой до слабо извитой.

Степень развития сердцевины у эталонных образцов достигает 43–68% в ости I, а в направляющих волосах – до 80%. У X-пробы в ости I сердцевина занимает до 65% толщины волоса. Эти незначительные различия можно объяснить фрагментарностью образца волос из дольмена, при которой наиболее утолщенные участки стержня и самые крупные направляющие волосы могли просто не попасть в выборку для образца. Сравнение основных показателей строения ости I в эталонных образцах показывает, что статистически значимых различий (по t-критерию Стьюдента) между ними нет, за исключением превышающих средние показатели развития сердцевины волос у суслика 2. Однако по результатам сравнительного кластер-

ного анализа волосы суслика из Ростовской обл. (Аксай) ближе всего к волосам X-пробы.

Сравнительный морфологический анализ археологического и фоновых образцов меха шерсти. С целью исключения принципиальной ошибки в определении семейства, рода и вида млекопитающего животного, чей мех был найден в дольмене у ст. Царская, основные признаки археологического образца (X-проба) сравнили с характеристиками фоновых образцов меха. Как фон в первую очередь рассматривалась шерсть животных семейства беличьих (*Sciuridae*), к которому, кроме суслика, относятся обитающие в регионе белки и сурки, а также мех некоторых региональных животных семейства куньих (*Mustelidae*), подсемейства куньих – барсучьих (*Melinae*), зайцевых (*Leporidae*), кошачьих (*Felidae*), псовых (*Canidae*), оленевых (*Cervidae*), полорогих (*Bovidae*) и лошадиных (*Equidae*) (табл. 4).

В результате сравнения было установлено, что структура волос фоновых образцов, включая мех даже близких биологических родственников сусликов – белки и сурка, отличается по ключевым морфологическим признакам от структуры археологического образца. Основные различия состоят в следующем.

Таблица 4. Фоновые образцы меха

Table 4. Reference samples of fur

Вид	Место отлова	Дата отлова	№ коллекции ЗИН
Белка <i>Sciurus vulgaris</i> Linnaeus, 1758	Краснодарский край, Апшеронский р-н, восточный склон плато Лагонаки, пихтарник	VI, 1975	210-2002, 85680
Леопард <i>Panthera pardus</i> Linnaeus, 1758	Кубанская обл.	1897	3047 106–97
Рысь <i>Lynx lynx</i> Linnaeus, 1758	Новгородская губ., д. Бабино	25.03.1911	28245
Сурок <i>Marmota bobak</i> Muller, 1776	Луганская обл., Меловский р-н, хут. Енсачий	29.06.1969	3527 232–1992 78941
Барсук <i>Meles meles</i>	Республика Адыгея, Майкопский р-н, ур. Клады	09.2014	–
Кабан <i>Sus scrofa</i>	Республика Адыгея, Майкопский р-н, ур. Клады	09.2014	–
Овца <i>Ovis Aries</i>	Республика Адыгея, Майкопский р-н, ст. Новосвободная	09.2014	–
Сайгак <i>Saiga tatarica</i>	Республика Калмыкия, Черные земли	2000	–
Овца <i>Ovis Aries</i>	Ростовская обл., Ремонтненский р-н, с. Ремонтное	2012	–
Коза <i>Capra</i>	Республика Калмыкия, Ики-Бурульский р-н, пос. Зунда-Голга	1999	–

Белка обыкновенная (*Sciurus vulgaris*). Архитектоника волос белки имеет характерные особенности, которые позволяют с легкостью идентифицировать этот вид и отличить его от волос X-пробы. Ее толстые (до 113 мкм) направляющие и остевые волосы на вентральной стороне имеют глубокую продольную бороздку (рис. 4, IV, А, Г), а тонкие и длинные основания покрыты удлинненными ромбовидными или копьевидными чешуйками, которые сильно топорщатся и отходят от стержня (рис. 4, IV, Б, В). Кроме того, степень развития сетчатой сердцевины несравненно выше (рис. 4, IV, Д), чем у волос X-пробы.

Сурок-байбак (*Marmota bobak*). Архитектоника волос сурка-байбака отличается от структуры волос в X-пробе. Направляющие волосы толстые (до 113 мкм), уплощенные, но без бороздок (рис. 4, IV, Е), с сильно развитой сетчато-ячеистой сердцевиной (рис. 4, IV, К), орнамент кутикулы меняется от мозаичного (рис. 4, IV, Ж) до неупорядоченного (рис. 4, IV, З).

Таким образом волосы X-пробы не принадлежат ни белке, ни сурку.

Результаты кластерного и дискриминантного анализа также демонстрируют различия между основными параметрами волос X-пробы и волосами белки и сурка (рис. 5).

Таким образом несмотря на определенные элементы сходства (уплощенная форма стержня волос небольшой толщины, участки кутикулы с шевронным рисунком) (Чернова и др., 2015. С. 224, 226–228, 229), волосы X-пробы, в целом, не соответствуют структуре волос белки и сурка.

Сравнение особенностей микроструктуры и архитектоники волос (конфигурация стержня, орнамент кутикулы, строение сердцевины и коры) X-пробы с образцами волос других животных из фоновой коллекции демонстрирует еще большие различия.

Можно исключить вероятность принадлежности волос X-пробы к дорогим и престижным, по

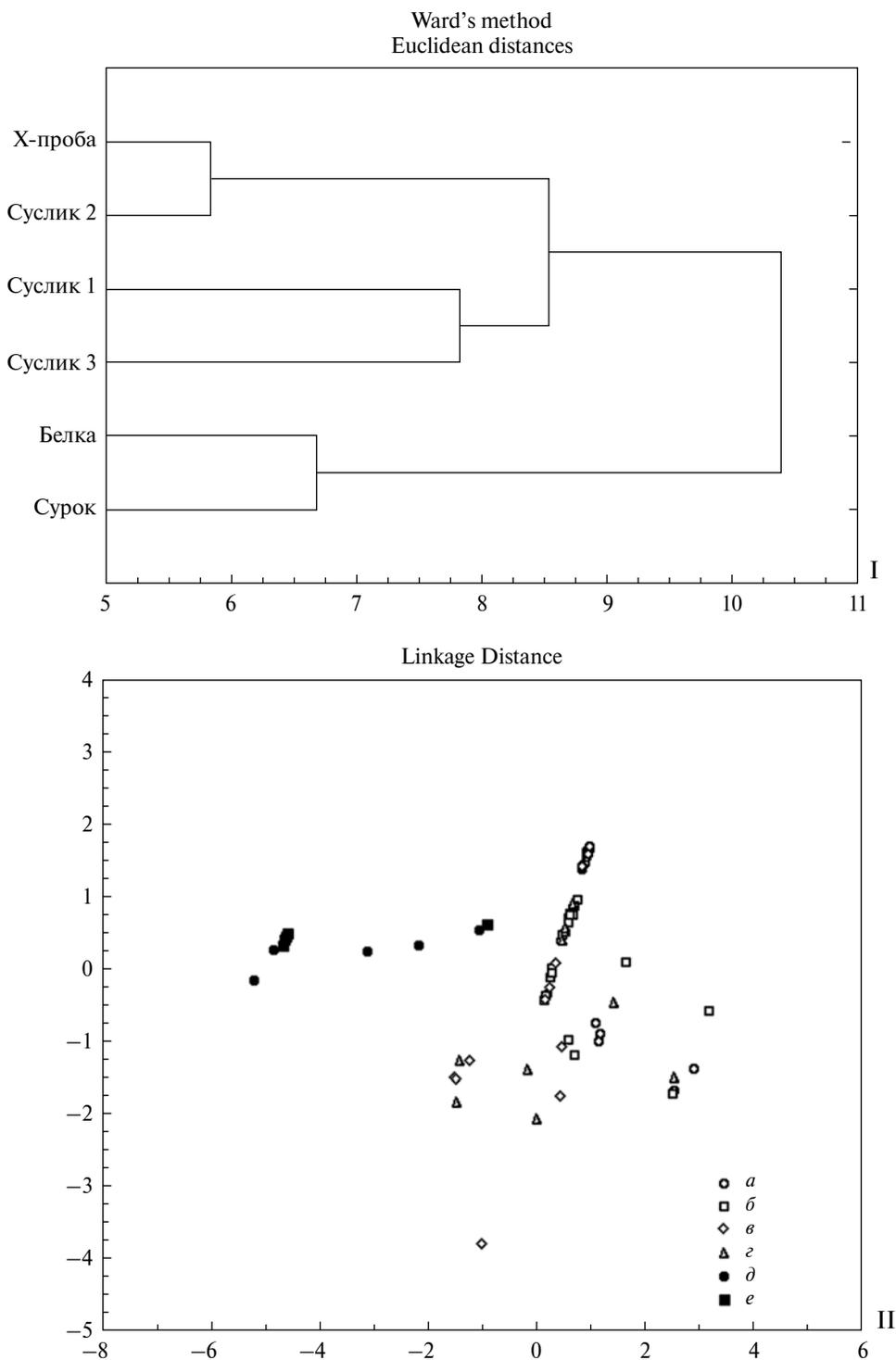

Рис. 5. Результаты кластерного (I) и дискриминантного (II) анализов морфометрических показателей направляющих волос тестируемых образцов.

Условные обозначения: *a* – X-проба, *б* – суслик 2, *в* – суслик 1, *г* – суслик 3, *д* – белка, *е* – сурок.

Fig. 5. Results of cluster (I) and discriminant analysis (II) of morphometric parameters of guard hairs in the tested samples

современным взглядам, мехам животных семейства куньих и кошачьих. Сравнительный анализ показал, что мех из дольмена не мог принадлежать таким мелким хищникам семейства куньих, как европейская норка, хорек или куница, а также крупным кошачьим – рыси (*Lynx lynx*) и леопарду (*Panthera pardus*), так как у волос X-пробы в основании стержня отсутствует характерный для волос этих видов шишковидный (синонимы: копьевидный, “diamond-petal”, чешуйки кутикулы в виде ромбического лепестка) орнамент кутикулы (Чернова, Целикова, 2004. С. 329–335; Чернова и др., 2011. С. 225; Чернова и др., 2015. С. 158).

У волос барсука (*Melinae*) шишковидной кутикулы, характерной для хищных, нет, но от X-пробы они отличаются большим размером (обычно более 100 мкм в поперечнике) и кольцевидным орнаментом кутикулы без шевронов (Чернова, Целикова, 2004. С. 336).

У лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, крупных хищников, а также оленевых волосы с хорошо развитой сердцевинкой и не имеют, в отличие от X-пробы, уплощенности в поперечном сечении и продольной бороздчатости. Кроме этого, они значительно толще волос X-пробы.

Волосы X-пробы определенно не принадлежат зайцу (род *Lepus*), так как для последнего характерна крайне выраженная гантелевидная форма поперечника стержня, поскольку по вентральной и дорсальной его сторонам проходит по глубокой борозде (Чернова, Целикова, 2004. С. 222, 223). Нет структурных совпадений и между волосами X-пробы с волосами волка и собак разных пород, у которых волосы, как правило, правильной цилиндрической формы (Чернова, Целикова, 2004. С. 297–311).

Волосы этих животных образовали наиболее удаленные кластеры от волос X-пробы археологического образца волос (рис. 5, I).

В целом, применение дискриминантного анализа показывает сходство основных параметров волос X-пробы с волосами эталонной группы образцов и различия с образцами фоновой группы (рис. 5, II).

В итоге результаты многомерного сравнительного статистического анализа подтверждают принадлежность меха из дольмена суслику, возможно, малому суслику *Spermophilus pygmaeus*.

Изотопный анализ. При определении животного, чей мех был найден в дольмене кургана 2 у ст. Царская, анализ изотопного состава углерода и азота ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) в мехе имеет вспомогательный характер и предназначен для дополнительной

проверки результатов его сравнительно-морфологического исследования. Если это действительно был мех суслика, то изотопный состав азота и углерода в нем должен быть примерно таким же, как и в мехе сусликов эталонной группы, потому что эти величины зависят, главным образом, от рациона питания и среды обитания животного (Ambrose, DeNiro, 1986). Изотопный состав углерода в тканях животного, в том числе и в волосах, зависит от количества потребляемых растений с различным типом фотосинтеза (C_3/C_4) (O’Leary, 1988), а азота – от трофического уровня, к которому относится животное (Adams, Sterner, 2000). Таким образом, изотопный состав углерода и азота может охарактеризовать вероятный ареал обитания животного, его место в пищевой цепи и даже принадлежность к определенному отряду.

Суслики являются типичными обитателями степных, лесостепных и лугостепных открытых ландшафтов. Они многоядны. Основу их питания составляют растительные корма в сочетании с кормами животного происхождения, в основном, насекомыми. Суслики питаются зелеными частями растений, семенами диких злаков, корневищами и клубнями. Соотношение растительных и животных кормов варьирует в зависимости от биотопов проживания сусликов.

В местах своего обитания суслики являются фоновым видом и важнейшим звеном в пищевых цепях биоценоза. Они влияют на растительные ассоциации, но и сами являются объектом питания хищных птиц, животных и змей (Громов и др., 1965).

В целом, рацион питания сусликов достаточно своеобразный, и среди животных семейства беличьих, обитающих в степной и предгорной зонах Северо-Западного Кавказа, подобной системы питания придерживается только сурок.

Поэтому изотопные сигналы суслика и сурка будут отличаться от изотопных признаков других животных даже с похожим волосным покровом, но с иной системой питания.

Измерения в образце меха из дольмена у ст. Царская выполнены в лаборатории Гронингенского университета, а в эталонных и фоновых – в лаборатории ГЕОХИ РАН (табл. 5, 6).

Результаты сравнительного анализа изотопного состава углерода и азота в эталонных и фоновых образцах в целом адекватно отражают структуру питания животных и их место в трофических цепях различных ландшафтных зон и могут служить достоверным сравнительным фоном для

Таблица 5. Изотопный состав углерода и азота ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) в археологическом и эталонных образцах меха**Table 5.** Isotopic composition of carbon and nitrogen ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) in the archaeological sample and benchmark samples of fur

Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	C/N
Ст. Царская, дольмен 2	-23.0	+4.4	4.2
Малый суслик <i>Spermophilus pygmaeus</i> Pall., 1778	-23.3	+3.7	3.3
Подвид малого суслика <i>Spermophilus pygmaeus</i>	-23.2	+3.7	4.0
Горный (кавказский) суслик <i>Spermophilus musicus</i> Menetre, 1832	-23.3	+4.4	3.5

Таблица 6. Изотопный состав углерода и азота ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) в фоновых образцах меха**Table 6.** Isotopic composition of carbon and nitrogen ($\delta^{13}\text{C}$, $\delta^{15}\text{N}$) in reference samples of fur

Образец	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	C/N
Белка <i>Sciurus vulgaris</i>	-20.4	+2.4	3.9
Леопард <i>Panthera pardus</i>	-20.8	+4.9	3.5
Рысь <i>Lynx lynx</i>	-24.0	+6.1	3.1
Сурок <i>Marmota bobak</i>	-23.0	+4.8	3.2
Барсук <i>Meles meles</i>	-24.6	+4.7	3.3
Кабан <i>Sus scrofa</i>	-24.6	+4.2	3.2
Овца <i>Ovis Aries</i>	-25.8	+4.0	3.3
Сайгак <i>Saiga tatarica</i>	-19.2	+10.6	3.2
Овца <i>Ovis Aries</i>	-22.5	+10.0	3.3
Коза <i>Capra</i>	-23.0	+10.1	3.3

интерпретации изотопных сигналов в археологическом образце.

Ближе всего к нему по изотопным показателям углерода и азота на диаграмме располагаются образцы меха эталонной группы сусликов и образец меха сурка из фоновой группы (рис. 6).

Это в полной мере согласуется с близостью системы питания родственных животных, их места в трофической цепи степных и лесостепных ландшафтов, а также с результатами морфологического анализа этих же образцов меха.

В пределах этой группы изотопный состав углерода и азота в мехе эталонного образца 3 оказался почти идентичным составу в археологическом образце. Это можно рассматривать как независимое подтверждение результатов морфологического анализа и принадлежности меха из дольмена у ст. Царская суслику.

Изотопные данные образцов меха фоновых животных в разной степени удалены от кластера “суслики – сурок”, в том числе, показатели белки – ближайшего биологического родственника суслику. Такие различия отражают разницу в их рационе, геохимической и природной среде обитания.

“Шуба” из меха суслика в культурном контексте майкопской культуры. Принадлежность меха суслику, вероятно, меньше всего соответствовала бы представлениям Н.И. Веселовского о “шубе” из дольмена у ст. Царская.

Действительно, учитывая признаки высокого общественного положения погребенного и широкий ассортимент доступных на Северо-Западном Кавказе дорогих и престижных, по нашим представлениям, мехов, выбор меха суслика кажется довольно неожиданным. Вместе с тем, это говорит о том, что даже в такой традиционной области

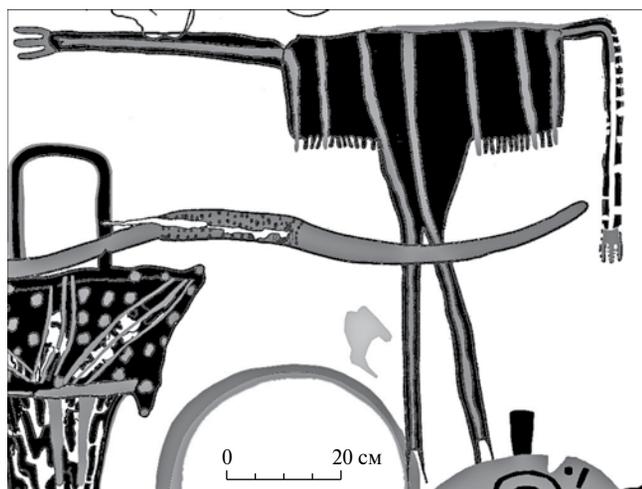

Рис. 7. “Фигура в накидке”. Фрагмент изображения на стене дольмена в кургане 28 могильника Клады (по: Резепкин, 2012, с дополнениями).

Fig 7. “Figure in a mantle”. Fragment of image from dolmen in barrow 28, Klady cemetery

тонкую и непрочную мездру меха суслика, который обычно относят к группе наименее прочных, наряду с мехом зайца, хомяка и крота. По этой причине современные скорняки часто наклеивают мех суслика на ткань.

Как именно было укреплено изделие из меха, найденное в дольмене, остается неизвестным, но достоверно установлено, что оно лежало поверх одежды из шерстяной ткани с добавлением хлопковой нити (Shishlina et al., 2003). Вполне вероятно, что эта одежда из коричневой полосатой ткани представляла из себя накидку вроде той, что изображена на антропоморфном (?) существе на стене дольмена 28, расположенном в этом же могильнике и относящемся к той же культуре и хронологическому периоду, что и дольмен в кургане 2 (Резепкин, 2012. С. 182. Рис. 53, 2) (рис. 7). Если это действительно так, то фрагмент орнаментированной ткани и изображение короткой черной накидки с красными вертикальными полосами и кистями по нижнему краю позволяют впервые представить фасон одежды, которую носили более 5000 лет назад на Северо-Западном Кавказе. Сходство между фрагментом ткани и изображением накидки может оказаться даже большим, так как коричневый цвет ткани первоначально мог быть насыщенным до темного, почти черного тона, если для ее окраски использовали растительный краситель с высоким содержанием танинов.

Под остатками шерстяной накидки сохранились фрагменты ткани с перевитой основой. Это

самый ранний образец хлопковой ткани на Кавказе (Shishlina et al., 2003). Ткань так сильно пропитана киноварью, что, возможно, для повышения адгезионных свойств минерального пигмента в него добавили органическое связующее. Сделано это было еще до того, как на умершего надели шерстяную накидку. Н.И. Веселовский отметил, что ткань была покрыта “красными же нитями в виде кистей” (ОАК 1898. С. 37). Поэтому трудно сказать, была ли пропитанная киноварью ткань частью одежды, или это были хлопчатобумажные бинты (Shishlina et al., 2003), которыми обернули тело. Учитывая антисептические и дезинфицирующие свойства ртути, присутствующей в киновари, можно предположить, что такое обертывание было сделано с целью предотвращения быстрого разложения тела, или, другими словами, его временной мумификации.

Костюм из меховой и шерстяной накидок дополняют две серебряные изогнутые (“посоховидные”) булавки, найденные у груди погребенного (рис. 8). Вероятно, эти булавки, как и на Древнем Востоке (Klein, 1992. Taf. 192, 193), служили застежками одной или обеих накидок.

Отверстия в стержнях булавок служили для подвешивания украшений — бус и даже печатей. С середины III тыс. до н.э. булавки в Месопотамии — традиционный элемент женской одежды — накидок с бахромой по краю. Они могли быть и застежкой солдатского леопардового плаща (Aruz, Wallenfels, 2003. P. 158, 98).

Возможно, на Кавказе в конце IV тыс. до н.э. булавки были атрибутом как мужской, так и женской одежды.

Итоги. Общим методологическим результатом исследования является разработка комплексной методики определения видовой принадлежности меха плохой сохранности, когда применение биомолекулярного и генетического анализов невозможно.

Благодаря сочетанию морфологического и изотопного анализа остатков меха из дольмена эпохи ранней бронзы (конец IV тыс. до н.э.), открытого в 1898 г. у ст. Царской, удалось установить, что меховая часть одежды погребенного была сделана из шкурок суслика (возможно, малого суслика *Spermophilus pygmaeus*).

Этот элемент верхней одежды, вероятно, представлял собой разновидность мехового плаща, которым погребенный был укрыт поверх надетой на нем коричневой полосатой шерстяной накидки, возможно, украшенной красными кистями по нижнему краю.

Рис. 8. Серебряные “посоховидные” булавки (I) из дольмена в кургане 2 у станицы Царская (1898 г.) и изображения булавок – застежек верхней одежды (II) из Мари, Сирия (по: Klein, 1992).

Fig 8. Silver ‘shepherd’s crook’ pins (I) from dolmen in barrow 2 near Tsarskaya (1898) and images of pin-fasteners for outer garments (II) from Mari, Syria

Представляют ли фрагменты хлопковой ткани, пропитанные киноварью, нижнюю одежду погребенного, или это были бинты для пеленания, установить пока не удалось.

Возможным индикатором переднеазиатских заимствований в стиле одежды служат дополнительные аксессуары – серебряные застежки в виде изогнутых (“посоховидных”) булавок.

В целом, исследование впервые позволяет реконструировать элементы текстильной и меховой одежды жителя Северо-Западного Кавказа в эпоху бронзы и ее некоторые аксессуары.

Проект выполнен при поддержке грантов РФФИ № 16-06-00026, № 13-06-12003 офи_м, ЗИН РАН г.т. № 01201351185.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громов И.М., Бибииков Д.И., Калабухов Н.И., Мейер М.Н. Наземные белычьи (Marmotinae). М.; Л.: Наука, 1965 (Тр. ЗИН АН СССР. Нов. сер.; № 92). (Фауна СССР. Млекопитающие; т. III, вып. 2). 466 с.

Захаров С.А. Борьба леса и степи на Кавказе // Почвоведение. 1935. № 4. С. 500–545.

Иессен А.А. К хронологии “больших кубанских курганов” // СА. 1950. XII. С. 157–201.

Кузнецов Б.А. Основы товароведения пушномехового сырья. М.: Заготиздат, 1952. 506 с.

Марсакова З.П., Петрова Е.М., Анпаков А.Ш. Производство меховых и овчинно-шубных изделий. М.: Легпромбытиздат, 1991. 304 с.

ОАК за 1898 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1901. 191 с.

Попова Т.Б. Дольмены станицы Новосвободной. М.: ГИМ, 1963 (Тр. ГИМ; вып. 34). 96 с.

Резенкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника “Клады”). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с.

Спасовский Ю.Н. Результаты определения остеологических сборов из поселений Майкопской культуры “Новосвободненское” и “Пхагуап” // Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева. М.: ТАУС, 2008. С. 256–258.

Трифонов В.А., Шишлина Н.И. Дольмены у станицы Царской, раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 году: архивные материалы // Тр. ГИМ. Вып. 201. М.: ГИМ, 2014. С. 19–37.

Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Калинин П.И., Алексеев А.О., Богомолов Е.С. Дольмены станицы Царской: красные пигменты как продукт производства и потребления // РА. 2015. № 4. С. 34–49.

Чернова О.Ф., Целикова Т.Н. Атлас волос млекопитающих. Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. М.: КМК, 2004. 429 с.

Чернова О.Ф., Перфилова Т.В., Киладзе А.Б., Жукова Ф.А., Новикова В.М., Маракова Т.И. Атлас микроструктуры волос млекопитающих – объектов биологической экспертизы. М.: ЭКОМ, 2011. 262 с.

Чернова О.Ф., Перфилова Т.В., Киладзе А.Б., Сорокин П.А. Алгоритм применения статистических методов при идентификации волос подвидов и гибридных форм леопарда *Panthera pardus* // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 156–162.

- Шурыгина К.И.* Заметки о распространении и численности кавказского горного малого суслика в Баксанском ущелье // Уч. записки Кабардинского ГПИ. Вып. 8. Нальчик: Кабардинское кн. изд-во, 1955. С. 116–123.
- Эверсман. Э.А.* Естественная история Оренбургского края. Ч. II: Естественная история млекопитающих животных Оренбургского края, их образ жизни, способы ловли и отношение к промышленности. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1850. 296 с.
- Aruz J., Wallenfels R.* Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus. New York, N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 2003. 540 p.
- Adams T.S., Sterner R.W.* The effect of dietary nitrogen content on trophic level ^{15}N enrichment // *Limnol. Oceanogr.* 2000. V. 45. Iss. 3. P. 601–607.
- Ambrose S.H., DeNiro M.J.* The isotopic ecology of East African mammals // *Oecologia.* 1986. V. 69. № 3. P. 395–406.
- Klein H.* Untersuchung zur Typologie bronzzeitlicher Nadeln in Mesopotamien und Syrien. Saarbrücken: Saarbrücker Druckerei und Verlag, 1992 (Schriften zur Vorderasiatischen Archäologie; Bd. 4). 388 p.
- Kohl Ph., Trifonov V.* The Prehistory of the Caucasus: Internal developments and external interactions // *The Cambridge World Prehistory.* V. III. Part 7. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1571–1595.
- O'Connell T., Levin M., Hedges R.* The Importance of fish in the diet of Central Eurasian peoples from the Mesolithic to the Early Iron Age // *Prehistoric steppe adaptation and the horse.* Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 253–268.
- O'Leary M.H.* Carbon isotopes in photosynthesis // *Bioscience.* 1988. V. 38. № 5. P. 328–336.
- Reynard L.M., Meltzer D.J., Emslie S.D., Tuross N.* Stable isotopes in yellow-bellied marmot (*Marmota flaviventris*) fossils reveal environmental stability in the late Quaternary of the Colorado Rocky Mountains // *Quaternary Research.* 2015. V. 83. Iss. 2. P. 345–354.
- Shishlina N.* Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian Steppes: Life styles and life ways of pastoral nomads. Oxford: Archaeopress, 2008 (BAR International Series; V. 1876). 299 p.
- Shishlina N., Orfinskaya O., Golikova V.* Bronze Age Textiles from the North Caucasus: New Evidence of Fourth Millennium BC Fibers and Fabrics // *Oxford Journal of Archaeology.* 2003. V. 22. Iss. 4. P. 331–344.
- Sponheimer M., Robinson T., Ayliffe L., Roeder B., Hammer J., Passey B., West A., Cerling T., Dearing D., Ehleringer J.* Nitrogen Isotopes in Mammalian Herbivores: Hair $\delta^{15}\text{N}$ Values from a Controlled Feeding Study // *International Journal of Osteoarchaeology.* 2003. V. 13. Iss. 1–2. P. 80–87.
- Zavodny E., McClure S.B., Culleton B.J., Podrug E., Kennett D.S.* Neolithic animal management practices and stable isotope studies in the Adriatic // *Environmental Archaeology.* 2014. V. 19. № 3. P. 184–195.

EARLY BRONZE AGE “FUR COAT” FROM THE DOLMEN NEAR TSARSKAYA STANITSA (1898) IN NORTHWEST CAUCASUS: METHODS AND RESULTS OF AN INTEGRATED STUDY

Viktor A. Trifonov*, Natalia I. Shishlina**, Olga F. Chernova***, Viacheslav S. Sevastyanov****, Jan van der Plicht*****, Fedor N. Golenishchev*****

*Institute for the History of Material Culture, RAS, St. Petersburg, Russia (viktor_trifonov@mail.ru)

**State Historical Myseum, Moscow, Russia (nshishlina@mail.ru)

***A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, RAS, Moscow, Russia (olga.chernova.moscow@gmail.com)

****Vernadsky Institute of Geochemistry and Analytical Chemistry, RAS, Moscow, Russia (vsev@geokhi.ru)

*****University of Groningen, Leiden University, Netherlands (j.van.der.plicht@rug.nl)

*****Zoological Institute, RAS, St. Petersburg, Russia (Fedor.Golenishchev@zin.ru)

The paper presents results of the morphological and isotopic analyses of fur remnants coming from a dolmen dating to the Early Bronze Age (the end of the 4rd millennium BC) discovered near Stanitsa Tsarskaya in the North-West Caucasus, 1898. It has been established that the fur garment of the buried individual was made of souslik (a short-tailed ground squirrel (*S. citellus*) skins, maybe, skins of *Spermophilus pygmaeus*). This part of the outer clothes was probably a fur coat which covered the buried individual who was dressed in a brown striped wool cloak decorated, possibly, with red tassels along the lower edge. Additional accessories such as silver fastenings shaped as curved (crook-shaped) pins may be regarded to be an indicator of the fashion trend adopted by locals from the Near East. For the first time a study of this type offers a possibility to reconstruct a cutout and decoration of woven and fur clothes worn by a North Caucasus inhabitant who lived in the Early Bronze Age period.

Keywords: dolmens, Bronze Age, the Caucasus, animal fur, clothes, morphological analysis, isotopic analysis.

REFERENCES

- Adams T.S., Sterner R.W., 2000. The effect of dietary nitrogen content on trophic level ^{15}N enrichment. *Limnology and Oceanography*, vol. 45, iss. 3, pp. 601–607.
- Ambrose S.H., DeNiro M.J., 1986. The isotopic ecology of East African mammals. *Oecologia*, vol. 69, no. 3, pp. 395–406.
- Aruz J., Wallenfels R., 2003. Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus. New York, N.Y.: Metropolitan Museum of Art. 540 p.
- Chernova O.F., Perfilova T.V., Kiladze A.B., Sorokin P.A., 2015. An algorithm of applying statistical methods in the identification of subspecies and hybrids of *Panthera pardus*. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy [Theory and practice of forensic examination]*, 2(38), pp. 156–162. (In Russ.)
- Chernova O.F., Perfilova T.V., Kiladze A.B., Zhukova F.A., Novikova V.M., Marakova T.I., 2011. Atlas mikrostruktury volos mlekopitayushchikh – ob’ektov biologicheskoy ekspertizy [Atlas of microstructure of hair of mammals – objects of biological expertise]. Moscow: EKOM. 262 p.
- Chernova O.F., Tselikova T.N., 2004. Atlas volos mlekopitayushchikh. Tonkaya struktura ostevykh volos i igl v skaniruyushchem elektronnom mikroskope [An atlas of mammalian hair. Fine structure of overhair and hair using scanning electron microscopy]. Moscow: KMK. 429 p.
- Eversman. E.A., 1850. Estestvennaya istoriya Orenburgskogo kraya [A natural history of Orenburg land], II. Estestvennaya istoriya mlekopitayushchikh zhivotnykh Orenburgskogo kraya, ikh obraz zhizni, sposoby lovli i otnoshenie k promyshlennosti [A natural history of mammals of the Orenburg region: way of life, trapping methods and hunting]. Kazan’: Tipografiya Kazanskogo universiteta. 296 p.
- Gromov I.M., Bibikov D.I., Kalabukhov N.I., Meyer M.N., 1965. Nazemnye belich’i (Marmotinae) [Ground squirrels (Marmotinae)]. Moscow; Leningrad: Nauka. 466 p. (Trudy Zoologicheskogo instituta Akademii nauk SSSR. Novaya seriya, 92). (Fauna SSSR. Mlekopitayushchie, vol. III, iss. 2).
- Iessen A.A., 1950. On the chronology of the “greater barrows of the Kuban”. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, XII, pp. 157–201. (In Russ.)
- Klein H., 1992. Untersuchung zur Typologie bronzzeitlicher Nadeln in Mesopotamien und Syrien. Saarbrücken: Saarbrücker Druckerei und Verlag. 388 p. (Schriften zur Vorderasiatischen Archäologie, 4).
- Kohl Ph., Trifonov V., 2014. The Prehistory of the Caucasus: Internal developments and external interactions. *The Cambridge World Prehistory*, vol. III, part 7. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1571–1595.
- Kuznetsov B.A., 1952. Osnovy tovarovedeniya pushnometkovogo syr’ya [Essential commodity research of raw fur]. Moscow: Zagotizdat. 506 p.
- Marsakova Z.P., Petrova E.M., Appakov A. Sh., 1991. Proizvodstvo mekhovykh i ovchinno-shubnykh izdeliy [Manufacturing of fur and sheepskin articles]. Moscow: Legprombytizdat. 304 p.
- O’Connell T., Levin M., Hedges R., 2003. The Importance of fish in the diet of Central Eurasian peoples from the Mesolithic to the Early Iron Age. *Prehistoric steppe adaptation and the horse*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 253–268.
- O’Leary M.H., 1988. Carbon isotopes in photosynthesis. *Bio-science*, vol. 38, no. 5, pp. 328–336.
- Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1898 g. [Report of the Imperial Archaeological Commission for the year 1898]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1901. 191 p.
- Popova T.B., 1963. Dol’meny stanitsy Novosvobodnoy [The dolmens of Novosvobodnaya stanitsa]. Moscow: GIM. 96 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 34).
- Reynard L.M., Meltzer D.J., Emslie S.D., Tuross N., 2015. Stable isotopes in yellow-bellied marmot (*Marmota flaviventris*) fossils reveal environmental stability in the late Quaternary of the Colorado Rocky Mountains. *Quaternary Research*, vol. 83, iss. 2, pp. 345–354.
- Rezepkin A.D., 2012. Novosvobodnenskaya kul’tura (na osnove materialov mogil’nika “Klady”) [Novosvobodnaya culture (on the basis of materials from Klady cemetery)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 344 p.
- Shishlina N., 2008. Reconstruction of the Bronze Age of the Caspian Steppes: Life styles and life ways of pastoral nomads. Oxford: Archaeopress. 299 p. (BAR International Series, 1876).
- Shishlina N., Orfinskaya O., Golikova V., 2003. Bronze Age Textiles from the North Caucasus: New Evidence of Fourth Millennium BC Fibers and Fabrics. *Oxford Journal of Archaeology*, vol. 22, iss. 4, pp. 331–344.
- Shurygina K.I., 1955. Notes on the distribution and numbers of Caucasian mountain ground squirrel in Baksan valley. *Uchenye zapiski Kabardinskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute [Scholarly papers of Kabardino-Balkarian State Pedagogical Institute]*, 8. Nal’chik: Kabardinskoe knizhnoe izdatel’stvo, pp. 116–123. (In Russ.)
- Spasovskiy Yu.N., 2008. Results of identifying the osteologic finds from Maikop culture settlements Novosvobodnaya and Phaguape. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sbornik k 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora R.M. Munchaeva [Archaeology of the Caucasus and the Near East: collection of articles in honor of the 80th anniversary of Professor R.M. Munchaev, Correspondent member, RAS]*. Moscow: TAUS, pp. 256–258. (In Russ.)

- Sponheimer M., Robinson T., Ayliffe L., Roeder B., Hammer J., Passey B., West A., Cerling T., Dearing D., Ehleringer J.*, 2003. Nitrogen Isotopes in Mammalian Herbivores: Hair $\delta^{15}\text{N}$ Values from a Controlled Feeding Study. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 13, iss. 1–2. P. 80–87.
- Trifonov V.A., Shishlina N.I.*, 2014. The dolmens near Tsarskaya stanitsa excavated by N.I. Vesselovsky near Tsarskaya in 1898: archival materials. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Papers of the State Historical Museum]*, 201. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 19–37. (In Russ.)
- Trifonov V.A., Shishlina N.I., Kalinin P.I., Alekseev A.O., Bogomolov E.S.*, 2015. Dolmens near stanitsa Tsarskaya: red pigments as the product of production and consumption. *Russ. Arkheol.*, 4, pp. 34–49. (In Russ.)
- Zakharov S.A.*, 1935. The struggle of forest and steppe in the Caucasus. *Pochvovedenie [Soil science]*, 4, pp. 500–545. (In Russ.)
- Zavodny E., McClure S.B., Culleton B.J., Podrug E., Kennett D.S.*, 2014. Neolithic animal management practices and stable isotope studies in the Adriatic. *Environmental Archaeology*, vol. 19, no. 3, pp. 184–195.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ СВАТИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ ШАЙТАНСКОЕ ОЗЕРО II НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

© 2018 г. О. Н. Корочкова, А. В. Мосунова, И. А. Спиридонов, В. И. Стефанов

*Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
(Olga Korochkova@urfu.ru, ann36999@yandex.ru, z-is5@mail.ru, Stefanov_PNIAL@mail.ru)*

Поступила в редакцию 09.06.2016 г.

Публикация посвящена анализу исключительной ситуации, зафиксированной на территории святилища сейминско-турбинского типа Шайтанское Озеро II (Шайтанка). Здесь на площади более 1000 м² обнаружено 4 достоверных погребения, совершенных по обряду кремации и еще 6 объектов, которые также можно рассматривать в качестве могил, но так как в них не найдены антропологические останки, в статье они рассматриваются как автономные объекты. Погребения 1–3 и 8, объект 10 по составу сопроводительного инвентаря, прежде всего бронзовых изделий (нож-кинжал с орнаментированной рукоятью, желобчатые браслеты, в том числе со спиралевидным окончанием) надежно соотносятся с периодом действия святилища, которое по калиброванным датам определяется преимущественно в рамках XIX–XVIII вв. до н.э. Составляющие компактную группу в прибрежной части святилища объекты 4–7 и 9, в заполнении которых найден разновременный материал, попавший туда при сооружении ям в культурном слое, изобиловавшем находками эпохи энеолита, при отсутствии прямых аргументов отнесены с известными допущениями к разряду символических могил эпохи бронзы.

Ключевые слова: Урал, бронзовый век, сейминско-турбинский тип, святилище, погребения, кремация, символические могилы.

Святилище Шайтанское Озеро II – памятник, по многим характеристикам сопоставимый с могильниками и жертвенниками-мемориалами уникального в археологии Северной Евразии явления – сейминско-турбинского транскультурного феномена (Турбино, Сейма, Решное, Усть-Ветлуга, Ростовка, Сатыга). Он находится на Среднем Урале, примерно в 60 км к С от Екатеринбурга, на западном берегу эпонимного водоема. В 2004–2007 гг. исследовался Ю.Б. Сериковым, с 2008 г. – О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым (Сериков и др., 2008; 2009; Корочкова, Стефанов, 2010; 2013; Сериков, 2013. С. 60–100). Вскрытая площадь составила 1109 м².

Судя по калиброванным (вероятность 95.4%) радиоуглеродным датам, святилище существовало в XIX–XVIII вв. до н.э. О происходивших на его территории обрядовых действиях свидетельствует разнообразный и многочисленный инвентарь: фрагментированные и целые сосуды (более 90 экз.), сотни каменных изделий (около 200 наконечников стрел, ножи, скребки, точильные камни, песты и др.) и беспрецедентно большое для Зауралья количество (свыше 200 ед.) бронзовых

и медных предметов – оружия, орудий труда, украшений, а также лома и литейных отходов. В металлокомплексе Шайтанского Озера II (далее – Шайтанка) удивительным образом сочетаются изделия классических сейминско-турбинских, евразийских и самусьско-кижировских типов; некоторые находки трудно отнести к той или иной морфологической группе ввиду их оригинальности. Данное обстоятельство придает коллекции особое значение в связи с изучением процессов становления и развития металлообрабатывающего производства не только в культурах уральского региона, но и в рамках Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции.

Кроме множества ярких, интересных находок ко времени функционирования святилища относятся некоторые из выявленных в раскопе объектов – прокалы и углистые пятна, рассеянные скопления пережженных косточек, каменные кладки, небольшие мелкие углубления, ямы, похожие на могильные, остатки наземных захоронений. Для лучшего понимания ситуации с погребениями Шайтанки общую характеристику памятника можно дополнить следующей информацией.

Рис. 1. Шайтанское Озеро II. Сводный план раскопов 2006–2011, 2013 и 2014 гг. Расположение погребений и предполагаемых погребальных объектов. Условные обозначения: *a* – нескрытые участки, занятые деревьями; *b* – скальная порода; *v* – погребальные объекты.

Fig. 1. Shaitanskoe Lake II. Summary plan of excavation areas in 2006–2011 and 2013–2014. Location of burials and presumable burial sites

На участке побережья, к которому приурочены инвентарь и объекты святилища, зафиксированы следы пребывания людей в мезолите, неолите, конце бронзового века, средневековье, но особенно интенсивно данное место осваивалось в энеолите (комплексы шuvaкишского, липчинского, аятского типов) и в раннем железном веке (иткульская культура). По-видимому, в XIX в. на территории многослойного археологического памятника производились работы по приготовлению древесного угля для близлежащих медеплавильных и/или железодельных заводов (сохранились остатки 4-х углежогных площадок, временной жилой и хозяйственной построек, соответствующий вешевой материал). Кроме того, картину почвенных нарушений дополняют десятки современных ям и ямок, оставленных в том числе “черными археологами” (трудно представить, сколько и каких бронзовых и медных вещей извлечено ими из земли). Есть другое обстоятельство, объясняющее перемешанность разновременных находок и затрудняющее толкование конкретных ситуаций — маломощный культурный слой. Из-за близкого к поверхности залегания скальной породы он имеет толщину около 0.2–0.3 м, редко — больше. Кстати, этим же объясняется малая глубина зафиксированных на исследованной площади ям.

В результате раскопок получено более 27 тыс. находок. Их планиграфический анализ показывает, что предметы, имеющие мезолитический, нео- и энеолитический возраст, определенно тяготеют к прибрежной части памятника. Артефакты иткульской культуры рассредоточены по всей площади раскопа, хотя ближе к береговой кромке их заметно больше. Наивысшая концентрация металлических и каменных вещей эпохи бронзы, а также сопутствующей им керамики коптяковско-го типа (святилищный комплекс), отмечена в квадратах, отстоящих от берегового вала на 10–15 м и более по направлению в глубину террасы (к 3). Обломки глиняных сосудов маркируют дневную поверхность культового памятника, бронзовые и медные изделия (топоры-кельты, ножи, кинжалы, наконечники копий, втульчатые чеканы, долота, стамески, крюки, шилья, иглы, височные подвески, браслеты и др.), скорее всего, утаивались на дне мелких углублений. К сожалению, их контуры в большинстве случаев не прослеживались.

Объекты, привлекавшие наше особое внимание, и которым посвящена данная работа, по отношению к предполагаемой центральной площадке святилища занимали в основном окраинное положение. В их числе 4 достоверных погребения (№ 1–3, 8) и 6, возможно, таковыми являвшихся

(№ 4–7, 9, 10) (рис. 1). Разница между ними заключается лишь в том, что в одних присутствовали антропологические останки, причем подвергшиеся высокотемпературному воздействию, а в других их либо не было вовсе, либо костный материал представлен очень малым количеством мелких и тоже обожженных фрагментов, идентифицировать которые как безусловно человеческие невозможно. Сырые кости, равно как и прочий органический материал, в здешних почвах не сохраняются.

Из 10 исследованных объектов, включая условно погребальные, 8 примыкали к культовой площадке со стороны озера (с В). Они приурочены к пониженным (на 1–1.5 м), относительно ровным или слабопологим участкам террасы, где культурный слой очень насыщен разновременными остатками. Можно заметить, что очертания ям удавалось зафиксировать в местах, где слой рыхлых отложений имел повышенную мощность (объекты 4–9), и не удавалось там, где скальная порода выступала почти сразу под дерном (погребения 2, 3). Составляющие компактную группу объекты 4–9 расположены в два ряда, вытянутых по оси СВ–ЮЗ¹; в 10 и 6 м к ЮЗ от этой группы находились наземные погребения 2 и 3; остатки погребения 1 и загадочный объект 10 расчищены в центральной части святилища (рис. 1).

Обратимся к характеристике объектов. Антропологические определения для погребений 1–3 сделаны Д.И. Ражевым, остальные — Е.О. Святовой. Анализ палеофаунистических остатков выполнен П.А. Косинцевым.

Погребение 1² (рис. 2, 1–4) вскрыто в 2007 г. Ю.Б. Сериковым. Описывается как “... каменная вымостка из поставленных на ребро мелких камней в виде своеобразного каменного ящика ... Каменная вымостка имела прямоугольную форму с размерами внутренней камеры примерно 80 × 40 см... У северной стенки оградки в углистой прослойке был найден развал миниатюрного сосуда диаметром 5.2 см... В углистой прослойке зафиксирован и костный тлен длиной около 10 см. За фрагментами керамики находились мелкие кальцинированные косточки, по всей видимости, черепа младенца” (Сериков, 2013. С. 87). Рядом

¹ Шайтанское озеро находится в районе магнитной аномалии, где склонение магнитной стрелки может варьировать, по одним данным, в интервале от +3° до +49°, а по другим — от –17° до +21°. Магнитный меридиан, от которого определялись все необходимые при съемке планов и описании объектов азимуты, соответствует направлению магнитной стрелки, зафиксированному летом 2008 г.
² В данной публикации приведена нумерация погребальных объектов в измененной и окончательной редакции.

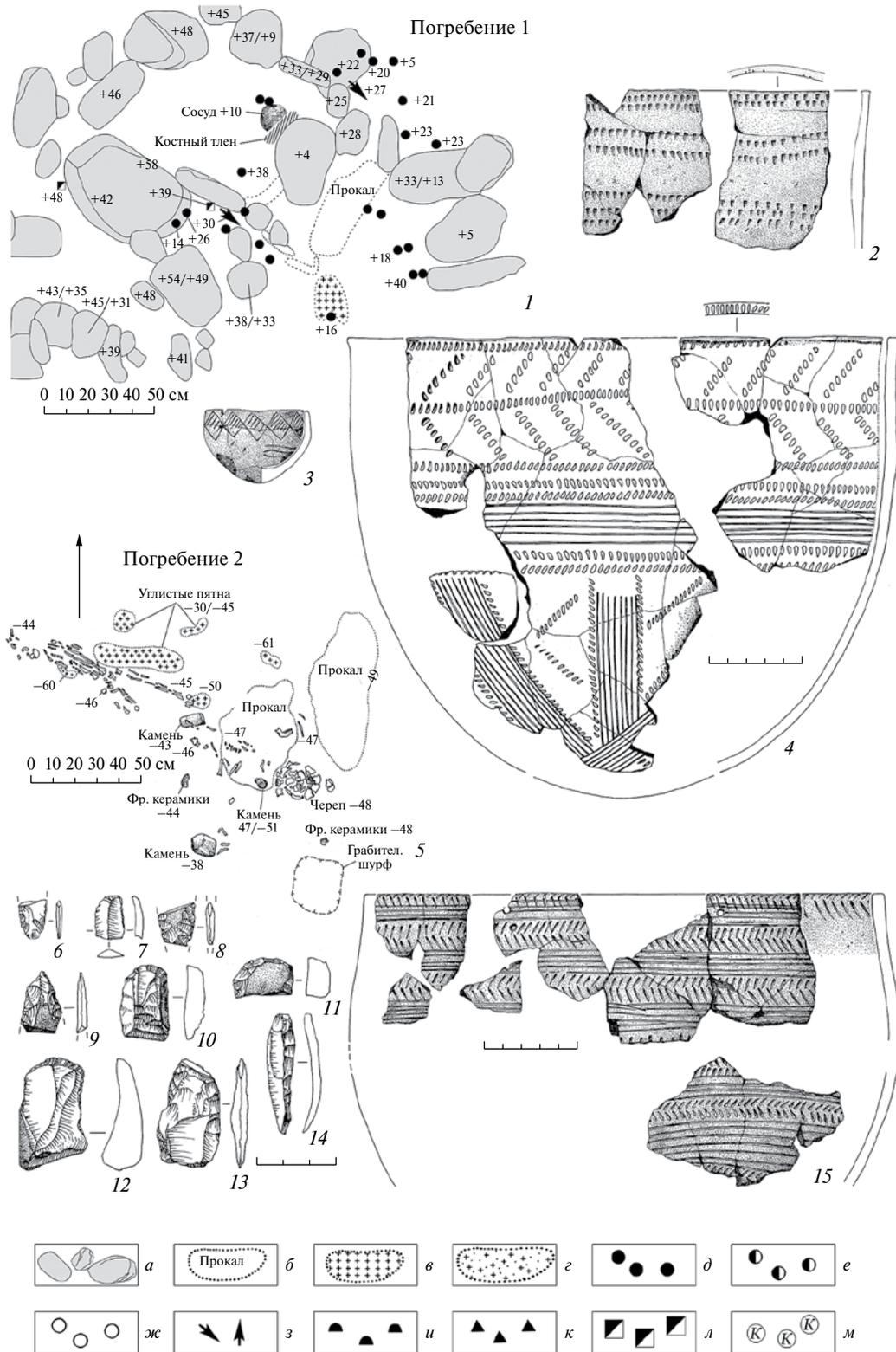

Рис. 2. Шайтанское Озеро II. Погребения 1 (1–4) и 2 (5–15). Керамика (2–4, 15) и каменные предметы (6–14), найденные около и в погребениях. Условные обозначения к рис. 2–6: а – камни; б – прокал; в – углистое пятно; г – пятно прокаленного грунта с включением мелких угольков; д – фрагменты сосудов коптыковского типа; е – неолитические черепки; ж – обломки иткульских сосудов; з – каменные наконечники стрел; и – скребки; к – отщепы; л – предметы из бронзы; м – кальцинированные косточки.

Fig. 2. Shaitanskoe Lake II. Burials 1 (1–4) and 2 (5–15)

с оградкой обнаружены два каменных наконечника стрелы, бронзовые пластина и обломок браслета, кусочки охры и фрагменты четырех сосудов коптяковского типа. При сопоставлении данного описания с планом погребения обнаруживаются несоответствия: углистая прослойка, косточки и развал сосуда изображены возле юго-восточной стенки объекта; в тексте не упоминаются пятна прокалов и углей, присутствующие на плане. Что касается используемых автором дефиниций, то, конечно, это не вымостка (что вымощено?), не оградка (они сооружались на некотором расстоянии от краев могилы) и, тем более, не каменный ящик (стенами в них служили вертикально установленные плиты). Можно предположить, что для захоронения останков младенца (не исключено, кремированного на месте) была вырыта небольшая ямка между камнями, а попадавшиеся при этом другие камни укладывались около краев углубления.

Погребение 2 (рис. 2, 5–15) находилось в 8 м к ВЮВ от погр. 1. Костный материал залегал на глубине 25–30 см от современной поверхности, при этом следы специального углубления не обнаружены. Похоже, что на выбранной для захоронения площадке был снят только дерн. Кости сильно обожжены и раздроблены, однако среди них оказалось немало сравнительно крупных и соединяющихся фрагментов, позволивших идентифицировать отдельные части скелетов. Умерший находился на каком-то невысоком помосте (?) в вытянутом положении на спине, головой в сторону озера. Ориентировка костяка – по оси СЗ–ЮВ. Свидетельством того, что кремация происходила на месте, являются анатомически правильное расположение костей, а также пятна прокалов и углистые полосы рядом и под остатками костяка. Фрагменты черепа залежали компактной кучкой в юго-восточном секторе погребальной площадки, в 10 см к северу от нее находился обломок нижней челюсти. Длинные кости нижних конечностей размещались в 0.55 м от черепа и двумя параллельными рядами тянулись на 0.8 м в северо-западном направлении. Берцовые кости плотно прилегали друг к другу, как будто ноги умершего были связаны. Общая длина костеносной полосы – 164 см, ширина от 12–15 до 30 см, толщина – до 5 см. По мнению Д.И. Ражева, в огне оказались кости, содержащие значительную органическую составляющую, но, по всей видимости, не покрытые или не полностью покрытые мягкими тканями.

Костные останки, обнаруженные в погр. 2, с большой долей вероятности принадлежат одному

человеку – мужчине, довольно крупного сложения, умершему в возрасте 35–55 лет.

В отложениях над костяком, около него и под ним обнаружено около десятка предметов из камня и два фрагмента керамики (рис. 2, 6–15). Последние интересны тем, что происходят от сосуда коптяковского типа, другие обломки которого ранее были найдены в разных местах раскопа, в том числе весьма отдаленных (до 25–27 м). Очевидной связи с погр. 2 упомянутые вещи не имели. Какие-то из них, вероятно, залежали в слое еще до совершения похоронных ритуалов, другие могли попасть в “заполнение” с кусками дерна, которыми закладывалась могила (иначе невозможно объяснить локализацию и сохранность антропологических остатков). Из этого не следует, что погр. 2 было полностью безынвентарным: в 35 см к Ю от черепа зафиксирован грабительский шурф, в котором помимо битого стекла находился мелкий фрагмент окисла меди, как мы предполагаем, отломившийся при извлечении какого-то крупного (?) предмета.

Погребение 3 (рис. 3, 1–5) расчищено в 4 м к СВ от объекта 2. Кремированные останки человека проявились здесь на глубине всего 15–20 см от поверхности. Кальцинированные кости залежали полосой, вытянутой на 1.4 м по оси СЗ–ЮВ. Толщина костеносного слоя от 2–3 до 5 см. Антропологический материал располагался хаотично только на первый взгляд: относительно крупные обломки были сосредоточены в центральной части скопления, мелкие фрагменты черепа приурочены к его юго-восточному краю. Размещение элементов скелета, по мнению Д.И. Ражева, анатомически соответствует положению умершего в позе адорации – скорченно на правом боку, головой на ЮВ, т.е. к озеру. О том, что трупосожжение производилось здесь же, можно судить еще и по наличию угольков между костями и пятну прокала (около 0.4 × 0.18 м, толщиной 3–6 см) под ними.

Среди костей найдены 3 обломка плоскодонного сосуда (на рис. 3, 4 он графически реконструирован в том числе по фрагментам из других мест раскопа) и ножевидная пластинка; в головной части погребения обнаружен цельнолитой бронзовый кинжал с орнаментированной рукоятью (рис. 3, 5). Он лежал плашмя чуть ниже (на 3–4 см) костеносного слоя, клинок был обращен в противоположную от озера сторону. На клинке сохранились следы какого-то органического материала. На другом конце погребения, в 30 см от костей и немного выше, найден каменный наконечник стрелы (рис. 3, 3); в 0.6–0.9 м к С от костяка зафиксирован грабительский шурф.

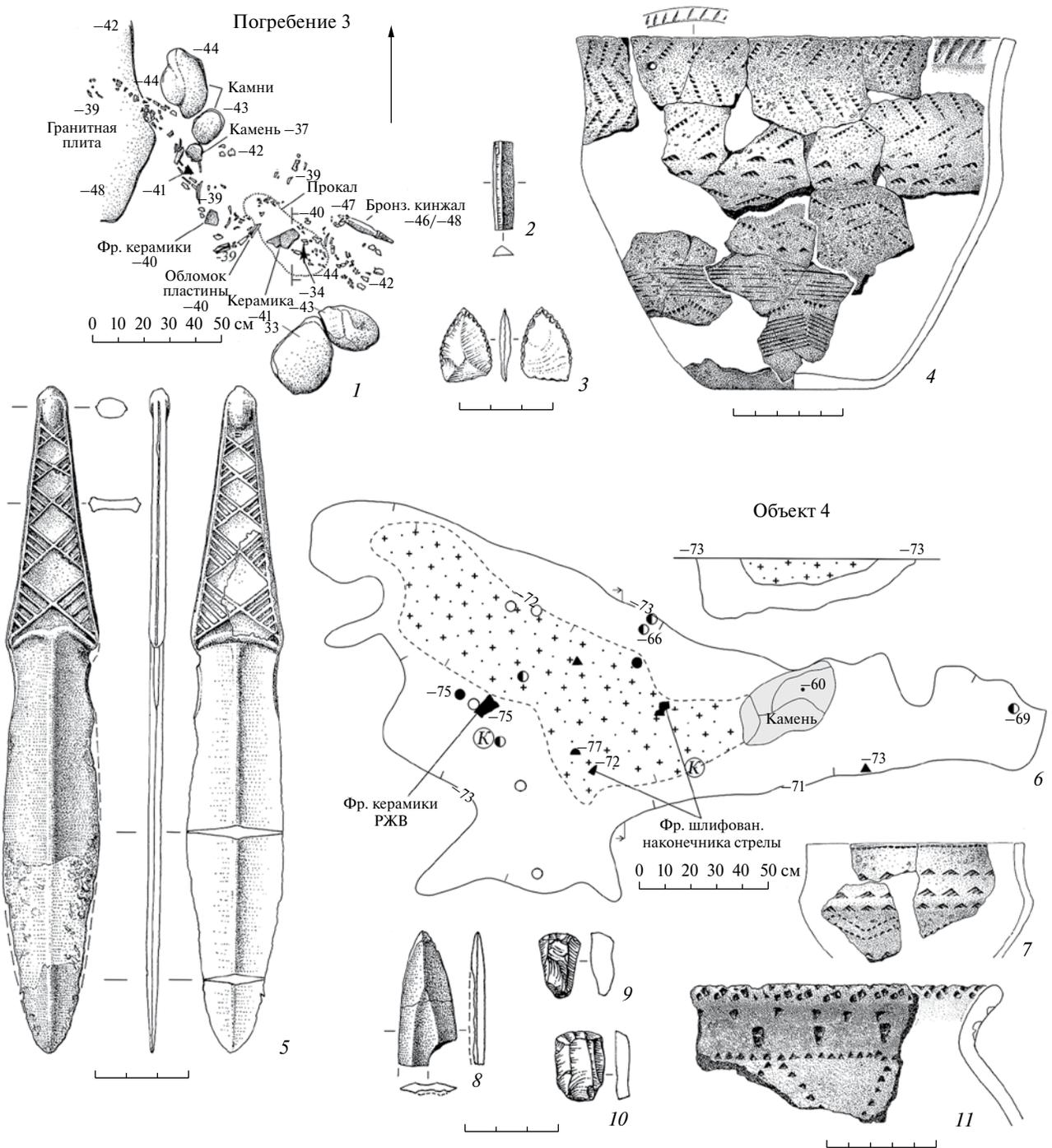

Рис. 3. Шайтанское Озеро II. Погребение 3 (1 – план погребения, 2–5 – предметы, найденные в погребении и около него) и объект 4 (6 – план и разрез ямы, 7–11 – находки из заполнения ямы) (2, 3, 8–10 – камень; 4, 7, 11 – керамика; 5 – бронза).
Fig. 3. Shaitanskoe Lake II. Burial 3 (1–5) and feature 4 (6–11)

Костные останки, обнаруженные в погр. 3, с большой долей вероятности могут принадлежать одному человеку – мужчине, умершему в возрасте 35–50 лет.

Углубленные объекты 4–9 сгруппированы на восточной окраине культового памятника. Благодаря насыщенному углистыми частицами заполнению,

их очертания прослеживались уже в желто-коричневом суглинке культурного слоя. Выбранные из ям мелкие камни и валуны укладывались по сторонам.

Объект 4 (рис. 3, 6–11) располагался в 6 м к СЗ от погр. 3. Аморфных очертаний углубление вытянуто в направлении СЗ–ЮВ почти на 2.9 м,

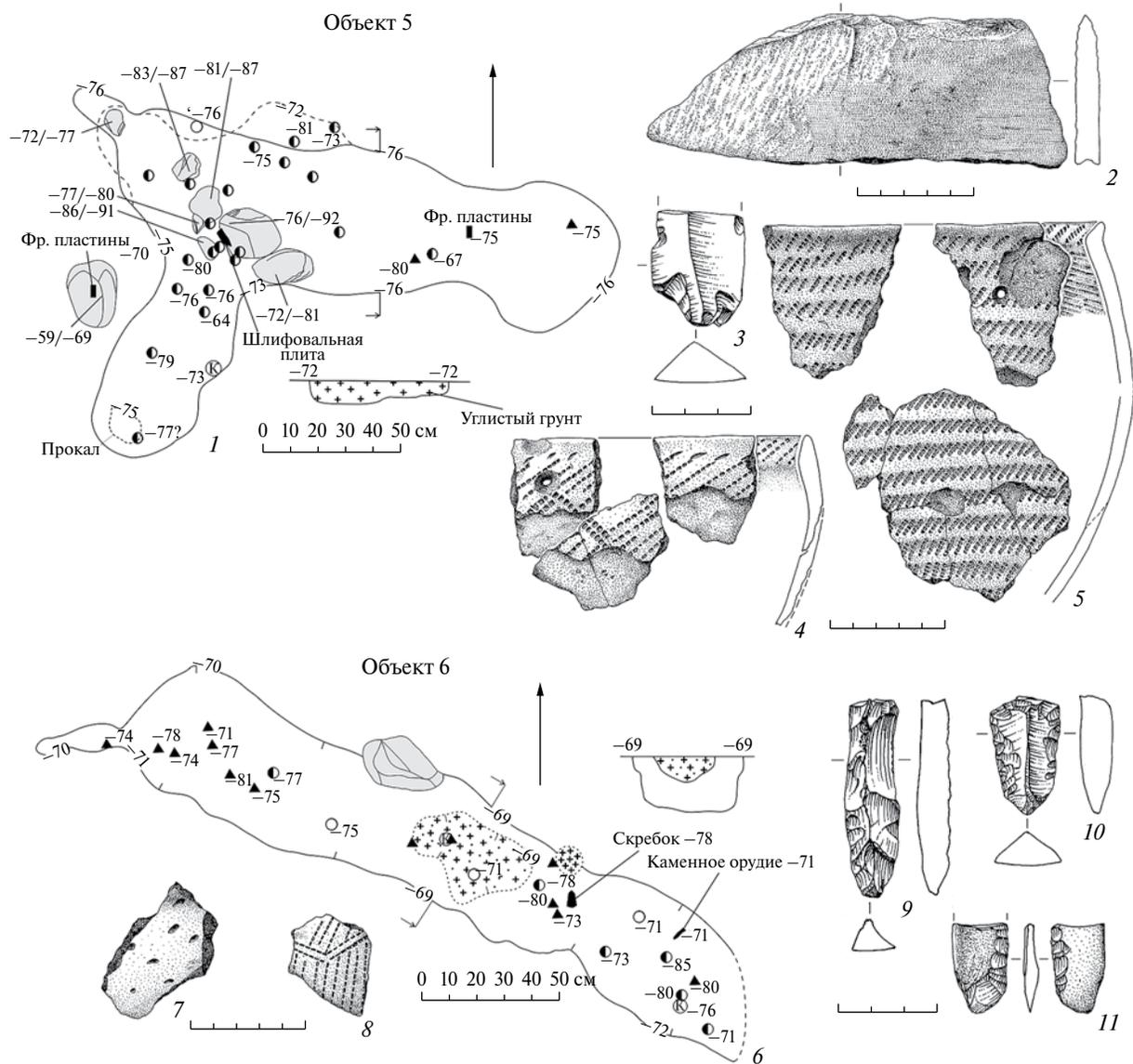

Рис. 4. Шайтанское Озеро II. Объект 5 (1 – план и разрез ямы, 2–5 – находки из заполнения ямы) и объект 6 (6 – план и разрез ямы, 7–11 – находки из ямы) (2, 3, 9–11 – камень; 4, 5, 7, 8 – керамика).

Fig. 4. Shaitanskoje Lake II. Features 5 (1–5) and 6 (6–11)

ширина у торцевых стен 0.4–0.5 м, в средней части – до 1.1–1.2 м. Глубина в материке 0.2–0.25 м, дно неровное. Заполнение представляло собой перемешанный грунт с вкраплениями угольков, прокаленный по осевой полосе (около 1.65 × 0.55 м). Восточный конец линзы прокала заходил под массивный гранитный валун. Преимущественно к верхним слоям заполнения ямы приурочены немногочисленные находки: две кальцинированные косточки, мелкие фрагменты керамики энеолитического облика, обломки коптяковского сосуда и крупный черепок от сосуда иткульского типа, а также каменные предметы – несколько отщепов,

скребки, два обломка шлифованного наконечника стрелы с желобком на перо, кусочки кварца и талька (рис. 3, 7–11).

Погребальный (?) объект 4 мог частично пострадать в результате деятельности углежогов: над ямой и близ нее, почти под дерном, зафиксированы поздние прокалы, обломки железных предметов, шлаки.

Объект 5 (рис. 4, 1–5) располагался в 1.6 м к СВ от ямы 4. Состоял из двух соединяющихся под прямым углом узких углублений, впущенных в материковый суглинок на 5–9 см. “Большая” яма

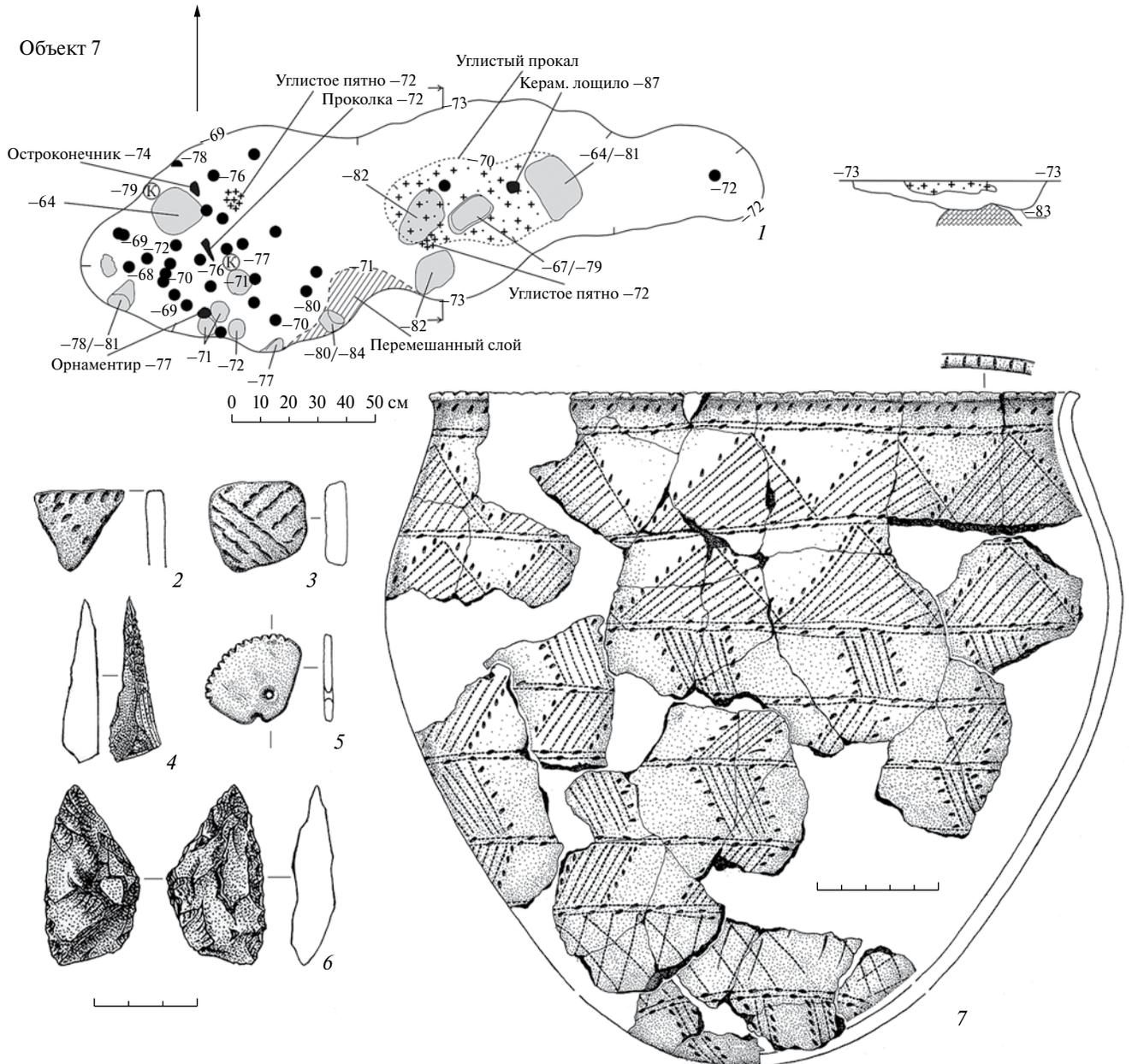

Рис. 5. Шайтанское Озеро II. Объект 7: 1 – план и разрез ямы, 2–7 – находки из заполнения ямы (2, 3, 5, 7 – глина; 4, 6 – камень).
 Fig. 5. Shaitanskoe Lake II. Feature 7

длиной 2.05 м и шириной 0.35–0.55 м вытянута в направлении с ЗСЗ на ВЮВ; отходивший от ее южной стенки выступ размером около 1.4×0.4 м был ориентирован на ЮЗ. Заполнение ям – углистый грунт, в западной половине “большого” отрезка на дне расчищены крупные валуны скальной породы. Около них найдено несколько мелких кальцинированных косточек (косуля). Прочие находки из ямы – обломки массивной пластины, шлифовальной плитки, скребок, отщепы зелено-каменной породы, кусочки кварца, талька, фрагменты сосудов аятского типа (другие черепки

от них были обнаружены в соседних квадратах). Не исключено случайное попадание артефактов в углубления.

Объект 6 (рис. 4, 6–11) находился в 1 м к СВ от объекта 5. Яма в виде узкой канавки с неровными стенками и скругленными углами, длиной 2.5 м и шириной 0.3–0.4 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Глубина в материке 0.2 м, дно неровное. Участок северной стенки перекрывал крупный валун. Заполнение – суглинок коричневого цвета, в центральной части ямы-канавки зафиксирована линза прокала размером 0.3×0.4 м, рядом

углистое пятно диаметром 0,1 м. В заполнении обнаружены несколько кальцинированных косточек, мелкие фрагменты керамики энеолита, бронзового и раннего железного веков, много кусочков талька и предметы из камня — скребок на пластине, отщепы, обломок шлифованного изделия, заготовка орудия на пластине и др.

В 1 м к западу от данной ямы расчищено пятно прокала 0.4×0.5 м, над которым лежал крупный валун.

Объект 7 (рис. 5) — крайний с северной стороны (от объекта 6 — в 2 м к С). Яма близкой к овальной формы, с неровными стенами, размерами около $2.4 \times 0.45-0.75$ м, ориентирована по линии З—В. Расширение приходится на западную половину (рис. 5, 1). Углублена в материк на 0.1 м, дно бугристое. Заполнение — грунт, насыщенный углистыми частицами; в центре большая линза прокала — 0.7×0.3 м, подстилающий слой — дрова и скальная порода. В центре ямы лежали три крупных валуна, еще один располагался рядом вплотную к продольной южной стенке. Судя по их глубинным отметкам и положению в слое, первоначально они находились на перекрытии. Еще несколько камней меньших размеров расчищено в расширенной западной части углубления. Не исключено, что они “сползли” вниз после руинирования объекта.

В западной половине ямы на разных глубинах обнаружены кальцинированные косточки, фрагмент коптяковского сосуда (рис. 5, 2), лошито из обломка энеолитического сосуда (липчинский тип) (рис. 5, 3), каменная подвеска-штамп (рис. 5, 5), отщепы, кремневые проколка и остроконечник (рис. 5, 4, 6). На перекрытии в западной части объекта, вероятно, стоял сосуд: 85 обломков найдены в слое над ямой, еще около 20 черепков обнаружены в заполнении. Сосуд не имеет однозначной культурной атрибуции, в нем сочетаются характерные признаки, присущие керамике энеолита и эпохи бронзы (рис. 5, 7).

Рядом с восточным концом ямы — чуть севернее — находилась большая шлифовальная плита, перевернутая рабочей поверхностью вниз.

Погребение 8 (рис. 6, 2–5) — единственный достоверный погребальный объект в этой группе. Находилось в 1.5 м к В от объекта 4. На уровне первой фиксации могильная яма размерами $2.2-2.4 \times 0.7$ м, ориентированная по оси ЗСЗ—ВЮВ, имела подпрямоугольную форму. Уже через 5 см, на отметке –95 см от 0, ее очертания стали аморфными, а сама она уменьшилась до 1.65×0.55 м. Глыбовый материал, проступивший в материковом

суглинке, обусловил неровность северной границы углубления. Яма, глубиной в материке около 0.1 м, прорезала слой, изобиловавший находками периодов мезолита и, особенно, энеолита.

На дне могилы расчищены останки кремированного здесь же человека. Умерший был положен в вытянутом на спине положении, головой на ЮВ — к озеру. Кальцинированные кости залегали в анатомическом порядке, среди них были довольно крупные фрагменты, позволившие определить пол — предположительно, женский, и возраст — 25–30 лет — индивидуума. Кремационному воздействию подверглось тело умершего человека вскоре после наступления момента смерти. О трупосожжении на месте свидетельствуют углистые полости и пятна прокалов под костями. Преобладание оттенков серого в цветовой гамме исследованных останков, по мнению Е.О. Святовой, дает возможность определить среднюю температуру кости в процессе горения в $400-900$ °С, что соответствует температуре открытого костра. Продолжительность кремации составляла не менее 50–60 минут.

В области правой кисти обнаружены спекшиеся фрагменты бронзового желобчатого браслета со спиралевидными окончаниями (рис. 6, 3). Из заполнения ямы происходят каменный наконечник стрелы (рис. 6, 4), обломок сосуда эпохи бронзы (рис. 6, 5), а также несколько фрагментов костей животных тоже со следами высокотемпературного воздействия. Только один из них удалось определить до вида — северный олень. Отдельные кальцинированные кости зафиксированы в культурном слое с северной стороны от могилы 8. Среди них по наличию дублирующих экземпляров выявлены останки другого индивидуума. Его половая принадлежность не установлена, возраст смерти определен в широком интервале от 18–20 до 50–55 лет. Возможно, их следует увязывать с объектом 9, расположенным в 1.4 м к северу (рис. 1).

На расстоянии 0.65–0.5 м к ЮВ от юго-восточного конца могильной ямы 8 выявлены бесформенные очертания шурфа, в котором, по информации Ю.Б. Серикова, в 2012 г. при помощи металлодетектора было найдено скопление из 8 бронзовых предметов, залегавших на глубине 12–14 см двумя частями (Сериков, 2013. С. 99–100). Весьма странно выглядит образуемый ими комплект: слиточек, обломки ножа, желобчатых браслетов, раскованного до тонкого листа изделия, уплощенный стержень и целый нож — с продольным ребром на клинке, слабо выраженным перехватом и расширяющимся к концу черенком. Список нужно дополнить плоской треугольной стамеской, найденной в полевом сезоне 2013,

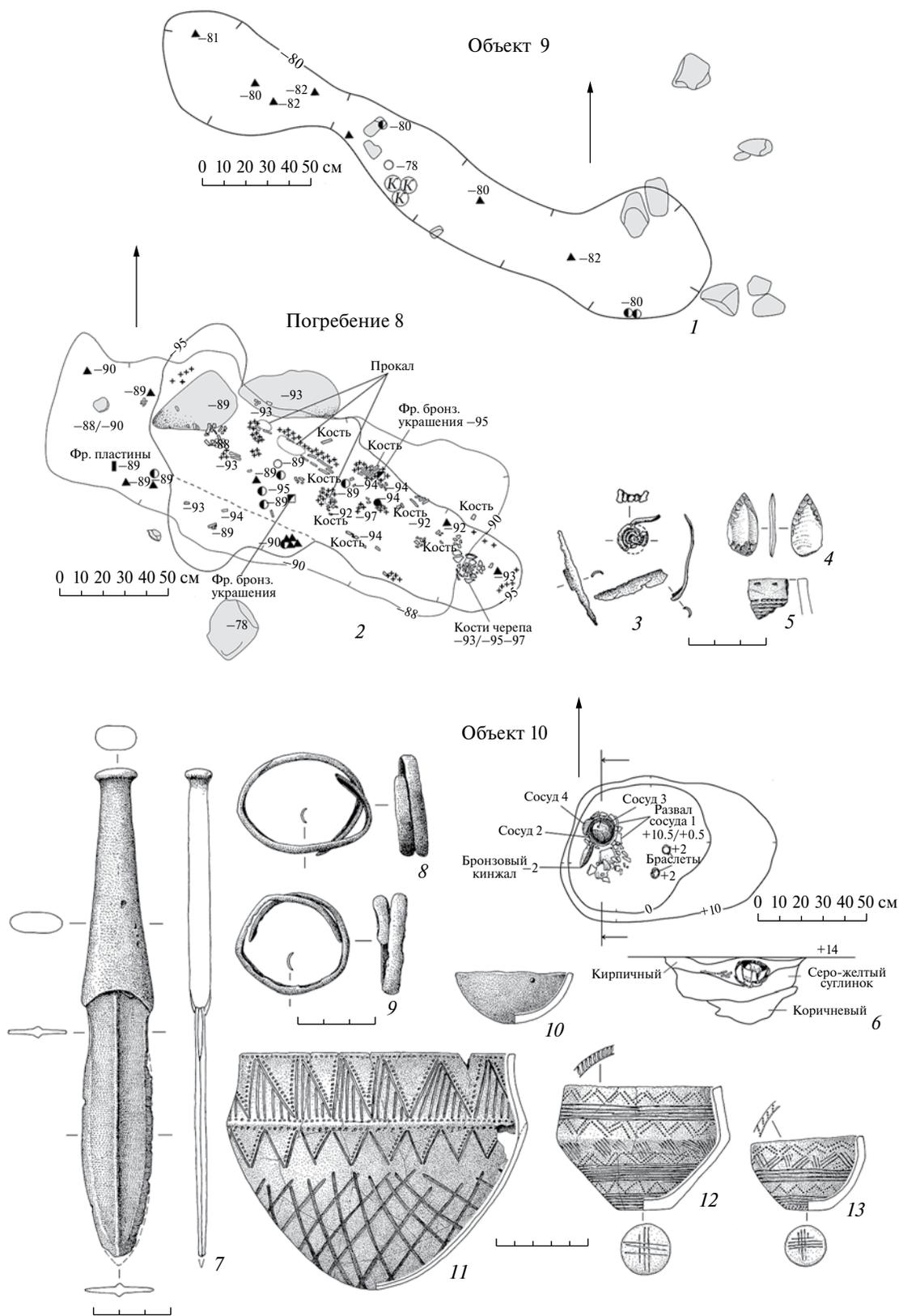

Рис. 6. Шайтанское Озеро II. Объект 9 (1), погребение 8 (2 – план, 3–5 – находки из погребения), объект 10 (6 – план и разрез ямы, 7–13 – вещи из объекта) (3, 7–9 – бронза, 4 – камень; 5, 10–13 – керамика).

Fig. 6. Shaitanskoe Lake II. Feature 9 (1), burial 8 (2–5), feature 10 (6–13)

около ближнего к могиле края шурфа. Сосредоточение 9 металлических предметов в непосредственной близости от погребения 8 не может не настораживать, однако каких-либо свидетельств безупречной связи между этими объектами не обнаружено.

Объект 9 (рис. 6, 1). Контуры углубления зафиксированы только однажды, на отметке 80 см от 0 в квадратах М/20, 21. Пятно представляло собой темно-коричневую углистую полосу длиной 2.7 м при ширине 0.3–0.35 м в средней части и около 0.4–0.6 м у закругленных концов, вытянутую по линии ЗСЗ–ВЮВ. Это самая мелкая из ям на восточной окраине культового памятника: выкопанная в культурном слое, она не доходила до материка минимум на 10 см.

Из темноокрашенной полосы и прилегающих участков происходят мелкие кальцинированные кости, пара отщепов и до десятка гранитных камней. Рискнем предположить, что с данным объектом связаны антропологические останки, выявленные около погребения 8 (см. выше): залежавшие первоначально практически в приповерхностном горизонте, они могли быть перемещены в пониженные места под действием эрозийных процессов (склоновый смыв, развевание).

Условно погребальный объект 10 (рис. 6, 6–13). Ранее был охарактеризован как объект культового комплекса (Корочкова, Стефанов, 2013. С. 88, 90). Обладает всеми признаками погребений, кроме одного – в нем совершенно отсутствовали костные останки. Представлял собой овальную в плане яму размерами 1.0 × 0.5–0.65 м, ориентированную по оси З–В. Уже через 10 см она уменьшилась до 0.7 × 0.55 м. Глубина в материке – около 20 см в западной половине и менее 10 см – в восточной.

В центральной части углубления немного (на 2 см) выше дна лежали два бронзовых желобчатых браслета. Около западной стенки ямы расчищен оригинально составленный комплект из четырех сосудов: в маленький сосудик с плоским дном (рис. 6, 12) был помещен вверх дном еще меньший сосудик (рис. 6, 13), миниатюрная круглодонная чашечка (рис. 6, 10) прислонена сбоку, после чего все три емкости были накрыты округлодонным, очень тонкостенным в нижней половине (2 мм) горшком (рис. 6, 11), со временем развалившимся. Под керамическими сосудами находился бронзовый кинжал с прилитой рукоятью (рис. 6, 7) со следами органического футляра (береста, кожа?). Судя по глубинным отметкам фрагментов крупного сосуда, осевших по западной стенке ямы, можно предположить, что горшки первоначально находились на перекрытии углубления. Заполнение ямы

представляло собой суглинок кирпичного цвета в западной половине и светло-серый в верхнем горизонте. Под напластованиями, содержащими артефакты бронзового века, зафиксирована линза суглинка коричневого цвета, в которой обнаружен фрагмент энеолитического сосуда. В непосредственной близости от данного углубления, но чуть выше, найдены два каменных наконечника стрел.

Не возникает вопросов в связи с интерпретацией и культурно-хронологической атрибуцией исследованных на Шайтанке объектов 2, 3 и 8. Это погребения, совершенные по обряду трупосожжения. Анатомически правильное расположение элементов скелета, характерные особенности костного материала (фрагментарность, окрашенность, трещиноватость, сломы и др.), прокалы и углистые пятна под и около костяков однозначно свидетельствуют о том, что кремация производилась на месте. Отсутствие следов специального углубления можно объяснить тем, что на площадках, выбранных для кострища, был снят только дерновый слой. Умерших укладывали в вытянутом положении на спине (погр. 2, 8) или скорченно на правом боку (погр. 3), головой на ЮВ – в сторону озера. По завершении похоронных ритуалов могилу засыпали землей или, скорее всего, закладывали кусками дерна: как отмечалось выше, иначе невозможно объяснить локализацию и сохранность антропологических останков. Впрочем, это не могло полностью предотвратить “растаскивание” отдельных фрагментов в околмогильном пространстве. Признаки кремации имеются в погр. 1, хотя и не столь очевидные.

Одновременность погребений с трупосожжением и святилищного комплекса доказывается сходством вещественных остатков, радиоуглеродными датами и аналогиями, в том числе погребальному обряду, в материалах других памятников. Инвентарь, попадающий в категорию сопровождающего и сопутствующего (Смирнов, 1997. С. 31–32, 73–74), в рассматриваемых объектах предельно скуден – бронзовый двулезвийный кинжал с орнаментированной рукоятью (погр. 3, рис. 3, 5), желобчатый браслет с закрученными в спираль концами (погр. 8, рис. 6, 3), миниатюрный глиняный сосудик (погр. 1, рис. 2, 3) и, пожалуй, каменные наконечники стрел (погр. 3, 8, рис. 3, 3; 6, 4). Прочие артефакты, обнаруженные в могилах, вероятно, попали в заполнение из культурного слоя.

Находки, подобные перечисленным, представлены не только в ритуальном комплексе Шайтанки, но и в коллекции коптяковского памятника Палатки I, расположенного на окраине Екатеринбурга: нож-кинжал с орнаментированной

рукоятью, обломок каменной формы для отливки такого ножа, браслеты, наконечники (Викторова, 2001. С. 106). Здесь, помимо жилого сооружения и других объектов поселения, обнаружено до десятка погребений, из которых, по крайней мере, четыре – (№ 4, 6, 7, 8) – с разрозненными останками кремированных людей (Там же. С. 101, 102). Погр. 8 Шайтанского Озера II имеет две ^{14}C -даты, полученные в лабораториях Познани (Poz-71112) и Мангейма (MAMS – 23961)³: соответственно, $3575 \pm 30 \text{ BP}$ и $3575 \pm 29 \text{ BP}$ или $2026\text{--}1782 \text{ BC}$ и $2024\text{--}1784 \text{ BC}$ при калибровке с 95.4% вероятности. Они в основном хорошо согласуются с серией дат, полученных для образцов из центральной площадки святилища в этих же и Оксфордской лабораториях: 3560 ± 35 , 3480 ± 20 , 3419 ± 20 , 3707 ± 27 , 3483 ± 34 , 3452 ± 32 , 3521 ± 28 , $3535 \pm 26 \text{ л.т.н. (BP)}$.

Прямые, и что важно, множественные параллели инвентарю из ямы 10 (желобчатые браслеты с заходящими концами, двулезвийный кинжал с прилитой рукоятью, глиняные сосуды) и сопутствующим предметам (наконечники стрел) позволяют отнести и этот объект ко времени существования святилища. В нем отсутствовал в каком-либо виде костный материал, но что, если в небольшом и мелком углублении было совершено захоронение ребенка по обряду ингумации? Зная, что сырые кости в здешних почвах не сохраняются, такое предположение отвергнуть нельзя. А если это было символическое захоронение – кенотаф – с сопроводительными вещами? Подобный вариант толкования объекта 10 тоже нельзя исключить (на памятнике Палатки I, по мнению В.Д. Викторовой, кенотафами могли быть погребения 2 и 3; Викторова, 2001. С. 96, 101). Таким образом, яму 10 с находившимися в ней артефактами в равной степени правомерно интерпретировать и как объект культового комплекса, и как условно погребальный объект.

Более неопределенной выглядит ситуация с объектами-ямами 4–7, 9. Основанием для отнесения их к числу предполагаемых или условных погребений являются следующие факты и соображения.

Вместе с бесспорным погр. 8 они образуют достаточно обособленную компактную группу в прибрежной полосе памятника, а в группе размещены упорядоченно (рис. 1). Ямы имели вытянутую форму, неровные стенки и дно, при этом

все они, включая яму 8, были длинными (2.05–2.9 м), узкими (0.3–0.7 м) и мелкими (от 5–9 до 20 см в материке, а яма 9 вообще не доходила до него). Все углубления были практически одинаково ориентированы (3–В, 3СЗ–ВЮВ, СЗ–ЮВ). Трудно сказать, насколько это существенно, но в средней части ям сверху фиксировались крупные валуны гранита. В заполнении ям присутствовали мелкие обожженные косточки, однако, в минимальном – в пределах первого десятка – количестве, при этом прокалов и углистых пятен на дне углублений не было. Для сравнения: в погр. 8 и непосредственной близости от него собрано, в том числе после промывки грунта, свыше 2.2 тыс. фрагментов костей (в погр. 2 и 3 они тоже исчисляются сотнями). Из сказанного нетрудно заключить, что в объектах 4–7 и 9 не совершались трупосождения.

Что касается кальцинированных косточек, то они, как, впрочем, и другие находки, могли попасть в слабоуглубленные ямы из культурного слоя, причем не только из ранних, но и поздних его горизонтов/отложений – отсюда соседство энеолитического наконечника стрелы с черепками коптяковского и иткульского сосудов в яме 4, фрагментов энеолитической и иткульской керамики в объекте 6 и т.д. Констатируя повышенное содержание костных фрагментов в участках вокруг компактной группы объектов и на занимаемой ими площади, мы затрудняемся объяснить их происхождение и почему в этом рассеянном скоплении есть как антропологические, так и палеозоологические (северный олень) остатки.

Исходя из имеющихся данных, представляются равновероятными два варианта толкования объектов 4–7, 9: 1) это погребения взрослых индивидуумов по обряду трупоположения (кости не сохранились); 2) это символические могилы, не содержавшие погребений и сопроводительного инвентаря. Сомнительно, но не исключено, что в яме 9 могли быть захоронены останки человека, кремированного на стороне.

Остается невыясненным вопрос о связи этих условных погребальных объектов с комплексом святилища и достоверными погребениями Шайтанки. Единственную для обсуждаемой группы радиоуглеродную дату – $1810 \pm 30 \text{ л.т.н. (Poz-71114)}$ – сложно комментировать из-за некорректного отбора образца (уголь взят из верхней части заполнения ямы 7), а во-вторых, калиброванная дата показывает время (128–323 гг.н.э.), в археологическом материале из раскопок никак не отраженное. Среди находок из ям как будто преобладают относящиеся к периоду энеолита, однако

³ Выражаем искреннюю признательность германским коллегам – Эльке Кайзер и Рюдигеру Краузе за содействие в проведении анализов. Датировка образцов в Оксфорде обеспечена в рамках гранта РФФИ под руководством Е.Н. Черных.

в культурном слое прибрежной части памятника их вообще очень много, в том числе индивидуальных. Ситуацию не проясняет керамический сосуд, больше 100 обломков которого залежали в слое над ямой 7 и в ее заполнении (рис. 5, 7). Заметим, что еще около десятка черепков от него же найдены в других квадратах раскопа — не только ближних к данной яме, но и весьма отдаленных (до 10–13 м). Однозначной культурно-хронологической атрибуции этот сосуд не имеет. По совокупности признаков (примесь тальковой дресвы в формовочной массе, круглое дно, сплошная орнаментация, композиционное построение, треугольные фигуры, чередование разнонаклонных групп отрисков в бордюрах, сетка, вертикальные столбцы, обрамление фигур наколами, исполнение декора тонким гребенчатым штампом, штрихи на внутренней поверхности от затирки грубым шпателем и др.) он вполне соответствует керамическим стандартам зауральской аятской культуры III тыс. до н.э. Проблема в том, что шайтаноозерскую ритуальную посуду как раз и характеризует органическое сочетание черт новационных и архаичных, восходящих к местному энеолиту (Сериков и др., 2009. С. 76; Корочкова, Стефанов, 2010. С. 136; 2013. С. 95). Практически все из отмеченных признаков в той или иной мере свойственны керамическому комплексу святилища (например, емкостей с округлым дном в шайтаноозерской выборке едва ли не половина — нонсенс!). Кроме того, восприятию экземпляра из ямы 7 как бесспорно энеолитического сосуда не способствуют такие детали как отгиб верхней части стенок наружу, плоский срез венчика и наличие орнамента на нем — они, возможно, коптяковского происхождения.

В отсутствие других аргументов единственным, хотя тоже не решающим, доводом в пользу версии об одновременном со святилищем бытовании объектов 4–7, 9 является их соседство с достоверным погребением 8 и вместе с ним упорядоченное положение в группе. Как нам кажется, до появления новых фактов (раскопки не завершены) вопрос о культурной и хронологической принадлежности “пустых” могил Шайтанского Озера II следует оставить открытым. Впрочем, и без того ясно, что на территории действующего святилища периодически совершались погребения по редкому обряду трупосожжения на месте (в нашей практике это первый случай) и символические захоронения.

До раскопок на Шайтанском озере в горно-лесной Зауралье было известно 9 погребений, которые связывались исследователями с коптяковской

культурой: кроме упоминавшихся погребальных объектов памятника Палатки I (Викторова, 2001), это еще одно погребение могильника Березки V с Аргазинского водохранилища в Челябинской области (Петрин, Нохрина, Шорин, 1993. С. 151)⁴. Вместе с шайтанскими они образуют небольшую серию, которая, тем не менее, демонстрирует на удивление разнообразную погребальную практику носителей коптяковских культурных традиций: грунтовые погребения по обряду ингумации, кремация на месте и на стороне с последующим захоронением останков в могиле, с сопроводительным инвентарем и безынварные, кенотафы. В 8 погребениях зафиксированы останки людей — младенца (Шайтанка), детей 6–8 лет (Палатки I), взрослых мужчин и женщин.

В связи с открытием погребений на Палатках I В.Д. Викторова высказала предположение о появлении в горно-лесной полосе Зауралья в конце III тыс. до н.э. совершенно неизвестного ранее погребального обряда (детские погребения в полу жилищ, высокая роль огненного ритуала), связав его с проникновением в регион новых групп населения (Викторова, 1999. С. 54; 2001. С. 106, 107; 2008. С. 35–37). В этом суждении кажется преувеличенной степень новизны отмеченных автором черт погребального обряда: среди энеолитических погребальных комплексов Урала и сопредельных регионов известны грунтовые захоронения на территории поселений и в стороне от них, одиночные и сгруппированные, по обряду ингумации и кремации, полные и фракционные, вытянутые на спине и скорченные на боку, детские и взрослые, с инвентарем и без него. Общей особенностью энеолитических погребений является отсутствие в них керамических сосудов (Шорин, 1999. С. 41–56; Чаиркина, 2005. С. 261–263; 2011. С. 95–119). Другими словами, коптяковская погребальная практика вполне наследует черты предшествующего времени.

По нашему убеждению, святилище Шайтанское Озеро II имело высокий ранг и являлось общим культовым центром для родственных групп населения большой территории. Исходя из этого, резонно предположить, что захороненные здесь индивидуумы обладали при жизни особым статусом, выделявшим их из местных социумов. О том же свидетельствует необычный способ погребения — сожжение на месте, т.е. в могиле (можно заметить, что по сравнению с ингумацией это более трудозатратный процесс). Придание телам

⁴ Погребения коптяковской культуры подтаежного Притобья в данной работе не учитываются: этот исследовательский сюжет требует отдельного обсуждения.

умерших определённой позы на кремационном костре – вытянутое на спине или скорченное на боку – в широком сравнительном плане адресует к нормам погребальной практики населения многих культур эпохи бронзы Урала и Западной Сибири (одиновская, кротовская, елунинская, Сатыга XVI, синташтинская, петровская, алакульская). Помимо всего прочего, эти культуры различаются по принадлежности к очагам Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции – сейминско-турбинским или евразийским. Подобный культурный синкретизм, ярко проявляющийся в металле, кремневом инвентаре, морфологии и орнаментике ритуальной керамики, погребальной обрядности, в значительной степени определяет уникальность святилища на Шайтанском озере.

Именно здесь, в Среднем Зауралье, на территории богатой меднорудными месторождениями, сформировался своеобразный культурный центр, вобравший в себя достижения и ценности различного населения. Речь идет о традициях сейминско-турбинских кланов – носителей новой прогрессивной технологии тонкостенного втульчатого литья, групп индоевропейского населения, наследовавших обычаи Циркумпонтийской зоны (степной мир), аборигенного населения, находившегося, по сути, еще на стадии каменного века. Внедрение принципиально новых технологий, взаимодействие различных культур были подкреплены особой мифологией, обрядами и ритуалами, которые обеспечивали консолидацию носителей новых знаний в пределах культурного континуума, втянувшего в свою орбиту и аборигенное население горно-лесного Зауралья. Возникновение центров, подобных Шайтанке, на переломе эпох, в условиях колоссального информационного стресса, вызванного появлением новых сфер деятельности и ломки прежних представлений о мире, соответствовало возросшей необходимости преодоления прежних стереотипов, усвоения и закрепления новых знаний посредством становления особой ритуальной практики.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 16-06-00174а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Викторова В.Д.* Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // III Берсовские чтения. К 95-летию А.А. Берса и 90-летию Е.М. Берс: матер. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 40–54.
- Викторова В.Д.* Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 95–107.
- Викторова В.Д.* Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Наука, общество, человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 1 (23). С. 31–45.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. 2010. № 4. С. 120–129.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.
- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф.* Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 212 с.
- Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-педагогическая академия, 2013. 408 с.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М.: ИА РАН, 2008. С. 341–346.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.
- Смирнов Ю.А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. М.: Наука, 1997. 279 с.
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.
- Чаиркина Н.М.* Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская Гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.
- Шорин А.Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 182 с.

BURIAL ASSEMBLAGES FROM SHAITANSKOE LAKE II BRONZE AGE SANCTUARY IN THE MIDDLE URALS REGION

Olga N. Korochkova, Anna V. Mosunova, Ivan A. Spiridonov, Vladimir I. Stefanov

Urals Federal University, Ekaterinburg, Russia

(Olga Korochkova@urfu.ru, ann36999@yandex.ru, z-is5@mail.ru, Stefanov_PNIAL@mail.ru)

The paper analyzes the exceptional situation at Shaitanskoe Lake II (Shaitanka), a sanctuary of the Seima-Turbino type. On an area of over 1000 m² we have discovered 4 cremation burials and 6 other features which may also be graves yet contain no anthropological remains, and hence are referred to in the paper as autonomous features. The grave goods from burials 1–3 and 8 and feature 10, primarily the bronze items (dagger with ornamented handle, grooved bracelets, including ones with spiral terminal), correlate with the time period when the sanctuary will have functioned, which is, according to the calibrated dates, the 19th – 18th cc. BC. Features 4–7 and 9, a compact group in the lakeshore part of the sanctuary, have yielded material from different time periods. It found its way into the pits at the time of their creation in the cultural layer which contained abundant Eneolithic finds. In the absence of direct arguments the features have been assigned, with certain reservations, to the category of Bronze Age symbolic graves.

Keywords: Urals, Bronze Age, Seima-Turbino type, sanctuary, burials, cremation, symbolic graves.

REFERENCES

- Chairkina N.M.*, 2005. Eneolit Srednego Zaural'ya [The Eneolithic of the Middle Trans-Urals]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN. 312 p.
- Chairkina N.M.*, 2011. Pogrebal'nye komplekсы epokhi eneolita i rannego zheleznoego veka Zaural'ya (po materialam pogrebal'no-kul'tovoy ploshchadki Skvortsovskaya Gora V) [Eneolithic and Early Iron Age burial assemblages from the Trans-Urals (based on the materials of Skvortsovskaya Gora 5 burial and cult site)]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN. 224 p.
- Korochkova O.N., Stefanov V.I.*, 2010. Bronze Age cult site at Shaitanskoe lake near Ekaterinburg (based on the materials from the 2008 excavations). *Ross. Arkheol.*, 4, pp. 120–129. (In Russ.)
- Korochkova O.N., Stefanov V.I.*, 2013. Bronze Age cult site at Shaitanskoe lake near Ekaterinburg (based on the materials from the 2009–2010 excavations). *Ross. Arkheol.*, 1, pp. 87–96. (In Russ.)
- Petrin V.T., Nokhrina T.I., Shorin A.F.*, 1993. Arkheologicheskie pamyatniki Argazinskogo vodokhranilishcha (epokhi kamnya i bronzy) [Archaeological sites of the Argazi reservoir (Stone Age and Bronze Age)]. Novosibirsk: Nauka. 212 p.
- Serikov Yu.B.*, 2013. Shaytanskoe ozero – svyashchennoe ozero drevnosti [Shaitanskoe: a sacred ancient lake]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagil'skaya gosudarstvennaya sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya. 408 p.
- Serikov Yu.B., Korochkova O.N., Kuz'minykh S.V., Stefanov V.I.*, 2008. Bronze Age of the Urals: new perspectives. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale [Proceedings of the 2nd (18th) all-Russian archaeological congress in Suzdal]*, I. Moscow: IA RAN, pp. 341–346. (In Russ.)
- Serikov Yu.B., Korochkova O.N., Kuz'minykh S.V., Stefanov V.I.*, 2009. Shaitanskoe Lake 2: new topics in the study of the Bronze Age in the Urals. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]*, 2(38), pp. 67–78. (In Russ.)
- Shorin A.F.*, 1999. Eneolit Urala i sopredel'nykh territoriy: problemy kul'turogeneza [Eneolithic of the Urals and neighboring territories: problems of culture genesis]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN. 182 p.
- Smirnov Yu.A.*, 1997. Labirint: Morfologiya prednamerenno-go pogrebeniya. Issledovaniya, teksty, slovar' [Labyrinth: morphology of intentional burial. Studies, texts, glossary]. Moscow: Nauka. 279 p.
- Viktorova V.D.*, 1999. Koptyakovo culture in the mountain forest Trans-Urals. *III Bersovskie chteniya. K 95-letiyu A.A. Bersa i 90-letiyu E.M. Bers: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The 3d Bers readings. To the 95th anniversary of A.A. Bers and the 90th anniversary of E.M. Bers: proceedings of the scientific and practical conference]*. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 40–54. (In Russ.)
- Viktorova V.D.*, 2001. Burial complexes on Kamennye Palatki island. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale [Rescue archaeological excavations in the Middle Urals]*, 4. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, pp. 95–107. (In Russ.)
- Viktorova V.D.*, 2008. Innovations and traditions in the cultures of the ancient population of the upper reaches of Iset river (Early Metal Period). *Nauka, obshchestvo, chelovek. Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN [Science, society and people. Bulletin of the Ural branch of the RAS]*, 1(23), pp. 31–45. (In Russ.)

КЛАД ПОЗДНЕБОСПОРСКИХ СТАТЕРОВ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ГЕРМОНАССЫ (2016 г.)

© 2018 г. М.Г. Абрамзон*, Н.И. Сударев**

* *Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, Россия (abramzon-m@mail.ru)*
** *Институт археологии РАН, Москва, Россия (sudarev@list.ru)*

Поступила в редакцию 10.01.2017 г.

В статье публикуется небольшой клад позднебоспорских статеров, найденный в 2016 г. рядом с фундаментом здания неясного назначения на античном поселении Тамань 16 в ближайших окрестностях городища Гермонассы. Комплекс включает 31 статер трех боспорских царей: Фофорса — 13 экз., Радамсада — 3 экз., Рескупорида VI — 15 экз. Позднейшей монетой в кладе является статер 625 г. б.э. (328/329 г. н.э.), который определяет дату тезаврации. Кроме того, на полу здания были найдены еще 12 статеров этих царей, битые теми же штемпелями лицевой или оборотной сторон, что и монеты из клада. Клад и монеты из дома образуют единый комплекс. Публикуемый клад примыкает к подгруппе однородных по составу семи кладов, зарытых в 327/328–328/329 гг. н.э. Причиной тезаврации в эти годы были вторжения на Боспор сармато-аланов и готов. Во время их рейда под Гермонассу, состоявшегося не ранее сентября-октября 328 г. н.э., погибло поселение Тамань 16 на ее хоре. Нумизматический материал, безусловно, представляет большой интерес для изучения денежного обращения, экономической и военно-политической ситуации на Боспоре в самом начале второй четверти IV в. н.э.

Ключевые слова: Боспор, Гермонасса, Тамань 16, монетные клады, Фофорс, Радамсад, Рескупорид VI, сарматы, аланы, готы.

В 2016 г., во время работ Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН на античном поселении Тамань 16 на хоре Гермонассы (рис. 1, I), при расчистке фундамента разрушенного здания был найден небольшой клад медных боспорских статеров III–IV вв. н.э. Он представлял компактное скопление монет (рис. 1, II, I) на расстоянии около 1 м к северо-западу от северо-западного угла вымостки перед входом в здание (рис. 1, II, 2). Следов контейнера не выявлено; по-видимому, монеты находились в мешочке или были просто завернуты в ткань. Комплекс включает 31 статер трех боспорских царей: Фофорса (285/286–308/309) — 13 экз. (№ 1–13), Радамсада (309/310–322/323) — 3 экз. (№ 14–16) и Рескупорида VI (314/315–341/342) — 15 экз. (№ 17–31). Кроме того, внутри помещения по полу были рассыпаны еще 12 монет тех же царей (рис. 3, III). Нумизматический материал поступил в Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория» (№ описи Т-16-1-43).

Поселение Тамань-16 расположено на расстоянии 3 км к юго-юго-востоку от городища Гермонассы и северной окраины станицы Тамань

(Темрюкский р-н Краснодарского края), в глубокой балке. Площадь его составляет около 38 га. Памятник регулярно исследуется с 2007 г. отрядами Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН и Таманского музейного комплекса.

Наиболее ранние следы жизнедеятельности на территории памятника относятся к эпохе раннего железного века. Поселение интенсивно функционирует в IV–III вв. до н.э., а пик его жизнедеятельности приходится на I–II вв. н.э. Затем его территория сокращается, и жизнь продолжается только в южной части. В это время поселение представляет собой группу отдельно стоящих усадеб с примыкающей приусадебной хозяйственной зоной. В IV в. н.э. жизнь на территории поселения прекращается и возобновляется только в X–XI вв.

В полевом сезоне 2016 г., в юго-восточной части поселения были открыты остатки каменного фундамента крупного, по-видимому, сырцового, прямоугольного здания размерами 9 × 5 м (рис. 1, II). Постройка ориентирована точно по линии запад–восток, входом на запад. Стены сильно пострадали от многолетней распашки. Толщина длинных стен (южной и северной) составляет от 0.6 до 0.8 м.

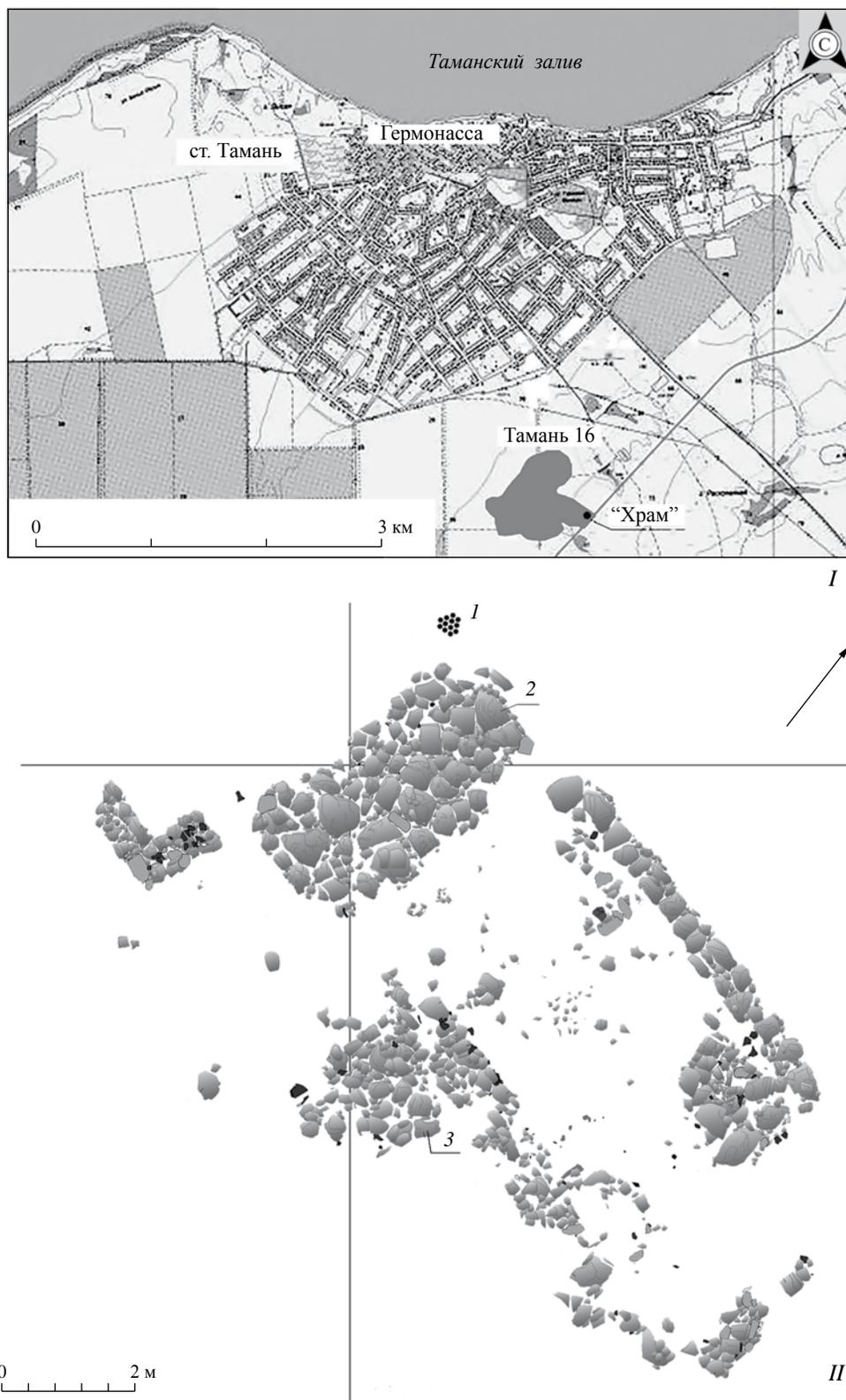

Рис. 1. Тамань 16: I – место расположения памятника; II – план монументального здания (1 – монетный клад, 2 – вымостка перед входом, 3 – вымостка у южной стены).

Fig. 1. Taman 16. Site location and plan of the building ('temple')

Восточная стена сохранилась плохо; ее толщина варьирует от 0.3 до 0.6 м. Северо-восточный угол постройки не сохранился. В западной части строения стена отсутствует: там, по-видимому, располагался вход. В этом месте к зданию примыкает вымостка из крупных камней размерами 0.2 × 0.4 м (рис. 1, II, 2). Еще одна небольшая вымостка примыкает к южной стене здания; ее размеры 1 × 0.8 м (рис. 1, II, 3). Внутри здания, на расстоянии 5 м от западной вымостки, впритык к северной стене пристроена каменная конструкция размерами 1.4 × 1 м. Она сложена из крупных кусков плитняка и сохранилась на высоту 0.2–0.3 м. На том же расстоянии от вымостки, внутри помещения, к южной стене примыкает еще одна конструкция из камней, имеющая форму полукруга диаметром 0.8 м. Эти две конструкции делят внутреннее пространство на два неравных помещения – большое западное и маленькое восточное, оставляя между ними проход. Вероятно, их также разделяла сырцовая перегородка. В свою очередь в западном помещении, на расстоянии около 2 м от вымостки, возможно, была еще одна стена с проходом посередине, отделявшая небольшой, открытый зал от центрального помещения. Фундамент стены сохранился очень плохо и представляет собой ряд камней между северной и южной стенами, лежащий перпендикулярно им.

Судя по фрагментам позднебоспорской черепицы, найденной в здании, оно имело черепичную крышу. По сравнению с другими известными зданиями III–IV вв. н.э. на сельской территории азиатского Боспора, постройка имеет более крупные размеры и толщину стен, качественную, выполненную из крупного камня, вымостку. Вопрос о ее функциональном назначении следует рассматривать особо.

Здание построено не ранее III в. н.э. Об этом свидетельствуют как наличие керамического материала второй пол. II – III в. н.э. под стенами (Абрамов, 1993. № 6.18, 6.21, 6.23, 6.34, 6.38), так и находки фрагментов красноглиняных широкогорлых амфор (Абрамов, 1993. № 7.21) в забутовке стен сооружения. Оно функционировало также и в IV в., что подтверждают находки фрагментов амфор IV в. н.э. типов “Делакеу”, М. 273 и других (Robinson, 1959. М. 273; Абрамов, 1993. № 7.1, 7.29), а также боспорские статеры 591–625 гг. б.э. (294/295–327/328 гг. н.э.).

Здание, как и все поселение, прекратило свое существование внезапно и одновременно в 328 или 329 г. н.э. О внезапности гибели поселения говорят следы крупного пожара, выявленные в разных частях раскопа. Здание не было повреждено огнем,

но оно было оставлено в спешке, о чем свидетельствуют фрагменты разбитого крупного каменного лутерия, оставшиеся *in situ* на западной вымостке, а также деньги, рассыпанные по полу помещения, и, наконец, монетный клад у входа, в котором наиболее поздними являлись статеры 328/329 г. н.э. Поскольку здание, западная вымостка и найденный рядом с ней монетный комплекс сильно пострадали от распашки, трудно установить, является ли это скопление монет зарытым кладом, а не оброненным на пороге в панике кошельком или узелком с деньгами. Далее мы рассмотрим состав “клада” и обстоятельства, сопутствующие его сокрытию или потере.

Самым ранним в кладе является статер Фофорса 583 г. б.э. – 286/287 г. н.э. (рис. 2, I), стоящий особняком от остальной компактной группы его статеров, объединяющей выпуски без перерыва с 592 по 600 гг. б.э. (295/296–303/304 гг. н.э.) (табл. 1). От каждого года в кладе присутствует по одной монете, за исключением представленного четырьмя монетами 594 г. б.э. (297/298 г. н.э.), в котором (вместе со следующим годом) темпы чеканки Фофорса достигли пика.

Следующая группа включает три статера Радамсада 613, 614 и 615 гг. б.э. (рис. 2, 14–16). Третью группу образуют 15 статеров Рескупорида VI, составляющие половину монет в кладе (рис. 2, 17–31). Представлены выпуски 611, 616, 619, 620–621, 623–625 гг. б.э. Только 3 монеты относятся

Таблица 1. Хронологическое распределение статеров Фофорса в кладе

Table 1. Chronological distribution of the Thothorses' staters in the hoard

Год н.э.	Количество
286/287	1
295/296	1
296/297	1
297/298	4
298/299	1
299/300	1
300/301	1
301/302	1
302/303	1
303/304	1
Итого 13 экз.	

Рис. 2. Тамань 16. Клад позднебоспорских статов из монументального здания.

Fig. 2. Taman 16. The hoard of Late Bosphoran staters

Таблица 2. Хронологическое распределение статеров Рескупорида VI в кладе**Table 2.** Chronological distribution of the Rheskuporis VI's starters in the hoard

Год н.э.	Количество
314/315	1
319/320	2
320/321	—
321/322	1
322/323	—
323/324	1
324/325	4
325/326	—
326/327	4
327/328	2
328/329	1
Итого 15 экз.	

ся ко времени совместного правления Радамсада и Рескупорида VI, 12 – к периоду единоличного правления последнего (табл. 2).

Наибольший интерес представляет статер с датой AIX (611 г. б.э. – 314/315 г. н.э.) – первый выпуск Рескупорида VI (рис. 2, 17). Статеры с датой AIX являются большой редкостью: до сих пор были известны только экземпляр из Патрейского клада 1951 г. (Голенко, 1960. Табл. IX, 309) и два экземпляра из Кепского клада 1962 г. (Голенко, Сокольский, 1968. № 499, 500). Патрейский и один из кепских экземпляров биты той же парой штемпелей, что статер из Тамани 16. К.В. Голенко и вслед за ним В.А. Анохин относили эти монеты к 621 г. б.э. (324/325 г. н.э.) и видели в AIX искаженную дату AKX (Голенко, 1960. С. 230; Голенко, Сокольский, 1968. С. 79; Анохин, 1986. С. 131). Однако наличие в Кепском кладе статеров с датой AIX, битых разными штемпелями о.с., свидетельствует в пользу датировки их именно 611 г., а не 621 г. б.э. (Фролова, 1997. С. 118–120). Кроме того, в Тиритакском кладе 1946 г. имеется статер с датой BIX – 612 г. б.э. (Фролова, 1997. С. 323. Табл. LXXXVI, 27), битый общим штемпелем л.с. с экземплярами с датой AIX из перечисленных кладов (Фролова, 1997. С. 323. Табл. LXXXVI, 20), включая публикуемый. Этот же штемпель л.с. использовался и для чеканки статеров 621 и 624 г. б.э. (Фролова, 1997. С. 119, 120).

Несмотря на малочисленность, клад подтверждает факт резкого повышения интенсивности че-

канки в 324/325–326/327 гг. н.э., накануне массовой тезаврации на Боспоре. Самой поздней монетой в кладе является статер с датой EKH (625 г. б.э. = 328/329 г. н.э.) (№ 31; рис. 2, 31), который дает дату *terminus post quem* для тезаврации.

Кроме клада вне здания на полу помещения были найдены еще 12 статеров, из которых 3 экз. принадлежат Фофорсу, 1 – Радамсаду, 8 – Рескупориду VI (рис. 3, III). Монетный комплекс охватывает те же хронологические рамки, что и клад, и дополняет картину. Так, например, в кладе отсутствуют монеты 591 и 622 гг. б.э., но они обнаружены внутри здания. Из найденных в нем 12 монет 5 биты общими штемпелями л.с. или о.с. со статерами из клада. Полагаем, это не случайно; клад и монеты из здания образуют единый комплекс. По-видимому, деньги были собраны в спешке в момент опасности, часть их рассыпалась по полу “наоса” и “пронаоса”, остальные, положенные в мешочек или просто завернутые в кусок ткани, были вынесены наружу и спрятаны или обронены.

Клад с античного поселения Тамань 16 примыкает к группе позднебоспорских кладов с монетами Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI. К настоящему моменту нам известно 25 таких комплексов, из которых 23 были сокрыты в конце 320-х – начале 340-х гг. н.э. Большинство из них имеет точную датировку и делится на три хронологические подгруппы: 1) 327/328–328/329 гг. – 7 кладов (табл. 3); 2) 336/337 г. – 3; 3) 341/342 г. н.э. – 7. (Абрамзон, 2016. С. 5–11; Абрамзон, Молев, 2016. С. 387–409). Массовая тезаврация на Боспоре в этот период, безусловно, отражает кризисную ситуацию, сложившуюся во второй половине правления Рескупорида VI (Зубарев, 2005. С. 126, 127; Зинько, 2008. С. 132, 133), и объясняется очередным движением племен Меотиды (Зинько, 2008. С. 132). Очевидно, данные подгруппы кладов отражают три волны набегов на Боспор, одним из результатов которых стало полное прекращение боспорской чеканки в 341/342 г. н.э. Публикуемый клад (Приложение) входит в первую подгруппу, связанную с начальным этапом военных действий – неизвестными рейдами сарматов, аланов и готов в 327/328–328/329 гг. (рис. 3, II).

Перечисленные клады имеют близкие даты тезаврации; по-видимому, можно говорить о том, что все они (кроме сомнительного “клада” или кошелька из Андреевки) были зарыты почти одновременно. Несколько раньше сокрыты Таракташский, Ильичевский и Керченский 1999 г. клады, в которых позднейшими являются статеры с датой DKX (624 г. б.э. = 327/328 г. н.э.), немногим позже – Феодосийский, Керченский 1961 г. и публикуемый клад с самыми

Рис. 3. Материалы из поселения Тамань 16 и карта боспорских кладов 327/328–328/329 гг. н.э.: I – грузило с христианским крестом; II – карта боспорских кладов (a – 327/328 гг. до н.э., б – 328/329 гг. до н.э.); III – позднебоспорские статеры из монументального здания (1–3 – Фофорс; 4 – Радамсад; 5–12 – Рескупорид VI).

Fig. 3. Materials from the site Taman 16 and the map of hoards AD 327/328 and 328/329

Таблица 3. Клады с монетами 327/328–328/329 гг. н.э.**Table 3.** Hoards with coins AD327/328–328/329

Год и место находки	Наиболее поздняя монета	Литература
Андреевка (северная), до 2014 г. — кошелек?	326/327	Яжецки, 2014. С. 183–189.
Малый Таракташ, 1908 г.	327/328	Стивен, 1909. С. 99–101; Харко, 1968. С. 284–295; Абрамзон, Фролова, 2007–2008. С. 518–521.
Ильичевское городище, 1977 г.	327/328	Фролова, 1983. С. 16, 17.
Керчь, 1999 г.	327/328	Абрамзон, 2011. С. 35–40.
Феодосия, 1927 г.	328/329	Фасмер, 1929. С. 285, по. 285; Noe, 1937. № 713; Шелов, 1950. С. 134–139.
Керчь, 1961 г.	328/329	Голенко, 1967. С. 268–272.
Тамань 16, 2016 г.	328/329	

поздними в них статерами с датой ЕКХ (625 г. б.э. = 328/329 г. н.э.). По размеру очень близки к публикуемому комплексу небольшие Ильичевский 1977 г. и Керченский 1999 г. клады, включавшие, соответственно, 36 и 28 статеров. Пять кладов данной подгруппы зарыты на Европейском Боспоре, два — на Таманском полуострове (Ильичевское городище и Тамань 16). Ранее считалось, что в кладах европейской части Боспора позднейшими были монеты 625 г. б.э., а в кладах азиатской стороны — 633 г. б.э. (336/337 г. н.э.) (о группе кладов 341/342 г. н.э. тогда еще не было сведений. — *М.А., Н.С.*). Разновременное зарытие кладов объяснялось неизвестными внешними событиями, затронувшими в основном Европейский Боспор, куда враги пришли с запада или северо-запада, из Крыма (Исанчури Р.А., Исанчури Е.Р., 1989. С. 92–94). Однако следует говорить о коалиции готов и сармато-аланов Меотиды, разорвавших боспорские укрепления и поселения по обе стороны Керченского пролива.

Клады с монетами 328–329 гг. н.э. неоднократно привлекали внимание исследователей, связывающих их со второй войной Херсонеса и Боспора, которую они датируют 323–327 гг. н.э. (Голенко, 1999. С. 45–48; Болгов, 2004. С. 46; Зубарев, 2005. С. 126, 127; Зубарь, Зинько, 2006. С. 224, 225). Мы не разделяем эту точку зрения, поскольку неизменное сохранение Боспором клиентского статуса по отношению к Риму (Болгов, 2008. С. 168–171) и чеканка Фофорсом, Радамсадом и Рескупоридом VI в 285–341/342 гг. н.э. статеров с изображением римского императора на о.с. исключают вероятность нападения Херсонеса на Боспор в их правление (Фролова, 1997. С. 93–95).

Между тем нам представляется абсолютно верной идея связать массовую тезаврацию в конце 320 — начале 340-х годов н.э. с новым движением племен Меотиды (Зинько, 2008. С. 132). Тезаврации предшествовал относительно стабильный период правления Радамсада (с 314/315 по 322/323 гг. н.э. совместно с Рескупоридом VI) и первых лет единоличного правления Рескупорида VI, в течение которого клады неизвестны. Он охватывает двадцатилетие с момента зарытия Фанагорийского клада в 307–308 гг. н.э. (Абрамзон, Кузнецов 2014. С. 56–86) до 327/328–328/329 гг. н.э. Последние годы накануне новой массовой тезаврации снова стали беспокойными для Боспора. Известно, что в 322 г. н.э. “сарматы” из Меотиды (Zosim. II, 21) совершили поход на Дунай. Летом этого года Константин I разбил сарматов и аланов, летом следующего года — готов. Ни рейд меотских варваров на Дунай, ни возвращение их обратно не отмечены кладами на Боспоре, следовательно, на этот раз они не были на его территории. В это же время (в 323/324 г. н.э.) начинается единоличное правление Рескупорида VI, при котором ситуация меняется. Отсутствие кладов в 323–326 гг. н.э. говорит о том, что он, как и прежде, вместе с Радамсадом, сдерживал натиск коалиции сармато-аланских и германских племен. Однако, в период с 324 по 327 гг. н.э. резко возрастают темпы чеканки — в 15–16 раз (Исанчури Р.А., Исанчури Е.Р., 1989. С. 88) и достигают пика в 622 и 623 гг. б.э. (325/326 и 326/327 гг. н.э.) (Фролова, 1997. С. 128), что можно связать с напряженной военной обстановкой в регионе, вызванной активностью племен Меотиды. Данное наблюдение подтверждает и публикуемый клад, в котором выпуски 325/326 и 326/327 гг. н.э. представлены наибольшим коли-

чеством экземпляров. Кроме того, только на статерах 622 и 623 гг. б.э. появляется изображение фигурки Ники рядом с портретом императора (такие статеры имеются и в публикуемом комплексе (рис. 2, 27, 28; 3, III, 10). Бесспорно, этот тип свидетельствует о военных успехах либо римского императора, либо боспорян в неизвестной войне, которая велась до 326/327 г. н.э., по-видимому, за пределами Боспорского царства (Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р., 1989. С. 88; 94).

Ситуация усугубилась к 327/328–328/329 гг. н.э. Набеги варваров привели к тезаврации кладов в западных приграничных областях Боспорского царства (клады из Малого Таракташа 1908 г. и Феодосии 1927 г.) и в столице (Керченские клады 1961 и 1999 гг.). Одновременно варвары переправились на Таманский полуостров и разорили сначала укрепления, контролирующие северный вход в Керченский пролив. Об этом свидетельствуют как дата клада с Ильичевского городища 1977 г., так и синхронный нумизматический материал из слоя пожара “батарейки” у западной оконечности Фонталовского полуострова, где в 1964 г. был открыт разгромленный и сгоревший дом, позднейшими монета-

ми из которого являлись статеры Рескупорида VI 327/328 г. н.э. (Голенко, Сокольский, 1968. С. 87).

Затем варвары отправились к Гермонассе, напротив южного входа в Керченский пролив, и разорили поселения на ее хоре. Сама Гермонасса, сожженная во второй половине или конце III в. н.э. варварами (слой пожара достигает 0.6 м), к началу IV в. представляла небольшое, плохо обустроенное поселение; не ясно, пострадала она от вторжения или нет. На хоре участь упомянутой выше “батарейки” разделило сожженное поселение Тамань 16, где рядом с разрушенным храмом (?) был найден небольшой клад, а внутри его – рассыпанные по полу статеры. О дате гибели поселения свидетельствует позднейшая монета из клада – статер Рескупорида VI 625 г. б.э. (328/329 г. н.э.). Поскольку статеры с датой ЕКХ чеканились с сентября-октября 328 по август-сентябрь 329 г. н.э., рейд варваров под Гермонассу мог состояться не ранее осени 328 г. н.э. Таким образом, публикуемый монетный комплекс (см. Приложение), безусловно, является ценным свидетельством исторического контекста эпохи и важен для изучения денежного обращения, экономической и военно-политической ситуации на Боспоре в самом начале второй четверти IV в. н.э.

Приложение

Тамань 16. Каталог монет из клада и помещения “храма”

Taman 16. Catalogue of coins from the hoard and the inner space of the ‘temple’

№ п/п	№ описи	Год б.э.	Год н.э.	Вес, г	Размер, мм	Ав.: легенда, дифферент	Рв.: дата, эмблема или дифферент	Примечания, литература
1. КЛАД (рис. 2)								
Фофорс (286/287–308/309)								
<i>Л.с.</i> ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡΣΟΥ. Бюст царя вправо (справа дифферент). Точечный ободок.								
<i>О.с.</i> Бюст императора вправо; (слева дифферент), справа тамга; внизу дата. Точечный ободок.								
1	Т-16-1	583	286/287	7.06	21	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡΣΟΥ	ГПФ; ⁱ	Ср. Фролова, 1997. LXVIII, 17.
2	Т-16-2	592	295/296	7.28	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡΣΟΥ Трезубец	ВqФ; ⁱ	Ср. Фролова, 1997. LXXIII, 26, 27.
3	Т-16-3	593	296/297	6.86	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡΣΟΥ	ГqФ; ⁱ	Ср. http://bosporan-kingdom.com/741-4578/10.html .
4	Т-16-4	594	297/298	7.94	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡΣΟΥ	qФ; ⁱ	Ср. Голенко, 1960. II, 61.
5	Т-16-5	594	297/298	7.85	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡΣΟΥ	ΔqФ; ⁱ	Ср. http://bosporan-kingdom.com/742-4407/5.html .
6	Т-16-6	594	297/298	7.34	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡΣΟΥ	ΔqФ; ⁱ	Л.с. Общ. шт.л.с. с 5. Фролова, 1997. LXXV, 1; Сидоренко, 2011. 5/7, 135.

№ п/п	№ описи	Год б.э.	Год н.э.	Вес, г	Размер, мм	Ав.: легенда, дифферент	Рв.: дата, эмблема или дифферент	Примечания, литература
7	Т-16-7	594	297/298	7.49	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ΔϰΦ; ⁱ	Л.с. Общ. шт.л.с. с 5, 6. Ср. Фролова, 1997. LXXIV, 19; LXXV, 2; http://bosporan-kingdom.com/742-4407/7.html .
8	Т-16-8	595	298/299	8.03	21	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ЄϰΦ; ⁱ	Ср. http://bosporan-kingdom.com/743-4545/4.html
9	Т-16-9	596	299/300	8.57	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ςϰΦ; ⁱ	Ср. Фролова, 1997. LXXVII, 11-13
10	Т-16-10	597	300/301	7.20	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ZϰΦ; ⁱ	Ср. http://bosporan-kingdom.com/745-4505/4.html .
11	Т-16-11	598	301/302	7.67	18	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ΗϰΦ; ⁱ	Ср. Фролова, 1997. LXXVIII, 18; Анохин, 1986. № 746а; 20011, № 2135.
12	Т-16-12	599	302/303	7.28	18	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ΘϰΦ; ⁱ	Ср. Фролова, 1997. LXXIX, 15.
13	Т-16-13	600	303/304	7.07	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	X; ⁱ	Ср. http://bosporan-kingdom.com/748-4620/2.html .

Радамсад (309/310-322/323)

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔ. Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа палица; внизу дата. Точечный ободок.

14	Т-16-14	613	316/317	7.46	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔ	ΓΙΧ	Ср. Фролова, 1997. LXXXIII, 12.
15	Т-16-15	614	317/318	7.56	21	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔ	ΔΙΧ	Ср. http://bosporan-kingdom.com/762-4410/1.html .
16	Т-16-16	615	318/319	7.56	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔ	ЄΙΧ	Ср. http://bosporan-kingdom.com/763-4511/7.html .

Рескупорид VI (314/315-341/342)

Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ. Бюст царя вправо, справа дифферент. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, (справа дифферент); внизу (по сторонам) дата.

17	Т-16-17	611	314/315	7.42	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Трезубец	ΑΙΧ Орел на сфере	Ср. Голенко, Сокольский, 1968. XI, 499; Фролова, 1997. LXXXVI, 20-21.
18	Т-16-18	616	319/320	7.15	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Трезубец	ςΙΧ Звезда	Ср. Фролова, 1997. LXXXVII, 8; Сидоренко, 2011. № 350; Анохин, 1986, № 765б; 2011, № 2157; Абрамзон, Молев, 2016, II, 38.

№ п/п	№ описи	Год б.э.	Год н.э.	Вес, г	Размер, мм	Ав.: легенда, дифферент	Rv.: дата, эмблема или дифферент	Примечания, литература
19	T-16-19	616	319/320	7.24	21	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Трезубец	ςΙΧ двузубец	Ср. Фролова, 1997. LXXXVII, 26; LXXXIX, 1; Абрамзон, Молев, 2016. III, 41.
20	T-16-20	618	321/322	6.24	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Венок	ΙΗ – X вместо ΗΙ – X	Нет в публикации. Л.с.: ср. Фролова, 1997. ХСI, 27, 28; ХСII, 1–5.
21	T-16-21	620	323/324	8.70	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Трезубец	ΚΧ Орел на сфере	Ср. Сидоренко, 2011. Рис. 5/27, 549; http://bosporan-kingdom.com/769-4181/50.html
22	T-16-22	621	324/325	7.18	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Трезубец	ΑΚΧ Орел на сфере	О.с. Между бюстом и орлом точка. Ср. Голенко, Сокольский, 1968. XI, 515.
23	T-16-23	621	324/325	8.02	20	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ Венок	ΑΚ – X	Ср. Фролова, 1997. ХСIX, 4?
24	T-16-24	621	324/325	8.15	19	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ Венок	ΑΚ – X	Общ. пара шт. с 23.
25	T-16-25	623	326/327	7.45	19	ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΙΣΚΟΥΠ Трезубец	ΓΚΧ Звезда	Ср. Фролова, 1997. CV, 26; http://bosporan-kingdom.com/772-4389/11.html .
26	T-16-26	623	326/327	7.52	20	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Венок	ΓΚ – X	Фролова, 1997. CVI, 21–22
27	T-16-27	623	326/327	8.03	20	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Венок	ΓΚΧ Ника на шаре	Ср. Голенко, Сокольский, 1968. XIV, 634; Фролова, 1997. CVI, 9.
28	T-16-28	623	326/327	7.10	19	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Венок	ΓΚΧ Ника на шаре	Ср. Голенко, Сокольский, 1968. XIV, 633; Анохин 1986, № 772в; 2011, № 2186; Сидоренко, 2011. 5/38, 791
29	T-16-29	624	327/328	7.46	20	ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Венок	ΔΚ – X	Ср. Голенко, 1960. XI, 373; Фролова, 1997. СХ, 2; Сидоренко, 2011. 5/42, 862.
30	T-16-30	624	327/328	7.46	19	ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Трезубец	ΔΚΧ Палица	Ср. Голенко, 1960. XI, 386; Голенко, Сокольский, 1968. XV, 715; Фролова, 1997. CVIII, 23, 24.
31	T-16-31	625	328/329	6.84	20	ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΙΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Венок	ΕΚ – X	Ср. Голенко, Сокольский, 1968. XV, 727; Фролова, 1997. СХI, 8; Сидоренко, 2011. 5/42, 880–881.

№ п/п	№ описи	Год б.э.	Год н.э.	Вес, г	Размер, мм	Ав.: легенда, дифферент	Рv.: дата, эмблема или дифферент	Примечания, литература
2. МОНЕТЫ ИЗ ХРАМА (рис. 3, III) Фофорс (286/287–308/309)								
1	T-16-32	591	294/295	7.56	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ΑϚΦ; ⁱ	Ср. Фролова, 1997. LXXI, 15, 16.
2	T-16-33	595	298/299	7.83	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ΕϚΦ; ⁱ	Общ. шт.л.с. с 5–7. Ср. Голенко, 1960. III, 77; Фролова, 1997. LXXV, 20.
3	T-16-34	597	300/301	7.08	19	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΩΡΣΟΥ	ΖϚΦ; ⁱ	Ср. http://bosporan-kingdom.com/745–4732/6.html .
Радамсад (309/310–322/323)								
4	T-16-35	613	316/317	7.43	18	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔ	ΓΙΧ Палица	Общ. шт.л.с. с 14. Ср. Фролова, 1997. LXXXIII, 12
Рескупорид VI (314/315–341/342)								
5	T-16-36	620	323/324	8.01	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Трезубец	ΚΧ Орел на сфере	Ср. http://bosporan-kingdom.com/769–4181/43.html .
6	T-16-37	621	324/325	7.23	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠ... Трезубец	ΑΚΧ Орел на сфере	Нет в публикации? <i>О.с.</i> Ср. Голенко, Сокольский, 1968. XII, 524; http://bosporan-kingdom.com/769–4181/8.html .
7	T-16-38	621	324/325	7.75	20	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ Венок	ΑΚ – Χ	Общ. шт.л.с. с 23, 24. Ср. Голенко, Сокольский, 1968. XI, 489.
8	T-16-38	621	324/325	7.11	20	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ Венок	ΑΚΧ Орел на сфере	Нет в публикации. Ср. http://bosporan-kingdom.com/770–4403/14.html .
9	T-16-39	621	324/325	7.44	20	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ Трезубец	^Α – ΚΧ Орел на сфере	Нет в публикации. Ср. Фролова, 1997. CVIII, 22.
10	T-16-41	622	325/326	7.44	20	ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Трезубец	ΒΚΧ Ника на шаре	Нет в публикации. Ср. Фролова, 1997. CII, 9.
11	T-16-42	623	326/327	7.38	19	ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Венок	ΓΚ – Χ	Общ. шт.о.с. с 26. Ср. Голенко 1960, XI, 359.
12	T-16-43	624	327/328	6.75	19	ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ Венок	ΔΚΧ Палица	Общ. шт.о.с. с 30. Ср. Фролова, 1997. CIX, 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) / Ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Адеф-Україна, 2011 (Боспорские исследования. Supplementum; т. 7). 280 с.
- Абрамзон М.Г.* Массовая тезаврация на Боспоре в 320-х – начале 340-х гг. н.э.: проблемы интерпретации // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: Деметра, 2016. С. 5–11.
- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д.* Клад боспорских статеров III–IV вв. н.э. из Фанагории (2011 год) // ВДИ. 2014. № 4. С. 56–86.
- Абрамзон М.Г., Молев Е.А.* Клад позднебоспорских статеров из Китея (2012 г.) // ВДИ. 2016. № 2. С. 387–409.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А.* Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь; Керчь: Адеф-Україна, 2008 (Боспорские исследования. Supplementum. Т. 2). 872 с.
- Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. М.: Архэ, 1993. С. 4–135.
- Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наук. думка, 1986. 184 с.
- Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья: каталог. Киев: Стилос, 2011. 328 с.
- Болгов Н.Н.* Между империей и варварами: финал античности на Боспоре // Україна в Централно-Східній Європі. № 4. Київ: Інститут історії України НАНУ. 2004. С. 39–76.
- Болгов Н.Н.* Имперская политика и дипломатия на позднем Боспоре (середина III – VI в.) // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции “Боспорский феномен”. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. С. 161–180.
- Голенко К.В.* Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 268–272.
- Голенко В.К.* К вопросу о времени сооружения “цитадели” на горе Опук // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь: КАЛМО, 1999. С. 39–48.
- Голенко К.В., Сокольский Н.И.* Клад 1962 г. из Кеп // Нумизматика и эпиграфика. 1968. Т. VII. С. 72–126.
- Зинько В.Н.* “Готы” в Восточном Крыму // Боспорские исследования. Вып. XIX. Симферополь; Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАНУ, 2008. С. 129–138.
- Зубарев В.Г.* К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V в. н.э. // VI Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф / Ред.-сост.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь: Деметра, 2005. С. 125–127.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. Симферополь; Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАНУ, 2006 (Боспорские исследования. Вып. XII). 304 с.
- Исанчурун Р.А., Исанчурун Е.Р.* Монетное дело боспорского царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. 1989. Т. XV. С. 53–96.
- Шелов Д.Б.* Феодосийский клад боспорских статеров // ВДИ. 1950. № 2. С. 134–139.
- Сидоренко В.А.* Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь; Керчь: Крымское отд. Ин-та востоковедения НАНУ, 2011. С. 458–569.
- Стевен А.* Таракташский клад // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. Т. 43. Симферополь, 1909. С. 99–101.
- Фасмер Р.Р.* Список монетных находок. II // Сообщения ГАИМК. Вып. II. Л.: ГАИМК, 1929. С. 281–324.
- Фролова Н.А.* Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. // Нумизматический сборник. Ч. 8 / Ред. Е.И. Каменцева. М.: ГИМ, 1983 (Труды ГИМ; вып. 57). С. 3–23.
- Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.). Т. II. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 536 с.
- Харко Л.П.* Монеты из Таракташского клада 1908 г. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья: К 100-летию со дня рождения акад. С.А. Жебелева / Ред. В.Ф. Гайдукевич. Л.: Наука, 1968. С. 284–295.
- Яжецки К.* Клад боспорских монет из Андреевки Северной // Археологические вести. № 20. СПб., 2014. С. 183–188.
- Noe S.P.* A Bibliography of Greek coin hoards. New York: American Numismatic Society, 1937 (Numismatic Notes and Monographs; vol. 78). 362 p.
- Robinson H.S.* Pottery of the Roman Period. Chronology. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1959 (The Athenian Agora. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies; vol. V). 163 p.

A HOARD OF LATE BOSPORAN STATERS FROM THE OUTSKIRTS OF HERMONASSA (2016)

Mikhail G. Abramzon*, Nikolai I. Sudarev**

*Magnitogorsk State Technical University, Russia (abramzon-m@mail.ru)

** Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia (sudarev@list.ru)

The authors publish a small hoard of Late Bosporan staters found near the base of a public building (a temple or sanctuary?) in the Taman 16 settlement located in the nearest outskirts of Hermonassa in 2016. The hoard contains 31 staters of three Bosporan Kings: Thothorses (13), Rhadamsades (3), Rheskuporis VI (15). The latest coin in the hoard is the stater dating from 625 year of the Bosporan era (AD 328/329), which actually provides the *date* for its concealment. Apart from the hoard, 12 isolated staters minted with the same dies of obverses and reverses that the coins from the hoard were uncovered on the floor of the building. The hoard and coins found inside the building form a single complex. The hoard is associated with a subgroup of 7 hoards concealed in AD 327/328–328/329, containing the coins of the above-mentioned kings. It seems likely that their mass deposit was triggered by the Sarmatian, Alan and Goth incursions into the Bosporan kingdom in AD 328–329. The settlement Taman 16 situated at the *chora* was destroyed by a major conflagration during the raid of the Maeotians to Hermonassa in September–October AD 328. The numismatic material from the temple (?) is of great importance in studying the currency, economy and military-political situation in the Bosphorus in the very beginning of the second quarter of the 4th century AD.

Key words: Bosphorus Cimmerian, Hermonassa, Taman' 16, coin hoards, Thothorses, Radamsades, Rheskuporis VI, Sarmatians, Alans, Goths.

REFERENCES

- Abramov A.P., 1993. Classical amphorae. Periodization and chronology. *Bosporskiy sbornik [Bosporan Collection of Papers]*, 3. Moscow: Arkhe, pp. 4–135. (In Russ.)
- Abramzon M.G., 2011. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [Corpus of Bosporan Hoards of Classical Coins], II. Klady iz novykh postupleniy v Kerchenskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik (2009–2010 gg.) [Hoards Newly Acquired by the Kerch Historical-Cultural Reserve (2009–2010)]. V.N. Zin'ko, ed. Simferopol'; Kerch': Adef-Ukraïna. 280 p. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum, 7).
- Abramzon M.G., 2016. Mass thesaurization on the Bosphorus in the AD 320s–340s: Issues of interpretation. *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya [The 17th Bosporan Readings. The Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Antiquity and the Middle Ages. Researchers and Researchs]*. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, eds., comp. Kerch': Demetra, pp. 5–11. (In Russ.)
- Abramzon M.G., Frolova N.A., 2008. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [Corpus of Bosporan Hoards of Classical Coins], I (1834–2005 gg.). Simferopol'; Kerch': Adef-Ukraïna. 872 p. (Bosporskie issledovaniya. Supplementum, 2)
- Abramzon M.G., Kuznetsov V.D., 2014. A hoard of Bosporan staters of the 3rd–4th century AD from Phanagoria (2011). *Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]*, 4, pp. 56–86. (In Russ.)
- Abramzon M.G., Molev E.A., 2016. A hoard of Late Bosporan staters from Kytaion (2012). *Vestnik drevney istorii [Bulletin of Ancient History]*, 2, pp. 387–409. (In Russ.)
- Anokhin V.A., 1986. Monetnoe delo Bospora [Coinage of the Bosphorus]. Kiev: Naukova dumka. 184 p.
- Anokhin V.A., 2011. Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya: katalog [Classical Coins of the North Pontic Area: A Catalogue]. Kiev: Stilos. 328 p.
- Bolgov N.N., 2004. Between the Empire and the barbarians: the final phase of the classical time on the Bosphorus. *Ukraïna v Tsentral'no-Skhidnyy Evropi [The Ukraine in the Central-Eastern Europe]*, 4. Kiiiv: Institut istorii Ukraïni NANU, pp. 39–76. (In Russ.)
- Bolgov N.N., 2008. Imperial policy and diplomacy on the late Bosphorus (the mid-3rd – 6th centuries). *Bospor i Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu: materialy yubiley-nogo mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashchennogo 10-letiyu konferentsii "Bosporskiy fenomen" [The Bosporus and the North Pontic Area in the Classical Epoch: Materials of the Jubilee International Round Table Dedicated to the 10th Anniversary of the 'Bosporan Phenomenon' Conference]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 161–180. (In Russ.)
- Fasmer (Vasmer) R.R., 1929. Spisok monetnykh nakhodok. List of coin finds. II. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of the State Academy of the Material Culture History]*, II. Leningrad: GAIMK, pp. 281–324. (In Russ.)
- Frolova N.A., 1983. Hoards of late Bosporan coins as a source for the history of the Bosphorus in the 3rd century AD. *Numizmaticheskiy sbornik [Collection of Numismatic*

- Papers*], 8. E.I. Kamentseva, ed. Moscow: GIM, pp. 3–23. (Trudy GIM, 57). (In Russ.)
- Frolova N.A., 1997. Monetnoe delo Bospora (seredina I v do n.e. – seredina IV v. n.e.) [Coinage of the Bosporus in the mid-1st century BC – mid 4th century AD], II. Moscow: Editorial URSS. 536 p.
- Golenko K.V., 1967. A hoard of late Bosporan coins found in Kerch in 1961. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Chronicle], 27, pp. 268–272. (In Russ.)
- Golenko K.V., Sokol'skiy N.I., 1968. A hoard of 1962 from Kepai. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy], VII, pp. 72–126. (In Russ.)
- Golenko V.K., 1999. Anent the time of building of the 'citadel' on the Opuk Mount. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesos Collection of Papers], X. Sevastopol': KALAMO, pp. 39–48. (In Russ.)
- Isanchurin R.A., Isanchurin E.R., 1989. Coinage of the Bosporan king Radamsades. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy], XV, pp. 53–96. (In Russ.)
- Kharko L.P., 1968. Coins from the Taraktash hoard of 1908. *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika S.A. Zhebeleva* [Classical History and Culture of the Mediterranean and the Pontic Area: To the Centenary of Academician S.A. Zhebelev]. V.F. Gaydukevich, ed. Leningrad: Nauka, pp. 284–295. (In Russ.)
- Noe S.P., 1937. A Bibliography of Greek coin hoards. New York: American Numismatic Society. 362 p. (Numismatic Notes and Monographs, 78).
- Robinson H.S., 1959. Pottery of the Roman Period. Chronology. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 163 p. (The Athenian Agora. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies, V).
- Shelov D.B., 1950. The Feodocian hoard of Bosporan staters. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 2, pp. 134–139. (In Russ.)
- Sidorenko V.A., 2011. The Kerch hoard of degraded staters of 2009. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauris], XVII. Simferopol'; Kerch': Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya NANU, pp. 458–569. (In Russ.)
- Steven A., 1909. The Taraktash hoard. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii* [Proceedings of the Taurian Scholarly Archival Commission], 43. Simferopol', pp. 99–101. (In Russ.)
- Yazhetski K., 2014. A hoard of Bosporan coins from Andreevka Severnaya. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 20. St. Petersburg, pp. 183–188. (In Russ.)
- Zin'ko V.N., 2008. The 'Goths' in the Eastern Crimea. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], XIX. Simferopol'; Kerch': Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya NANU, pp. 129–138. (In Russ.)
- Zubar' V.M., Zin'ko V.N., 2006. Bospor Kimmeriyskiy v antichnuyu epokhu. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii [The Cimmerian Bosporus in the Classical Epoch. Outlines of the Social-Economic History]. Simferopol'; Kerch': Krymskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya NANU. 304 p. (Bosporskie issledovaniya, XII).
- Zubarev V.G., 2005. Anent the destabilization periods in the Bosporus in the second half of the 3rd – the early 5th century AD. *VI Bosporskie chteniya: Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizatsiy i katastrof* [The 6th Bosporan Readings: The Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Classical and Medieval Epoch. Periods of Destabilization and Catastrophes]. V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko, eds., comp. Kerch': Demetra. C. 125–127. (In Russ.)

ПЕРВАЯ БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА ИЗ ВОЛОГДЫ

© 2018 г. И.П. Кукушкин*, А.А. Гиппиус**, А.А. Зализняк***

*Автономное учреждение культуры Вологодской области “Вологдареставрация”, Вологда, Россия (gorodkip@mail.ru)

**Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия (agippius@mail.ru)

***Институт славяноведения РАН, Москва, Россия (typology.inslav@gmail.com)

Поступила в редакцию 18.07.2016 г.

В статье публикуется первая вологодская берестяная грамота, найденная в ходе раскопок 2015 г. на Вологодском городище. Грамота датируется началом XIV в. и представляет собой древнейший памятник письменности этого края.

Ключевые слова: археология, Вологда, Вологодское городище, первая берестяная грамота, раскопки 2015 г.

В 2015 г., в ходе археологических раскопок, проводимых на Вологодском городище, была найдена первая вологодская берестяная грамота¹, послужившая поводом для переосмысления места Вологды в истории средневековой Руси.

Официальной датой основания города считается 1147 г., упоминаемый в источнике агиографического характера второй половины XVII в. Этот документ содержит значительное количество противоречий, поэтому многие исследователи относятся к нему с большой долей осторожности (Башенькин, Кукушкин, 1994. С. 33, 34). В достоверных письменных источниках волость Вологда впервые упоминается в 1264 г. — договорная грамота Новгорода с Тверским великим князем Ярославом Ярославичем — как новгородское владение (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. С. 9). XIII в. датируются и наиболее ранние из изученных археологических комплексов (Кукушкин, 2012. С. 164, 165).

Вологда возникла на перекрестке путей, соединивших Новгородскую республику и центры северо-восточных княжеств с Заволочьем. В XIII—XIV вв. она вытесняет древнее Белоозеро с места ведущего городского центра на Северо-Востоке Руси. В договорных грамотах Новгорода с великими князьями Руси с 1264 по 1456 гг. она неизменно фигурирует как “волость новгородская” (Грамоты..., 1949. № 1–3, 6–10, 14, 15, 19–22). Но уже с начала XIV в. прослеживается влияние великокняжеской

власти на вологодскую жизнь. В научной литературе сложилось мнение, что в Вологде могла иметь место форма “смесного” (совместного) правления князем, занимавшим Владимирский великокняжеский стол, и новгородскими властями или разделение их власти по территориальному признаку (подобно Торжку, Волоку Ламскому и Бежецкому Верху) (Кучкин, 1984. С. 127; Назаров, 2012. С. 242, 243; Черкасова, 2010. С. 428–443). В первые десятилетия XV в. городом фактически управлял Московский великий князь (Назаров, 2012. С. 243). По завещанию Василия II 1462 г. Вологда с Заозерьем были переданы младшему сыну князя Андрею Меньшому, после смерти которого в 1481 г. город окончательно перешел под власть великого князя Московского Ивана Васильевича и стал центром Вологодского уезда Московского княжества (Вологодско-Пермская летопись, 2006. С. 221, 274).

Археологические исследования показали, что к началу XV в. площадь исторического центра города составляла около 12 га (Кукушкин, 2012. С. 166). Участки культурного слоя, отдельные археологические находки, датируемые временем не позднее XIV в., обнаружены и за пределами этой территории. По локализации церквей, упоминаемых в письменных источниках, к концу XV в. протяженность города вдоль р. Вологды составляла не менее 2 км, структурно выделялись город и посады (Клосс, 1976. С. 269; Вологодско-Пермская летопись, 2006. С. 291, 292). Возможно, уже на этапе становления Вологда имела укрепления. Ко второй половине XV — середине XVI в. относятся письменные и археологические свидетельства существования здесь крепости-кремля, реконструируемая

¹ Находка передана на постоянное хранение в фонды Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

территория которого получила название “Вологодское городище” (Кукушкин, 2014. С. 274–277) (рис. 1).

Археологические исследования в Вологде ведутся с 1947 г. К настоящему времени раскопами и шурфами изучено около 4800 м², из них на территории городища — 2350 м². На Вологодском городище исследованы жилые, хозяйственные постройки, фрагменты фортификаций, мостовые, ремесленные мастерские, некрополь, обнаружено значительное количество находок, характерных для древнерусских городов XIII–XV вв.

Археологические раскопки 2015 г. осуществлялись на Вологодском городище, на участке, смежном с раскопом И.П. Кукушкина 1994 г., на котором были обнаружены культурный слой XIV–XVII вв., фрагменты крепостных укреплений московского периода. Тогда были отмечены признаки перемещения средневекового культурного слоя, что связывалось с фортификационными работами второй половины XV — середины XVI в. (Кукушкин, 1997. С. 36–46). Раскоп 2015 г. располагался во внутрикрепостном пространстве. Его площадь составляла 456 м², мощность культурного слоя увеличивалась с северо-востока на юго-запад от 1 до 2 м по направлению к линии укреплений, что связано с понижением уровня материка и увеличением мощности поздних отложений. Под слоем археологического балласта были выявлены следы построек и настил мостовой, датируемые по находкам и данным дендрохронологического анализа XVII в. В северо-восточной части раскопа они залегали на материке. В юго-западной, под конструкциями XVII в., зафиксирован гумусированный насыщенный щепой культурный слой мощностью до 0.4 м, лежавший на материке. Из него происходит незначительное количество находок хозяйственно-бытового назначения и керамика, датирующиеся XIV–XVII вв. На площади раскопа на материке выявлены небольшие ямки, округлые в плане, диаметром 15–40 см, заглубленные в материк на 10–30 см. Предположительно, своим происхождением они обязаны строительным земляным работам, например, проведению вертикальной нивелировки-срезки грунта, связанным с возведением (реконструкцией) фортификаций во второй половине XV — середине XVI в. Также в южной части раскопа в материке исследованы более крупные ямы, интерпретируемые как хозяйственные и материковые западины естественного происхождения. Их заполнение образуют гумусированный суглинок, щепы, навоз, органика растительного происхождения. В одной из них (материковой западине) и была найдена берестяная грамота. Помимо нее, в яме находились фрагменты кожаной обуви,

берестяные вкладыши в задники кожаной обуви, фрагменты керамики. По типологии В.Ю. Коваля найденная здесь керамика относится к условным типам венчиков (УТВ) — 5, 5а, 6, 7, бытования которых приходится на XIV в. (2014. С. 533, 552, 553). Датировка слоя ямы, содержащей грамоту, вписывается в сложную картину градостроительной истории участка. Отсутствие выраженных напластований этого времени вне ям следует связать с проведением земляных работ на участке при возведении или реконструкциях крепости во второй половине XV — середине XVI в.

Сама грамота сохранилась полностью и состоит из четырех строк (рис. 2). Она написана на листе бересты длиной 20 см и шириной от 3.6 до 2.2 см. Лист сужается к правому краю, что соответствует контурам поля, занятого текстом: последняя, четвертая строка грамоты короче остальных, и линия нижнего обреза плавно поднимается, огибая ее окончание. Так же ведет себя и линия верхнего обреза, сползающая вниз за нырнувшей под “чечевичку” первой строкой. Последняя деталь позволяет не сомневаться в том, что верхний край грамоты является первоначальным.

Как и в подавляющем большинстве новгородских берестяных грамот, буквы вырезаны стилосом-писалом, а строки идут параллельно волокнам. Это существенно, поскольку в двух из четырех московских берестяных грамот строки расположены поперек волокон, параллельно оси свертывания берестяного свитка, что придает документу вид столбца (Гиппиус и др., 2011. С. 453). Вологодская грамота в этом отношении демонстрирует принадлежность к новгородской традиции оформления берестяного документа.

Текст вырезан уверенной рукой, привычной к письму, и даже с известным эстетизмом. Начертания букв устойчивы и своеобразны, особенно характерны формы у (с пересечкой в верхней части) и ъ (с засечкой, доходящей до низа буквы). Общей особенностью почерка является оформление засечек у букв б, г, т, ъ, ѳ в виде декоративных треугольников (прием, встретившийся до сих пор всего в четырех грамотах разных веков, начиная с грамот XI в. № 906 и 913). В целом палеография документа свидетельствует о высокой культуре письма на бересте.

Собственно текст с разделением на слова имеет следующий вид:

Г·А·КОВО К ТОБѢ К ТОБѢ СА : .ОНАНИКО ТЬСТЬ
 БРАТЬ ·О·СТАФЕ : ПОСЛА·ЛЪ С ТОБОЮ КЕМЬ
 РУБЛЕ : .КО САМЪЛУ .РУБЛЕ : НИ МНѢ РУ
 БЛ·А: НИ МНѢ ПРОТОРЪВЪ

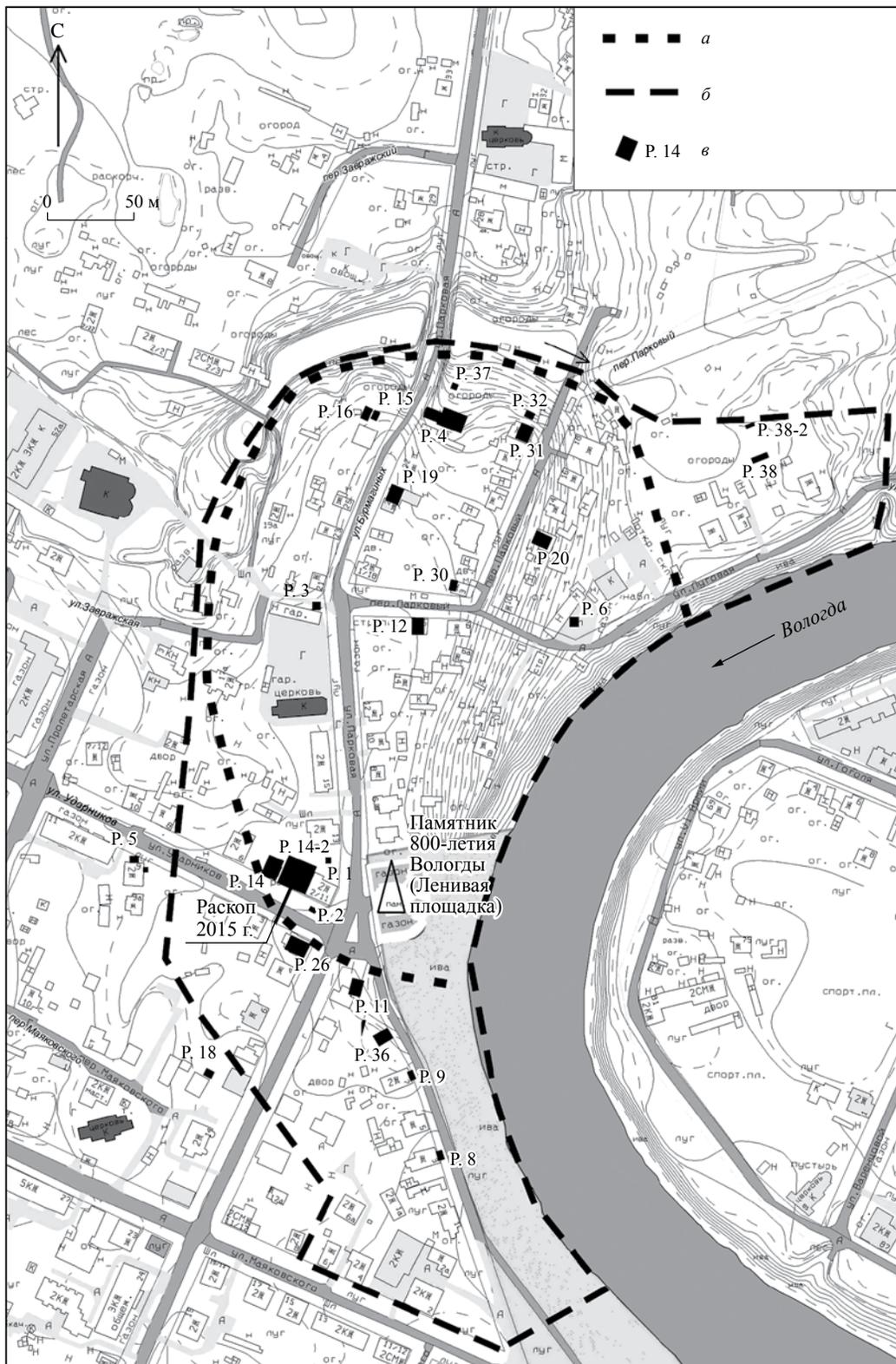

Рис. 1. Памятник археологии “Городище, место основания г. Вологды. XII–XV вв.”. Расположение раскопа 2015 г. Условные обозначения: *a* – реконструкция границ вологодского кремля второй половины XV – середины XVI в.; *b* – граница памятника; *v* – археологические раскопы.

Fig. 1. The archaeological site of “Gorodishche, the place of foundation of the Volgodga City, the 12th–15th centuries.” The location of the excavation area of 2015. Map symbols: *a* – the reconstruction of the boundaries of the Volgodga kremlin of the second half of the 15th – the mid 16th century; *b* – the boundaries of the site; *v* – excavation areas.

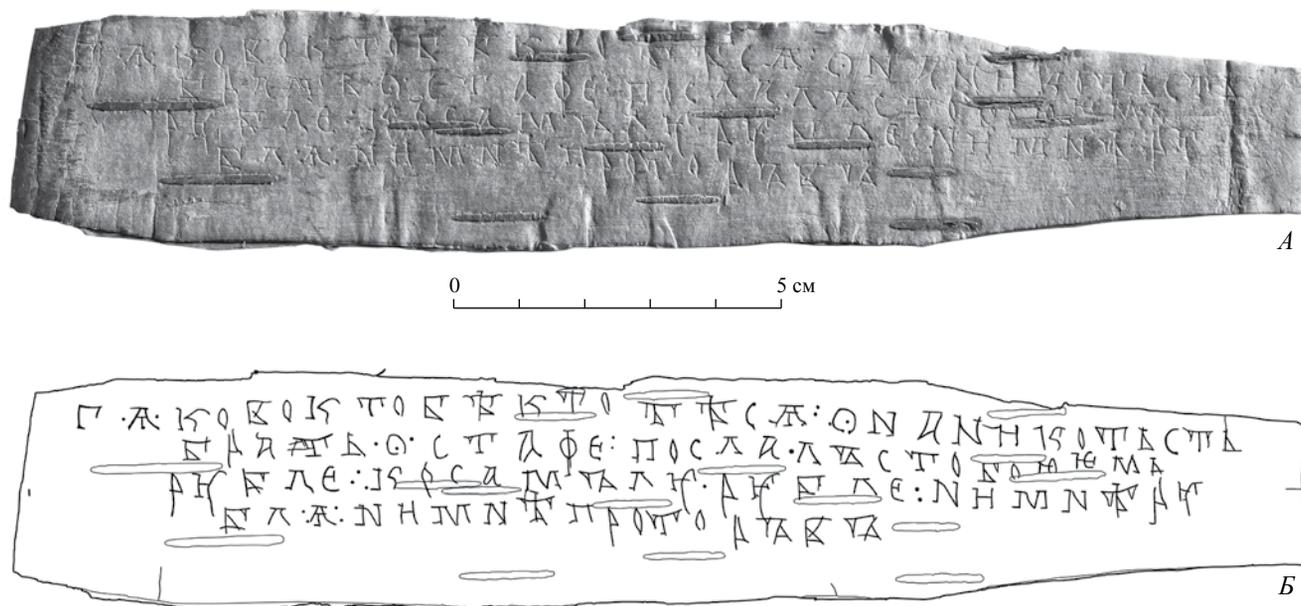

Рис. 2. Вологодская первая берестяная грамота. А – фото А.В. Тарасовского; Б – прорись Н.И. Калининой.

Fig. 2. First Vologda letter on birchbark. А – photograph by А. N. Tarasovskiy; Б – traced by N. I. Kalinina.

С современной пунктуацией и упрощением графики:

Гяково к тобѣ, к тобѣ ся Онанико тьсть. Братъ Остафе, послалъ с тобою емь рубле, ко Самълу рубле. Ни мнѣ рубля, ни мнѣ проторъвъ.

То же с переводом бытовой графики на книжную:

Гяковъ к тобѣ, к тобѣ ся Онаникъ тьсть. Брате Остафе, послалъ с тобою емь рубль, къ Самолу рубль. Ни мнѣ рубля, ни мнѣ проторовъ.

Перевод:

‘Яков [обращается] к тебе, к тебе [обращается и] тьсть Онаник. Брат Остаф! Я послал с тобой рубль – к Самойлу рубль. И нет у меня ни рубля, ни проторов’ (о возможных интерпретациях слова “проторы” см. ниже).

Текст написан по так называемой бытовой системе – той же, что в Новгороде: буквы *ъ* и *о* свободно смешиваются, как и буквы *ь* и *е*.

Упоминание рубля жестко ограничивает датированный интервал для вологодской грамоты по нижней границе началом XIV в. Покрытие у буквы *А* ограничивает его по верхней – 30-и годами XIV в. Длинные верхние засечки у буквы *н* ограничивают его сверху 10-и годами XIV в., но поскольку такая буква *н* всего одна, это ограничение является нестрогим. Наличие засечек сверху и снизу у букв *и*, *н*, *к* тоже нестрого ограничивает его сверху 10-и годами XIV в. В результате внестратиграфическая,

т.е. по совокупности палеографических и языковых признаков оценка грамоты (Зализняк, 2000) – это начальное сорокалетие XIV в. с предпочтением к первой четверти XIV.

Вместо ожидаемого *ѣсь* в грамоте стоит написание *ѣмь*. Такие написания уже встречались: *послалъ ѣмь* в берестяной грамоте XIV в. № 964, *то ѣа твориль емь* в “Поучении Владимира Мономаха” (Лаврентьевская летопись, 1997); в более древнюю эпоху – в Синайском патерике XI в.: *гражанинъ ѣмь оньсичь снѣ* (Срезневский, 1893. С. 827). Также в значении 1 мн.: *мы, о влѣко, предани ѣмь блѣмъ оѣмъ твоимъ в руцѣ твои* (Сильвестровский сборник XIV в.: Срезневский, 1893. С. 827). Предположение о том, что во всех этих случаях просто одинаковым образом пропущена буква, представляется маловероятным. Более вероятно, что *с* в *есь* утрачивалось в силу аналогии: есть всего четыре глагола с 2 ед. презенса на *-си*: *даси, вѣси, ѣси (ѣси)* и *еси*. И вот их 1 ед.: *дамь, вѣмь, ѣмь (ямь)*, но *есмь*. Эффект выравнивания дает *емь*. Перед нами начатки такого же развития, что и в польских формах типа *posłałem* ‘я послал’, тоже с утратой *s*.

В синтаксисе важная особенность грамоты состоит в том, что слово *ѣмь* (=ѣсь), вопреки обычным правилам, стоит после *с тобою*, а не перед ним. В берестяных грамотах имеется лишь один пример подобного расположения связки: *за насъ не сто(у)тъ, насъ продакътъ, и ѡкрадони ѡ ного ѣсми*

в № 370 (XIV в.). Причину таких отклонений еще предстоит исследовать.

В имени *Самълу*, вероятно, просто пропущено *и*, т.е. это было имя Самойло; но не исключено и то, что пропуска нет, т.е. это вариант *Самоль*, подобный варианту *Михаль* при имени *Михайло*.

Имя *Онаникъ* построено с помощью сравнительно редкого гипокористического суффикса *-ик-ъ* от имени *Онания* — подобно *Пянтелике* в новгородской берестяной грамоте № 23 от *Пянтелеи*, *Ондрике* в грамоте № 362 от *Ондрѣи*, *Ортемикъ* в московской берестяной грамоте № 3 от *Ортемья*.

В написании *Гяковъ* через *гя* передано [ja]. Такой способ передачи йотации встречается не только в южновеликорусских памятниках, где он определяется чрезвычайной фонетической близостью звуков [γ'] и [j], но и в северновеликорусских, где *г* взрывное. Так, в новгородских берестяных грамотах находим, например, *погихати* ‘поехать’ в грамоте № 266, *мравгици* ‘муравьичей’ в грамоте № 273. В XIV в. соотношение написаний *Аковъ* и *Гяковъ* было уже таким же, как в *Юрьи* и *Гюргьи* (хотя исторически в этом последнем имени исконным было [g], а не [j]).

В лингвистическом отношении существенны написания *Гяково* <-въ>, *Онанико* <-къ>, *послалъ*, демонстрирующие наддиалектную восточнославянскую флексию -ъ в И. ед. твердого о-склонения и перфектном причастии; в древненовгородском диалекте здесь было окончание *-е*.

Начальная адресная формула необычна сразу в нескольких отношениях. Она складывается из двух частей: в первой к адресату обращается Яков, во второй — “тесть Онаник” (тестем он, скорее всего, приходится адресату); при этом содержательная часть сообщения выдержана в формах единственного числа. Подобное несоответствие структуры адресной формулы и основного текста письма встречается не впервые: так устроены новгородская грамота № 731 (XII в.) и грамота № 40 из Старой Руссы (XIV в.). Оба письма написаны от лица супругов в связи с предстоящими браками детей. Грамота № 731 адресована свахе (*Покланяние ѿ Анокъ со Сълатою ко Аринъ*), грамота № 40 — другой супружеской чете, приглашаемой на свадьбу дочери (*Поклонъ ѿ Ѡксини і Ѡнани к Родивону і сестри моєі Татилани*). Основное сообщение в обоих случаях сформулировано от лица женщины. Общим для двух грамот является то, что их адресные формулы выполняют, помимо собственно адресной, также приветственную функцию, выражаемую словами *покланяние* и *поклонъ*; в этом приветствии участвуют оба супруга, но далее речь

продолжает жена. В адресной формуле вологодской грамоты приветственный компонент отсутствует. Можно думать, что привлечение Онаника в качестве дополнительного, “титульного” автора имело своей целью придать большую официальность и внушительность основному сообщению. Такая интерпретация возможна лишь в случае, если Яков и Онаник выступают консолидировано, позиционируя себя как единого экономического субъекта. Например, если Онаник, тесть Остафа, является отцом Якова.

Необычно и обозначение обоих отправителей письма формами именительного падежа — *Яковъ*, *Онаникъ тесть*, вместо стандартного для адресных формул родительного падежа с предлогом: *От X-а*. В берестяных грамотах такое построение является регулярным только для адресной формулы *X бьет челом Y-у*. Вне ее оно представлено лишь в двух женских письмах XII и XIII вв.: Старая Русса № 11 (*Иванла молвила Ѡимъ*) и 771 (*Офимия каже весте къ тебе*). Последний документ представляет также единственную параллель к обозначению адресата в начальной формуле не именем, а личным местоимением 2 лица (*к тобѣ*). Это очень архаичная особенность, обнаруживающая преемственность берестяной переписки по отношению к традиции передачи устных речей: именно в ситуации передачи устного сообщения уместно упоминание отправителя по имени — в 3 лице, а адресата — во 2. По этой модели, в частности, в летописях вводятся посольские речи, например, в Киевской летописи под 1151 г.: *посоль пригна изъ Оугоръ къ Изаславу ѿ сѣа е(г) Мьстислава и ре(ч): “Сѣѣ ти сѣ кланяеть и тако молвить...”*.

Уникален для берестяных грамот эллипсис глагола в адресной формуле. Эта уникальность, впрочем, — лишь следствие малочисленности глагольных адресных формул берестяных грамот по сравнению с именными. Среди последних эллиптическая по своей природе формула “От X-а к Y-у” на протяжении XI–XIV вв. — одна из основных.

Особую проблему составляет слово *ся* во второй части адресной формулы. Теоретически для нее мыслимы два варианта интерпретации. С одной стороны, это *ся* можно трактовать как результат своего рода полуэллипсиса глагольной словоформы, от которой сохраняется возвратная частица. На роль опущенного глагола более всего подходит *слатися* ‘обращаться через посланного’; ср. в Письме к Олегу Владимира Мономаха: *слися к отцю*; в “Повести временных лет” под 980 г.: *И рече Блудъ Ярополку: “киянъ слють ся к Володимеру, глаголюще: приступаи ко граду”*. Внутренняя форма этого глагола (‘посылать себя’) как нельзя более точно

отвечает ситуации, в которой посыльный, слово в слово и от первого лица передающий адресату речь посланного, в коммуникативном отношении замещает его. Вполне объяснимо и то, что полуэллипсис выступает именно во второй части адресной формулы. Пропуск глагола при сохранении *ся*, в значении ‘себя’, был бы законен в конструкции с полностью прописанной первой частью: *X (посылает себя) к тебе, и Y — себя к тебе*. В первой части, равно как и в одночастной формуле, для него нет никаких оснований.

Альтернативой такой интерпретации является трактовка *ся* как усилительной частицы: исходного *се* — в предположении, что безударное конечное *се* уже могло в эту эпоху изменяться в *ся*, т.е. испытывать такой же переход, как в современных диалектных северновеликорусских формах *здесь, тутось, вчерась, ночью, утрось, вечерось, зимось, летось, вёснусь, осенесь, лонись, какось, однакось, когдась, тудась, одинсь, однась, нукось, накось* и т.п.

Необходимо, однако, признать, что слабой стороной обеих этих версий является то, что они основаны на допущении совершенно уникального явления: в одном случае сохранения возвратной частицы без глагола, в другом — некоторого фонетического перехода в эпоху, когда он ни разу не засвидетельствован.

Обращение *брате Остафе* в начале основного сообщения находит точное соответствие в грамоте № 675 середины XII в.: *Братъ Милато, Києвъ бгъ мѣжи нама послухо былъ*. В обоих случаях именование адресата братом, вероятно, не указывает на родственные отношения, но носит этикетный характер.

Повтор слова *рубль* следует, по-видимому, объяснять тем, что слова *къ Самѣлу рубль* носят характер уточнения. Подобный повтор находим в грамоте № 999: *А повели, оти прода Лашьке въ распоутье, Тоудорове Лашьке, новотъръжъськыхъ и жита и рѣжи 18 котль великихъ*.

Большую сложность для интерпретации представляет заключительная фраза грамоты. Для слова *проторъ* и его морфологического варианта *проторь* историческими словарями русского языка фиксируются две группы значений: ‘расходы, издержки’ и ‘сбор, налог, подать’ (Словарь..., 1997. С. 265, 266)². Из этих значений первичным, безусловно,

является первое. Налог или подать может называться *протором*, поскольку в перспективе плательщика они представляют собой расходы. Однако в данном значении слово может употребляться и вне этой перспективы, обозначая, например, соборный налог, как в следующем примере: *у меня протори земские залежались от лѣта 7058-го сочтены* (Словарь..., 1997. С. 267). Основная масса употреблений слова в источниках XV в. приходится на так называемые обельные постановления жалованных грамот, в составе которых *проторы* упоминаются чаще всего вместе с *разметами* в рамках формулы *не тянути ни в какие (ни в которые) проторы, ни в разметы*. В ее вариантах вместо проторов или же вместе с ними упоминаются также пошлины (Кучкин, 2004. С. 66).

В каком значении выступает слово *проторъ* в нашем документе? Если рассматривать фразу отдельно, ее можно понять как заявление о том, что автор не получил рубля, но и не понес никаких издержек, т.е. остался при своем. Такое толкование, однако, невозможно согласовать с предыдущей фразой о посылке рубля Самойлу. Риторически фраза *ни мнѣ рубля, ни мнѣ проторовъ* напоминает грамоту № 750: *Ни ты мнѣ брѣне пошлеше лицемъ, ни ты мнѣ [ω](куп)а на бр[ѣ]нахо...* Следует думать, что, как и этот текст, концовка вологодской грамоты выражает упрек, обращенный автором к адресату. В чем же его смысл?

Наиболее простая версия событий состоит в том, что Яков послал Самойлу рубль в долг (вероятно, по его просьбе), причем эта посылка потребовала некоторых расходов (“проторов”) на оплату посланцу проезда и прочие дорожные траты. Учитывая скрупулезность древнерусских деловых людей в финансовых вопросах, можно предполагать, что Яков выдал посланцу Остафу требуемые на это деньги.

Самойло должен был со временем вернуть как сам рубль, так и проторы Якова, но ни того, ни другого Яков не получил. Из этого он заключает, что либо Самойло решил деньги не возвращать, либо посланец Остаф просто не выполнил поручения, т.е. денег не передал. Своей заключительной фразой Яков не упрекает Остафа прямо, но доводит до его сведения, что создалась конфликтная ситуация, при которой не только Самойло, но и он, Остаф, могут находиться под подозрением в недобросовестности. Возможно, Яков ожидает, что Остаф теперь даст ему какие-то дополнительные объяснения. Отсутствие в письме формального упрека, вероятно, соответствует именно этой неполной уверенности Якова в том, что его адресат виноват.

Альтернативная версия, использующая второе значение слова, состоит в том, что рубль был по-

² Те же две группы выделяются и в дефиниции слова в терминологическом словаре Г.Е. Кочина: “убытки, издержки, налоги, оброки” (1937. С. 286). В “Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам” (Срезневский, 1902. С. 1597, 1598) — более размытый спектр значений — “расход, иждивение, судебные издержки, побор, повинность”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- слан Яковом Самойлу *в качестве* проторов, т.е. представлял собой некоторую выплату типа тех, которые упоминаются в жалованных грамотах. При этом *ни мнѣ* нужно понимать не как ‘я не получил’, а как ‘у меня нет’ (ср. аналогичное употребление энклитической формы местоимения в грамоте № 713: *Цето ти воудоро, цето ти церѣмени, цето ти роудаещене и голоубине добре* ‘Сколько у тебя есть выдр, сколько у тебя есть красной ткани и т.д.’). В этом случае реконструируется следующая ситуация. Отправив с Остафом рубль в уплату налога — проторов, Яков впоследствии узнал, что Самойло рубля не получил и налог, таким образом, не был ему засчитан. Теперь у него нет ни рубля, ни *зачтенных* проторов. Из этой констатации уже недвусмысленно следует, что посланный с Остафом рубль не был доставлен по назначению.
- В рамках этой версии следует полагать, что проторы, посланные Яковом Самойлу, — не индивидуальный платеж, а сумма накопленных пошлин, собранных с крестьянской общины. Яков мог быть лицом типа десятского или сотского, которые упоминаются в жалованных грамотах в качестве получателей проторов³, а Самойло — администратором более высокого ранга, имевшим резиденцию в Вологде, куда, вероятно, Яковом и был послан рубль.
- Обе версии имеют свои недостатки. В первом случае несколько смущает сложная процедура заочного займа, при которой даваемые в долг деньги отправляются с посылным, а займодавец сам оплачивает дорожные расходы. В берестяных грамотах отсутствуют другие примеры, в которых бы глаголом *послати* обозначалась передача денег, даваемых в долг: всегда речь идет или о возвращении долга, или о направлении каких-то товаров, выплат, дани и т.д., не предполагающем возврата.
- Узким местом второй реконструкции является необходимость истолкования “проторов” не просто как налога, а как зачтенного налога. Окончательный выбор между альтернативными трактовками сделать затруднительно. Как это часто бывает с берестяными документами, лаконизм сообщения и доля информации, приходящейся на фоновое знание ситуации ее участниками, встают на пути однозначного истолкования текста.
- Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 6-0400331 “Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот и надписей-граффити из раскопок 2012–2015 гг.”
- ³ Например, *ни к сотицкому, ни к десятицкому не тянут ни в которые проторы, ни в розметы* (Жалованная грамота дмитровского князя Юрия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на двор в Дмитрове, 1461 г.: Национальный корпус русского языка: www.ruscorgo.ru).
- Башенькин А.Н., Кукушкин И.П.* Древняя Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 29–45.
- Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 412 с.
- Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Коваль В.Ю.* Берестяная грамота из раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия: сб. ст.: в 2 т. Т. 1: Древние святыни и исторические памятники. М.: Арт-Волхонка, 2011. С. 452–455.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова: сб. документов / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.: АН СССР, 1949. 409 с.
- Зализняк А.А.* Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование. Т. X. М.: Русские словари, 2000. С. 134–416.
- Клосс Б.М.* Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. М.Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 264–282.
- Коваль В.Ю.* Первичная статистическая фиксация масового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы: метод. рекомендации // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 490–571.
- Кочин Г.Е.* Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л.: АН СССР, 1937. 487 с.
- Кукушкин И.П.* Вологодское городище // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 36–46.
- Кукушкин И.П.* Аспекты ранней истории города Вологды // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сб. материалов Международ. науч. конф. (Вологда, Кириллов, Белозерск, 06–08 июня 2012 г.) / Отв. ред. С.Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 163–171.
- Кукушкин И.П.* Крепостные укрепления средневековой Вологды // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 274–277.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.
- Кучкин В.А.* Сотские в жалованных грамотах XV — начала XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. №4 (18). С. 63–81.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
- Назаров В.Д.* Вологда, Кирилло-Белозерский монастырь и Василий II (к истории династической войны московских Юриковичей) // *Paleobureaucratia*: сб. ст. к 90-летию Н.Ф. Демидовой / Ред.-сост. Ю.М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2012. С. 225–245.

- ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 604 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22: Раскидаться – Рященко / Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1997. 298 с.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I: А–К. СПб.: Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. наук, 1893. [3], IX, 49 с., 1420 стб.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II: Л–П. СПб.: Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. наук, 1902. 15 с., 1802 стб., [1] с.
- Черкасова М.С. Новгород и Вологда в XIV–XV вв. // Словения, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время) / Ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров. М.: Языки славянских культур, 2010 (Studia philologica). С. 428–443.

THE FIRST BIRCHBARK LETTER FROM VOLOGDA

Igor P. Kukushkin,* Aleksey A. Gippius,** Andrey A. Zaliznyak***

*Autonomous Cultural Institution of the Vologda Oblast 'Vologdarestavratsiya,' Vologda, Russia (gorodkip@mail.ru)

**National Research University 'High School of Economy,' Moscow, Russia (agippius@mail.ru)

***Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia (typology.inslav@gmail.com)

The paper publishes the first Vologda letter written on birchbark discovered during the excavations at the Vologda site in 2015. The letter dates to the early 14th century AD and is the earliest written document of this area.

Keywords: archaeology, Vologda, the Vologda site, first birchbark letter, excavations of 2015.

REFERENCES

- Bashen'kin A.N., Kukushkin I.P., 1994. Old Vologda. *Vologda: Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh [Vologda: A Historical-Local Almanach]*, 1. Vologda: Rus', pp. 29–45. (In Russ.)
- Cherkasova M.S., 2010. Novgorod and Vologda in the 14th–15th century. *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya) [Estates, Institutes and the State Power in Russia in the Middle Ages and Early Modern Time]*. V.L. Yanin, V.D. Nazarov, eds. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 428–443 (Studia philologica). (In Russ.)
- Gippius A.A., Zaliznyak A.A., Koval' V. Yu., 2011. A birchbark letter from the excavations at the Moscow Kremlin. *Moskovskiy Krem' XV stoletiya: sbornik statey [The Moscow Kremlin of the 15th Century: A Collection of Papers]*, 1. *Drevnie svyatyini i istoricheskie pamyatniki [Old Objects of Worship and Historical Monuments]*. Moscow: Art-Volkhonka, pp. 452–455. (In Russ.)
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova: sbornik dokumentov [Letters of Velikiy Novgorod and Pskov: A Collection of Documents]. S.N. Valk, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949. 409 p.
- Kloss B.M., 1976. Vologda-Perm Chronicles of the 15th Century. *Letopisi i khroniki. M.N. Tikhomirov i letopisevedenie [Annals and Chronicles. M.N. Tikhomirov and the Study of Chronicles]*. Moscow: Nauka, pp. 264–282. (In Russ.)
- Kochin G.E., 1937. Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rossii [Materials for a Terminological Dictionary of Old Russia]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 487 p.
- Koval' V.Yu., 2014. A primary statistical recording of mass pottery materials at the medieval sites (the 10th–17th centuries). *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of the Moscow Area: Materials of a Scholarly Seminar]*, 10. Moscow: IA RAN, pp. 490–571. (In Russ.)
- Kuchkin V.A., 1984. Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. [The Formation of the State Territory of Northeast Rus in the 10th–13th Centuries]. Moscow: Nauka. 353 p.
- Kukushkin I.P., 1997. The Vologda settlement. *Vologda: Kraevedcheskiy al'manakh [Vologda: Local-Lore Almanach]*, 2. Vologda: Rus', pp. 36–46. (In Russ.)
- Kukushkin I.P., 2012. Aspects of early history of the city of Vologda. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Northern Rus and Issues of the Old Russian State Formation: A collection of the Materials of the International Scholarly Conference]*. S.D. Zakharov, ed. Vologda: Drevnosti Severa, pp. 163–171. (In Russ.)
- Kukushkin I.P., 2014. Fortifications of medieval Vologda. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani [Transactions of the 4th (20th) Pan-Russian Archaeological Congress in Kazan]*, III. Kazan': Otechestvo, pp. 274–277. (In Russ.)

- Nazarov V.D.*, 2012. Volgda, St. Syril-Beloe Ozero Monastery and Vasiliy II (anent the history of the dynastic war of Moscow Rurikids). *Paleobureaucratia: sbornik statey k 90-letiyu N.F. Demidovoy [Paleobureaucratia: A Collection of Papers to the 90th Anniversary of N.F. Demidova]*. Yu.M. Eskin, ed., comp. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 225–245. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], I. Lavrent'evskaya letopis' [The Lavrentyevskaya Chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 496 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], II. Ipat'evskaya letopis' [The Ipatyevskaya Chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 604 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Corpus of Russian Chronicles], 26. Vologodsko-Permskaya letopis' [The Vologda-Perm Chronicle]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2006. 412 p.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [A Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries], 22. G.A. Bogatova, ed. Moscow: Nauka, 1997. 298 p.
- Sreznevskiy I.I.*, 1893. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language from Written Sources], I. St. Petersburg: Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk. 49 p.
- Zaliznyak A.A.*, 2000. Palaeography of birchbark letters and their extrastratigraphic dating. *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie [The Novgorod Birchbark Letters from the Excavations of 1990–1996. Palaeography of birchbark letters and their extrastratigraphic dating]*, X. Moscow: Russkie slovari, pp. 134–416. (In Russ.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. ТЕЛЛЬ ХАЗНА I.
КУЛЬТОВО-АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР IV–III тыс. до н.э.
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИРИИ. Т. 2. М.: Таус, 2016. 584 с.**

Изучение древнейших переднеазиатских и прежде всего месопотамских центров цивилизации имеет длительную историю в российской науке. Оно начиналось с историко-филологических исследований, таких как монументальная «История Древнего Востока» Б.А. Тураева (Тураев, 1911–1912). К дореволюционному времени относится и становление в России такого сравнительно молодого направления в науке как шумерология.

История Древнего Востока не могла не привлекать внимания создателей советской концепции Всемирной истории; среди исследователей и преподавателей, разрабатывавших эту проблематику и писавших соответствующие курсы, немало крупных ученых. Нет необходимости останавливаться на негативном влиянии на советскую науку предвзятых социологических схем или «нового учения о языке» Н.Я. Марра. Новые возможности осмысления исторического прошлого открылись в 60–70-х годах XX века, немало новых идей и интерпретаций было высказано в ходе дискуссии о «восточном способе производства».

В настоящее время можно говорить о том, что в рассматриваемой области исторической науки удалось сохранить лучшие традиции отечественной школы востоковедения (Дьяконов, 1959; История Древнего Востока, 1983; 1988). Это касается и изучения социокультурной проблематики (Антонова, 1998), и изучения истории экономики (Шнирельман, 1989).

В то же время в продолжение многих десятилетий российская наука не занималась полевыми археологическими исследованиями соответствующих памятников. Советские ученые включали в свои исследования археологические данные, выступая при этом преимущественно в роли пассивных пользователей. Не только результаты раскопок, но и их систематизация и периодизация заимствовались из работ зарубежных авторов.

Нельзя сказать, что археология стран и народов, территориально примыкавших к древнейшему цивилизационному месопотамскому ядру или испытывших его сильнейшее воздействие, не исследовались российскими археологами. Соответствующие памятники привлекали большое внимание ряда отечественных исследователей еще с дореволюционной эпохи. Но в этом случае речь шла об отдельных элементах ближневосточной культуры, обнаруженных за пределами ее основного ареала. Так, археологическое изучение древностей

государства Урарту – отдаленной северной периферии ближневосточной цивилизации – было начато еще в дореволюционное время Н.Я. Марром и И.А. Орбели, позднее блестяще продолжено Б.Б. Пиотровским (Пиотровский, 1959). Майкопская культура северо-западного Кавказа в современном понимании во многих аспектах связывается с феноменом так называемой урукской экспансии (Мунчаев, 1994).

Ситуация изменилась в конце 1960-х годов. Полевые работы российских (советских) археологов непосредственно на территории Месопотамии были начаты в 1969 г. в Ираке экспедицией Института археологии РАН (тогда АН СССР) под руководством Р.М. Мунчаева. Отмечу, что исследовательская программа экспедиции была нацелена на изучение крупных, исторически значимых памятников. В 1969–1980 и 1984–1985 гг. в Северо-западном Ираке были проведены широкие исследования группы раннеземледельческих памятников VIII – первой половины IV тыс. до н.э., то есть времени от докерамического неолита до эпохи формирования месопотамской цивилизации. В соответствии с методическими традициями отечественной археологической школы работы с самого начала велись на высоком профессиональном уровне. Благодаря работам Иракской экспедиции российская археология заняла важное место в современной археологии Месопотамии, несмотря на то, что для специалистов из нашей страны это был первый опыт обращения к подобным памятникам.

В связи с начавшейся в 1980 г. иракско-иранской войной экспедиция в 1987 г. перенесла свои работы на смежную территорию Северо-восточной Сирии, в бассейн р. Хабур. Здесь в 1988–2010 гг. были проведены широкие стационарные исследования крупного многослойного поселения Телль Хазна I. Материалы памятника датируются временем от перехода от финального Убеида к раннему Уруку и до конца периода РД I – начала РД II; на восточной стороне телья имеются культурные остатки первой половины II тыс. до н.э. По ходу раскопок было подготовлено значительное число публикаций, в 2004 г. вышло итоговое монографическое издание материалов, добытых до 2000 г. включительно (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004). В первом томе издания Телль Хазны I в научный оборот был введен обширный материал по архитектуре и строительному делу, керамике и погребальным комплексам.

Процесс исследований продолжался. В ходе полевых работ 2001–2010 гг. были изучены значительные участки поселения с архитектурно-строительными комплексами, в том числе массивной обводной стеной протяженностью до 100 м, и более 40 новых погребений. Стояла задача публикации ряда категорий материалов: металлических находок, кремневых и обсидиановых орудий, печатей, антропоморфной и зооморфной скульптуры, антропологических, археозоологических и палеоботанических данных, радиоуглеродных дат. Введению в научный оборот этого корпуса данных посвящен рецензируемый второй том издания Телль Хазны I (Мунчаев, Амиров, 2016).

Книга состоит из 16 глав и 4 частей (Часть I. Архитектура поселения Телль Хазна I. Основные результаты исследований 2000–2010 годов; Часть II. Погребальные комплексы Телль Хазны I; Часть III. Исследования отдельных категорий археологического материала из Телль Хазны I; Часть IV. Естественнонаучные методы в изучении материалов Телль Хазны I). Все главы монографии снабжены многочисленными иллюстрациями в виде планов и разрезов телля, таблиц рисунков и фотографий находок. Сводные данные представлены в виде цифровых таблиц и диаграмм. Все это делает изложение наглядным и облегчает восприятие весьма объемного и сложного материала. Книга снабжена развернутым английским резюме и кратким арабским.

Монография написана двумя основными авторами, при этом в подготовке ряда разделов принимали участие следующие специалисты: М.В. Добровольская и М.Б. Медникова (антропологические исследования); Ю.В. Лунькова (зооморфная пластика); Т.В. Корниенко (модели колес и повозок); Э.Р. Ибрагимова (кремневый и обсидиановый инвентарь); В.Ю. Луньков (металлические находки); Е.Ю. Лебедева (зерновые находки) и Е.Е. Антипина (остеологические материалы); А.А. Гольева (микробиоморфный анализ и другие естественнонаучные исследования); Э.П. Зазовская (абсолютное датирование). Таким образом, книга представляет собой результат труда целого исследовательского коллектива.

Остановлюсь на некоторых разделах монографии.

Новые раскопки Телль Хазны I подтвердили и уточнили периодизацию культурного слоя поселения, построенную на статистическом распределении массового керамического материала (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004. С. 194–206; Амиров, 2010. С. 171–250), дополнив ее детальным анализом структуры архитектурного ансамбля памятника. Деление слоя поселения на шесть периодов было детализировано на основании изменения планиграфии. Верхние периоды (ярусы 1 и 2 – 2900–2700 гг. до н.э.) были разделены на три, а ярус 3 (3100–2900 гг. до н.э.) – на два подпериода.

Исследование Телль Хазны I позволило охарактеризовать общественный статус поселения. Городской образ жизни в Хабурской степи связан с культурным влиянием Шумера и документирован в регионе с начала

IV тыс. до н.э. Период расцвета (4–3 ярусы телля) приходится на последние века IV тыс. до н.э. Поселение являлось культовым центром с выраженными административными функциями, о чем ярко свидетельствует монументальное общественное строительство. Храмовые поселения типа Телль Хазны I выполняли роль организационных центров, объединявших многочисленные рядовые земледельческие поселки. В поисках объяснения динамики жизни поселения авторы рассматривают изменения в этих процессах в связи с флуктуациями климата, подчеркивая, что географическое положение памятника в маргинальной зоне неполивного земледелия южной части “плодородного полумесяца” определило зависимость урожайности региона от климатических колебаний. Так, расцвет жизни на Телль Хазне в конце IV – начале III тыс. до н.э. приходится на один из пиков увлаженности, после чего начинается процесс аридизации, достигающий критической отметки в конце XXVIII–XXVII в. до н.э. В это время в регионе выпадает значительно меньше 300 мм годовых осадков, чем и объясняется завершение жизни на целом ряде поселений, включая Телль Хазну I (Амиров, 2014). В результате земледельческое население оставляет район Хазны.

Сенсационным результатом раскопок поселения стало выявление замкнутого священного участка, отделенного от других общественных построек, связанных с централизованным хранением зерна и административной деятельностью. Ближайшей аналогией циркульной планировке комплексов Телль Хазны I в центральной и южной Месопотамии являются хронологически близкие классические памятники – двойной храмовый овал в Хафадже (Delougaz, 1940) и двойной овал стен вокруг храма Нинхурсаг в Телль Убейде (Delougaz, 1938).

Исключительно важны исследования зданий, входивших в архитектурный ансамбль священного участка. Это ряд сооружений, во-первых, башнеобразная постройка № 37 с двумя входами (на южной и северной сторонах здания). Конструкция представляет собой древнейший из ныне известных в Месопотамии предшественников зиккуратов. Конструкция № 110 в виде башни с двумя камерами, имевшими сводчатые перекрытия, вероятно, оформленные в виде куполов. Доступ в помещение осуществлялся сверху со стороны платформы, пристроенной к башне с северной стороны. Эти особенности позволили интерпретировать постройку как общественное зернохранилище вроде тех, изображения которых встречаются на цилиндрических печатях. Стены сооружения № 69, расположенного между двумя описанными выше, были оформлены пилястрами, а интерьер включал алтарный стол и сводчатый очаг. Данное сооружение интерпретируется как здание культового назначения. Таким образом, в монографии полностью опубликован единый детально исследованный культовый комплекс (Мунчаев, Амиров, 2016. С. 23–94), который может служить эталоном для дальнейшего изучения подобного типа архитектурных ансамблей.

Глава 7 (Часть II) посвящена палеоантропологическим исследованиям материалов из погребений Телль Хазны I. Данная серия является ценным источником информации о населении Северной Месопотамии, в основном для эпохи РД I и II. Из слоев урукского времени и периода Джемдет Наср происходит по одному погребению (Добровольская, Медникова, 2016. Табл. на с. 265, 266). Коллекция палеоантропологических материалов из Телль Хазны содержит останки 52 индивидов, около 80% материалов составляют дети. Взрослых мужчин и женщин всего 9. Исследователи считают, что высокий процент детских погребений отражает не структуру популяции, а специфику отношения к сакральному пространству в центре поселения. Большая часть работы проводилась непосредственно в полевых условиях, что позволило зафиксировать многие детали.

Широкое применение высокотехнологичных методов исследования позволяет авторам раздела сосредоточить внимание на идентификации патологических изменений костей в результате заболеваний, физического стресса, установить особенности питания. Что касается морфологического описания материала, к сожалению, не приводятся таблицы краниологических измерений черепов, которые могли бы послужить ценным сравнительным материалом, тем более учитывая не слишком значительное число черепов из памятников Месопотамии раннего времени. Даны словесные характеристики. Мужские черепа “могут быть охарактеризованы как крупные долихокранные и гипердолихокранные с большим и очень большим продольным диаметром”, женский – также “крупный долихокранный с очень большим продольным и средним поперечным диаметром” (Добровольская, Медникова, 2016. С. 264). Авторы подчеркивают (со ссылкой на работу В.П. Алексеева и др.), что долихокrania в целом характерна для населения ближневосточного региона VI–IV тыс. до н.э. (Там же. С. 267). В заключение предложен вывод о том, что люди из погребений Телль Хазны отличались по своему краниологическому облику от населения Южной Месопотамии, и выдвигается осторожное предположение о возможности смены населения на протяжении существования памятника.

Часть III посвящена категориям находок, которые традиционно относятся к разряду “small finds”. В главах 8–10 изданы коллекции изобразительных материалов – печати и их оттиски, антропоморфная и зооморфная пластика, в главе 11 – модели колес. В последней главе имеются весьма информативные разделы о ранних свидетельствах использования колесного транспорта в Месопотамии и конструктивных особенностях древних повозок. В некоторых случаях возникают сомнения относительно идентификации находок именно как моделей колес, поскольку у них отсутствует выделенная ступица, а профиль позволяет считать их пряслицами (Амиров, Корниенко, 2016. Табл. 4, 215–218).

Металлическим находкам Телль Хазны I посвящена гл. 13 (Луньков, 2016). Коллекция насчитывает 58 металлических изделий и отходов производства,

а также фрагмент створки глиняной литейной формы. Наиболее ранние материалы происходят из слоев периода Джемдет Наср (7 экз.), большинство находок (38 экз.) относятся к РД I. Металлическим находкам поселения было посвящено специальное исследование Р.М. Мунчаева (Мунчаев, 2005). В книге 2016 г. особое внимание уделяется составу металла. В Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН методом рентгенофлуоресцентного анализа был определен химический состав 22 образцов металла. Динамика использования сплавов такова: практически все находки времени Джемдет-Наср и РД I изготовлены из мышьяковой бронзы, оловянная бронза появляется в РД II. Наблюдается также зависимость состава сплава от функции изделия: орудия и оружие изготовлены из медно-мышьякового сплава, состав металла украшений более разнообразен (Луньков, 2016. Рис. 11, 12). Несмотря на некоторые морфологические особенности, металлокомплекс Телль Хазны I в целом соответствует стандартам южной зоны Циркумпонтийской металлургической провинции.

В Части IV (Естественнонаучные методы в изучении материалов Телль Хазны I) особое внимание привлекает глава о соотношении относительной и абсолютной хронологии памятника (Амиров, Зазовская, 2016). В лаборатории радиоуглеродного датирования Института географии РАН были проанализированы 17 образцов из Телль Хазны I. Материал – уголь и обугленное зерно. 15 образцов происходят из надежного стратиграфического контекста, соответствующего позднему периоду жизни поселения (2 и 1 стратиграфические периоды). Компактная группа из 5 дат, которые дают интервал XXIX–XXVI вв. до н.э., согласуется с традиционной археологической датировкой, еще одна группа из 4 дат имеет более широкие интервалы калиброванного возраста, но также частично соответствует тому же интервалу (Амиров, Зазовская, 2016. С. 571. Рис. 1; С. 572. Рис. 2). В целом степень соответствия относительной и абсолютной датировки слоев поселения представляется достаточной. Несомненно, совпадение было бы выше при большем количестве дат. Таблица “Хронология памятников Южной Месопотамии и Северо-Восточной Джелиры в IV–II тыс. до н.э.” помещена в Заключении к части I (с. 89). Логичнее было бы включить ее в гл. 16, ч. IV.

Даже краткий обзор книги приводит к заключению, что читатель имеет дело с фундаментальным изданием важного памятника, выполненным в соответствии с лучшими традициями отечественной археологической школы. Двухтомник, посвященный всестороннему исследованию материалов поселения IV – первой половины III тыс. до н.э. Телль Хазна I в Северо-восточной Сирии, подводит достойный итог многолетним раскопкам и камеральным исследованиям и стоит в одном ряду с классическими зарубежными изданиями по археологии Месопотамии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиров Ш.Н.* Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н.э. М.: Таус, 2010. 411 с.
- Амиров Ш.Н.* Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 3–17.
- Амиров Ш.Н., Зазовская Э.П.* Об относительной и абсолютной датировке культурного слоя поселения Телль Хазна I // Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. С. 563–572.
- Амиров Ш.Н., Корниенко Т.В.* Модели колес и повозок на Телль Хазне I // Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. С. 386–418.
- Антонова Е.В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Вост. лит., 1998. 223 с.
- Добровольская М.В., Медникова М.Б.* Биоархеологические подходы к изучению останков погребенных на Телль Хазне I // Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. С. 263–270.
- Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер / Отв. ред. В.И. Авдиев. М.: Вост. лит., 1959. 306 с.
- История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1: Месопотамия / Ред. И.М. Дьяконов. М.: Наука, 1983. 534 с.
- История древнего Востока. Зарождение древнейших государств и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия. Египет / Ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: Наука, 1988. 623 с.
- Луньков В.Ю.* Металл поселения Телль Хазна I // Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. С. 475–504.
- Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред.: К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М.: Наука, 1994 (Археология СССР). С. 158–225.
- Мунчаев Р.М.* Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА. 2005. № 4. С. 13–24.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. 2. М.: Таус, 2016. 584 с.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I: культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. М.: Палеограф, 2004. 488 с.
- Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). М.: Вост. лит., 1959. 341 с.
- Тураев Б.А.* История Древнего Востока: курс лекций. Ч. 1–2. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1911–1912. 368 с.
- Шнирельман В.А.* Возникновение производящего хозяйства. Проблема первичных и вторичных очагов. М.: Наука, 1989. 444 с.
- Delougaz P.* A Short Investigation of the Temple at Al-'Ubad // Iraq. 1938. Vol. 5. P. 1–11.
- Delougaz P.* The Temple Oval at Khafajah. Chicago, Ill.: Univ. of Chicago Press, 1940 (OIP; vol. 53). 175 p.
- Институт археологии РАН, Москва *Л.И. Авилова*

REFERENCES

- Amirov Sh.N.*, 2010. Khaburskaya step' Severnoy Mesopotamii v IV – pervoy polovine III tys. do n.e. [Habur steppe of Northern Mesopotamia in the 4th – first half of the 3d millennia BC. Moscow: Taus. 411 p.
- Amirov Sh.N.*, 2014. Mesopotamian-Caucasian connections in the 4th – 3rd millennia BC in the light of climatic fluctuations. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii [Brief communications of Institute of Archaeology]*, 233, pp. 3–17. (In Russ.)
- Amirov Sh.N., Kornienko T.V.*, 2016. Models of wheels and carts from Tell Hazna I. *Munchaev R.M., Amirov Sh.N. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Cult and administrative center of the 4th – 3rd millennia BC in northeast Syria]*, 2. Moscow: Taus, pp. 386–418. (In Russ.)
- Amirov Sh.N., Zazovskaya E.P.*, 2016. On the relative and absolute dating of the cultural deposit at Tell Hazna I. *Munchaev R.M., Amirov Sh.N. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Cult and administrative center of the 4th – 3rd millennia BC in northeast Syria]*, 2. Moscow: Taus, pp. 563–572. (In Russ.)
- Antonova E.V.*, 1998. Mesopotamiya na puti k pervym gosudarstvam [Mesopotamia on the way to the first states]. Moscow: Vostochnaya literatura. 223 p.
- Delougaz P.*, 1938. A Short Investigation of the Temple at Al-'Ubad. *Iraq*, 5, pp. 1–11.
- Delougaz P.*, 1940. The Temple Oval at Khafajah. Chicago, Ill.: University of Chicago Press. 175 p. (Oriental Institute Publications, 53).
- Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B.*, 2016. Bioarchaeological approaches to studying the remains of the buried at Tell Hazna I. *Munchaev R.M., Amirov Sh.N. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Cult and administrative center of the 4th – 3rd millennia BC in northeast Syria]*, 2. Moscow: Taus, pp. 263–270. (In Russ.)

- D'yakonov I.M.*, 1959. *Obshchestvennyy i gosudarstvennyy stroy drevnego Dvurech'ya. Shumer [Social and state system of ancient Mesopotamia. Sumer.]*. V.I. Avdiev, ed. Moscow: Vostochnaya literatura. 306 p.
- Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh gosudarstv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii [History of the ancient Orient. The emergence of the earliest states and the first centers of slaveholding civilization], 2. *Perednyaya Aziya. Egipet [Near East. Egypt]*. G.M. Bongard-Levin, ed. Moscow: Nauka, 1988. 623 p.
- Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneyshikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoy tsivilizatsii [History of the ancient Orient. The emergence of the earliest class societies and the first centers of slaveholding civilization], 1. *Mesopotamiya [Месопотамия]*. I.M. D'yakonov, ed. Moscow: Nauka, 1983. 534 p.
- Lun'kov V. Yu.*, 2016. Metal from Tell Hazna I. *Munchaev R.M., Amirov Sh.N. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Cult and administrative center of the 4th – 3^d millennia BC in northeast Syria]*, 2. Moscow: Taus, pp. 475–504. (In Russ.)
- Munchaev R.M.*, 1994. Maikop culture. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza Kavkaza [Bronze Age in the Caucasus and Central Asia. Early and middle Bronze Age in the Caucasus]*. K.Kh. Kushnareva, V.I. Markovin, eds. Moscow: Nauka, pp. 158–225. (Arkhologiya SSSR). (In Russ.)
- Munchaev R.M.*, 2005. Mesopotamia, the Caucasus and the Circumpontic metallurgic province. *Ross. Arkheol.*, 4, pp. 13–24. (In Russ.)
- Munchaev R.M., Amirov Sh.N.*, 2016. Tell' Khazna I. Kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Cult and administrative center of the 4th – 3^d millennia BC in northeast Syria], 2. Moscow: Taus. 584 p.
- Munchaev R.M., Merpert N. Ya., Amirov Sh.N.*, 2004. Tell' Khazna I: kul'tovo-administrativnyy tsentr IV–III tys. do n.e. v Severo-vostochnoy Sirii [Tell Hazna I. Cult and administrative center of the 4th – 3^d millennia BC in northeast Syria]. Moscow: Paleograf. 488 p.
- Piotrovskiy B.B.*, 1959. Vanskoe tsarstvo (Urartu) [The Kingdom of Van (Urartu)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 341 p.
- Shnirel'man V.A.*, 1989. Vozniknovenie proizvodnyashchego khozyaystva. Problema pervichnykh i vtorichnykh ochagov [The emergence of production economy. The problem of primary and secondary centers]. Moscow: Nauka. 444 p.
- Turaev B.A.*, 1911–1912. Istoriya Drevnego Vostoka: kurs lektsiy [History of the ancient Orient: course of lectures], 1–2. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova. 368 p.

Institute of Archaeology RAS, Moscow

L.I. Avilova

**АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ.
ЧАСТЬ I (ИКИ-БУРУЛЬСКИЙ, ПРИУТНЕНСКИЙ, ЦЕЛИННЫЙ,
ЧЕРНОЗЕМЕЛЬСКИЙ РАЙОНЫ) / Под ред. П.М. Кольцова. Элиста:
ЗАОр “НПП Джангар”, 2016. 300 с. (илл.)**

Недавно вышедшее издание “Археологическая карта Республики Калмыкия” подготовлено коллективом сотрудников ФГБОУ ВО “Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова” под руководством и общей редакцией доктора исторических наук, профессора П.М. Кольцова. Он же является и основным автором каждой главы. Осуществленное при поддержке гранта Правительства Республики Калмыкия издание заявлено как серийное, предназначенное, прежде всего, для археологов, историков, работников органов охраны историко-культурного наследия, а также для всех, кто интересуется древней и средневековой историей региона.

Представленная работа имеет справочно-энциклопедический характер, в первую очередь она посвящена учету, картографированию и общему описанию особенностей археологических памятников Республики

Калмыкия в их природной и исторической среде в пределах Ики-Бурульского, Приютненского, Целинного и Черноземельского районов.

Масштабные работы по сплошному картографированию археологических памятников проводились во многих близлежащих областях – Саратовской, Волгоградской, Ростовской, в Краснодарском крае. Их пик пришелся на 1980–1990-е годы, когда работы осуществлялись археологами научных учреждений и организаций при поддержке государственных органов охраны памятников истории и культуры, региональных краеведческих музеев и отделений ВООПИиК. В 1990-е годы они проводились в рамках федеральной целевой программы “Наследие”, а также при поддержке районных администраций. Имеющиеся в настоящее время в указанных выше регионах сведения об археологических памятниках в виде сводных археологических,

топографических карт, разделов “Охрана историко-культурного наследия” в составе схем территориального планирования отдельных районов, а также паспортов или учетных карточек на отдельные археологические памятники постоянно пополняются и являются основой для планирования и реализации мероприятий по охране археологического наследия. К сожалению, на территории Республики Калмыкия систематической работы в данном направлении практически не велось, имевшиеся паспорта ряда археологических памятников в значительном объеме утрачены, современные разведочные работы проводятся преимущественно в зонах проектируемого строительства линейных объектов. Определенные сложности вызывает и работа с археологическими коллекциями региона – из-за особенностей их хранения и учета. Таким образом, подготовка археологической карты Республики Калмыкия представляет чрезвычайно необходимой и актуальной задачей.

Издание представлено четырьмя главами: “Физико-географическая характеристика региона”, “История археологического изучения”, “Археологические культуры Калмыкии” (с параграфами, посвященными эпохам, и подпунктами – культурам) и “Реестр археологических памятников”, объемным Приложением “Свод археологических памятников Республики Калмыкия” и Алфавитным указателем археологических памятников. В целом структура первого тома во многом совпадает со структурами аналогичных изданий.

Предисловие знакомит читателей с актуальностью и составом работы, кратким содержанием глав, общими положениями о необходимости сохранения культурного наследия, основными источниками и публикациями, авторством отдельных разделов, здесь же размещены благодарности. Кроме того, указано, что помимо бумажного варианта, формировалась база данных в цифровом и графическом режимах с использованием возможностей современных ГИС, но не конкретизировано, посредством каких программных продуктов.

Важно отметить, что работа по сводному картографированию археологических памятников Республики Калмыкия предпринимается не впервые, как заявлено в Предисловии. Первым опытом следует считать довольно обстоятельное издание “Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.)”, подготовленное М.А. Очир-Горяевой в рамках гранта РГНФ 01-05-01524а и вышедшее в 2008 г. Годом позже в кандидатской диссертации Ю.Ю. Каргиным была предпринята попытка разобраться в проблемах охраны, исследования и использования археологического наследия в зонах новостроек Нижнего Поволжья в период с 1945 по 1991 г., в том числе, на территории Республики Калмыкия (2009). В Приложении к диссертации имеются карта и подробная таблица, максимально учитывающая все проводившиеся в обозначенный период археологические исследования с указанием районов, археологических памятников, их культурной принадлежности, объемов и авторов. Обе

работы подготовлены с использованием широкого круга архивных и библиографических материалов, ознакомление с ними и использование в процессе подготовки археологической карты Республики Калмыкия могло существенно расширить методологическую и содержательную часть издания.

В качестве основных источников для подготовки “Археологической карты Республики Калмыкия” в Предисловии указаны археологические отчеты, происходящие из архивов учреждений Калмыкии и отраслевого архива Института археологии РАН; и сведения, почерпнутые из свода памятников, подготовленного М.А. Очир-Горяевой в 2008 г.; а также паспорта на памятники археологии, составленные С.М. Васюткиным, П.М. Кольцовым и другими исследователями. Тем не менее при дальнейшем ознакомлении с изданием становится очевидно, что чрезвычайно ценная информация, обобщенная и детализированная в монографии М.А. Очир-Горяевой, авторами фактически не привлекалась.

Составление и издание археологических карт по территориальному принципу для разных регионов России предпринималось еще в конце XIX – начале XX в. Известны археологические карты Кубанской обл. (1882), Таманского п-ова (Археологическая топография Таманского полуострова, 1870; Соколов, 1919), Киевской, Волынской и Виленской губерний (Антонович, 1895; 1900; Покровский, 1893), Нижне-Волжского края (Ильина, Шишкин, 1929) и др. Во второй половине XX в. в связи с расширением археологических исследований в зонах новостроек работа по картографированию отдельных территорий вновь активизировалась. Это нашло отражение как в столичных серийных изданиях (“Материалы и исследования по археологии СССР”), так и в региональных (например, Стоколос, Королев, 1984 и др.). В 1990–2000-е годы положительный опыт по составлению археологических карт отдельных регионов был реализован в серийном издании “Археологическая карта России”, выпускавшемся Отделом археологических сводов и карт ИА РАН: исходные данные здесь вдумчиво проработаны, осмыслены, удобно и логично структурированы, представленный подход является образцово-показательным. В серии вышло 28 томов, посвященных Брянской, Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской областям, в которых представлена информация о 23 033 памятниках археологии (Кашкин, 2012. С. 186). В этот же период в других регионах также предпринимались самостоятельные попытки издания археологических карт, не всегда учитывающие предшествующий опыт сбора и подачи информации, однако при этом предлагающие и иные, в том числе довольно удачные концептуальные подходы. Из таких изданий нам известны археологические карты Таманского п-ова (Паромов, 1992), Шарыповского и Ужурского р-нов Красноярского края (Красниенко, Субботин, 1999; 2013), Кизильского р-она Челябинской обл. (Археологический атлас..., 2003), свод археологических памятников Республики Калмыкия (Очир-Горяева, 2008), Свод

памятников истории и культуры Иловлинского р-она Волгоградской обл. (2010), а также отдельные статьи, содержащие материалы к районным археологическим картам. В настоящее время ИА РАН реализуется беспрецедентный ГИС-проект “Археологические памятники России”, предполагающий создание национального реестра археологических древностей, в котором уже учтены данные о более чем 15 000 объектах археологического наследия и 11 000 шурфах на территории России, содержащиеся в археологических отчетах за 2009–2012 гг. (Макаров и др., 2015; 2016). К сожалению, судя по исполнению археологической карты Республики Калмыкия, многолетний опыт учета и картографирования археологических памятников в соседних регионах и в целом по России ее авторами не рассматривался, освещение связанных с этим проблем и современных тенденций не предполагалось.

В первой главе дается подробная и обстоятельная физико-географическая характеристика Республики Калмыкия. В тексте имеются многочисленные ссылки на работы географов, почвоведов и археологов, тем не менее природно-географические особенности Республики Калмыкия почти не рассматриваются в общероссийском контексте, а в конце главы отсутствуют обобщения и выводы. Фактически, эта глава слабо связана с последующими.

Во второй главе дается общий обзор истории археологического изучения Республики Калмыкия с 1929 по 2015 г. Основной акцент сделан на перечислении полевых археологических работ в хронологическом порядке, в частности, представлена не публиковавшаяся ранее сводная информация об исследованиях с 1998 по 2014 г. Издательская и научная деятельность археологов и научных учреждений, а также вопросы организационного становления республиканского научного центра с присущей ему спецификой затрагиваются в издании лишь вскользь. И хотя в общей линии повествования прослеживается выделение некоторых основных этапов, авторам следовало бы структурировать текст в соответствии с этим делением и более обстоятельно охарактеризовать каждый этап. Кроме того, следовало хотя бы упомянуть несколько важных научных работ, в которых уже рассматривались история археологического изучения Калмыкии и становление республиканского научного центра, а также были предложены схожие варианты периодизации: статьи Е.В. Цуцкина (1985. С. 3–22) и С.М. Васюткина (2005. С. 23–35), приводившиеся выше монография М.А. Очир-Горяевой и кандидатская диссертация Ю.Ю. Каргина. Поскольку при подготовке издания эти работы не использовались, в фактической составляющей по истории полевых археологических исследований на территории Республики Калмыкия были допущены досадные пробелы, в частности, отсутствует информация о раскопках Е.В. Цуцкиным курганных могильников Хар Нуурин Толга, Гурван Худугин Толга, Тугтун, Эвдык-1, Ики-Орва и Улан-Эрге в 1980–1982 гг. в зоне строительства первой очереди КАРОС в Октябрьском р-оне; С.М. Васюткиным кургана Иджил-1 и курганного могильника Иджил-2 в Октябрьском

р-оне в 1981 г.; В.П. Шиловым 10 курганов курганного могильника Ергени-2 в Кетченеровском р-оне в 1981–1982, 1984–1986 гг.; П.М. Кольцовым в 1984 г. стоянки Ту-Бузгу-Худук в Яшкульском р-оне в 1984 г.; С.М. Васюткиным курганных могильников КВЧ-160, -239 и -240 в 1985 г. в Юстинском, Яшкульском и Октябрьском р-ах соответственно; Ю.Г. Романовым курганного могильника Утта-Привольное в Яшкульском р-оне в 1989 г.; С.М. Васюткиным курганных могильников на участках 2 и 3 совхоза Джангар в Октябрьском р-оне в 1989 г.; разведках Н.М. Малова у с. Тавн-Гашун и в ур. Сайгачий пункт в Яшкульском р-оне в 1989 г., где было обнаружено два местонахождения и три стоянки с материалами, относящимися ко времени от неолита до раннего железного века; раскопках С.М. Васюткиным курганных могильников на участках 3/1, 4/1, 5/1 совхоза Иджил в Октябрьском р-оне в 1991 г.; С.В. Араповым курганного могильника Аршань-Зельмень в Сарпинском р-оне в 1993 г.; шурфовках М.А. Очир-Горяевой на поселении срубной культуры Заханата в Сарпинском р-оне в 2002 г.

В отличие от первой главы, в конце второй имеются некоторые обобщения и выводы. И хотя история археологического изучения Республики Калмыкия практически не рассматривается в общероссийском историческом контексте, она прочно связана с последующими главами. Здесь отсутствует иллюстративный материал, хотя архивные фотографии или краткие биографические справки об отдельных исследователях, внесших заметный вклад в развитие республиканской археологии, могли бы стать неплохим дополнением.

В третьей главе представлена информация об основных исторических эпохах, археологических культурах, выделенных в Калмыкии, и их наиболее значимых археологических памятниках. К сожалению, в подразделах, следующих за неолитом (на котором специализируется главный автор и редактор издания д.и.н., профессор П.М. Кольцов), отражено уже устаревшее и упрощенное представление об археологических культурах Калмыкии, сопровождающееся обобщенными и местами неверными датировками. В тексте отсутствуют ссылки на современные монографии и статьи, в том числе, обобщающие, выпускавшиеся в столице и соседних регионах с 1990-х годов и подготовленные с учетом материалов раскопок в Волго-Маньчской степи. Поздние издания в списке литературы связаны почти исключительно с именем основного автора и редактора издания.

Маловыразительные и немногочисленные поселенческие материалы эпохи энеолита справедливо сопоставляются с неолитическими. При этом древнейшие подкурганные захоронения связываются с древнеямной культурой, что категорически не верно. Авторам следовало бы учесть, что проблема генезиса древнеямной культуры еще далека от окончательного разрешения, а энеолитическая группа погребений, хотя и вписывается в макроэнеолитический предьямный горизонт, довольно неоднородна (Дремов, Юдин, 1992. С. 18–31;

Моргунова, 2014. С. 6–28 и др.). Энеолитический степной пласт может включать в себя несколько культурных традиций, относящихся к разным временным интервалам внутри одного горизонта, не пересекаясь, или, наоборот, соотносящихся друг с другом как территориально, так и хронологически (Шишлина, 2007. С. 40).

Археологические культуры эпохи бронзы описываются в издании в полном соответствии с ее трехчленным делением по классической схеме В.А. Городцова: ранний (ямная культура) – средний (катакомбная культура) – поздний (срубная культура) бронзовый век. К настоящему времени она устарела, выявлены многочисленные новые культуры и культурные группы, относящиеся к этой эпохе и переходным этапам.

К эпохе ранней бронзы, помимо широко известной и описываемой в издании древнеямной культуры, рассматриваемой на современном этапе изучения как культурно-историческая общность, следует отнести отдельные подкурганские погребения северной периферии майкопско-новосвободненской общности, охарактеризованные С.Н. Кореневским как памятники степной майкопской культуры (2004). В материалах раскопок на территории Калмыкии такие погребения были выделены Н.И. Шишлиной (2007).

Для эпохи средней бронзы, описываемой авторами в рамках катакомбной культуры, к настоящему времени выработано более расширенное представление, включающее целую систему сосуществовавших и сменявших друг друга археологических культур: новотиторовскую (Избицер, 1993; Гей, 2000), степную северокавказскую, ямно-катакомбную полиритуальную группу, раннекатакомбную (Шишлина, 2007), образующие так называемый архаринский горизонт начала эпохи средней бронзы Калмыкии; разные катакомбные культуры в составе катакомбной культурно-исторической общности эпохи средней бронзы (на территории Калмыкии – приазовская, предкавказская, в том числе восточноманычская и западноманычская, донецкая) (Арапов, 1992; Власкин, 2007. С. 17–36; Гей, 2011. С. 3–10; Кияшко, 1999; 2001. С. 257–274; 2002; 2004. С. 134–143; Федосов, 2012; Андреева, 2014 и др.); блок посткатакомбных культурных образований, в том числе долинскую культуру и криволукскую культурную группу (Мимоход, 2011. С. 28–53; 2013).

Срубная культура эпохи поздней бронзы Калмыкии, сама по себе более стандартизированная, описана в соответствующем разделе последовательнее, вероятно, потому, что в последние десятилетия принципиальные подходы к ее освещению не претерпели изменений.

Период раннего железного века в третьей главе также подан со ссылками на устаревшую археологическую литературу. Для описания предскифского, киммерийского и савроматского времени авторам следовало бы привлечь как классические, так и обобщающие работы последних лет, подготовленные, в том числе, и с учетом материалов раскопок, проведенных в Калмыцких степях (Тереножкин, 1976; Рябкова, 2005; Королькова, 2006; Очир-Горяева, 2012 и др.). Для освещения

савромато-сарматского времени было бы разумно воспользоваться научными разработками археологов Волгоградского университета, на протяжении 26 последних лет совместно со столичными специалистами выпустивших большое количество монографий и серийных изданий по данной проблематике (Скрипкин, 1990; Клепиков, 2002; Глухов, 2005; Мордвинцева, Хабарова, 2006; Балабанова и др., 2015). Особого внимания заслуживают следующие серийные издания: 14 выпусков Нижневолжского археологического вестника (1998–2014 гг.), 4 выпуска издания “Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии” (1994–2009 гг.) и 3 выпуска материалов семинара Центра изучения истории и культуры сарматов (2006–2010 гг.). Не менее важны научные исследования археологов из других регионов (например, Батиева, 2011; Берлизов, 2011 и др.), а также и более ранние работы, ставшие классическими (например, Хазанов, 1971; Мошкова, 1974; Граков, 1977 и др.).

Обозначенная выше ситуация касается также и описываемой на страницах издания эпохи средневековья, по которой за последние 20 лет вышла серия значимых научных работ (например, Гарустович и др., 1998; Круглов, 2002; 2003; Васильев, 2007а; б; Мыськов, 2015 и др.).

Отдельно следует отметить иллюстративную часть третьей главы, комплектация, качество и полиграфическое исполнение которой оставляют желать лучшего: она чрезмерно лаконична, в ней нет единообразия, находки даны в разных масштабах, в отдельных местах масштаб и вовсе отсутствует. Для срубной культуры эпохи поздней бронзы иллюстрации наиболее типичных погребальных ситуаций и инвентаря не представлены, а для раннего железного века и Средневековья они недостаточно информативны. Очевидно, что подбор необходимых иллюстраций по любому периоду можно было осуществить, воспользовавшись известными публикациями или материалами археологических отчетов. Кроме того, нам представляется, что использование разных исторических реконструкций могло существенно оживить главу. В составе иллюстраций имеются и ошибки: в частности, рис. 14, обозначенный как “Сосуд срубной культуры” (без конкретизации места находки), в реальности более ранний.

В четвертой главе по районам представлен реестр археологических памятников с кратким их описанием: нумерация сквозная, при этом в скобках указан номер на карте. Реестр не сопровождается какой-либо обобщающей или аналитической информацией; он проиллюстрирован низкокачественными районными картами, которые произвольно ужаты по вертикали, номера памятников трудноразличимы, помимо слабого полиграфического исполнения, очевидно низкое качество исходников. Авторам следовало бы учесть современные тенденции развития археологического картографирования, в том числе, использовать для создания качественной топоосновы, например, карты *Google* или *Yandex*, программы *Google-EarthPro*, *SAS.Planet*, *MapInfo*

или даже *ArcView* и *ArcGIS*, либо топографические карты с более высоким разрешением и детализацией.

Единственное в книге Приложение – “Свод археологических памятников Республики Калмыкия” – по своей структуре и содержанию полностью дублирует четвертую главу, отличаясь от нее лишь более развернутой характеристикой археологических памятников (с описанием отдельных курганов) и наличием топографических планов некоторых из них. Такое дублирование представляется нецелесообразным, поскольку привело к неоправданному увеличению объема издания (на 50 стр.). Гораздо логичнее было бы выделять Приложение вообще, а поместить его вместо четвертой главы. Также имело бы смысл увеличить количество топографических планов, используемых в качестве иллюстраций, и по возможности добавить фотографии наиболее интересных археологических памятников.

При анализе информации, содержащейся в четвертой главе и в Приложении, становится очевидно, что чрезвычайно ценные данные из монографии М.А. Очир-Горяевой об археологических памятниках на территории Ики-Бурульского, Приютненского, Целинного и Черноземельского р-нов авторами не привлекались, хотя во второй главе имеется информация об их изучении, а в третьей – ссылки на материалы раскопок некоторых из них. Так оказались обойдены стороной широко известные археологические памятники: в *Ики-Бурульском р-оне* – курганные могильники Архара (раскопки И.В. Сеницына 1962–1963 гг.); Зунда-Толга I–VI (раскопки Н.И. Шишлиной 1994–1997, 2000, 2001 гг.); Кевюды-I (раскопки А.Д. Матюхина 2002 г.); Кермен Толга (раскопки И.В. Сеницына и У.Э. Эрдниева 1968–1970 гг.); Лола I и II (раскопки И.В. Сеницына и У.Э. Эрдниева 1961–1963 гг.); Манджикины I и II (раскопки Н.И. Шишлиной 1999–2001 гг.); Маныч Левобережный I/65, II/65, I/66, II/66, III/66, Маныч Правобережный 65 и 67 (раскопки И.В. Сеницына и У.Э. Эрдниева 1965–1967 гг.); Му-Шарет I и IV (раскопки Н.И. Шишлиной 1998–2001 гг.); Островной (раскопки Н.И. Шишлиной, А.Д. Матюхина и Е.В. Цуцкина 2000 г.); Тачин-Царанг I–IV (раскопки И.В. Сеницына и У.Э. Эрдниева 1972 г.); Чограй 3–8 (раскопки Л.М. Гавриловой, Н.И. Шишлиной и Н.А. Николаевой 1986 г.); Шаред (раскопки П.М. Кольцова 1989 г.); Шупта (раскопки Н.И. Шишлиной 1999 г.); курган “Тюльпан” (раскопки Н.И. Шишлиной 1995 г.); в *Приютненском р-оне* курганные могильники Бхчин (Бичкин)-Бурук (раскопки П.С. Рыкова и И.В. Сеницына 1937 г.); Три брата I (раскопки П.С. Рыкова 1933–1936 гг. и В.П. Шилова 1980 г.); Улан-Зуха и Улан-Зуха-I (раскопки М.А. Очир-Горяевой 1990 г.); Хар-Зуха I и II (раскопки М.А. Очир-Горяевой 1991 г.); Цаган-Эльсин (раскопки П.С. Рыкова и И.В. Сеницына 1937 г.); в *Целинном р-оне* курганные могильники Балхин (раскопки В.П. Шилова 1962 г.); Гашун (раскопки У.Э. Эрдниева 1971 г.); Овата 1–5 (раскопки С.В. Арапова 1992 г.); Три брата II (раскопки П.С. Рыкова 1933–1936 гг.); Хурул Бага Чонос (раскопки П.С. Рыкова 1929 г.);

Черя-Хурул (раскопки П.С. Рыкова 1929 г.); курган Овата 12 (раскопки В.Т. Кардонова 1991 г.); в *Черноземельском р-оне* – стоянка Яста-Худук (сборы Т.М. Минаевой 1950 г.).

Важно отметить, что не все из указанных памятников были раскопаны полностью, информацию о них, а в отдельных случаях – топопланы, можно найти в соответствующих археологических отчетах архивов ИА РАН или ИИМК РАН, а также в публикациях. Кроме того, в Приложении пропущена информация об одиночных курганах и курганных могильниках Овата 1–48 в Целинном р-оне, выявленных С.М. Васюткиным в 1990 г., краткое описание которых дается в четвертой главе. Сверка между этими памятниками и памятниками Овата 1–5, раскопанными в 1992 г. С.В. Араповым в зоне строительства автодороги Овата–Шатта, а также курганом Овата-12, раскопанным в 1991 г. В.Т. Кардоновым, авторами издания не проводилась. По неизвестной причине на момент составления археологической карты сведения об оватинской группе памятников оказались ограниченными, на что в тексте (стр. 143) имеется соответствующее указание.

В целом “Археологическая карта Республики Калмыкия” оставляет впечатление поверхностной и поспешной работы без вдумчивого анализа источников и современной литературы. Все главы написаны достаточно обобщенно, картографический и иллюстративный материалы невысокого качества, информация об известных археологических памятниках проработана недостаточно. Очевидно, что издание будет малоинтересно широкому читателю, а его научная значимость или практическая ценность для государственных органов охраны объектов культурного наследия весьма ограничены. Впрочем, в последнем случае издание все же может быть полезным, поскольку в нем содержатся новые сведения об истории полевых археологических работ на территории Республики Калмыкии и археологических памятниках, не попавших в свод, подготовленный М.А. Очир-Горяевой. Вследствие этого, наиболее логично для указанных целей было бы использовать обе эти работы, фактически дополняющие друг друга.

При ближайшем рассмотрении в представленной работе отражены определенная замкнутость, закрытость калмыцкого республиканского научного центра от современных научных разработок и прогрессивных тенденций. Это, по-видимому, является исторически сложившейся данностью, хотя в настоящее время заметны и положительные сдвиги: в частности, в конце 2016 г. на базе Калмыцкого университета при непосредственном участии П.М. Кольцова и других авторов этого издания была организована V Нижневолжская Международная археологическая конференция.

Хочется выразить надежду на то, что в дальнейшем авторы заявленного серийного издания все же привлекут уже имеющиеся обобщающие работы, посвященные археологическому наследию Республики Калмыкии и близлежащих регионов; учтут последние наработки

в области исследования и интерпретации памятников разных эпох; дополняют базу источников и повысят качество иллюстративного материала. Эти полезные дополнения и новации позволят существенно повысить качество археологической карты Республики Калмыкия и, возможно, переосмыслить некоторые методологические аспекты в области сбора и компоновки учетных данных для последующей их публикации в обозначенном формате. Также полезным могло бы оказаться сотрудничество с более осведомленными коллегами из столицы и сопредельных регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева М.В.* Восточноманьчжская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
- Антонович В.Б.* Археологическая карта Киевской губернии. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1895. 139 с.
- Антонович В.Б.* Археологическая карта Волынской губернии. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1900. 130 с.
- Арапов С.В.* Культура Северо-Западного Прикаспия в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1992. 22 с.
- Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1: Степь-лесостепь. Кизильский район / Г.Б. Зданович, И.М. Батанина, Н.В. Левит, С.А. Батанин; научн. ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Южно-Уральское книж. изд-во, 2003 (Тр. музея-заповедника "Аркаим"). 256 с.
- Археологическая карта Кубанской области / Сост. Е.Д. Фелицын. Член-сотрудник Императорского Русского и член-корреспондент Императорского Московского археологических обществ. Сост. в 1882 г. В английском дюйме 20 верст // РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5/VI-29.
- Археологическая топография Таманского полуострова: Исследование К. Герца. М.: МАО, 1870. 128 с.
- Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С.* Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология / Отв. ред. М.А. Балабанова, А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 272 с.
- Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в.н.э. (палеоантропологическое исследование) / Отв. ред. М.М. Герасимова. Р./н-Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Берлизов Н.Е.* Ритмы Сарматии. Сармато-аланские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в.н.э. Ч. 1. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.
- Васильев Д.В.* Ислам в Золотой Орде: историко-археологическое исследование. Астрахань: Изд. дом "Астраханский университет", 2007а. 170 с.
- Васильев Д.В.* Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань: АГУ, 2007. 201 с.
- Васюткин С.М.* Вехи Калмыцкой археологии // Научное наследие профессора У.Э. Эрдниева (Звезды над степью. Калмыкия в событиях и лицах. XX век). Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2005. С. 23–35.
- Власкин Н.М.* История открытия и изучения памятников катакомбной культуры Предкавказья и части Русской равнины // Археологические записки (Донского археологического общества). Вып. 5. Р./н-Д.: Терра-Принт, 2007. С. 17–36.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Изд-во "Гилем", 1998. 336 с.
- Гей А.Н.* Новотиторовская культура. М.: ТОО "Старый сад", 2000. 224 с.
- Гей А.Н.* Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 3–10.
- Глухов А.А.* Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в.н.э. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2005. 240 с.
- Граков Б.Н.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во МГУ, 1977. 232 с.
- Дремов И.И., Юдин А.И.* Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. 1992. № 4. С. 18–31.
- Избищев Е.В.* Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III–II тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 1993. 24 с.
- Ильина А.И., Шишкин П.Н.* Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград: Тип. Школы глухонемых, 1929. 50 с.
- Каргин Ю.Ю.* Деятельность государственных учреждений по охране, изучению, использованию археологического наследия на новостройках Нижнего Поволжья с 1945 по 1991 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов: СГУ, 2009. 481 с.
- Кашкин А.В.* Наш юбилей (К 40-летию Отдела археологических сводов и карт Института археологии РАН) // РА. 2012. № 4. С. 184–186.
- Кияшко А.В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: ВолГУ, 1999. 182 с.
- Кияшко А.В.* Основные структуры погребального обряда эпохи средней бронзы степного Предкавказья // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг.: сб. ст. Вып. 17 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского краеведческого музея, 2001. С. 257–274.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: ВолГУ, 2002. 268 с.

- Кияшко А.В.* О происхождении западноманьчской катакомбной культуры по данным погребального обряда // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2002 г.: сб. ст. Вып. 19 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2004. С. 134–143.
- Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. 216 с.
- Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.
- Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- Красниенко С.В., Субботин А.В.* Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб.: ИИМК РАН, 1999. 114 с.
- Красниенко С.В., Субботин А.В.* У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 200 с.
- Круглов Е.В.* Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия второй половины IX – первой половины XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2: Хазарское время / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 395–440.
- Круглов Е.В.* Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3: Половецко-золотоордынское время / Под ред. А.В. Евглевского. Донецк: ДонНУ, 2003. С. 13–82.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н.* Геоинформационная система “Археологические памятники России”: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 7–19.
- Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С., Черников А.П., Ворошилов А.Н.* Россия как археологическое пространство: первые итоги работы по созданию национальной географо-информационной системы “Археологические памятники России” // РА. 2016. № 4. С. 5–15.
- Мимоход Р.А.* Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 28–53.
- Мимоход Р.А.* Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013 (МОАИ; Т. 16). 568 с.
- Моргунова Н.Л.* Истоки и культурная основа формирования ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья: сб. научн. ст. Вып. 11 / Под ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: ООО “ИПК Университет”, 2014. С. 6–28.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В.* Древнее золото Поволжья. Симферополь, 2006 (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе). 140 с.
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
- Мысков Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Очир-Горяева М.А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: ГУ “Изд. дом “Герел””, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева М.А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.
- Паромов Я.М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. № 1. М.: НИИЦ “Архэ”, 1992. С. 109–146.
- Покровский С.А.* Археологическая карта Виленской губернии. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1893. 164 с.
- Рябкова Т.В.* Культура раннескифского времени в междуречье Дона и Кубани. СПб., 2005.
- Свод памятников истории и культуры Иловлинского района Волгоградской области. Волгоград: Принт, 2010 (Историко-культурное наследие Волгоградской обл.). 152 с.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
- Соколов В.В.* Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // Изв. Таврической Ученой Архивной комиссии. (Год тридцать второй.) 1919. № 56. С. 39–59.
- Стоколос В.С., Королев К.С.* Археологическая карта Коми АССР. М.: Наука, 1984. 128 с.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Федосов М.Ю.* Катакомбные культуры Донецко-Донско-Волжского региона (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2012. 22 с.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.
- Цуцкин Е.В.* Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии / Отв. ред. К.Н. Максимов. Элиста: КалмНИИ ИФЭ, 1985. С. 3–22.
- Шишлина Н.И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М.: ГИМ, 2007 (Тр. ГИМ; Вып. 165). 400 с.

ООО “Археологическая экспедиция”
(Ростовская область)

Ю.Ю. Каргин

REFERENCES

- Andreeva M.V.*, 2014. Vostochnomanychskaya katakombnaya kul'tura: analiz materialov pogrebal'nykh pamyatnikov [The East Manych Catacomb culture: analysis of the materials of burial sites]. Moscow: Taus. 272 p.
- Antonovich V.B.*, 1895. Arkheologicheskaya karta Kievskoy gubernii [Archaeological map of Kiev province]. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova. 139 p.
- Antonovich V.B.*, 1900. Arkheologicheskaya karta Volynskoy gubernii [Archaeological map of Volyn province]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i A. Geshelya. 130 p.
- Arapov S.V.*, 1992. Kul'tura Severo-Zapadnogo Prikaspiya v epokhu sredney bronzy: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [The culture of the North-Western Caspian region in the Middle Bronze Age: synopsis of the Candidate's dissertation in History]. Moscow: IA RAN. 22 p.
- Arkheologicheskaya karta Kubanskoy oblasti. Sost. E.D. Felitsyn. Chlen-sotrudnik Imperatorskogo Russkogo i chlen-korrespondent Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskikh obshchestv. Sost. v 1882 g. V angliyskom dyuyme 20 verst [Archaeological map of Kuban region. Composed by E.D. Felitsyn. Member of the Imperial Russian and a Corresponding Member of the Imperial Moscow Archaeological Societies. Comp. in 1882. 1 English in. equals 20 versts]. *Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel kartograficheskikh izdaniy [Russian State Library. Department of Cartographic Publications]*, Ko 5/VI-29.
- Arkheologicheskaya topografiya Tamanskogo poluostrova: Issledovanie K. Gertsy [Archaeological topography of Taman peninsula: A study of K. Gerts]. Moscow: Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo, 1870. 128 p.
- Arkheologicheskii atlas Chelyabinskoy oblasti [Archaeological Atlas of Chelyabinsk Region], 1. Step'-lesostep'. Kizil'skiy rayon [Steppe and forest steppe. Kizil'skiy district]. S.Ya. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003. 256 p. (Trudy muzeya-zapovednika "Arkaim").
- Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S.*, 2015. Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya [Sex and age structure of the Sarmatian population of the Lower Volga region: funeral rites and anthropology]. M.A. Balabanova, A.S. Skripkin, eds. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo filiala Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby. 272 p.
- Batieva E.F.*, 2011. Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. – IV v. n.e. (paleoantropologicheskoe issledovanie) [The population of the Lower Don in the 9th century BC – 4th century AD (paleoanthropological study)]. M.M. Gerasimova, ed. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN. 160 p.
- Berlizov N.E.*, 2011. Ritmy Sarmatii. Sarmato-alanskie plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e. [The rhythms of Sarmatia. The Sarmatian-Alanian tribes of Southern Russia in the 7th century BC – 5th century AD], 1. Krasnodar: Krasnodarskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv: Parabellum. 320 p.
- Dremov I.I., Yudin A.I.*, 1992. The earliest underground burials of the steppe Trans-Volga region. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 4, pp. 18–31. (In Russ.)
- Fedosov M.Yu.*, 2012. Katakombnye kul'tury Donetsko-Dono-Volzhskogo regiona (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Catacomb cultures of the Donetsk-Don-Volga region (based on the materials of burial sites): synopsis of the Candidate's dissertation in History]. St. Petersburg: IIMK RAN. 22 p.
- Garustovich G.N., Rakushin A.I., Yaminov A.F.*, 1998. Srednevekovye kochevniki Povolzh'ya (kontsa IX – nachala XV veka) [Medieval nomads of the Volga region (the late 9th – the early 15th century)]. Ufa: Gilem. 336 p.
- Gey A.N.*, 2000. Novotitorovskaya kul'tura [The Novotitorovo culture]. Moscow: Staryy sad. 224 p.
- Gey A.N.*, 2011. Controversial issues and prospects for studying the Catacomb cultural-historical unity. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archeology]*, 225, pp. 3–10. (In Russ.)
- Glukhov A.A.*, 2005. Sarmaty mezhdurech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e. [The Sarmatians of the Volga and Don interfluvium in the 1st – the first half of the 2nd century AD]. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo. 240 p.
- Grakov B.N.*, 1977. Ranniy zheleznyy vek (kul'tury Zapadnoy i Yugo-Vostochnoy Evropy) [The Early Iron Age (cultures of Western and South-Eastern Europe)]. Moscow: Izdatel'stvo MGU. 232 p.
- Il'ina A.I., Shishkin P.N.*, 1929. Materialy k arkheologicheskoy karte Stalingradskogo, Khoperskogo i nekotoryy chasti Astrakhanskogo i Kamyshinskogo okrugov Nizhne-Volzhskogo kraya [Materials for the archaeological map of Stalingrad, Khoper and some parts of Astrakhan and Kamyshin districts of the Lower Volga territory]. Stalingrad: Tipografiya Shkoly glukhonemykh. 50 p.
- Izbitser E.V.*, 1993. Pogrebeniya s povozkami stepnoy polosy Vostochnoy Evropy i Severnogo Kavkaza. III–II tys. do n.e.: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Burials with carriages in the steppe belt of Eastern Europe and the North Caucasus. The 3rd–2nd millennia BC: synopsis of the Candidate's dissertation in History]. St. Petersburg: IIMK RAN. 24 p.
- Kargin Yu. Yu.*, 2009. Deyatel'nost' gosudarstvennykh uchrezhdeniy po okhrane, izucheniyu, ispol'zovaniyu arkheologicheskogo naslediya na novostroykakh Nizhnego Povolzh'ya s 1945 po 1991 gg.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The activities of public institutions

- for the protection, study, and use of archaeological heritage in new construction areas of the Lower Volga region from 1945 to 1991: synopsis of the Candidate's dissertation in History]. Saratov: Saratovskiy gosudarstvennyy universitet. 473 p.
- Kashkin A.V.*, 2012. Our jubilee (to the 40th anniversary of the Department of Archaeological Corpora and Maps of the Institute of Archeology Russian Academy of Sciences). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 4, pp. 184–186. (In Russ.)
- Khazanov A.M.*, 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov [Studies of the Sarmatian warfare]*. Moscow: Nauka. 172 p.
- Kiyashko A.V.*, 1999. Proiskhozhdenie katakombnoy kul'tury Nizhnego Podon'ya [Origin of the Catacomb culture of the Lower Don region]. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet. 182 p.
- Kiyashko A.V.*, 2001. The principal structures of the Middle Bronze Age funeral ceremony in Ciscaucasia. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu: sbornik statey [Historical and archaeological studies in the city of Azov and in the Lower Don: collected articles]*, 17 (v 1999–2000 gg.). V. Ya. Kiyashko, ed. Azov: Izdatel'stvo Azovskogo kraevedcheskogo muzeya, pp. 257–274. (In Russ.)
- Kiyashko A.V.*, 2002. Kul'turogenез na vostoке katakombnogo mira [Cultural genesis in the east of the Catacomb world]. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet. 268 p.
- Kiyashko A.V.*, 2004. On the origin of the Western Manych Catacomb culture based on the data of funeral ceremony. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu: sbornik statey [Historical and archaeological studies in the city of Azov and in the Lower Don: collected articles]*, 19 (v 2002 g.). V. Ya. Kiyashko, ed. Azov: Izdatel'stvo Azovskogo muzeya-zapovednika, pp. 134–143. (In Russ.)
- Klepikov V.M.*, 2002. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e. [The Sarmatians of the Lower Volga region in the 4th–3rd centuries BC]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 216 p.
- Korenevskiy S.N.*, 2004. Drevneyshie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya. Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost'. Problemy vnutrenney tipologii [The earliest farmers and pastoralists of Ciscaucasia. The Maikop-Novosvobodnaya community. The problems of internal typology]. Moscow: Nauka. 243 p.
- Korol'kova E.F.*, 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinalozhnosti [Animal style of Eurasia. The art of the Lower Volga and Southern Urals tribes in the Scythian period (the 7th–4th centuries BC). Problems of style and ethno-cultural affiliation]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 272 p.
- Krasnienko S.V., Subbotin A.V.*, 1999. Arkheologicheskaya karta Sharypovskogo rayona (Krasnoyarskiy kray) [Archaeological map of the Sharypovo district (Krasnoyarsk Territory)]. St. Petersburg: IIMK RAN. 114 p.
- Krasnienko S.V., Subbotin A.V.*, 2013. U Solgonskogo kryazha. Arkheologicheskie pamyatniki Uzhurskogo rayona (Krasnoyarskiy kray): istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie [At the Solgon ridge. Archaeological sites of Uzhur District (Krasnoyarsk Territory): research history and current status]. St. Petersburg: IIMK RAN. 200 p.
- Kruglov E.V.*, 2001. The funeral ceremony of the of the Northern Caspian Oghuz in the second half of the 9th – the first half of the 11th century. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [The steppes of Europe in the Middle Ages]*, 2. *Khazarское время [The Khazar period]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 395–440. (In Russ.)
- Kruglov E.V.*, 2003. The Pechenegs and Oghuz: some problems of archaeological sources. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [The steppes of Europe in the Middle Ages]*, 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe время [The Polovtsian-Golden Horde period]*. A.V. Evglevskiy, ed. Donetsk: Donetskii natsional'nyy universitet, pp. 13–82. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N.*, 2015. Geo-information system “Archaeological Sites of Russia”: methodic approaches to its development and the first results obtained. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archeology]*, 237, pp. 7–19. (In Russ.)
- Makarov N.A., Zelentsova O.V., Korobov D.S., Chernikov A.P., Voroshilov A.N.*, 2016. Russia as archaeological space: the first results of elaboration of the national GIS “Archaeological Sites of Russia”. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]*, 4, pp. 5–15. (In Russ.)
- Mimokhod R.A.*, 2011. Radioncarbon chronology of the block of post-Catacomb cultural units. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archeology]*, 225, pp. 28–53. (In Russ.)
- Mimokhod R.A.*, 2013. Lolinskaya kul'tura. Severo-Zapadnyy Prikaspiy na rubezhe srednego i pozdnego periodov bronzovogo veka [The Lola culture. The North-Western Caspian region at the turn of the Middle and Late Bronze Age]. Moscow: IA RAN. 568 p. (Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy, 16).
- Mordvintseva V.I., Khabarova N.V.*, 2006. Drevnee zoloto Povolzh'ya [Ancient gold of the Volga region]. Simferopol'. 140 p. (Drevnyaya torevtika i yuvelirnoe delo v Vostochnoy Evrope).
- Morgunova N.L.*, 2014. The origins and cultural foundation of the Yamnaya culture formation. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya: sbornik nauchnykh statey [Archaeological sites of Orenburg Region: collected papers]*, 11. N.L. Morgunova, ed. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 6–28. (In Russ.)

- Moshkova M.G.*, 1974. Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [The origin of the Early Sarmatian (Prokhorovo) culture]. Moscow: Nauka. 52 p.
- Mys'kov E.P.*, 2015. Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordy [Nomads of the Volga-Don steppes in the Golden Horde period]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo filiala Rossiyskoy akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby. 484 p.
- Ochir-Goryaeva M.A.*, 2008. Arkheologicheskie pamyatniki volgo-manychskikh stepey (svod pamyatnikov, issledovaniykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.) [Archaeological sites of the Volga-Manych steppes (the list of sites investigated on the territory of the Republic of Kalmykia in 1929–1997)]. Elista: Gerel. 298 p.
- Ochir-Goryaeva M.A.*, 2012. Drevnie vsadniki stepey Evrazii [Ancient horsemen of the Eurasian steppes]. Moscow: Taus. 472 p.
- Paromov Ya.M.*, 1992. Study on the history of the archaeological and topographic investigations of the Taman Peninsula. *Bosporskiy sbornik [Bosporan collection of papers]*, 1. Moscow: Arkhe, pp. 109–146. (In Russ.)
- Pokrovskiy S.A.*, 1893. Arkheologicheskaya karta Vilenskoj gubernii [Archaeological map of Vilna province]. Vil'na: Tipografiya A.G. Syrkina. 164 p.
- Ryabkova T.V.*, 2005. Kul'tura ranneskifskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Kubani [Culture of the Early Scythian period in the interfluvium of the Don and the Kuban]. St. Petersburg.
- Shishlina N.I.*, 2007. Severo-Zapadnyy Prikaspiy v epokhu bronzy (V–III tysyacheletiya do n.e.) [The North-Western Caspian littoral region in the Bronze Age (5th–3rd millennia BC)]. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. 400 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 165).
- Skripkin A.S.*, 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskij aspekt [Asian Sarmatia. The problems of chronology and its historical aspect]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. 300 p.
- Sokolov V.V.*, 1919. Map of ancient settlements and burial grounds in the area of Tamanskaya village. *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy komissii [Proceedings of the Tavrian Academic Archive Commission]*, 56, pp. 39–59. (In Russ.)
- Stokolos V.S., Korolev K.S.*, 1984. Arkheologicheskaya karta Komi ASSR [Archaeological map of the Komi ASSR]. Moscow: Nauka. 128 p.
- Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Ilovlinskogo rayona Volgogradskoy oblasti [The list of historical and cultural sites of the Ilovlya district of Volgograd Region]. Volgograd: Print, 2010. 152 p. (Istoriko-kul'turnoe nasledie Volgogradskoy oblasti).
- Terenozhkin A.I.*, 1976. Kimmeriytsy [Cimmerians]. Kiev: Naukova dumka. 224 p.
- Tsutskin E.V.*, 1985. Archaeological studies of Kalmykia. *Drevnosti Kalmykii [The antiquities of Kalmykia]*. K.N. Maksimov, ed. Elista: Kalmytskiy nauchno-issledovatel'skiy institut istorii, filologii i ekonomiki, pp. 3–22. (In Russ.)
- Vasil'ev D.V.*, 2007a. Islam v Zolotoy Orde: istoriko-arkheologicheskoe issledovanie [Islam in the Golden Horde: a historical and archaeological study]. Astrakhan': Astrakhanskiy universitet. 170 p.
- Vasil'ev D.V.*, 2007b. Musul'manskiy pogrebal'nyy obryad v Zolotoy Orde [Muslim burial ceremony in the Golden Horde]. Astrakhan': Astrakhanskiy gosudarstvennyy universitet. 201 p.
- Vasyutkin S.M.*, 2005. Milestones of the Kalmyk Archeology. *Nauchnoe nasledie professora U.E. Erdnieva [The academic heritage of Professor U.E. Erdniev]*. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, pp. 23–35. (Zvezdy nad step'yu. Kalmykiya v sobyitiyakh i litsakh. XX vek). (In Russ.)
- Vlaskin N.M.*, 2007. The history of discovery and investigation of the Catacomb culture sites in Ciscaucasia and part of the Russian plain. *Arkheologicheskie zapiski (Donskogo arkheologicheskogo obshchestva) [Archaeological Transactions (of the Don Archaeological Society)]*, 5. Rostov-na-Donu: Terra-Print, pp. 17–36. (In Russ.)

Мимоход Р.А. ЛОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА. СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ПРИКАСПИЙ НА РУБЕЖЕ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ПЕРИОДОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА. М.: ИА РАН, 2013 (МОАИ; Т. 16). 568 с. Ил.

Изучать переходные эпохи трудно, во всяком случае, существенно труднее, чем эпохи стабильности, отмеченные устойчивостью культурных стандартов, к исследованию которых и приспособлен, главным образом, методический аппарат археологии. Тем не менее, очевидно, что в начале текущего столетия для раздела нашей науки, связанного с изучением курганных древностей бронзового века на степных и лесостепных просторах Евразии, наиболее актуальными стали именно работы, посвященные периодам перемен. К их числу относится объемная монография Р.А. Мимохода.

Книга включает в себя очень краткое Введение, 5 глав, Заключение и большое количество текстовых, цифровых и графических Приложений.

Глава 1 (с. 5–20) – традиционно историографическая. В ней рассматривается “история выделения и изучения памятников финала среднего бронзового века в Предкавказье”. Процесс накопления данных в ходе полевых исследований удачно представлен в информационно емкой таблице, одновременно являющейся каталогом изучаемых лолинских памятников. Это позволяет автору в текстовой части сосредоточиться на истории формирования представления о существовании на стыке среднего и позднего бронзового веков (далее – СБВ и ПБВ) своеобразного пласта погребальных комплексов, отличного как от подстилающих катакомбных, так и от перекрывающих срубных и более поздних погребений. Речь идет не только о лолинской культуре и целом ряде культурных групп на территории Предкавказья, Нижнего Поволжья и Волго-Уралья, честь выделения которых принадлежит автору; анализируются также работы украинских коллег, исследовавших посткатакомбную культуру Бабино на огромном пространстве восточноевропейской лесостепи и соотносивших с ней материалы перечисленных более восточных регионов. Отслеживается история формирования понятия “посткатакомбный период”, а затем и “блок посткатакомбных культурных образований”. В конце главы автор дает ссылки на собственные многочисленные работы по лолинской культуре после ее выделения, лишь обозначив их многогранную тематику, как правило, связанную с разными междисциплинарными исследованиями. Уже эта вводная глава дает читателю представление об исследовательском стиле Р.А. Мимохода, который характеризуют стремление к максимальной широте обзора и сугубое внимание к динамике изучаемых явлений.

В Главах 2 и 3 автор в первую очередь обращается к описанию изучаемых древностей – 307 лолинских комплексов. Более короткая Глава 2 (с. 21–55) посвящена разным аспектам погребального обряда (курганные могильники – единственный вид археологических данных по лолинской культуре на сегодняшний день):

включенность лолинских комплексов в могильники предшествующего периода; традиции строительства дополнительных сооружений (кромлехов, оград, ровиков); соотношение основных и впускных погребений; распределение комплексов по секторам курганов; типология могильных сооружений; виды комплексов по наличию останков людей (индивидуальные и коллективные погребения; так называемые кенотафы); способы обращения с останками (труположение, эскарнация, рассечение); детали основной позы (скорченно на боку, в абсолютном большинстве случаев – левом) погребенных и их ориентировка. Поскольку следующая глава посвящена исключительно представлению артефактов, в Главу 2 попали сюжеты, касающиеся наличия в погребениях пигментов, кусков минералов, тлена подстилок и даже костей животных. Отдадим должное автору: детально проштудировав описания костей мелкого рогатого скота, постоянно встречающихся в курганных погребениях бронзового века, но тем не менее считающихся «проходной и “неиграющей” чертой погребального обряда», и выделив восемь типов, Р.А. Мимоход продемонстрировал культурную и хронологическую значимость подобных находок. Безусловно, это должно послужить стимулом для коллег в дальнейшем уделять больше внимания полевой фиксации костей животных в погребальных комплексах и пересмотреть аналогичные данные по другим культурам.

В конце главы автор возвращается к основным характеристикам могильных сооружений и останков людей и рассматривает массив погребений в рамках 12 обрядовых групп (в 13-ю включаются 10 “кенотафов”). В основу деления положена иерархия показателей: ориентировка погребенного, положение рук, тип могильного сооружения. Ориентировки представлены тремя традициями – “Север”, “Юг” и “Восток” (в приблизительном пропорциональном соотношении – 3:2:1), причем первые две охватывают диапазон (СЗ, С, СВ и ЮЗ, Ю, ЮВ) в три раза более широкий, чем последняя (только В). Внутри традиций Север и Юг отделяются совершенные в ямах захоронения с “архаичным” (свойственным предшествующей катакомбной культуре) положением рук (вытянуты к коленям). Оставшаяся часть погребений в этих традициях и в традиции Восток распадаются на группы в соответствии с типом могильного сооружения (яма, яма с заплечиками, катакомба, яма с подбоем) (илл. 26). Количественное наполнение групп крайне неравномерно: группа I (100 погребений) составляет 1/3 выборки; еще 1/3 приходится совокупно на группы VII (55 погребений) и V (36 погребений), оставшаяся 1/3 входит, таким образом, в 9 обрядовых групп (в диапазоне от 28 до 4 погребений) (табл. 3).

Далее Р.А. Мимоход описывает поведение всех групп в рамках трех этапов лолинской культуры. Собственно,

разнообразные отсылки к трехэтапной периодизационной схеме появляются уже в начале Главы 2 (прим. 9 на с. 26) и, постепенно нарастая и расширяясь, сопровождают описание материалов в ней и в следующей главе. Если учесть, что Глава 4 “Периодизация и хронология” начинается только на стр. 213, то неудивительно, что у коллег, читающих книгу подряд и дошедших до этого места, возникает ощущение, с одной стороны, некоторой усталости, с другой, — надежды, что ситуация наконец прояснится. Пребывая же в Главе 2, читатель просто вынужден авансом разделить убежденность автора в том, что “обрядовые группы и традиции — не просто классификационные единицы, в них отражаются, с одной стороны, эволюция похоронного ритуала и, соответственно, внутренняя периодизация лолинской культуры, а, с другой, — механизмы сложения и культурные составляющие лолинских памятников, которые подробно будут рассмотрены в главе 5” (с. 51). Из текста и сопровождающих его диаграмм (илл. 34–41), впрочем, можно понять, что главный материал, легший в основу периодизации, составляют все же не обрядовые группы (из упомянутой выше табл. 3 ясно, что комплексы наиболее многочисленных групп I, V и VII встречаются во всех трех периодах; что для части погребений период определить не удастся; что комплексы семи малочисленных групп занимают по два периода) и чаще всего даже не ставшие основой их выделения признаки, но и другие данные, которые будут рассмотрены далее (погребения групп IIA, VIA и VIIA, совершенные в настоящих катакомбах, отнесены автором к одному раннему периоду не только из-за архаичности могильной конструкции, но и из-за ясно выраженных катакомбных реминисценций (илл. 21, 29, 33) в облике инвентаря).

Думаю, что столь явное нарушение логики изложения диктуется не только, хотя, вероятно, преимущественно, тем, что в основе монографии Р.А. Мимохода — большой цикл его же статей, рассматривающих разные составляющие лолинских комплексов под одним и тем же углом зрения — построение периодизации и установление хронологии лолинской культуры. Как всякий археолог, автор “работает глазами” и для него важно прежде всего показать (в буквальном смысле — сделать видимыми) сложность, текучесть и динамику форм и взаимосвязей в материале. Замечательный результат этой устремленности — великолепный альбом (Приложение 6–128 илл.), включающий, прежде всего, рисунки многочисленных комплексов и артефактов, скомпонованных в таблицы, каждая из которых демонстрирует ту или иную “сквозную” характеристику материала или выстроенный типологический ряд, а также карты, диаграммы и графики. Характеристик много, соответственно, рисунки одних и тех же комплексов и вещей повторяются в разных сочетаниях (можно назвать этот способ визуальной подачи материала “калейдоскопом”), что позволяет автору транслировать, а читателю — легко и при этом глубоко и многосторонне усваивать неоднократно упоминаемый автором “наглядный образ культуры”. Полагаю, что в дальнейшем, в электронных формах научных археологических публикаций, именно организация таких

калейдоскопов станет главным способом представления изображений.

Однако, не оспаривая фундаментальную эвристическую ценность “наглядных образов” и синтетического восприятия в археологии, стоит напомнить, что ядро текстовой части всякой научной работы предназначено для аналитических процедур, выполняемых по более или менее ясному алгоритму, предусматривающему поступательное движение от посылок к выводам. Попытка выстроить изложение в виде очерков, где некоторые сюжетные линии и аспекты исследования могут повторяться, усложняет восприятие и даже может вызвать подозрение в цикличности рассуждений. Поэтому, в частности, нельзя признать удачным совмещение первичного описания материала со следующими ступенями анализа. А вот приложить к описанию исходную базу данных по погребальным комплексам Лолы в электронном формате стоило бы. Дело не только в том, что читатель должен иметь инструмент проверки подсчетов и выкладок автора, уточнения деталей, которые автор по какой-либо причине оставил без внимания. Фундаментальной задачей археологического сообщества в XXI в. является организация доступа специалистов к большим блокам исходных данных и начальной ступенью этого процесса может быть накопление в открытом доступе частных исследовательских баз.

Что же касается стремления Р.А. Мимохода представить динамичную наглядную картину развития культуры, то, вероятно, в обозримом будущем такую потребность смогут удовлетворить компьютерные модели, более сложные, чем схема “начало — середина — конец”, для создания которых понадобится, однако, четко прописывать правила построения. В данном случае (как и во многих других) пока нет возможности это реализовать. Тем не менее шагом в указанном направлении, мне кажется, могла бы стать более ясная композиция обсуждаемой монографии.

Глава 3 (с. 56–212) занимает около половины всего объема текста и содержит скрупулезное и одновременно очень “широкоохватное” исследование лолинских и аналогичных им артефактов из памятников, как синхронных, так и относящихся к предшествовавшему/последующему времени в степной и лесостепной полосе Европы, включая кавказский регион. Несмотря на то что лолинские погребения содержат сравнительно немного вещей, это затрудняющее обстоятельство стало для Р.А. Мимохода, к счастью для археологического сообщества, стимулом к интенсификации усилий.

На высоком профессиональном уровне по категориям рассматриваются такие предметы, как посуда, металлические орудия, изделия из кости и рога, камня, украшения из разных материалов. Практически для каждой категории создается классификация с учетом не только морфологических (автор внимательно отслеживает мельчайшие детали форм), но и технологических признаков (Приложение 3 содержит таблицы результатов спектрального анализа металла и фаянсовых украшений; исследования материала, источников сырья и рецептуры фаянсовых бус; данные трасологического

анализа изделий из кости и рога), исследуется традиционное для Лолы положение той или иной категории вещей по отношению к погребенному, иногда – ее назначение. Подробный разбор сопровождается большим количеством иллюстративного материала (для примера: роговым поясным пряжкам (всего 8) и костяным поясным подвескам (всего 5) из лолинских погребений посвящено 27.5 стр., 5 насыщенных таблиц иллюстраций, карта, 4 графика, аккумулятивная схема). Для каждой выделенной автором классификационной единицы, подчас представленной единственным экземпляром, привлекается сопоставительный материал из памятников культурных образований, окружающих Лолу в пространстве и во времени. Акцент делается на хронологической позиции находок, однако обсуждаются и их происхождение, и пути распространения.

Материал, представленный в этой главе, велик и будет неоднократно привлекаться специалистами. Пока достаточно ограничиться утверждением, что книга, безусловно, надолго останется наиболее полным справочным изданием по большому кругу категорий вещей изучаемой эпохи.

Глава 4 (с. 213–291) освещает вопросы периодизации и хронологии памятников лолинской культуры. В первом параграфе приводятся стратиграфические данные. Это “внешняя стратиграфия”, фиксирующая положение лолинских древностей по отношению к предшествовавшим (восточноманьчским) и последующим (срубным) на основной территории лолинской культуры; “посткатакомбная стратиграфия”, отражающая соотношение разных культур посткатакомбного блока (лолинской и днепро-донской бабинской культур, а также криволукской культурной группы) в зонах, где ареалы этих культур перекрываются; наконец “внутренняя стратиграфия” курганов Северо-Западного Прикаспия, определяющая временное соотношение лолинских комплексов между собой. На основе последней (всего 22 двухступенчатых связки, в которых однозначно определялась принадлежность погребений к той или иной обрядовой группе) выделяются 3 стратиграфических горизонта. В этом разделе текста Р.А. Мимоход оперирует только соотношением обрядовых групп (илл. 90) и отдельных обрядовых признаков. Учитывая, что стратиграфические связки погребений, принадлежащих к разным обрядовым группам, всего 14; что повторяющихся пар соотношений всего 2 (3 случая перекрывания группой IX группы IIIA и 3 случая перекрывания группой I группы IIB); что погребения статистически слабо представленных обрядовых групп (III, VIA и VIB) вовсе не попадают в подобные связки, можно предположить, что выделение горизонтов выглядит менее убедительным, чем могло бы, если бы автор добавил рассмотрение вещей, соответствующих введенным стратиграфическим ситуациям (если таковые имеются). Далее естественно было бы перейти к формированию хронологических горизонтов, привязав к стратифицированным лолинским погребениям нестратифицированные, содержащие аналогичные артефакты, затем рассмотреть вопросы синхронизации хронологических горизонтов Лолы с пе-

риодизациями всего круга посткатакомбных культур, используя аналогии обрядовым чертам и типам артефактов, и завершить изложение итоговой характеристикой этапов (периодов) лолинской культуры. Если же в силу дефицита стратиграфических данных наметить хронологические горизонты по вещам невозможно, то, вероятно, надо было бы отметить, что периодизация Лолы будет строиться преимущественно на привязке к внешним данным.

Р.А. Мимоход предпочитает менее ясный, на мой взгляд, порядок подачи материала. Во втором параграфе все материалы Лолы подробно рассматриваются в рамках уже готовой трехэтапной периодизационной схемы, а третий параграф посвящен “сквозным” типам артефактов, позволяющим усовершенствовать единую периодизационную схему для памятников конца СБВ – начала ПБВ на большой территории, увязывая их с материалами лолинской культуры (“посткатакомбная линия синхронизации”). Это Днепро-Донской регион (бабинская культура), Нижнее Поволжье (криволукская группа), Волго-Уралье (криволукская и волго-уральская группы), Западное Предкавказье (кубанская группа), Центральное Предкавказье (аликоновская и архонская группы), Крым и Нижнее Подонье (каменско-ливенцовские памятники). Далее Р.А. Мимоход представляет “кавказскую линию синхронизации” Лолы по регионам: Северо-Восточный Кавказ (поздние памятники гинчинской, присулакской, великентской, манасской культур и ранние памятники каякентско-хорочоевской культуры), Центральная часть Северного Кавказа (материалы Пб протокабанского периода), Северо-Западный Кавказ (дольменная культура), Закавказье (памятники Триалети “цветущей поры” и более поздние комплексы кармирбердской культуры). Упомянув о вероятных привязках к месопотамской, анатолийской и египетской хронологиям, автор переходит к “постшнуровой линии синхронизации”, памятникам лесостепной и юга лесной зоны (вольско-лбищенская, воронежская, абашевская культуры, синхронные раннему и среднему этапу Лолы). Надо сказать, что все увязки сопровождаются детальным обсуждением синхронизирующих находок, материалы обсуждаемых культурных образований перекрестно связываются между собой. Широта обзора позволяет автору не только подкрепить предложенную периодизацию лолинской культуры и выделенных им же культурных групп, но и вступить в полемику с коллегами относительно хронологической позиции отдельных культур.

Как отмечает Р.А. Мимоход, “создание аргументированных периодизаций бабинских и лолинских памятников привело к появлению целостной системы хронологии финала среднего бронзового века. Теперь ее можно соотносить с такими же системами, построенными по материалам Южной, Центральной и Западной Европы, не только на уровне датирующих категорий инвентаря, но и путем стыковки синхронистических таблиц и сопоставления серий радиоуглеродных датировок” (с. 271). Не откладывая дела в долгий ящик, автор тут же приводит краткое описание подобного сопоставления, продвигаясь от ареала памятников бабинской культуры

далее на запад вплоть до Исландии. Затем следует резкий поворот на восток и специальное внимание уделяется финальному этапу существования постакатакомбного блока: очерк завершается обсуждением вероятной синхронности поздних лолинских и бабинских памятников колесничным культурным образованиям (Покровск, Синташта, Потаповка, Петровка).

Надо признать, что множество прослеженных сложных взаимосвязей внутри обширнейшего материала позволяет предполагать прочность предложенных периодизационных схем, как локальной (для лолинской культуры), так и глобальной (для всего блока постакатакомбных культур: илл. 114). Думаю, что именно развитие и усовершенствование Р.А. Мимоходом глобальной постакатакомбной периодизации и стало важнейшим условием построения периодизации лолинской культуры.

Дополнительное подтверждение правильности своих выводов Р.А. Мимоход получает с помощью системы радиоуглеродных дат. В четвертом параграфе речь идет отнюдь не только об имеющихся 18 датах Лолы, но и обо всем массиве дат “тех культурных образований, с которыми устанавливается параллельность существования” (с. 280), а также о датах памятников предшествующих культур на тех же территориях. Понятно, что когда мы имеем дело с радиоуглеродным датированием, можно только приветствовать оперирование большими сериями дат для сменяющих друг друга культур. Используемые даты приведены в таблицах (Приложение 4) и на графиках (илл. 107–113), комплексы лолинской культуры и кубанской группы, из которых взяты образцы, заново представлены на сводных илл. 103 и 104. Имеющие даты ¹⁴C памятники бабинской и лолинской культур, криволукской и кубанской групп помещены на карту (илл. 105). Отмечу сделанный Р.А. Мимоходом ряд ценных методических замечаний, например, про “отрезки перекрывания” дат сменяющих друг друга культур, которые равны ошибке метода (“эффект лестницы”); про вероятную синхронность культур, диапазон перекрывания дат которых более 250–300 лет. С помощью серий дат ¹⁴C автор показывает, что “деструкция катакомбных традиций происходила достаточно быстро в пределах единого этапа” (с. 286) и предлагает диапазон XXII–XVIII вв. до н.э. для всего постакатакомбного культурного блока.

Глава 5 (с. 292–338) посвящена вопросам происхождения и исторической судьбы лолинской культуры. Для решения первого сравниваются материалы Лолы и ее “генетической подосновы” — восточноманьчской катакомбной культуры (ВМКК), а также второго компонента, принявшего, по мнению Р.А. Мимохода, участие в ее формировании и связанного с культурами СБВ Северо-Восточного Кавказа (гинчинской и присулакской). С последними Р.А. Мимоход соотносит появление в лолинских погребениях “адоративного” положения рук, северной ориентировки погребенных, специфической гарнитуры украшений и некоторых категорий и типов инвентаря (например, специфических сосудов-ковшей). Третьим “формообразующим” компонентом являются лолинские новации — некоторые типы вещей и, главным образом, украшений.

Корреляционная таблица (119) демонстрирует связь обрядовых традиций (имеется в виду ориентировка погребенных, см. выше) и входящих в них обрядовых групп с определенными видами инвентаря: “пережиточные восточноманьчские черты” тяготеют к традиции Юг, восточнокавказские — к традиции Север. Здесь автор позволяет себе, по-моему, несколько увлечься наглядностью полученных корреляций, и выделенные традиции и обрядовые группы каким-то образом превращаются в ходе повествования в реальные подразделения социума, коллективы, по-разному относящиеся к обрядовым изменениям, при том, что у нас нет сведений относительно того, как располагаются погребения в могильниках и курганах, а ведь именно различная локализация групп могла бы стать минимально необходимым доводом для подобной интерпретации.

Отметив, что северные ориентировки не являются абсолютно преобладающими в погребениях присулакской и гинчинской культур, но доминируют лишь на отдельных памятниках (Гатын-Кале), Р.А. Мимоход все же полагает, что это сугубо восточнокавказский вклад в формирование лолинской культуры. Встает вопрос, с чем связана такая восприимчивость наследников восточноманьчского катакомбного обряда к новациям? И, в частности, к смене ориентировки погребенного, следовательно, и ориентировки катакомбного сооружения (камера вместо восточной стороны начинает выводиться на западную, но погребенный сохраняет свою позицию на левом боку лицом ко входу)? Не подготовлен ли демонстративный поворот на 180° внутренней логикой обряда ВМКК и ранее предусматривавшего в небольшом количестве захоронения “перевертышей”?

Конкретно историческое объяснение формирующего влияния на обряд Лолы со стороны культур Северо-Восточного Кавказа Р.А. Мимоход видит в доказательстве выхода носителей этих культур под давлением природных факторов в открытую степь и включения их в популяцию, оставившую лолинские памятники. Анализ краниологических материалов, выполненный А.А. Хохловым, кажется, подтверждает эту гипотезу (серия лолинских черепов, впрочем, не велика). Как отмечает Р.А. Мимоход, “передвижения эти могли быть масштабными, в противном случае сложно объяснить достаточно серьезные отличия в краниокомплексах ВМКК и Лолы” (с. 310). Заметим, что для масштабных передвижений в степи должно было, прежде всего, образоваться место. Количество известных восточноманьчских погребений превосходит лолинские как минимум в 5 раз, при том что длительность существования ВМКК существенно меньше длительности существования Лолы (судя по построениям, опирающимся на радиоуглеродные даты, XXV–XXIII вв. до н.э.). Если исходить из того, что лолинская популяция включала, помимо потомков “восточноманьчцев”, ошутимое количество пришлых людей, вырисовывается интересная проблема: имела ли место девастация степей Северо-Восточного Предкавказья в начале последней четверти III тыс. до н.э. и если да, то каков ее механизм?

Очень важны приводимые Р.А. Мимоходом данные об экстремальной палеоклиматической ситуации (“пик аридности в степи, который был назван палеопочводами самой масштабной экологической катастрофой за последние 6000 лет”), во время создания посткатакомбных и в первую очередь лолинских погребальных памятников. Особого внимания заслуживает предложенная А.В. Борисовым модель, объясняющая возможность вынужденного выхода в пустынную степь населения горных районов именно в условиях резкой аридизации и углубляющая, таким образом, поверхностные представления большинства археологов о влиянии аридизации на способ хозяйствования древнего населения Кавказа и Предкавказья (более подробное рассмотрение этого сюжета можно найти в статьях А.В. Борисова и Р.А. Мимохода, например, РА. 2017. № 2. С. 63–75). Подчеркну, что упомянутые естественно-научные разработки, выполненные специалистами на краниологических и палеопочвенных материалах Лолы, были инициированы именно Р.А. Мимоходом, что, по-моему, заслуживает отдельной благодарности.

Огромная экологическая катастрофа не могла не привести к перестройке больших систем человеческих сообществ, населявших, в частности, степную и лесостепную полосы Восточной Европы. Ритм этих глобальных изменений, вероятно, отражается в последовательной смене систем или блоков культур. Второй параграф представляет собой взгляд на блок посткатакомбных культур в целом как на единое мегакультурное образование, а третий – посвящен теме вклада лолинской культурной традиции в культуру генезиса начала поздней бронзы – в формирование культурной группы, названной Р.А. Мимоходом волго-уральской, а через нее (в качестве одного из компонентов) – и синташтинского комплекса.

Нарисованная картина взаимодействия культур представляет собой ряд интересных гипотез, свободный набросок, требующий, как отмечает автор, дальнейшей проработки, ведь у широкого взгляда на блоки культур есть и обратная сторона: мы видим, главным образом,

Институт археологии РАН, Москва

именно смену стилистического (внешнего) облика культурных памятников, что само по себе важно, но связать это с реальными социальными процессами еще сложнее, чем при взгляде локальном.

Краткое изящно написанное Заключение (с. 339–342) резюмирует впечатляющие результаты работы. К нему примыкает огромный список литературы, охватывающий более 1700 публикаций, а также около 100 полевых отчетов. Ценность подобной библиографии невозможно преувеличить, особенно имея в виду трудности сохранения научных школ в настоящее время.

Рецензируемая книга, содержание которой значительно шире обозначенной в ее названии темы, бесспорно, представляет собой этапное исследование в археологии бронзового века Восточной Европы, которое будет востребовано в нашей науке очень долго. Очевидно, что для следующего поколения археологов монография Р.А. Мимохода станет одной из немногих основных вводящих в предмет работ. И все же, несмотря на энергичный легкий язык и увлекательное изложение, читать книгу (при том, что это поистине клад конкретных профессиональных знаний), непросто. Вероятно, в дальнейшем необходимо будет вернуться к обсуждению соотношенности визуального восприятия археологических объектов и формирования синтетического обобщенного (невербального) образа археологической реальности, с одной стороны; логического моделирования этой реальности (создания описаний и последующих аналитических процедур), – с другой, и прорыва к разным слоям реальности исторической, – с третьей. Но рассуждать об этом можно, разумеется, только ясно обозначив разрывы между названными тремя аспектами, каждый раз требующими от археолога смены подхода к источнику.

Безусловно, масштабное исследование Р.А. Мимохода заслуживает гораздо более подробного разбора. Хотелось бы призвать коллег к дальнейшему обсуждению поднятых в монографии проблем, а автору – пожелать успеха в дальнейшей работе.

М.В. Андреева

Сдано в набор 16.11.2017 г. Подписано к печати 09.01.2018 г. Дата выхода в свет 26.01.2018 г. Формат 60 × 88 ¹/₈
Цифровая печать Усл.печ.л. 24.0 Усл.кр.-отт. 7.5 тыс. Уч.-изд.л. 24.0 Бум.л. 12.0
Тираж 306 экз. Зак. 1905 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6